

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 1 (126) • 2019

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков — 451 руб., в розничной продаже — свободная.

**Электронная версия размещена
на официальном сайте журнала «Вестник Саратовской государственной
юридической академии» по адресу: <http://журнал-вестник.рф>
E-mail: vestnik2@ssla.ru**

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 25.02.2019 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 950 экз. Заказ 65.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- И.Н. Сенякин** доктор юридических наук, профессор
(гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
- С.Б. Аникин** доктор юридических наук, доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А.П. Анисимов** доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский институт управления – (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»)
- С.Ф. Афанасьев** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- М.Т. Аширбекова** доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»)
- В.М. Баранов** доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России)
- С.А. Белоусов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- И.В. Бит-Шабо** доктор юридических наук, доцент
(Российский государственный университет правосудия)
- А.Л. Благодир** доктор юридических наук, доцент
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- А.Г. Блинов** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Д.С. Боклан** доктор юридических наук
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)
- Н.Л. Бондаренко** доктор юридических наук, профессор
(Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
- Е.В. Вавилин** доктор юридических наук, профессор
(Саратовская государственная юридическая академия)
- Д.Х. Валеев** доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Н.М. Великая** доктор политических наук, профессор
(Российский государственный гуманитарный университет)
- Н.Д. Вершило** доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный университет правосудия)
- А.А. Вилков** доктор политических наук, профессор
(Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского)
- А.Ю. Винокуров** доктор юридических наук, профессор
(Университет прокуратуры Российской Федерации)
- Р.Ш. Давлетгильдеев** доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
- Е.Р. Ергашев** доктор юридических наук, профессор
(Уральский государственный юридический университет)
- А.В. Иванчин** доктор юридических наук, доцент
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
- О.В. Исаенкова** доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора)
(Саратовская государственная юридическая академия)
- А.М. Каминский** доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
М.А. Липчанская	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Суоров	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.А. Тимофеев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 1 (126) • 2019

ISSN 2227-7315

The journal is included by Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Russian list of reviewed journals, where major scientific dissertations and thesis results are to be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Saratov State Law Academy”.410056, Saratov, Volskaya, 1.

**Electronic version available on the official website journal
“Vestnik of the Saratov state law Academy” at: <http://журнал-вестник.рф>**

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education “Saratov State Law Academy”, 2019

EDITORIAL BOARD

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
E.V. Vavilin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
E.R. Ergashev	doctor of law, Professor (Ural State Law University)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
M.A. Lipchanskaya	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.B. Surovov	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
L.A. Timofeev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **Грачев Н.И.**
Происхождение концепции прав человека и идея либерального государства
- 29 **Аниканов А.К.**
Политико-правовые воззрения И.Т. Посошкова на природу правосудия
- 36 **Барсуков А.Ю.**
Цикличность трансформации государства и права как государственно-правовая закономерность
- 47 **Халиулин В.Е., Шаповалов А.А.**
Современные методы противодействия коррупционным правонарушениям
- 54 **Шутило О.В., Лавринович О.И.**
Земство и мировые судьи России во второй половине XIX века

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 61 **Рыков А.Н.**
Особенности правового регулирования института территориальных основ местного самоуправления
- 73 **Гаврилкина Ю.В.**
Понятие и содержание административно-правового статуса государственных инспекций
- 81 **Селиванов И.Я.**
Административная ответственность судей и прокурорских работников

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.П. НИКИТИНОЙ

- 89 **Бабаков В.А.**
Участие государства в развитии цифровых технологий: проблемы эффективности (гражданско-правовой аспект)
- 92 **Саенко Л.В.**
Актуальные вопросы применения семейного законодательства в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния
- 95 **Ахмедов А.Я.**
Недобросовестное содействие наступлению невыгодных для контрагента последствий
- 99 **Бекузарова Ю.В.**
Проблемы обеспечения жилыми помещениями детей-сирот
- 102 **Волос А.А.**
Принципы гражданского права Словацкой республики
- 105 **Зайцева Ю.А.**
Совместное банкротство супругов: миф или реальность
- 109 **Иванова Н.А.**
К вопросу о тайне усыновления (удочерения) детей

- 112 Кавелина Н.Ю.**
Субсидиарная ответственность иностранного лица в условиях банкротства по законодательству России
- 116 Ковалев М.Б.**
Личные неимущественные права автора
- 119 Костина С.Е.**
Восстановление родительских прав как мера защиты прав ребенка — современное состояние и перспективы развития
- 123 Фаст О.Ф.**
Проблема справедливости, как предмет гражданско-правового исследования
- 127 Халбаева Т.Н.**
Проблемы, возникающие на практике, при реализации жилых помещений с публичных торгов по законодательству Российской Федерации
- 131 Шмелева М.В.**
Принцип единства контрактной системы в сфере закупок
- 134 Кондрашова М.А.**
Исполнение семейных обязанностей: вопросы теории и практики
- 138 Кузина С.В.**
Международный опыт в области охраны памятников истории и культуры
- 141 Щепанский Р.А.**
К вопросу о запрете зачета встречных требований с истекшим сроком исковой давности
- 144 Толочкова И.А.**
Правовая природа договора платных образовательных услуг
- 147 Калинин А.Н.**
Отличия содержания права муниципальной собственности от частной собственности
- 151 Сарсенбаева Д.А.**
Понятие и правовое значение субъективного авторского права

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 154 Ткаченко Е.В., Фомичева Р.В.**
К вопросу о выборе способа обеспечения в арбитражном процессе
- 160 Алоян Э.С.**
Институт представительства в цивилистическом процессе: теоретико-практические аспекты

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 169 Кухарук В.В.**
Проблемы предупреждения распространения допинга нормами уголовного и административного законодательств
- 178 Насиров Н.И.**
Цели уголовно-исполнительного законодательства России и их содержание
- 188 Мельникова Е.Ф.**
Особенности судебных допросов лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 195 Гриценко В.В.**
Ценность налогово-правовых концепций Н.И. Химичевой для развития современного налогового права
- 201 Покачалова Е.В., Яковлев Д.И.**
Повышение финансовой грамотности и финансовой культуры: современные правовые аспекты
- 210 Набиев С.А.**
Сущность и роль банковской деятельности в финансовой деятельности государства
- 218 Покачалова А.С.**
Финансово-правовое регулирование страхового рынка
- 224 Ядрихинский С.А.**
Общерегулятивные законные интересы налогоплательщиков
- 236 Гудкова М.В.**
К вопросу о финансово-правовом регулировании денежной системы Российской Федерации

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 244 Марон Д.В.**
К вопросу об исчислении сроков в трудовом праве

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- 16 Grachyev N.I.**
Origin of the Human Rights Concept and the Idea of the Liberal State
- 29 Anikanov A.K.**
Political and Legal Views of I.T. Pososhkov on the Nature of Justice
- 37 Barsukov A.Yu.**
Transformation of State and Law Cycling as the State-legal Regularity
- 47 Khaliulin V.E., Shapovalov A.A.**
Modern Methods of Combating Corruption Offences
- 55 Shutilo O.V., Lavrinovich O.I.**
Zemstvo (County council) and Magistrates of Russia in the Second Half of the XIX Century

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 61 Rykov A.N.**
Peculiarities of Legal Regulation of the Institute of Territorial Basis of Local Self-Government
- 73 Gavrilkina Yu.V.**
The Concept and Content of the State Inspectorate Administrative and Legal Status
- 81 Selivanov I.Ya.**
Administrative Responsibility of Judges and Prosecutors

TO THE 100th ANNIVERSARY OF V.P. NIKITINA'S BIRTH

- 89 Babakov V.A.**
State participation in the development of digital technologies: problems of efficiency (civil aspect)
- 93 Saenko L.V.**
Topical Issues of Family Law Execution in the Sphere of State of Registration of Civil Status Acts
- 96 Akhmedov A.Y.**
Unfair Promoting of Unprofitable Consequences Ensuring for the Counteracting Party
- 99 Bekuzarova Yu.V.**
Problems of Providing Living Quarters for Orphans
- 102 A.A. Volos**
Civil Law Principles in the Slovak Republic
- 106 Zaitseva Yu.A.**
Joint Bankruptcy of Spouses: Myth or Reality
- 109 Ivanova N.A.**
On the Question of the Secrecy of Adoption of Children
- 112 Kavelina N.Yu.**
Secondary Liability of a Foreign Entity in Bankruptcy under the Laws of Russia

- 116 Kovalev M.B.**
Non-property Rights of the Author
- 120 Kostina S.E.**
Restoration of parental rights as a measure of protection of the child's rights — the current state and prospects of development
- 124 Fast O.F.**
The Problem of Justice as a Subject of Civil Law Research
- 128 Khalbaeva T.N.**
Problems Arising in Practice when Selling Residential Premises from Public Tenders under the Legislation of the Russian Federation
- 132 Shmeleva M.V.**
The Principle of Unity of the Contract System in Procurement
- 135 Kondrashova M.A.**
Performance of Family Obligations: Theory and Practice
- 138 Kuzina S.V.**
International Experience in the Field of Protection of History and Culture Monuments
- 141 Shchepanskiy R.A.**
On the Issue of Prohibition on offsetting of counter-claims with Expired Limitation Period
- 145 Tolochkova I.A.**
Legal Nature of the Paid Educational Services Contract
- 148 Kalinin A.N.**
Differences in the Content of Municipal Property Rights from Private Property
- 151 Sarsenbaeva D.A.**
The Concept and Legal Significance of Subjective Copyright

ARBITRATION PROCESS

- 154 Tkachenko E.V., Fomichiova R.V.**
On the Choice of the Security Method in the Arbitration Procedure
- 161 Aloyan E.S.**
Institute of Representation in the Civil Procedure: Theoretical and Practical Aspects

CRIMINAL AND PENAL LAW. CRIMINAL PROCEEDING

- 169 Kukharuk V.V.**
Problems of Preventing the Spread of Doping Norms of Criminal and Administrative Legislation
- 179 Nasirov N.I.**
Aims of Penal Legislation of Russia and There Content
- 188 Melnikova E.F.**
The Characteristics of the Judicial Interrogations of Persons Subjected to Measures of State Protection

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 195 Gritsenko V.V.**
The value of tax and legal concepts of n.I. Khimicheva for the development of modern tax law
- 202 Pokachalova E.V., Yakovlev D.I.**
Improving financial literacy and financial culture: modern legal aspects

- 211 Nabiyev S.A.**
The Essence and Role of Banking in the Financial Activities of the State
- 219 Pokachalova A.S.**
Financial and legal regulation of the insurance market
- 224 Yadrikhinskiy S.A.**
General regulative legal interests of taxpayers
- 236 Gudkova M.V.**
On the Issue of Financial and Legal Regulation of the Monetary System of the Russian Federation

OTHER BRANCHES OF LAW

- 244 Maron D.V.**
To the Question of the Calculation of the Time Periods of Labor Right

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.132.1

Н.И. Грачев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИДЕЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Введение: статья посвящена исследованию мировоззренческих истоков концепции прав человека. На основе анализа различных концептуальных подходов к понятию человека и его сущности в различных цивилизациях выявляются особенности их политико-правовой организации и характер взаимоотношений государственной власти и личности. **Цель:** установить, как на основе протестантского учения о предопределении и гуманистических установок Возрождения утвердилась идеология либерализма, в которой индивидуум есть последняя и высшая реальность, представляющая собой суверенную, законченную систему. **Методы:** диалектический, метафизический, исторический, системный, сравнительно-правовой. **Результаты:** в статье устанавливается, что в теории либерализма права человека обеспечивают его существование, потребности и интересы исключительно как субъекта материального, природного мира. Поэтому эти права и называются естественными т.е., вытекающими из биологической природы человека. Из этой теории следует, что человек — это не соединение духовного и животного начал, но просто высоко организованное животное, в основе взаимоотношений между людьми лежит «борьба за выживание» и более комфортное существование, а сфера индивидуальной свободы человека есть область исключительно его материального, биологического существования. Соответственно, государство и государственная власть, право и конституция, независимый суд и т.д. существуют лишь для того, чтобы уберечь одних людей от злой природы других. **Выводы:** проблематика прав человека давно уже стала пространством для политико-юридических манипуляций, как правило, весьма деструктивных. Чтобы избежать этого, необходимо придать концепции прав человека цивилизационное духовно-религиозное и общественно-политическое измерение, что предполагает качественное обновление юридической антропологии, в которой концепция прав человека как ее составная часть не разрушала бы государство и общество, как это происходит в последние десятилетия, а помогало их консолидации.

Ключевые слова: человек, права человека, свобода, государство, власть, общество, религия, либерализм, индивид, суверенитет.

N.I. Grachyev

ORIGIN OF THE HUMAN RIGHTS CONCEPT
AND THE IDEA OF THE LIBERAL STATE

Background: the article deals with the philosophical origins of the human rights concept. On the basis of the analysis of different conceptual approaches to the concept of man and his essence in different civilizations, the features of their political and legal organization and the nature of the relationship of state power and personality are revealed. **Objective:** to establish how the ideology of liberalism, in which the individual is the last and highest reality, representing a sovereign, complete system, is established on the basis of the Protestant doctrine of predestination and humanistic attitudes of the Renaissance. **Methodology:** dialectical, metaphysical, historical, systematic, comparative-legal methods. **Results:** the article establishes that in the theory of liberalism human rights ensure its existence, needs and interests exclusively as a subject of the material, natural world. Therefore, these rights are called natural, i.e., arising from the biological nature of man. It stems from the theory that man is not a combination of spiritual and animal principles, but simply a highly organized animal, the relationship between people is based on the “struggle for survival” and more comfortable existence, and the sphere of individual freedom of man is an area exclusively of his material, biological existence. Accordingly, the state and state power, law and Constitution, an independent court, etc. exist only to protect some people from the evil nature of others. **Conclusions:** human rights issues have long been a space for political and legal manipulation, usually very destructive. To avoid this, it is necessary to give the concept of human rights a civilizational spiritual, religious and socio-political dimension, which involves a qualitative update of legal anthropology, in which the concept of human rights as its component would not destroy the state and society, as it has been in recent decades, and helped to consolidate them.

Key-words: human, human rights, freedom, state, power, society, religion, liberalism, individual, sovereignty.

Понятие прав человека, выявление их оснований и содержания прямо связано с выяснением того, что представляет собой сам человек. Подавляющее большинство людей привыкло считать, что человек — это нечто само собой разумеющееся, не требующее определений, объяснений, описаний. Однако в разных культурах и цивилизациях, на различных этапах их исторического развития понятие человека существенно различается, поскольку человек — это существо общественное. Его самосознание, самооценка, самоопределение полностью формируются той социальной средой и культурой, в которых он вырос и живет.

Родовое определение человека как мыслящего и общественного животного берет свое начало от философии Аристотеля, который выделил признаки, отличающие его от других живых существ: наличие ума (интеллекта, сознания, разума) и способности мыслить. Наличествует в нем и животное начало, что сближает человека со зверями [1, с. 379]. В античном мире признавалось наличие и других мыслящих существ — богов, полубогов, духов и т.д., но они представлялись не как материальные, а чисто психические и духовные явления. Только в человеке присутствует сочетание духовного и животного начал. Мысль сближает человека с богами. Тело — с животными. Обладание такими особыми качествами представляет собой уникальную встречу (соединение) двух природ, что и ставит человека в центр мироздания, делает его посредником между не-

бесным и земным мирами («горним» и «дольним»), соединяющим материальное и духовное. Такое определение человека подчеркивает его дуализм и дает возможность рассматривать и изучать его с двух сторон: биологической (животной) и духовной (рассудочной). Именно животное и мыслящее начала задают рамки всех возможных истолкований человека.

Аристотель называл человека еще и «политическим животным» [1, с. 378–379]. Этим подчеркивалось, что среда обитания человека является рукотворной (искусственно созданной человеком) и коллективной (общественной). В отличие от естественной (природной) среды обитания животных, человек способен пребывать только в упорядоченном общественном пространстве — в полисе (государстве). Откуда и происходит понятие политики, как сферы человеческой деятельности по управлению делами государства и общества. Полис у древних греков — это человеческий мир, где действуют человеческие законы, определенные нормы духовной и материальной культуры. На основе таких норм возникают взаимосвязи между людьми, происходит их социально-политическое общение, складываются ценностные ориентации. Поэтому полис — это прежде всего пространство мысли, где разумное составляющее человека организует общественно-политический и правовой порядок из животного хаоса, без чего невозможно существование ни человека, ни общества.

Понятие человека в традиционном обществе древности и средневековья зависело от того, какое религиозное мировоззрение в нем господствует: монотеистическое или политеистическое.

В Древнем обществе, где преобладающее значение получили *естественные (политеистические) религии* — главным в человеке считались духовные элементы. Человек приравнивался к его душе, физическое составляющее человека, его тело выступало не очень значимым дополнением к его духовной сущности. Тело лишь временная оболочка, инструмент души. Тело смертно, душа — бессмертна, она существует до получения человеком тела и после его смерти. Душа состоит из 2-х различных элементов: собственно индивидуальная душа, которая способна чувствовать и переживать и сверхиндивидуальный (бесстрастный) дух, представляющий проявление божественного в человеке. Души проходят через физические перерождения, тем самым совершенствуясь или деградируя, т.е., меняясь. Дух — остается неизменным, воплощая в себе постоянство божественной вечности. С этих позиций, смерть — лишь эпизод, приключение, за которым следует новое рождение. Бессмертие души понимается здесь буквально, культ предков призван установить прямые контакты между живыми и умершими [2, с. 219–234].

Исходным началом такого сознания выступает мифология, представляющая собой совокупный иносказательно выраженный коллективный опыт сохранения, внутренней организации и развития сообщества (рода, племени или их объединений и союзов) в качестве одной Великой Семьи [3, с. 83]. Поэтому и в процессе образования и развития государства государствообразующий народ для утверждения собственного политического статуса должен осознать себя единой семьей, интерпретируя свое прошлое, настоящее и будущее в качестве единой социально-политической общности на основе единства сложившейся территории, традиции и языка. Самая древняя и естественная форма организации общества — это семья, семейная родовая община. И в сознании людей древности государство также воспринимается через призму единой семьи. Она становится

прообразом политически организованных обществ, где правитель — это прообраз отца, а народ — детей. «Семьи — питомники государства» — говорит по этому поводу Вико [4, с. 9]. В них лежат семена всего, что потом раскрылось и взросло в традиционном государстве [5, с. 338]. Не случайно все древние монархии носят *патриархальный* характер. Царь является патриархальным владыкой своего народа и стоит к последнему в таком же отношении, как отец семейства к своей семье. По отношению к народу он имеет совершенно такую же власть, какая принадлежала в отцу семейства доме, и подобно этому последнему, властвует до конца своей жизни и во всех сферах жизнедеятельности общины. Ему принадлежит высшая власть и в религиозных, и в мирских делах. Как глава семейства не был ограничен ничем, кроме религии и традиции, так не ограничен и царь в управлении народом.

Царь являлся ближайшим служителем неба, первым жрецом, первосвященником. Его власть в глазах подданных была подобна божественной власти и носила универсальный характер, простираясь на весь мир. Отсюда происходит идея универсальной империи, которая неотделима от воззрений древнеязыческого монархизма. Древние египтяне, шумеры, ассирийцы, китайцы, персы и другие древние народы считали своих царей владыками Вселенной, а их власть божественной и безграничной. Вполне понятно, что подобный монарх не мог стоять к народу и отдельным подданным в каких-либо юридически оформленных отношениях. Никаких внешних правовых ограничений власть царя не имела и прекращалась только с его смертью. Подданные никак не ограничивали власть древнего монарха и не обладали по отношению к нему какими-либо правами. На них лежала только обязанность безусловного повиновения. Однако эта власть характеризовалась определенными нравственными чертами. Древний монарх был «отцом» своих подданных, а они были его «детьми» [6, с. 50–52].

В обществах и культурах, где господствовали *монотеистические религии* (иудаизм, христианство, ислам), в человеке четко признается наличие трех уровней: тела; души, или психики; духа, который и образует человеческое «Я» и те высшие свойства человека, что отражают «образ и подобие Божие» [7, с. 115].

Человеческая душа в этих религиозных традициях тоже признается бессмертной, но это бессмертие ограничено — идея перевоплощения души в различные телесные оболочки отсутствует. Бог — творец, создает душу вместе с телом. Душа переживает смерть и продолжает жить вечно, пребывая после жизни в особых областях невидимого мира (ад или рай), ожидая воскресения и Страшного суда. Особенность монотеистических религий заключается в наличии идеи, что земная жизнь не просто эпизод в череде перевоплощений души, а место ее решающего испытания. Если душа, воплощенная в теле, правильно, достойно проживет свой земной срок, совершит подвиг веры, то после смерти она спасется и попадет в рай, в противном случае — в ад. Таким образом, в монотеистической религии роль земного существования тела резко возрастает. Но тело важно не само по себе, а из-за того значения, которое оно имеет для души. Человек в первую очередь, духовная сущность, но тело — это не второстепенный, малозначительный элемент, а некое антагонистическое начало, которое надо преодолеть, укротить его плоть, подавить голос греховных желаний, подчинить душе, а затем преобразовать с помощью высших сил [2, 230–247].

Представление о двойственности человеческой природы достигает своего апогея в христианстве. Христианство дополняет учение о человеке идеей божествен-

ного воплощения. В Иисуса Христа воплотился Бог, Бог Сын, второе лицо святой Троицы, благодаря чему люди получили возможность обожения. Бог осенил человека своим присутствием, воскрес и взошел на небо, и все человечество тоже получило возможность пойти таким же путем. В этом состоит *великий смысл жертвы Бога*, его страдания и распятия за людей. Христос искупил греховную человеческую природу и дал ей шанс обожения. В Новом Завете он сформировал моральное учение о свободе воли, как учение о моральной структуре человека, природе его души. Человек создан Богом свободным, имеющим права выбора между Добром и Злом. Это сопрягает природу человека с нравственностью и моралью. Каждый поступок человека есть решение проблемы Добра и Зла. Жизнь человека — постоянная борьба между ними. Следование Божественным заповедям есть добро и любовь, иное — есть отвержение Бога, уход от него. В этом состоят напряжение и драматизм человеческого бытия. Проблема заключается в том, что все люди являются потомками Адама, который совершил «первородный грех». И хотя, душа (природа) человека направляет человека ко благу, первородный грех влечет ее ко злу. При этом душа человека остается свободной, и в этом заключается ее главное свойство. В любой ситуации у человека всегда есть выбор. Главная задача человека, как ее понимает христианская антропология, состоит в достижении синергии, сотрудничества, соработничества с Богом. Бог дает человеку благодать, идет ему навстречу, а тот своей свободной волей делает усилия, чтобы идти к Богу. Душа человека становится, таким образом, ареной борьбы между Добром и Злом, Богом и Дьяволом [2, с. 241–246].

Именно такой борьбой определялись основная идея и цель существования православного христианского государства (в том числе Византийской империи и Московского царства). Они (идея и цель) заключались в том, чтобы нести христову веру по всему миру (Византия), блюсти и сохранять ее, укреплять православную церковь и жить по христовым заповедям, приуготовляя народ государства к вечной жизни в Царствии Небесном. Поэтому общественная и государственная жизнь исторически строилась на следующих цивилизационно-культурных ценностях: приоритет общих (общественных и государственных) интересов по отношению к частным и групповым; доминанция обязанностей над правами; производность права от государства; приоритет общественных форм собственности (в первую очередь — государственной) перед частной; организация и деятельность государственного аппарата на основе принципа единства государственной власти; надзаконность верховной власти.

Господству и укреплению указанных принципов в России способствовало геополитическое, срединноевразийское, положение российского государства, что определило особенности его социально-политического и правового развития. Российскому государству постоянно приходилось отражать военный натиск и политическую экспансию с двух сторон — с Востока и Запада, часто одновременно, и иногда вопрос стоял о самом существовании государства и народа. И потому, «тягловая система», или «тягловое государство», по выражению В.О. Ключевского, основанное «на разверстке между всеми сословиями только обязанностей, не соединенных с правами» [8, с. 310], сложились на Московской Руси совсем не случайно. Бояре, а затем дворяне служили государю и государству, а за это крестьяне, в обеспечение их службы, постепенно прикреплялись к земле, следовательно кормили и вооружали тех, кто защищал самих крестьян. Это было «естественно-сословное государство» или «государство крепости» [9,

с. 16–17], где не был исключением и сам самодержец. Он являлся носителем прав государственного верховенства, в которых никто не сомневался, «но столь же мало сомнения было и в том, что истинный православный царь определяет свою власть и сознанием нравственных обязанностей, на нем лежащих» [10, с. 165]. Власть государя не ограничивалась юридически, но она ограничивалась религиозно и нравственно. Священное Писание являлось для нее незыблемым Законом. Как всякий православный христианин, царь исповедовался духовнику и должен был слышать слово Божиих людей — старцев, юродивых, нищих. Поэтому вполне обоснованно говорить об ограничении царской власти каноном и стариной (обычаем), а саму ее необходимо рассматривать в том качестве, в каком ее видели люди Московской Руси — как обязанность и служение [11, с. 85–86].

Русское государство строилось изначально на принципах доминанции обязанностей, где даже права монарха и господствующих классов вытекали из обязанностей и были их продолжением. Н.Н. Алексеев называет их правообязанностями, где право пропитывается обязанностью, а обязанность правом, как это существует в компетенции какого-либо государственного органа или должности [10, с. 158]. Здесь если и пользовались смысловой категорией субъективного права, то только в прикладном, инструментальном, подчиненном смысле. Но эта техническая необходимость обращения к сословным или личным правам никак не означала их причастности к онтологии общественной жизни. Поэтому логика организации общества и государства на Руси оказалась совсем другой, чем в Европе. Ее вполне можно назвать «обязательным государством» [12, с. 9–14] в противоположность правовому государству, сложившемуся позднее на Западе.

В то время, когда в России происходит становление самодержавной монархии, Западная Европа переживает эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.). Здесь возникает концепция гуманизма, в которой достоинство человека и его свободная воля начинают толковаться в духе естественных религий — как благодать и соприродность Богу. Идея выбора между Добром и Злом теряет свой драматизм. Получает распространение и становится ведущей идея, что душа человека добра, благородна сама по себе. Вочеловечение Христа настолько изменило природу человека, что стерла «первородный грех» и сделала ее благой, доброй. Человек спасется сам, без помощи Бога, следуя за зовом своей души. Поэтому, человек уподобляется Богу уже здесь, на этой земле. Но если это так, то зачем ему Бог, ведь он сам становится подобным Богу — человекобогом.

Но против такого подхода выступили в XVI в. вожди Реформации. В противовес идеологам Возрождения Ж. Кальвин утверждает, что человек изначально есть существо греховное. Он отрицает за человеком свободу воли как раз потому, что это делает человека равным Богу. С его точки зрения, первородный грех полностью определяет природу человека. Зло у человека внутри и составляет его суть. Бог может спасти человека, но это зависит только от него самого. На этой основе Кальвин формулирует «учение о предопределении», в соответствии с которым одни люди изначально предопределены Создателем к спасению, а другие — нет. И это проявляется не после смерти, как установлено в классической христианской традиции, а уже в земной жизни. При этом практическим выражением предопределения к спасению выступает материальное преуспевание человека. Отсюда вытекала особая мораль: высшей религиозной добродетелью являются богатство и преуспевание, а наивысшим грехом — нищета и неудача [13, с. 675–679; 14, с. 297–300; 15, с. 326–329]. Тем самым учение о предопреде-

лении фактически отвергает посмертное существование, о котором говорит христианство, и делает земной мир единственно реальным. В философском смысле это ведет к материализму, атеизму и механицизму. В политическом плане — приводит к признанию республиканской организации в качестве оптимальной модели государственности. В мировоззренческом — к утверждению идеологии «либерализм».

Представление о «злой» природе человека, которое утвердилось в протестантских странах, было отрицанием фундаментального представления всех монотеистических религий о свободе воли, как главном качестве человека и его моральной природы. Человек оказался лишен права свободного выбора. Логически это вело, к отрицанию необходимости вести праведную, благую жизнь в этом мире. Что практически и произошло в Новое Время, когда уже не Бог становится мерой всех вещей, а сам человек.

В Новое Время в странах Западной Европы появляется радикально иное понимание человека, основанное на теории либерализма. Либерализм как идейное течение (парадоксально, но факт) имеет своими предпосылками идеологию Возрождения и теологические установки протестантизма, а также эмпиризм и механицизм как формы секулярной философии Нового Времени.

Эмпиризм (от греч. — «опыт») — философское направление, признающее чувственный опыт единственным источником достоверного знания [16, с. 764]. Это — «философия опыта». В эмпиризме осуществляется радикальная десакрализация мира — как природного, так и рукотворного. Свой смысл теряет все сакральное: культы, обряды, традиции, мифы, духовный опыт, интуиция, религиозное созерцание. Вырабатывается механистический подход к миру. Мир (природа и общество) рассматривается уже не как божественный по происхождению, единый и сакральный организм, а по образу и подобию часового механизма. Эмпирически-индуктивная философия Нового Времени вырабатывает, таким образом, секуляризованную (обмирщенную) версию протестантизма, где в сторону уходят протестантская этика и теология, и приоритетно развиваются лишь технические и научно-познавательные аспекты. В результате история, общество и сам человек воспринимаются как механические объекты рассудочного анализа. Политико-правовой срез этого философского течения был представлен идеологией либерализма.

Либерализм исторически возник в Англии, в протестантско-масонской среде поклонников эмпирической философии. Основная формула либерализма: «Человек — мера всех вещей». Причем под человеком здесь понимается отдельный индивидуум, со своим ограниченным рассудком и конкретными интересами. В теории либерализма индивидуум есть последняя и высшая реальность, представляющая собой суверенную, законченную систему.

Слово «индивидуум» означает на латыни «неделимый». Взгляд на человека как на индивидуума представляет собой уникальную версию антропологии, выработанную исключительно в Новое Время. Во всех других мировоззренческих системах человек всегда являлся, во-первых, частью чего-то более общего (единого сакрального космоса, государства, родовой или соседской общины, касты, сословия и т.д.), во-вторых, разлагался на составные части — дух, душу и тело — т.е. был дивидуален (делим), а не индивидуален. И каждая из составляющих его частей обладала собственной природой и влияла на его бытие. Дух человека принадлежал к сверхчеловеческому — божественному либо ангеличе-

скому началу, тело являлось фрагментом материального мира. Теория либерализма вслед за материализмом, эмпиризмом и механистической философией, которые признали космос единой материальной реальностью, стала рассматривать единой и неделимой реальностью, основанием земного бытия атомарную человеческую индивидуальность. Необходимо подчеркнуть, что либерализм утверждает в качестве основной жизненной реальности именно индивидуума, а не просто человека или личность. Вернее, личность либерализм рассматривает как индивида. Индивид становится высшей точкой отсчета всего и вся — он становится абсолютom. Исходя из понятия абсолюта, на основе интересов личности, потребности и права строятся в Новом Времени: политические, идеологические, экономические, социальные модели [17, с. 279–280].

Индивид, вернее его разум, становится главной интеллектуальной и нравственной инстанцией. Только он может определить, что является истинным или ложным, добром или злом, справедливостью или несправедливостью, существующим и несуществующим. Это наглядно проявилось в максиме французского философа-рационалиста Р. Декарта (пер. пол. XVII в.): «Я мыслю — следовательно существую». Философский рационализм придал человеческому рассудку решающее значение для вынесения конечных суждений. Это была новаторская идея, поскольку в религиозных традициях рассудок рассматривается как нечто несамостоятельное, зависящее от более высоких духовных инстанций. Рассудочная деятельность человека должна была быть подчинена вере, божественному авторитету и т.д. При этом традиционное сознание проводило существенное и сущностное различие между индивидуальным рассудком и более высокой сверхиндивидуальной инстанцией, которую называли духом, высшим разумом и т.д. Высшие формы сознания сопрягались с созерцанием божественных идей, а простую рассудочную деятельность рассматривали как механическую классификацию их внешних отражений. «Созерцание идей» соответствовало по латыни понятию «*intellctus*» (интеллект, ум, разум), а обычная рассудочная деятельность обозначалась понятием «*ratio*» (рацио), что дословно означает «соотнесение» [17, с. 281].

С позиций философии рационализма (Ф. Бекон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Д. Юм и др.) способность постигать идеи — это фикция. Никаких общих идей не существует. Существуют только вещи материального мира и способность рацио-рассудка постигать их материальную природу. Соответственно рассудок есть высшее и главное качество индивидов, и то, что им не охватывается практически отмечается, признается несуществующим. Суждение, не основанное на логических заключениях и наблюдениях за внешним миром, признается несостоятельным. Таким образом, философией рационализма осуществляется радикальная десакрализация сознания, человеческий рассудок освобождается от высших духовных реальностей, ему придается статус последней, конечной инстанции, выносящей окончательное решение по поводу оценки всего сущего.

Законченная философская и политическая программа либерализма содержится в трудах Д. Локка (1632–1709 гг.), во многом ключевой фигуры для всей парадигмы Нового Времени. В центре философии Локка стоит «человек без свойств» — природное биологическое существо, наделенное механизмом рассудка и формируемого исключительно внешней средой. Локк формулирует принцип самособственности такого индивида, его право на себя, ставшее центральным принципом модерна, который по отношению к мировоззрению традиционного

общества звучит революционно: «Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав» [18, с. 277]. Программа такого человеческого существа состоит в том, чтобы развить в себе все рациональные качества и самостоятельно выстраивать свое существование, свободно взаимодействуя с внешней средой по своему усмотрению, реализуя свои естественные права, к которым у него относятся: 1) право на жизнь (как биологическое существование); 2) право на свободу, которая понимается как освобождение от всяких религиозных, сословных и иных ограничений; 3) право на собственность, как абсолютное владение, пользование и распоряжение своим имуществом. При этом следует отметить, что все объекты этих прав Локк обозначает общим термином «собственность» [18, с. 310, 334]. Определяющим в этой триаде основных естественных прав индивида Локк считает его свободу в распоряжении своей собственностью [18, с. 293].

«Локк — гедонист» [19, с. 239]. Основная цель человека у него заключается в достижении максимального индивидуального комфорта, благополучия, и все, что препятствует этому, должно быть постепенно упразднено. «Поэтому-то великой и *главной целью* объединения людей в государства и передача ими себя под власть правительства, является сохранение их собственности» [18, с. 334]. Это кардинальным образом перемещает акценты в отношениях человека и государства. На основе фиксации, указанных выше, основных естественных прав индивида, принципиально меняется его роль и положение в политической системе, поскольку вместо обязанностей, занимающих исходное место в традиционном обществе — основное значение приобретают его права. Тем самым, *«происходит переход от прирожденных обязанностей подчинения главе рода, семьи и государства к прирожденным (естественным) правам»* [20, с. 139]. Возникает теоретическое обоснование их приоритета по отношению к государству и его верховной власти. Соответственно, целью и функциональным назначением государства становится защита собственности, или же, в трактовке Локка, прав индивидов на жизнь, свободу и имущество. Существование государства, по его мнению, оправдано только тогда, когда оно защищает собственность, в противном случае, необходимость в государстве исчезает, а само его существование обесмысливается. Признание этой теории и ее внедрение в практику государственного строительства ведут к ограничению государственной власти, ее связанности правом и законом, взаимной ответственностью государства перед личностью и к разделению единой верховной государственной власти на относительно самостоятельные ветви, в целях обеспечения прав и свобод индивида.

Политическая философия Локка оказалась революционной — как в отношении христианской, так и философской традиции. «Вследствие смещения акцента с естественных обязанностей на естественные права индивид, „я”, стал центром и источником нравственного мира» [19, с. 238], заняв по сути место Бога. Государственно-правовой аспект локковского учения составил целую эпоху на европейском континенте, что было обусловлено не столько ее оригинальностью (сходные идеи в это время высказывали и другие мыслители), сколько выходом на практику. Локк был идеологом «славной революции» 1688 г., осуществившей перевод английской монархии на конституционные рельсы [21, с. 92–93]. На представителей континентального Просвещения в XVIII в. этот факт производил сильнейшее впечатление. Государственный строй Англии рассматривался как образец для подражания, и европейские философы считали себя обязан-

ными съездить туда, чтобы изучить его. И Ф.М. Вольтер, и Ш.-Л. Монтескье, и энциклопедисты испытали сильное влияние государственных и правовых порядков, господствующих на британских островах. Они развили идеи Локка, сформировали идею борьбы за независимость в Америке (1776–1783 гг.) и создали предпосылки к французской революции (1789–1799 гг.), после чего переход к буржуазному общественному строю стал необратимым.

Правовые документы, принятые во время этих событий, заложили фундамент современной концепции прав человека. Билль о правах 1789 г. в США и Декларация прав человека и гражданина, принятая в том же году во Франции, содержат ее основные постулаты и принципы построения либеральной государственности, к которым относятся: 1) конституционное правление; 2) суверенитет граждан; 3) разделение властей; 4) гражданское общество; 5) правовое государство.

Поскольку в концепции «естественных» прав человека главным выступает право частной собственности, в его широкой локковской трактовке, общество защищающихся друг от друга собственников нуждается в государственной власти только как в способе охраны своего имущества от грабежа. Отсюда возникает концепция государства — «ночного сторожа». Происходит борьба за ограничение верховной власти государства правами граждан-собственников. Результатом становится принятие конституций как формально-юридических соглашений о взаимных правах государства и личности, появление конституционного правосудия, призванного контролировать соответствие текущего законодательства конституционным хартиям. Возникает принцип *конституционного правления*, служащий для того, чтобы подчеркнуть производный, договорный характер верховной государственной власти, ее делегированность снизу и, соответственно, ее ограниченный характер обусловленный именно естественными правами и потребностями граждан.

Соответственно, *суверенитет* в либеральном государстве должен исходить от граждан, а не от Бога, что предполагает последовательный отказ в верховенстве любой надындивидуальной инстанции, следовательно, и самой верховной власти государства, после чего она фактически перестает быть верховной и может быть легко разделена между различными фракциями господствующего класса капиталистических собственников.

Из отрицания государственного суверенитета вполне логично вытекает принцип *разделения властей*, как гарантия соблюдения естественных прав человека. Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, которые взаимно сдерживают и контролируют друг друга, призвано закрепить контрактный характер государственной власти, ограничить ее, приблизив статус носителей властных функций к положению «менеджеров» коммерческой компании, нанятых и подотчетных акционерам. И поскольку государственная власть, да и само государство есть ничто иное, как результат договорного решения граждан, они, с точки зрения теории, всегда могут их отменить, заменить или переформатировать.

По сути дела, все указанные выше принципы направлены против существования государства в его классическом смысле — как онтологической реальности, поскольку их последовательное осуществление предполагает совершенно *новый подход к организации человеческого общества*. Либеральная идеология называет эту форму «гражданским обществом». Понятие «гражданское» употребляется здесь в значении «частное», «не публичное». Гражданское общество — это кон-

гломерат, химерный симбиоз атомарных индивидов, комбинирующихся друг с другом произвольным (случайным) образом. Каждый из них следует за своими эгоистическими интересами и устремлениями, ограничения же возникают спонтанно при столкновении с интересами других граждан. Задача гражданского общества состоит в том, чтобы максимально расширить свободу индивидов и ввести в правовые рамки столкновения разнообразных интересов, устранив возможность насильственного разрешения конфликтов между ними. В настоящее время идеологией гражданского общества выступают постлиберализм и мондиализм (от фр. monde — мир), сторонники которых, существующие практически во всех странах мира, ставят под сомнение все автохтонные культурные образцы и традиции, призывают к идейному и политическому разоружению перед западной экспансией, настаивают на предельной экономической информационной, политической открытости, что в итоге должно привести к смешению всех государств и народов в единое планетарное образование с уничтожением расовых, религиозных, этнических, национальных и культурных границ и возникновению всемирного гражданского общества [22, с. 167–265].

Но пока такое общество еще не сложилось, государство в различных странах должно выступать как подсобный инструмент гражданского общества и являться *правовым государством*. Теория правового государства, таким образом, есть сугубо либеральная концепция, в которой государство не имеет никакой самостоятельной цели, смысла или ценности. Его единственная цель — удовлетворение эгоистических интересов его учредителей. Отсюда формируется взгляд на государство, как на большую торговую компанию, создаваемую по договору суверенными гражданами, которая теоретически всегда может быть распущенной.

Что происходит с человеком и свободой в таком обществе и государстве? Человек начинает рассматриваться как сугубо материальное биологическое существо, не имеющее духовной онтологии. От классического монотеистического принципа «свободы воли» остается лишь идея свободы как моральной ценности. Но выбор здесь осуществляется не между Богом и Дьяволом, Добром и Злом, а между различными рассудочными и отвлеченно нравственными началами — справедливостью, добротой, милосердием. Так возникает светская мораль — в ней есть выбор, но нет Бога как высшего судии. Конечной инстанцией в оценке поведения и поступков человека становится сам человек — его рассудок. При этом очень часто свои и чужие поступки оцениваются индивидом *утилитарно*. Как учил еще в XIX в. английский философ и экономист И. Бентам, благом, добром являются наслаждение, польза, а бесполезное и неприятное оценивается им как зло или грех [23, с. 9–45]. Сама *свобода*, в соответствии с учением последователя Бентама Дж. Ст. Милля, раздваивается и начинает делиться на «свободу от» и «свободу для». «Свобода для» — это открытая возможность созидательного творческого действия, ориентированная к какой-то позитивной цели. Это «содержательная свобода». Но Милль считает такую свободу чрезмерно отвлеченной, метафизической, абстрактной и мистической. Не отрицая ее наличия, он просто отказывается принимать ее в расчет, проявляя к ней безразличие. Основное внимание Милль сосредоточивает на «свободе от» [24, с. 16–23 и др.]. Этим понятием он затрагивает основной нерв не только всей эпохи модерна, творцы которого пытались освободить всю область политического, общественного от соображений религиозного и метафизического характера, но и современного нам

постмодерна. В этой установке автономный индивид освобождается от того, что было сутью традиционного общества — от сопричастности к Богу и космическим законам бытия, связям с предками и традиционными социально-нравственными ценностями, сопричастности к обществу, миру, людям. Это освобождение от всех форм соучастия в целом, в совместной общей жизни, освобождение части (человека) от целого (космоса, общества, государства). «Благодаря» этому сфера индивидуальной свободы человека превращается в область исключительно его материального, биологического существования, т.е. той части его жизни, которая имеет отношение исключительно к нему самому.

Исходя из этого, права человека трактуются как гарантированные правом государства возможности действовать в рамках законодательства по своему усмотрению, обеспечивать существование, потребности и интересы как биологического организма, так и субъекта материального, природного мира. Потому эти права и называются *естественными* т.е., вытекающими из биологической природы человека. Отсюда следует, что человек — это не соединение духовного и животного начал, но просто высокоорганизованное животное, а в основе взаимоотношений между людьми лежит борьба за выживание и более комфортное существование, создание лучших условий жизни для самого себя. А государство существует только лишь для того, чтобы уберечь одних людей от злой природы других. Именно для этого, с точки зрения теории либерализма, нужны государство и государственная власть, право и конституция, независимый суд и свободные выборы.

В результате проблематика прав человека и его свободы давно уже стала пространством для политико-юридических манипуляций, как правило, весьма деструктивных. Чтобы избежать этого в дальнейшем, необходимо придать концепции прав человека духовно-религиозное и цивилизационное общественно-политическое измерения, что предполагает качественное обновление юридической антропологии. Она, в конечном счете, должна признать, что возможность замкнутого индивидуального существования является абстракцией, умозрительной теоретической посылкой постлиберального мейнстрима. Поскольку любой человек всегда существует в конкретной среде семьи, трудового коллектива, населенного пункта, государства, общественное для него является естественной и по сути, единственной средой его бытия. Но все общественное имеет в своей основе вполне определенную духовную культуру, важнейшее место в которой занимают базовые социально-нравственные ценности, выработанные в процессе развития конкретного народа, нации или цивилизации. Эти ценности представляют собой «центральную зону» культуры всякого государственно организованного общества и содержат в себе в концентрированном обобщенном виде все его традиции, символы, верования, упорядочивают их и определяют тем самым природу сакрального в обществе. Они имеют общесоциальное значение, их наличие, по большому счету, и делает возможным само существование общества и государства. Внедряясь в течение жизни многих поколений в общественное сознание и социальную практику государствообразующего народа, они становятся его этико-правовой традицией, которую можно рассматривать как фактическую конституцию, вырабатываемую в процессе развития общества. Базовые ценности формируют все мировоззренческие, культурные, духовные, психологические, социальные и хозяйственные установки, на которых основывается любой человеческий коллектив. И права человека, выступая одной из таких ценностей,

не должны входить в неразрешимое противоречие с другими ценностями. Они должны не разрушать общество, как это происходит в последние десятилетия, а помогать его консолидации.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 375–644.
2. *Дугин А.Г.* Метафизика Благой Вести // Дугин А.Г. Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерии Евразии. М.: «Арктогея-центр», 1999. С. 205–570.
3. *Полосин В.С.* Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
4. *Вико Д.* Основание Новой науки об общей природе наций. М.; Калуга: «RE ZJ — восток» — «ЖА», 1994. 656 с.
5. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Изд-во Л.С. Яковлевой, 1994. 259 с.
6. *Алексеев Н.Н.* Христианство и идея монархии // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: «Аграф», 1998. С. 48–67.
7. *Мень А.В.* История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. Т. I: Истоки религии. М.: «Слово», 1991. 287 с.
8. *Ключевский В.О.* История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. VI: Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. С. 225–391.
9. *Карпец В.И.* Русь Меролинггов и корень Рюрика. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 512 с.
10. *Алексеев, Н.Н.* Обязанность и право // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 155–168.
11. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Наука, 1986. 288 с.
12. *Дугин А.Г.* Теория евразийского государства // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2000. С. 5–20.
13. *Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. Европа V–XVII вв. М.: Мысль, 1999. С. 673–679.
14. История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение. М.: Наука, 1986. 353 с.
15. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Т. I. СПб.: Изд-во РХГФ, 2006. 720 с.
16. *Философский энциклопедический словарь* / ред. колл. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
17. *Дугин А.Г.* Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 616 с.
18. *Локк Д.* Два трактата о правлении // Локк Д. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135–406.
19. *Штраус Л.* Естественное право и история. М.: Водолей Publishers, 2007. 312 с.
20. *Габриэлян Э.В.* Теоретическая интерпретация государства эпохи модерна // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1(6). С. 136–142.
21. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Наука, 1983. 296 с.
22. *Аттали Ж.* Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. 288 с.
23. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОС-СПЭН, 1998. 415 с.
24. *Милль Дж. С.* О гражданской свободе. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 240 с.

References

1. *Aristotle*. Politics / Aristotle. Vol.: in 4 t. T. 4. M.: Thought, 1984. P. 375–644.
2. *Dugin A.G.* Metaphysics of The Good News // Dugin A.G. Absolute Homeland. Ways of Absolute. Metaphysics of the Good News. Mysteries of Eurasia. M.: «Arctogea center», 1999. P. 205–570.
3. *Polosin V.S.* The Myth. Religion. State. M.: Ladomir, 1999. 440 p.
4. *Viko D.* Foundation of the New Science of the Common Nature of Nations. M.; Kaluga: «RE ZJ – East» – «ZHA», 1994. 656 p.
5. His Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga. The Autocracy of Spirit. Essays on Russian Identity. SPb.: L S. Yakovleva Publishing House. 1994. 259 p.
6. *Alekseev N.N.* Christianity and the Idea of Monarchy / Alekseev N.N. Russian People and State. M.: «Agraf», 1998. P. 48–67.
7. *Men A.V.* The History of Religion: in Search of the Way of Truth and Life: 7 Vol. I: Origins of Religion. M.: «Word», 1991. 287 p.
8. *Klyuchevsky V.O.* The History of the Estates in Russia // Klyuchevsky V.O. Works in 9 vol. VI: Special courses. M.: Thought, 1989. P. 225–391.
9. *Karpets V.I.* Rus of Merovingians and the Root of the Ryuriks. M.: Algoritm, Eksmo, 2006. 512 p.
10. *Alekseev N.N.* Duty and Right // Alekseev N.N. Russian People and State. M.: Agraf, 1998. P. 155–168.
11. Development of Russian Law in XV-the first half of XVII century. / resp. edited by V. S. Nersesyants. M.: Science, 1986. 288 p.
12. *Dugin A.G.* Theory of the Eurasian State // Alekseev N.N. Russian people and the state. M.: Agraf, 2000. P. 5–20.
13. *Calvin J.* Instruction in the Christian Faith // anthology of world legal thought. In 5 vol. II. Europe V–XVII centuries. Moscow: Mysl', 1999. P. 673–679.
14. History of Political and Legal Doctrines: Middle Ages and Renaissance. M.: Science, 1986. 353 p.
15. *Chicherin B.* History of Political Doctrines. T. I. SPb. Publ RHGF, 2006. 720 p.
16. Philosophical Encyclopaedic Dictionary / ed call. S.S. Averintse, E.A. Arab-Ogli, L.F. Ilyichev, and others: the Soviet encyclopedia, 1989. 815 p.
17. *Dugin A.G.* Philosophy of Politics. M.: Arktogeya, 2004. 616 p.
18. D. Locke Two Treatises about Ruling // Lokk D. Soch.: in 3 t. T. 3. M.: Thought, 1988. P. 135–406.
19. *Strauss L.* Natural Right and History. M.: Aquarius Publishers, 2007. 312 p.
20. *Gabrielyan E.V.* Theoretical Interpretation of the Modern State // Russian journal of legal studies. 2016. No. 1 (6). P. 136–142.
21. History of Bourgeois Constitutionalism XVII-XVIII Centuries. / resp. edited by V.S. Nersesyants. M.: Science, 1983. 296 p.
22. Jacques Attali Brief History of the Future. SPb.: Peter, 2014. 288 p.
23. *Bentham I.* Introduction to the Foundations of Morality and Law. M.: ROSSPEN, 1998. 415 p.
24. *Mill John. C.* On Civil Freedom. M.: Book house «Librokom», 2012. 240 p.

УДК 340.12

А.К. Аниканов**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ
И.Т. ПОСОШКОВА НА ПРИРОДУ ПРАВОСУДИЯ**

Введение: актуальность тематики статьи подтверждается неугасающим интересом к творчеству И.Т. Посошкова на фоне постоянного реформирования судебной, следственной и пенитенциарной систем; кроме того, в научном сообществе не утихают споры по поводу идентификации политического спектра воззрений И.Т. Посошкова (от консерватизма к либерализму). **Цель:** исследование политико-правовых воззрений русского публициста о правосудии, выраженных главным образом в двух произведениях: «Завещание отеческое» и «Книга о скудости и богатстве». **Методическая основа:** исторический, контекстный методы и сравнительный анализ контекстного анализа. **Результаты:** анализ произведений И.Т. Посошкова позволяет судить о его отношении к правосудию. Не всякая деятельность по разрешению юридических споров в суде является, по мнению И.Т. Посошкова, правосудием: настоящее правосудие опирается на справедливость и открытость. **Вывод:** воззрения И.Т. Посошкова на природу правосудия отличаются некоторым дуализмом. С одной стороны, интересующий нас мыслитель предстает бесспорным приверженцем православной веры и сторонником внедрения ее догматов в процесс правосудия. Вместе с тем, И.Т. Посошков выступает против веками заведенного процесса осуществления правосудия.

Ключевые слова: правосудие, суд, И.Т. Посошков, принципы судопроизводства, реформирование судебной системы.

A.K. Anikanov**POLITICAL AND LEGAL VIEWS
OF I.T. POSOSHKOV ON THE NATURE OF JUSTICE**

Background: the relevance of the article topic is confirmed by the unquenchable interest in the work of I. T. Pososhkov against the background of the constant reform of the judicial, investigative and penitentiary systems; in addition, in the scientific community disputes over the identification of the political spectrum of views I. T. Pososhkov (from conservatism to liberalism) are not subsiding. **Objective:** to study political and legal views of the Russian publicist concerning justice, expressed mainly in two works: “The Father’s Will” and “the Book about Poverty and Wealth.” **Methodology:** historical-legal and contextual method, comparative contextual analysis. **Results:** the analysis of I. T. Pososhkov’s works allows us to estimate his attitude to this phenomenon. Not every activity for resolving legal disputes in court according to the point of view of I. T. Pososhkov, is considered as justice: real justice is based on fairness and openness. **Conclusions:** the views of I. T. Pososhkov on the nature of justice differ in some dualism. On the one hand, the thinker who is interesting for us ap-

pears to be an undisputed supporter both of the Orthodox faith and the introduction of its tenets in the process of justice. At the same time, I. T. Pososhkov opposes the centuries-old process of justice.

Key-words: justice, court, I. T. Pososhkov, principles of legal proceedings, judicial system reformation.

Русский теоретик-экономист, сторонник реформ Петра Великого *Иван Тихонович Посошков* (1652–1726 гг.) оставил весьма интересное политико-правовое наследие, главной частью которого явилось сочинение «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.). Несмотря на то, что основная часть этого социально-экономического трактата посвящена обоснованию русского меркантилизма, в нем нашли отражение оригинальные суждения о правосудии. Весьма созвучные, а в чем-то даже идентичные воззрения на правосудие мы находим в более раннем произведении мыслителя — «Завещание отеческое» (1719 г.). В «Завещании отеческом» И.Т. Посошков дает наставления своему сыну в службе на различных поприщах, в том числе на судейском. Обоснование реформ в судебной сфере, данное в эпоху Петра I, весьма симптоматично, поскольку, как полагает С.А. Магарил, «общество проявило высокий интерес к правовому обеспечению своей жизни» [1, с. 31].

По мысли И.Т. Посошкова, не всякая деятельность суда по разрешению юридического спора может называться *правосудием*. Этот термин применим лишь к деятельности справедливой, являющейся своего рода «доблестью судей». Именно так она понимается мыслителем в ряду прочих положительных характеристик социальных и профессиональных групп российского общества: «Нам не золотом, ни серебром, ниже накладными волосами подобает себя украшати, но паче подобает нам себя украшати в воинском деле храбростию, в *судейском деле — правосудием* (выделено нами. — А.А.), в купечестве — праведным и неподвижным словом и товаром нелестным, мастеровым же людям — в тщательном художестве» [2, с. 259].

По отечественной православной традиции И.Т. Посошков отождествляет правду с правосудием и в этой связи отводит последнему роль не только формально-юридическую, но прежде всего — морально-этическую: «Мне думается более всякого дела надлежит стараться о правом суде, и, ежели правосудие у нас установится, то все люди будут бояться неправды. Всему добру основание праведный и нелицеприятный суд» [2, с. 95]. Следует согласиться с мнением Л.В. Гааг, что «под термином «правда» И.Т. Посошков традиционно понимает «правый суд» и соблюдение законов, а под термином «неправда» — нарушение закона, беззаконие» [3, с. 80]. А.В. Черняев видит в политико-правовом наследии И.Т. Посошкова взаимообусловленность духовной правды и прогресса в экономике и социальной сфере [4, с. 35]. Р.М. Нуреевым в этой связи также сделан вывод о вере И.Т. Посошковым в правду как в источник богатства [5, с. 22]. Деятельность суда имеет для И.Т. Посошкова поистине сакральное значение: «А правосудное дело самое святое и богоугодное, и того ради всячески надлежит потщитися...» [2, с. 98]. На наш взгляд, в таком отношении к правосудию сказывается отмеченная А.В. Лониным «приверженность идее гармонии светской и духовной властей» [6, с. 134].

Суд, осуществляемый царским именем (по выражению Е.Н. Леонтьевой и Е.А. Сизой, «деятельность правосудия непосредственно связана с авторитетом

«царева имени» [7, с. 119]) и по Божьей воле, требует от судьи наибольшей концентрации умственных способностей и следования голосу совести: «...того ради всячески судье подобает ни о чем тако не стараться, яко о правде, дабы ни Бога, ни царя не прогневити» [2, с. 76]. Учитывая чрезвычайно высокие требования к судьям, их ответственность, И.Т. Посошков почитает правосудие не только почетным, но и крайне тяжелым занятием: «...никакому человеку, не токмо малоосмысленному, но и самому разумному не подобает судейства или начальства искать, но всячески от него отрицаться, понеже весьма тяжелоносно оно» [2, с. 92].

Понимая правосудие не столько как формально регламентированную деятельность, сколько как поиск правды от лица Бога и царя, И.Т. Посошков предъявляет к судьям чрезвычайно высокие моральные требования не только в связи с исполнением должностных обязанностей, но и вообще в жизни, в быту: «И аще кто воззошет богу угодити, то подобает ему во всяком деле правда творити. Наипаче всех чинов надлежит судьям правда хранить не токмо в одних делах, но и в словах лживо ничего не говорити, но что прилично к правде, то и говорить, а лживых слов судья никогда б не говорил» [2, с. 75].

Как для «Завещания отеческого», так и для «Книги о скудости и богатстве» характерно отсутствие указаний на конкретные нормы материального или процессуального права. Вместе с тем, оба произведения, а особенно первое, изобилуют ссылками на Евангелие. А.А. Васильевым в этой связи справедливо отмечено, что мыслитель «уповал не на силу закона в судебном процессе, а на правду — следование справедливости и милосердию как ценностям правды» [8, с. 19]. На наш взгляд, это еще раз подтверждает понимание судейской должности прежде всего в качестве служения почти в религиозном смысле.

Во многом схожие требования выдвигаются и в отношении помощников судей — служащих приказов: «А в приговоре так бойся неправды, чтобы ее и следу тут не было, понеже Бог суд Свой вручил Царю, а Царь судьям, а судьи вручили тебе» [2, с. 369]. Большие требования предполагают и большую ответственность, налагаемую на служителя закона. При этом в «Завещании отеческом» речь идет, прежде всего, о Божьей каре за несправедливый приговор: «И есть ли ты поползнешися ко взятку, или и безо взятку, да станешь виноватого поправлявати, а правого привинивати, то ты судей очистиши и весь тот грех падет на тебя; ты в нем постраждеши и на оном свете горши всех мучен будеши» [2, с. 369].

Добросовестное выполнение судейского долга позволяет, по мнению И.Т. Посошкова, рассчитывать на поощрения от светской власти и на Божью милость: «...то от царя будет ему честь и слава, а от бога милость и царство небесное» [2, с. 76]. Вынесение неправосудных приговоров чревато, в представлениях мыслителя, царским наказанием и карой небесной: «Буде судья суд поведет неправой, то от царя примет временную казнь, а от бога вечную не токмо на теле, но и на души казнь вечную понесет» [2, с. 76]. Здесь мы отмечаем религиозную основу политико-правовых воззрений И.Т. Посошкова, который земное наказание («временную казнь») представляет гораздо менее суровой санкцией по сравнению с наказанием, принимаемым от Бога («души казнь вечную»).

Проповедуя *беспристрастность*, или — в современной И.Т. Посошкову терминологии — «нелицеприятный» суд, мыслитель призывает к смелому вершению дел без опасений перед «сильными мира сего»: «И буде из них один силен и честен и словесен, а другой беден или не беден, да безсловесен, к тому же аще и мало-

смыслящ, то судье надобно на сильное лицо, не стыдяся, востати, коли во убогом или и неубогом, да безсловесном исце или ответчике призначится правость» [2, с. 81–82]. Самый высокий стандарт беспристрастности в суде — это решение дела так, «чтобы во второе пришествие господь Бог не стал пересуживати» [2, с. 83]. Недобросовестное, предвзятое отношение к вершению суда, по мнению И.Т. Посошкова, преступно еще и тем, что само по себе способствует росту преступности: «И разбоев и иного воровьства множество чинитца и всякие обиды содеваются в людях не от чего иного, токмо от неправнаго суда» [2, с. 104].

При этом, исходя из понимания правосудия как поиска правды, И.Т. Посошков выступает резко против участия в судебном процессе профессиональных представителей сторон. Последние скорее запутывают дело, чем способствуют его справедливому разрешению: «И чтобы на суде и в допросах были исцы и ответчики, а не наемные ябедники, понеже ябедники ябедничеством своим и многословием и самую правду заминают и праваго виноватым поставляют, а виноватого правым, и так правду заминают, что и судьи слов своих разобрать не могут» [2, с. 375]. Вероятно, по убеждению И.Т. Посошкова, судья сам в состоянии найти правду, которая не нуждается в украшении. Активную позицию должен занимать сам судья в зависимости от того, на чьей стороне правда: «А за обидимаго и самому судье надлежит быть стряпчим, обидьнику же быть жестоким судьей и немилостивым» [2, с. 82].

В произведениях И.Т. Посошкова присутствует также принцип *гуманизма* или, если быть более точным — милосердия [9, с. 116]. Разумеется, он проявляется тогда, когда это допустимо и не идет вразрез с представлениями о правде. К примеру, осознавая, что отсрочка смертного приговора сама по себе является мукой, мыслитель выступает за казнь в течение короткого срока: «Буде же кои люди повинны будут смерти, то и их держать долго не надлежит, токмо для покаяния неделя мести или дней десять, дабы в тыя дни постился и молиться и о грехах своих каялся» [2, с. 86].

Из этого следует, что религиозное сознание, любовь к Богу, который в понимании мыслителя и есть правда, и страх Божий — основа правосудия. В этой связи — как в «Завещании отеческом», так и в «Книге о скудости и богатстве» — содержится достаточно много рекомендаций о соблюдении религиозных обрядов судьями и об их молитвенном общении с Богом. Так, начинать судебскую деятельность нужно с большого благодарственного молебна: «...егда кто его и. в. определен будет ко управлению судному, то подобает ему умолить презвитера, дабы господу богу всенощное бдение отправил и литургию ж молебнов пение богу отцу нашему небесному б възпел» [2, с. 76]. Основной целью этого мероприятия является не только и даже не столько благодарность Всевышнему за карьерный успех, сколько моление о помощи в сложном деле поиска правды: «...просил бы о откровении в делах у господа Бога со слезами, еже бы Бог подал ему познавати правость и винность во всяком деле» [2, с. 76]. Такие просьбы, обращенные к Богу, должны всегда быть у судьи на первом месте. Желание осуществлять правосудие в соответствии с представлениями о правде не должны конкурировать с другими потребностями судьи: «...ни о доме своем, ни о вотчинах, ни о жене, ни о детях своих такова попечения не имей, яко о управлении судейском, како бы тебе людей Божиих разсудити в правду» [2, с. 37]. Предполагалось, что во всем остальном добросовестному судье и так должен помочь Бог. Стремление судьи заручиться Божьей помощью в своей работе не должно ограничиваться

единообразным молебном, оно должно проявляться в традиционных утренних православных молитвах. Такая молитва у судьи, в отличие от других верующих, должно отличаться определенной спецификой: «А не худо бы и на всякой день, встав от ложа своего, тот новосочиненной Богу Отцу нашему небесному канон прочитовати с богомыслием, дабы дела его судные строились по воли его Божией и не допустил бы Бог до какова либо искушения и избавил бы от всякаго лукаваго дела» [2, с. 76–77]. Канон, о котором говорится в «Книге о скудости и богатстве», в самом произведении не содержится, он воспроизводится в более раннем «Завещании отеческом». Сочиненная И.Т. Посошковым молитва содержит, кроме прочего, традиционные для христианина признания в собственной слабости, а в рассматриваемом случае — некомпетентности: «...Не мое было сие дело, еже судити ми люди Твоя, но дело сие благородных людей и высокоразумных, кии в делах сицевых искусны... Кто есмь аз? токмо червь, а не человек, и поношение человеческое...» [2, с. 371]. Основная часть и суть молитвы, сочиненной И.Т. Посошковым — это просьбы наставления в судебном деле: «Господи, отверзи ми ум, да возмогу ноне и от малыя частицы разумети в делах правость и неправость человеков прящихся... И сего ради всю свою надежду на Тя, Господа Бога моего, возлагаю и припадая молю: помилуй мя и поели ми святую Свою помощь, како ми правду с неправдою разсудити!» [2, с. 371]. Финальная часть молитвы содержит благодарность, но не за судебскую должность, а за дарованную возможность отделять правду от неправды: «И аще и от малыя частицы даси ми правду с неправдою познавати, потщуся труд, елико возмогу, полагати; за Твое же такое великое дарование должен во вся дни живота моего хвалити и благодарити Тя, Бога моего!» [2, с. 371].

Правосудие в понимании И.Т. Посошкова не всегда должно знаменоваться победой одной стороны над другой. Достижение мира представляется наиболее предпочтительным вариантом разрешения дела, что вероятно, наиболее соотносится с христианской моралью. Так, склонив стороны к миру, судье приличествует обратиться к ним с речью, содержащей образы, приближающие ее проповеди: «Бог мира да будет с вами, идита в мир, и впредь живите хорошенко!... Дьяволу в себе вогнеждатися не допускайте, и егда ссора какая учинитца, долго не тяните ее, но днем или другим и порывайте ю, дабы враг, ненавидяй в мирности живущих, не радовался» [2, с. 374].

Вопросам *правосудия* и *судоустройства* посвящена третья глава «Книги о скудости и богатстве», вместе с тем подобные проблемы затрагиваются мыслителем и в других разделах работы. В частности глава 7 «О крестьянстве» содержит обоснование возможности крестьян обращаться в суд с жалобой на своего помещика в том случае, если тот требует больше положенного. В случае подтверждения судом таких злоупотреблений крестьяне переходили во владение монарха. Если же судья вынесет незаконное решение по делу, что будет установлено вышестоящим судом, И.Т. Посошков предлагал передавать имущество судьи крестьянам в качестве компенсации. Мы можем в данном случае увидеть укладывающееся в рамки абсолютистской концепции стремление укрепить материальную основу царской власти. Вместе с тем стремление установить режим законности, основанный на равных гарантиях прав для различных сословий, явно невыгодный для дворянства, было для начала XVIII века проявлением идеализма: «...суд устрои едины, каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому, таков и солдату, таков и афицеру, ничим же отменен, полковнику и генералу, и

чтоб и суд учинить близостной, чтобы всякому и niskочинному человеку легко было ево доступить» [2, с. 74].

И.Т. Посошков проводит через свои произведения принцип равенства перед законом и судом, который не вполне органично сочетающийся с признанием сословного строения общества и глубокого имущественного расслоения: «А буде же судья поведет суд самой правдивой и нелицеприятный по самой истинно яко на богатаго и славнаго, тако и на самага убогаго и безславнаго...» [2, с. 76]. Вместе с тем, логика такого подхода к правосудию кроется в народном (не следует забывать, что И.Т. Посошков — купец, вышедший из крестьян) понимании права как правды, а также православных представлений о равенстве перед Богом.

С одной стороны, И.Т. Посошков в своих взглядах на принципы правосудия опережал свое время более чем на 100 лет, следуя за выдающимися мыслителями Европы, открывшими эпоху Нового времени, Г. Гроцием и Б. Спинозой. С другой стороны он являлся сыном России, где в период его жизни активно формировался абсолютизм и И.Т. Посошкову необходимо было адаптировать свои передовые взгляды о юридическом равенстве и всесословном правосудии к реалиям российской политико-правовой действительности, характеризовавшейся сословным строем, крепостничеством и судом, получившим юридическое оформление и в Соборном Уложении 1649 г. и в указах Петра I и его преемников.

Несмотря на требование доступности обращения в суд для всех, И.Т. Посошков утверждает о необходимости установления *сословного суда*, контролируемого царем через верных ему людей: «А аще суд будет по нынешнему и разной, служивым особливой, а прочиим чинам особливые ж, да будут единой главной канторе подсудны и во всем послушны» [2, с. 74], возглавляемой «верным царю управителем» [2, с. 77]. Так, ответственность перед данной инстанцией, по замыслу И.Т. Посошкова, должна последовать в случае, если обвиняемый длительное время без достаточных оснований будет находиться под стражей: «И аще кой судья сего смотреть не будет, то взыщется на нем вина в главной канторе, коя на управу неправым судьям учинена будет» [2, с. 77]. Подобные претензии И.Т. Посошкова были основаны на собственном печальном опыте взаимодействия с судебной властью, когда он обратился к князю Д.М. Голицыну с челобитной об открытии винокурного завода и был по воле аристократа водворен на неделю в тюрьму, а затем без объяснений освобожден.

Воззрения И.Т. Посошкова относительно правосудия отличаются «хозяйственным уклоном», т.е. мыслитель желает организовать судебную власть таким образом, чтобы она не требовала излишних средств казны, материально заинтересовывала судей в своевременном рассмотрении дел, не отлучала бы без необходимости от хозяйственной деятельности трудоспособных правонарушителей, не разоряла бы те слои населения, которые приносят государству материальную пользу.

В заключение отметим, что воззрения И.Т. Посошкова на природу правосудия отличаются некоторым дуализмом. С одной стороны, интересующий нас мыслитель предстает бесспорным приверженцем православной веры и сторонником внедрения ее догматов в процесс правосудия. Его совершенно справедливо указывают в качестве одного из основоположников отечественного консерватизма с другой стороны [4, с. 32–38]. И.Т. Посошков также предстает со страниц своих книг как сторонник абсолютной монархии и лично Петра I [8, с. 18; 10, с. 11; 11, с. 199; 12, с. 63–64; 13, с. 62 и др.]. Нельзя не отметить некоторую, если не

противоречивость, то значительное своеобразие его политико-правовых позиций. Так, он выступает за развитие частной инициативы, уравнивание сословий в правах на судебную защиту и, главное, за ограничение монополии дворянства на государственную службу вообще и замещения должности судей в частности. Подобная «раздвоенность», вероятно, объясняется происхождением и сословной принадлежностью И.Т. Посошкова (выходец из крестьян, а впоследствии купец), а также осведомленностью в вопросах общественно-политической жизни Европы.

Библиографический список

1. *Магарил С.А.* Идея права в российской государственной традиции: историософские заметки // Современная научная мысль. 2014. №5. С. 28–55.
2. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / И.Т. Посошков; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 529 с.
3. *Гааг Л.В.* Идея законности в философско-правовых воззрениях русских мыслителей XI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 2. С. 75–81.
4. *Черняев А.В.* У истоков русского консерватизма: Иван Посошков // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 32–38.
5. *Нуреев Р.М.* «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова как образец «государевой литературы» // Journal of Institutional Studies. 2014. Т. 6. № 1. С. 13–29.
6. *Лонин А.В.* Роль лучших людей в развитии общества и идейных исканиях российских мыслителей петровской эпохи // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 5. С. 134.
7. *Леонтьева Е.Н., Сизая Е.А.* Политико-правовые идеи мыслителей XVII в. на Руси как источник права // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2008. № 2. С. 115–120.
8. *Васильев А.А.* Традиционалистские политико-правовые взгляды И.Т. Посошкова // История государства и права. 2012. № 12. С. 17–20.
9. *Андреев Н.Ю.* О некоторых идейных источниках славянофильского общественно-политического течения (середина XIX в.) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 2(53). С. 111–117.
10. *Ирошников М.П.* «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова — памятник общественно-политической мысли России начала XVIII в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 2. С. 10–24.
11. *Огнева В.В.* Политическая мысль в России: истоки, традиции, историческая динамика // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4. С. 195–207.
12. *Фролова Н.А.* Актуальность политико-правовых взглядов мыслителей Петровской эпохи для современной эпохи // Юридическая мысль. 2014. № 6(68). С. 62–65.
13. *Чекурда Е.А.* Принцип законности как основа реформы государственного управления Петра Великого // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3(32). С. 25–28.

References

1. *Magaril S.A.* The Idea of Law in the Russian State Traditions: Historiosophical Notes // Modern scientific thought. 2014. No. 5. P. 28–55.
2. *Pososhkov I.T.* The Book about Poverty and Wealth. The Testament of Fatherly / I.T. Pososhkov; [comp., authors Intro. art. and comment. N.V. Kozlova, L.N. Vdovina] M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEHN), 2010. 529 p.
3. *Gaag L.V.* The idea of Legality in the Philosophical and Legal Views of Russian Thinkers of XI–XVII Centuries. // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2012. No. 2. P. 75–81.

4. *Chernyaev A.V.* At the Origins of Russian Conservatism: Ivan Pososhkov // Notebooks on Conservatism. 2014. No. 3. P. 32–38.
5. *Nureev R.M.* «The Book about Poverty and Wealth» by I. T. Pososhkov as a Pattern of «Sovereign Literature» // Journal of Institutional Studies. 2014. Vol. 6. № 1. P. 13–29.
6. *Lonin A.V.* The Role of the Best People in the Development of Society and the Ideological Quest of the Russian Thinkers of the Peter Era // Modern problems of science and education. 2011. No. 5. P. 134.
7. *Leonteva E.N., Sizaya E.A.* Political and Legal Ideas of Thinkers of XVII Century in Russia as a Source of Law. Bulletin of Cheboksary Cooperative Institute. 2008. No. 2. P. 115–120.
8. *Vasilev A.A.* Traditionalist Political and Legal Views of I. T. Pososhkov // History of state and law. 2012. No. 12. P. 17–20.
9. *Andreev N.Y.* On Some Ideological Sources of the Slavophile Socio-political Trend (mid-XIX century) // News of the South-Western State University. 2014. № 2 (53). P. 111–117.
10. *Iroshnikov M.P.* «The Book about Poverty and Wealth» by I.T. Pososhkov- monument of Socio-political Thought of Russia in the Early XVIII century // Bulletin of St. Petersburg. Ser. 2. 2013. Issue. 2. P. 10–24.
11. *Ogneva V.V.* Political Thought in Russia: Sources, Traditions and Historical Dynamics // Central Russian Messenger of Social Sciences. 2009. No.4. P. 195–207.
12. *Frolova N.A.* Relevance of Political and Legal Views of Thinkers of the Peter Era for the Modern Era // Legal Thought. 2014. No. 6 (68). P. 62–65.
13. *Chekurda E.A.* Principle of Legality as the Basis of Peter the Great Public Administration Reform // Bulletin of Omsk University. Series “Law”. 2012. No. 3 (32). P. 25–28.

УДК 340.10

А.Ю. Барсуков

ЦИКЛИЧНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Введение: в общей теории государства и права одной из наиболее актуальных и по настоящее время нерешенных задач, выступает выявление закономерностей, обуславливающих цикличность развития государства, права и правовой системы общества. Одновременно требует всестороннего анализа проблема установления места и роли кризисных явлений в циклах государственно-правового развития российского общества. **Цель:** поиск наиболее адекватного теоретико-методологического подхода в определении классификационной принадлежности цикличности развития государства, права и правовой системы в единой совокупности государственно-правовых закономерностей. **Методологическая основа:** диалектический материализм, системный и циклический подходы в оценке динамики трансформации государства, права и правовой системы общества, формально-юридический и логический методы в определении понятия, классификационной принадлежности цикличности государственно-

© Барсуков Анатолий Юрьевич, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: barsukovau@mail.ru

© Barsukov Anatoly Yurievich, 2019

Candidate of Law, Associate professor, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy)

правового развития в качестве особого вида государственно-правовой закономерности.

Результаты: аргументирована авторская позиция относительно необходимости и перспективности трактовки цикличности в качестве важнейшей закономерности развития государственно-правовых явлений, которая отнесена к группе наиболее общих, постоянных, динамических, определяющих процесс качественного изменения объекта государственно-правовых закономерностей. **Выводы:** на современном этапе и при наличествующем уровне развития отечественной юриспруденции наиболее целесообразной и точной представляется трактовка цикличности не в качестве отдельного метода или методологического подхода в правоведении, а пока лишь в виде малоизученной теоретико-методологической проблемы, скрывающей за собой пробел в познании целого ряда государственно-правовых закономерностей всеобщего характера о циклической динамике государства, права и правовой системы общества, требующей комплексного методологического подхода к ее изучению.

Ключевые слова: государственно-правовые закономерности, государство, право, циклы государственно-правового развития общества, динамика трансформации государства и права.

A.Yu. Barsukov

TRANSFORMATION OF STATE AND LAW CYCLING AS THE STATE-LEGAL REGULARITY

Background: in the general theory of the state and law, one of the most pressing and still unsolved problems is the identification of patterns that determine the cyclical nature of the state, law, and the legal system of society. At the same time, the problem of establishing the place and role of crisis phenomena in the cycles of the Russian society state and legal development requires a comprehensive analysis. **Objective:** the search for the most adequate theoretical and methodological approach in determining the classification of the cyclical nature of the development of the state, law and legal system in a single set of state-legal regularities. **Methodology:** dialectical materialism, systemic and cyclical approaches in estimating the dynamics of state transformation, law and the legal system of society, formal legal and logical methods in defining the concept and classification of the cyclical nature of state-legal development as a special type of state-legal regularity. **Results:** the author's position on the need and perspectivity of interpreting cyclicity as the most important regularity of the development of state-legal phenomena which is assigned to the group of the most general, constant, dynamic, determining the process of qualitative change of the object of state-legal regularities is argued. **Conclusions:** at the present stage and with existing of the present level of domestic jurisprudence development, the interpretation of cyclicity is not the most appropriate and accurate method as a separate method or methodological approach in jurisprudence, but so far only in the form of an insufficiently studied theoretical and methodological problem that covers up a gap in the knowledge of the whole range of government legal laws of a universal nature on the cyclical dynamics of the state, the law and the legal system of a society requiring a complex methodological approach to its study.

Key-words: state-legal regularities, state, law, cycles of state-legal development of society, dynamics of state and law transformation.

Исследование действий циклических закономерностей, динамики трансформации правовых явлений позволяет выйти на определение детерминант, влияющих на будущие государственно-правовые процессы, изменение их качественных и количественных показателей, что, в свою очередь, можно отнести к

числу наиболее актуальных в научно-теоретическом и практическом плане задач отечественной юридической науки. Решение вопросов циклической природы трансформации российской правовой системы, в конечном итоге, будет способствовать расширению прогностического потенциала общей теории государства и права. В условиях роста числа кризисных явлений в отечественной системе права, усиления тенденции по разбалансированности нормативно-правовой материи в ряде сфер правового регулирования — научно-практическая значимость исследования циклической природы развития и функционирования права многократно возрастает, приобретая особую актуальность. В общей теории государства и права представляется одной из наиболее актуальных задач в современных условиях выявление закономерностей, обуславливающих цикличность государственно-правового развития. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что циклический характер развития права и правовой системы общества в целом уже сам по себе составляет вполне устойчивую и достаточно общую, в масштабах своего действия, государственно-правовую закономерность. С одной стороны, циклическая динамика развития и функционирования права и иных государственно-правовых явлений обусловлена некими объективными причинами, с закономерностью вызывающими повторение ряда стадий (фаз), состояний в их эволюционном движении. С другой стороны, цикличность, как повторяющаяся смена одного состояния права на другое, предстает в виде относительно самостоятельной и специфической государственно-правовой закономерности, подтверждающейся всем ходом исторического развития правовой системы того или иного государства.

Вопросы о природе, сущности, формах проявления и классификации государственно-правовых закономерностей имеют ярко выраженный методологический характер и отличаются особой сложностью в нахождении четких и развернутых ответов на них. Исследователь сталкивается с трудностями в ходе раскрытия циклической динамики правового развития, государственно-правовой закономерности, это объясняется не только недостаточной проработанностью проблемы в целом в отечественной теории права, но и незначительным вниманием к вопросам цикличности в развитии государства, права и правовой системы общества.

Циклы и цикличность правового развития общества не получили всестороннего комплексного исследования в отечественной юридической литературе. Имеющиеся отдельные научные публикации по вопросам циклической динамики трансформации права и иных государственно-правовых явлений, к сожалению, не демонстрируют всей масштабности и значимости анализируемой государственно-правовой закономерности. В большинстве трудов авторами, преимущественно постановочно, раскрываются отдельные аспекты циклического характера государственно-правового развития социального бытия, делается акцент на преимуществах и перспективах подобного теоретико-методологического подхода в будущих изысканиях [1, с. 44–53; 2, с. 213–229; 3, с. 20–24; 4; 5, с. 15–22; 6, с. 41–42; 7]. Следовательно, вести речь о циклах развития, функционирования права и правовой системы общества можно пока на уровне постановки проблемы. Однако данный факт ни в коей мере не снижает ее актуальности и значимости для отечественной юриспруденции. Полагаем верной оценку, высказанную Н.А. Власенко в отношении исследования циклической динамики

трансформации права в качестве одной из наиболее перспективных и интересных задач современной юриспруденции [8, с. 53].

В юридической литературе ставился вопрос и о возможности использования «модели цикла» как особого метода исследования права. Так, В.Д. Чурсин писал: «Возникает эмпирическая потребность в теоретическом анализе права с помощью обновленного понятийного аппарата, раскрывающего предмет правовой науки, и эта востребованность актуализировала метод цикличности, что непосредственно связано с его содержанием и механизмом действия... Цикличность как метод исследования права содействует углублению его познания, вплоть до раскрытия сущности права» [7, с. 5–6].

При всей значимости проблемы цикличности правового развития общества, считаем возможным высказать ряд критических замечаний в отношении позиции по признанию цикличности в качестве некоего самостоятельного метода правопведения. Теоретическая модель цикла в социально-правовой жизни базируется на комплексном применении ряда философских, общенаучных и частнонаучных методов исследования — материалистической диалектики, системного, логического, исторического, формально-юридического и иных. Лишь в отдаленной перспективе целый ряд самостоятельных исследований циклической динамики права может подтвердить предполагаемый эвристический потенциал теоретико-методологической конструкции «цикл» в познании государственно-правовых явлений. Однако и в этом случае можно будет говорить не о становлении цикличности в виде самостоятельного метода правовых исследований, а о формировании соответствующего устойчивого и эффективного методологического подхода в изучении динамики трансформации государственно-правовой действительности.

В настоящий же момент более точным будет выделять цикличность в качестве одной из малоисследованных, но немаловажных государственно-правовых закономерностей. В отмеченном ракурсе заслуживает внимание утверждение, высказанное В.Д. Чурсиным: «В обществе существует не один цикл юридической деятельности, а целая система взаимосвязанных циклов. Из этого следует, что общество имеет не один правовой цикл, а целую систему правовых циклов, где один цикл органично входит в другой правовой цикл, более широкий. Здесь мы приближаемся к пониманию сущности, природы права на основе общей теории цикла» [7, с. 53]. Далее автор вполне справедливо отмечал, что взаимосвязанные и последовательно связанные части государственно-правовой жизни — правовые циклы — обладают различной фазовой динамикой и ритмичностью [7, с. 59]. Исходя из обозначенных теоретических установок, возможно гипотетически утверждать о целесообразности выделения в теории права общей закономерности цикличности в развитии и функционировании значительного числа явлений, включаемых в правовую систему общества.

Что же представляет собой цикличность, некую особую государственно-правовую закономерность? Свой ответ на данный вопрос предлагает Ю.А. Тихомиров, определяя цикл правового развития как «относительно устойчивый временной и содержательный период развития правовой сферы, характеризующийся постепенными и последовательными действиями субъектов права по достижению стратегических целей» [5, с. 15]. При этом он вполне убедительно отстаивает позицию необходимости использования особого циклического подхода в деле изучения ряда закономерностей развития права.

В качестве основополагающих признаков цикличности Ю.А. Тихомиров называет целеполагание, «задаваемое» правом, устойчивость определенного временного периода правового развития в содержательном плане. В целом подобное определение можно оценить как вполне работоспособное. Однако полагаем, что элемент противоречивости все же присутствует в дальнейших пояснениях Ю.А. Тихомирова относительно динамики циклов правового развития. Акцент на устойчивость содержания правового регулирования в течение определенного времени цикла развития соседствует в рассуждениях автора с утверждением о происходящих внутри цикла отклонениях от установленных целей, принятых юридических моделей. При этом, как полагает сам автор, допускаются нарушения законности, а также возникают новые «правовые элементы», которые со временем способствуют смене циклов [9, с. 59]. В рамках одного цикла наблюдается в итоге попеременная смена тенденций в развитии от устойчивости к изменчивости, что в определении Ю.А. Тихомирова не находит отражения. Напротив, диалектика смены состояний в рамках одного цикла сводится преимущественно к устойчивости, что, на наш взгляд, несколько нивелирует сам характер цикличности динамики правового развития.

Также вызывает вопрос и выделение в качестве неотъемлемой черты правовых циклов целеполагания, последовательного достижения в течение цикла поставленных целей субъектами. В силу того, что Ю.А. Тихомиров делит циклы правового развития на два типа — эволюционные и кризисные [9, с. 61], в отношении последнего вида циклов представляется проблематичным характеризовать его как последовательное достижение целей субъектами права, иначе невозможно квалифицировать циклические изменения в качестве кризисных.

Представляется, что в рассматриваемой дефиниции не достает ряда признаков, позволяющих более полно отразить природу циклов правового развития. В частности, данное определение можно дополнить такими признаками — как завершенность изменений (смены) состояний явлений и процессов в правовом развитии (по принципу спирали или круга, в зависимости от того, был ли это цикл прогрессивных или регрессивных изменений), обязательное прохождение в ходе цикла явлением или процессом противоположных стадий, состояний в развитии или подверженность противоположным тенденциям, факторам воздействия в развитии, наличие стадий (фаз) прямо противоположного состояния — например подъема и падения, роста и угасания (в отношении права — смена тенденций развития законодательства со специализации на унификацию, с ужесточения наказания на смягчение). Кроме того, фактор времени определяется в отношении цикла с указанием временных границ протекания цикла, после наступления которых он либо полностью повторяется, либо в своем развитии переходит на качественно новый уровень. Еще одним признаком выступает наличие определенного ритма и интенсивности изменений правового цикла, обусловленного как внешними, так и внутренними факторами развития. Категория «цикл» призвана служить в познавательном процессе цели нахождения и надлежащего отражения в общей теории права и отраслевых науках закономерностей темпорального, содержательного, структурного, функционального и генетического изменения правовой действительности.

Не следует сводить циклический подход в рамках системного исследования права лишь к установлению хронологических рамок какого-либо цикла, подобная задача не является самоцелью. Исходя из системных установок более

точным представляется определение в рамках цикличности правового развития всех основных параметров трансформации правовых явлений, не ограничиваясь лишь каким-то одним.

Далее предлагаем обратиться к вопросу о месте и роли цикличности в системе иных государственно-правовых закономерностей, определив для этой цели ее классификационную принадлежность. Недостаточная проработанность самого понятия государственно-правовой закономерности, ее отличительных свойств и форм проявления порождает в отечественной юриспруденции весьма существенный пробел в познании государственно-правовой действительности, что весьма точно подмечено в следующем высказывании: «Закономерности развития общественных отношений, развития права и правовых отношений, наконец, развития правовой науки — предметы особого исследования. Все они диалектически связаны, подвержены взаимным влияниям, но, если не придерживаться крайних синергических позиций, требуют самостоятельного развернутого исследования. Кроме того, современные правоведы пока не имеют четкого представления ни о тех, ни о других, ни о третьих. Это особая проблема; именно с ней связаны прогнозы о перспективах права и государства, именно ее решение позволило бы высветить горизонты юриспруденции» [10, с. 85]. Схожую оценку дает и В.М. Сырых, отмечая тот факт, что воззрения российских и зарубежных правоведов в отношении объективных закономерностей развития и функционирования государственно-правовых явлений носят весьма умозрительный и гипотетичный характер [11, с. 47].

Несмотря на имеющиеся трудности, постараемся выделить ряд отправных моментов в понимании специфики цикличности в ряду иных закономерностей правового развития.

Под государственно-правовыми закономерностями будем понимать единую целостную совокупность объективно существующих и систематически повторяющихся взаимосвязей фактов в государственно-правовой действительности.

В качестве характерных признаков государственно-правовых закономерностей могут быть выделены следующие черты:

государственно-правовые закономерности представляют собой определенные связи — генетические, предметные, функциональные, структурные, причинно-следственные — между фактами, явлениями и процессами государственной правовой жизни;

имеют устойчивый и систематически повторяющийся характер, что отличает их от простой тенденции в развитии государственно-правовой действительности;

объективно существуют и проявляют себя в реально складывающейся в обществе юридической практике;

выражают наиболее существенные стороны и глубинные свойства государственно-правовых явлений;

потенциально доступны для мыслительного отражения, теоретико-логического обоснования и объяснения.

Ряд правоведов выделяют и иные признаки закономерностей. Однако, на наш взгляд, вышеперечисленных черт вполне достаточно для общего понимания того, какие же получаемые в ходе государственно-правовых исследований знания можно именовать собственно выявленными закономерностями. Так, Ю.Ю. Ветютнев к числу общих признаков, помимо указанных нами ранее, также относит действие закономерностей в определенных временных и про-

странственных границах, одновременно скептически высказываясь в отношении существования так называемых «всеобщих» закономерностей [12, с. 25–26]. Позволим себе не согласиться с подобным утверждением в силу следующего обстоятельства. Цикличность правового развития, его социально-экономическая обусловленность, диалектическая связь права и государства представляются именно всеобщими закономерностями государственно-правовой действительности, которые не имеют, до настоящего момента, каких-либо пространственных либо временных ограничений. Кроме того, излишним полагаем указание на действие рассматриваемых закономерностей в государственно-правовой сфере и их реализацию через человеческое поведение. Последние черты находят свое отражение в ранее указанных признаках государственно-правовых закономерностях и лишь излишне дублируют их. Отдельно отметим возможные формы, в которые может облекаться закономерность. Она может принимать вид: доминирующей тенденции в развитии государства и права, правовой системы; отчетливо наблюдаемой устойчивой связи правовых явлений и процессов; определенного порядка реализации юридически значимых действий, процесса осуществления юридической деятельности; последовательной смены состояний в развитии и функционировании того или иного правового явления.

Рассмотренные нами признаки закономерностей государственно-правовой действительности в силу их общего характера присущи и цикличности правового развития, специфику которой полагаем целесообразным продемонстрировать дополнительно, обращаясь к проблеме классификации государственно-правовых закономерностей. Другими словами, необходимо решить вопрос о том, к какому типу или группе относится закономерность циклического развития права и правовой системы.

В отечественной юридической литературе авторами предложены различные варианты классификации закономерностей государственно-правовой действительности, имеющие ряд общих и отличных моментов. Приведем основные позиции по данному вопросу.

Так, С.С. Алексеевым было предложено подразделять всю совокупность закономерностей прав на следующие основные группы:

- наиболее общие закономерности возникновения и развития права;
- общие структурно-функциональные закономерности права;
- специальные (частные) закономерности возникновения и развития права;
- специальные (частные) структурно-функциональные закономерности.

В качестве примеров государственно-правовых закономерностей он выделял следующие: диалектическую связь общих дозволений и запретов в праве; увеличение числа специальных предписаний в праве; повышение уровня и значения общих нормативных предписаний права; усиление тенденции специализации законодательства; качественное усложнение инструментов охраны права и др. [13, с. 123–134.]

Еще ранее П.М. Рабиновичем была представлена классификация государственно-правовых закономерностей по следующим основаниям:

- в зависимости от системного положения в обществе — на внутренние и внешние;
- исходя из исторических пределов действия — на всеобщие, общие и особенные;
- по степени охвата государственно-правовой действительности — на общие и частные;

в зависимости от типа связей государственно-правовых феноменов — на генетические и структурно-функциональные;

с учетом формы проявления — на статические и динамические [14, с. 37-52].

Несколько отличную градацию закономерностей предлагал В.Н. Кудрявцев, обозначая лишь три основные их группы:

общие социально-исторические государственно-правовые закономерности, производные от социально-экономического строя общества в целом;

собственные специфические закономерности права;

закономерные связи общесоциальных и специально-юридических детерминант в развитии и функционировании государства и права [15, с. 54].

Наиболее же полную классификацию государственно-правовых закономерностей представил Ю.Ю. Ветютнев, обобщив достижения предшественников по данному вопросу. Он выделил наибольшее число и классификационных оснований, и соответствующих им видов закономерностей:

по содержанию — закономерности возникновения (генетические), бытия (способов существования государственно-правовых явлений), функционирования (характеризующих состояние и поведение явления в его устоявшемся виде), развития (определяющие дальнейшую эволюционную трансформацию государственно-правовых явлений, их качественное изменение);

в зависимости от структуры — на два типа: простейшие (однообъектные) закономерности, характеризующие функционирование лишь одного объекта вне его связи с другими, и сложные (многообъектные), отражающие связи двух и более государственно-правовых явлений;

с учетом типа связи — на причинно-следственные и функциональные закономерности;

по масштабу — на глобальные (имеющие максимальный пространственный охват государственно-правовой действительности) и локальные закономерности (действующие в ограниченных пространственно-территориальных границах — например, отдельного региона);

исходя из уровня обобщения — на эмпирические (выявленные лишь с использованием наблюдения, эксперимента или иных опытных приемов исследования) и теоретические закономерности (полученные на основе глубинной теоретико-методологической обработки данных об изучаемых объектах);

по времени действия — на постоянные (действующие на протяжении всего исторического процесса развития и функционирования государственно-правовой действительности) и временные закономерности (имеющие временные границы своего проявления);

по логической природе — на закономерности, допустимые с точки зрения логики, но не предписываемые ею в жесткой форме, и закономерности, строго необходимые для существования исследуемого объекта в соответствии с законами логического мышления;

по сфере действия — на общие, характеризующиеся наиболее высокой степенью универсальности и общности, и специальные закономерности, затрагивающие лишь небольшой сегмент государственно-правовой жизни [12, с. 45-53].

С определенной долей условности рассуждает Ю.Ю. Ветютнев и о возможности классификации государственно-правовых закономерностей с учетом их субъективной оценки на позитивные и негативные. Рассматривая последнее основание для классификации, автор пишет: «Действительно, государственно-

правовые закономерности как факторы социального развития вполне могут получать в обществе положительную или отрицательную оценку. Однако это именно оценка, а не классификация: ведь восприятие тех или иных закономерностей как полезных или вредных носит сугубо субъективный характер и может существенно различаться у отдельных индивидов или социальных групп. Кроме того, многие закономерности носят с этой точки зрения нейтральный характер, то есть лишены ярко выраженной позитивной или негативной окраски» [12, с. 54]. Подобная градация закономерностей обладает определенным научным значением и может использоваться в том числе и в ходе характеристики циклической динамики трансформации правовых явлений.

К примеру, цикличность, будучи сложной и весьма масштабной закономерностью юридического бытия, раскрывается в итоге через целый ряд более частных закономерных связей и отношений правового развития общества. Так, с одной стороны, отдельные циклические закономерности, отражающие стадию подъема эволюции правовой системы, можно рассматривать в качестве разновидности положительных закономерностей государственно-правового характера. С другой же стороны, имманентно присущие циклической динамике трансформации права критические периоды в его развитии можно с высокой степенью уверенности оценить в качестве, хотя порой и неизбежной, но все же отрицательной закономерности, сопровождающейся упадком, существенным снижением качества и правотворческой, и правореализационной практики.

Обращаясь к выше перечисленным основаниям классификации государственно-правовых закономерностей, дадим характеристику цикличности динамики трансформации государственно-правовой материи. С позиции содержания цикличность предстает как закономерность преимущественно развития, функционирования права и иных государственно-правовых явлений. Достаточно сложно обнаруживает себя цикличность в процессе зарождения правовой системы, хотя и здесь непременно находит свое проявление.

По структуре цикличность правового развития общества следует отнести к группе сложных (многообъектных) государственно-правовых закономерностей, ибо циклы сами по себе предполагают множественность повторяющихся стадий, сменяющих последовательно друг друга, и связь существует, как правило, внутри подобных циклов не одного, а нескольких правовых явлений или процессов.

Исходя из учета типа связи, достаточно сложно отнести цикличность динамики трансформации права лишь к одной из двух выделяемых групп закономерностей. Циклический характер правового развития распадается и, включает в себя, как причинно-следственные, так и функциональные закономерности.

По масштабу цикличность правового развития не имеет каких-либо очерченных для нее границ. Весь исторический ход эволюции правовых систем различных стран мира достаточно отчетливо демонстрирует наличие определенных циклов в процессе их функционирования и дальнейшего развития. Значит, цикличность выступает ярким представителем группы глобальных (всеобщих) государственно-правовых закономерностей. А во временном параметре ее можно признать постоянно действующей закономерностью, также не ограниченной какими-либо временными рамками или исключениями.

С точки зрения формальной логики, циклическая динамика правового развития не предписана ею в жесткой форме, и соответственно она имеет характер логически допустимой государственно-правовой закономерности. Исходя из

уровня обобщения, на наш взгляд, цикличность как государственно-правовая закономерность не является исключительно эмпирически выводимой. Напротив, она требует для своего выявления глубокой, комплексной теоретико-методологической проработки эмпирических данных, использования всего арсенала философских, общенаучных и частнонаучных методов познания государственно-правовой действительности. Другими словами, цикличность правового развития и юридического бытия общества не лежит на поверхности.

Подводя итог озвученных выше размышлений по проблеме позиционирования цикличности в качестве особой государственно-правовой закономерности, сделаем следующий вывод: на настоящий момент цикличность трансформации права и правовой системы общества пока еще преждевременно рассматривать в качестве устоявшегося методологического подхода в юриспруденции. Для подобного шага проведено еще недостаточно изысканий по данной теоретической проблеме. Тем более представляется неверным обозначение циклической модели правового развития в качестве самостоятельного метода юридической науки. На данном этапе и при наличествующем уровне развития отечественной юриспруденции наиболее целесообразной и точной нам видится трактовка цикличности в качестве одной из значимых и пока еще малоизученных государственно-правовых закономерностей, которая характеризуется всеобщим характером, особой теоретико-методологической сложностью в ее установлении и объяснении, отсутствием пространственных границ ее действия, постоянством во времени и потребностью в комплексном методологическом подходе к ее изучению.

Библиографический список

1. *Бахрах Д.Н.* Управленческий цикл // Правоведение. 1976. № 2. С. 44–53.
2. *Ветютнев Ю.Ю.* Дисциплинарные ритмы права // Ритмология культуры: очерки / под ред. Ю.Ю. Ветютнева, А.И. Макарова, Д.Р. Яворского. СПб.: Алетейя. 2012. С. 213–229.
3. *Евдокимова Е.Г.* Цикличность правоприменения // Правоведение. 2001. № 6. С. 20–27.
4. *Медушевский А.Н.* Теория конституционных циклов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 547 с.
5. *Тихомиров Ю.А.* Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 15–22.
6. *Ромашов Р.А.* Преемственность и цикличность в российском праве: единство и противоречия // Юридическая техника. Ежегодник. Вторые Бабаевские чтения: Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. С. 41–42.
7. *Чурсин В.Д.* Цикличность в праве (вопросы методологии). Ставрополь: Изд-во Ставропольского университета, 1998. 278 с.
8. *Власенко Н.А.* Ограничения в праве: природа и пути исследования // Юридическая техника. Ежегодник. № 12. «Ограничения в праве: теория, практика, техника». Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 53–55.
9. *Тихомиров Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.
10. *Лазарев В.В., Саидов А.Х.* Закономерности развития современного права и юридическая глобалистика // Вестник Международного института экономики и права. 2011. № 2(2). С. 85–91.
11. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: В 2 т. М.: Юстицинформ, 2000. Т. 1. 528 с.

12. *Вютнев Ю.Ю.* Государственно-правовые закономерности (Введение в теорию) / под ред. А.Я. Рыженкова. Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2006. 204 с.
13. *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2 т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. 1. 360 с.
14. *Рабинович П.М.* Упрочение законности — закономерность социализма / отв. ред.: Кульчицкий В.С. Львов: Вища шк. Изд-во при Львовском ун-те, 1975. 260 с.
15. *Кудрявцев В.Н.* Право развитого социализма: принципы и закономерности // Вопросы философии. 1983. № 12. С. 54–58.

References

1. *Bahrah D.N.* Management Cycle // Jurisprudence. 1976. No. 2. P. 44–53.
2. *Vyutnev Yu.Yu.* The Disciplinary Rhythms of Law // Rhythmology Culture: essays / ed. by Yu.Yu. Vyutnev, A.I. Makarov, D.R. Yavorski. SPb.: Aletheia. 2012. P. 213–229.
3. *Evdokimova E.G.* Cyclical Enforcement // Law. 2001. No. 6. P. 20–27.
4. *Medushevsky A.N.* Theory of Constitutional Cycles. M.: publishing house of GU HSE, 2005. 547 p.
5. *Tikhomirov Yu.A.* Cycles of Legal Development // Journal of Russian law. 2008. No. 10. P. 15 – 22.
6. *Romashov R.A.* Succession and Cyclicity in Russian Law: Unity and Contradictions. Legal technique. Yearbook. Second Babaevskie readings: Succession of Law: Doctrine of the Russian and Foreign Practice, Technique. Nizhny Novgorod, 2011. P. 41–42.
7. *Chursin V.D.* Cyclicity in Law (questions of methodology). Stavropol: publishing House of Stavropol University, 1998. 278 p.
8. *Vlasenko N.A.* Limitations in Law: Nature and Ways of Research // Legal technique. Yearbook. No. 12. “Limitations in Law: Theory, Practice, Technique”. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Russian interior Ministry, 2018. P. 53–55.
9. *Tikhomirov Yu.A.* Legal Regulation: Theory and Practice. M.: Formula of law, 2010. 400 p.
10. *Lazarev V.V., Saidov A.H.* Patterns of Modern Law Development and Legal Globalization // Bulletin of the International Institute of Economics and law. 2011. No. 2 (2). P. 85–91.
11. *Syrykh V.M.* Logical Foundations of the General Theory of Law: in 2 vol. M.: Justicinform, 2000. Vol. 1. 528 p.
12. *Vyutnev Yu.Yu.* State Legal Laws (Introduction to Theory), ed. by A.Y. Ryzhenkov. Elista: JSC “NPP “dzhangar”, 2006. 204 p.
13. *Alekseev S.S.* General Theory of Law: In 2 vol. M.: Legal literature, 1981. Vol. 1. 360 p.
14. *Rabinovich P.M.* Consolidation of Legitimacy – Regularity of Socialism / Resp. ed.: Kulchitsky V.S. Lviv: SHK. Publishing house in Lviv. University, 1975. 260 p.
15. *Kudryavtsev V.N.* Law of Developed Socialism: Principles and Regularities // Questions of philosophy. 1983. No. 12. P. 54–58.

УДК 34.03; 343.85; 343.35

В.Е. Халиулин, А.А. Шаповалов

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

Введение: за последние десятилетия коррупция в России трансформировалась из отдельной проблемы криминального характера в проблему общегосударственного масштаба, разрушающую государственность и подрывающую авторитет власти, ставя под угрозу дальнейшее развитие нашего государства. **Цель:** анализ современного состояния противодействия коррупционным преступлениям, а также выявление основных направлений совершенствования данной деятельности. **Методологическая основа:** комплексный анализ направлений противодействия коррупции, совокупность диалектического, метафизического и системного методов исследования, а также телеологический подход. Проводится целостный анализ системы противодействия коррупции, для получения общей картины деятельности государства и определения перспективных задач в данной области. **Результаты:** выявлены общие тенденции развития современного законодательства в сфере противодействия коррупции, сделаны предложения по совершенствованию существующей нормативной базы. **Выводы:** действующее законодательство еще не в полной мере реализовало весь спектр возможных и указанных в нем мер противодействия коррупции. В перспективе возможно дальнейшее расширение существующих норм.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, антикоррупционная экспертиза, кодекс этики, противодействие коррупции, антикоррупционная политика.

V.E. Khaliulin, A.A. Shapovalov

MODERN METHODS OF COMBATING CORRUPTION OFFENCES

Background: over the past decades, corruption in Russia has transformed. Being a problem which had a criminal character it turned into a problem of the national-level scale, destroying the statehood and undermining the authority of the government, jeopardizing the further development of our state. **Objective:** to analyze the current state of combating corruption offences, to identify the main directions for improving this activity. **Methodology:** a comprehensive analysis of anti-corruption directions, a set of dialectical, metaphysical and systemic research methods, as well as a teleological approach. Holistic analysis of combating corruption offences system for obtaining the whole picture of the state activities and determining perspective issues in this sphere of activity has been conducted. **Results:** the General trends in the development of modern legislation in the field of anti-corruption

© Халиулин Вячеслав Есенович, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права (Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС); e-mail: v_khaliulin@mail.ru

© Шаповалов Алексей Александрович, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права (Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им Г.В. Плеханова); e-mail: uspek34@ya.ru

© Khaliulin Vyacheslav Esenovich, 2019

Candidate of Law, Associate professor, Theory of law department (Volga Region Institute of administration named after P.A.Stolypin — branch of RANEPА under the President of the Russian Federation)

© Shapovalov Aleksey Aleksandrovich, 2019

Candidate of Law, Associate professor, Theory and history of the state and law department (Saratov State Social and Economic Institute, branch of REU named after Plekhanov G.V.)

have been determined, proposals for improving the existing regulatory framework have been made. Conclusions: the current legislation has not yet fully implemented the full range of possible and specified anti-corruption measures. In the prospect, it is possible to further increasing the existing norms.

Key-words: *corruption, bribery, anti-corruption expertise, code of ethics, anti-corruption, anti-corruption policy.*

На сегодняшний день коррупция претерпела качественное изменение, превратившись из разряда отдельных самостоятельных преступлений, совершаемых некоторыми нечестными на руку чиновниками, в массовое социальное явление, которое стало привычной составляющей социально-экономической жизни современной России.

Таким образом, разработка и проведение эффективной антикоррупционной политики становится одной из важнейших задач современного российского государства.

Сегодня в России в целом сформирована правовая и организационная основа противодействия коррупции: ратифицированы базовые международные соглашения, приняты концептуальные стратегические и национальные плановые антикоррупционные документы, а также нормативные правовые акты, направленные на их реализацию. В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 30 октября 2018 г.) (далее — закон о противодействии коррупции) в ст. 1¹ дается следующее определение противодействию коррупции — это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);
- б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);
- в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Из данного определения можно сделать вывод о том, что противодействие коррупции осуществляется всеми субъектами права и представляет собой деятельность, реализуемую по трем основным направлениям — профилактике, борьбе и устранению последствий правонарушений, указанных в главах 23, 30 УК РФ², в том числе совершенных от имени или в интересах юридического лица.

В рамках каждого из вышеуказанных направлений противодействия коррупции выделяют различные меры антикоррупционного характера. Их действие проявляется во всех направлениях и, как правило, носит комплексный характер. В общий перечень мер противодействия коррупции включаются следующие:

меры идеологического характера: формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, пропаганда антикоррупционного поведения среди государственных и муниципальных служащих и др.;

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

² Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 12 ноября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. № 47, ст. 7141.

меры правового характера: антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов, анализ правоприменительной практики; серьезная правотворческая деятельность, в том числе по созданию корпоративных актов по противодействию коррупции (например, кодексов этики); активная борьба с преступлениями коррупционной направленности;

изменение кадровой политики в направлении ужесточения требований к кандидатам на должности государственных служащих; предъявление повышенных требований к самим государственным служащим, установление дополнительных ограничений для субъектов коррупционных преступлений и целый ряд других;

меры организационного характера: развитие общественного и парламентского контроля; устранение необоснованных запретов и ограничений в осуществлении различных видов деятельности, прежде всего, экономической; передача части государственных функций негосударственным организациям, рациональное и не допускающее дублирования распределение функций между органами власти.

Из вышеобозначенных мер не все нашли достаточно полное раскрытие в вышеуказанном нормативном правовом акте, часть из них носит достаточно спорный и неоднозначный характер, например передача некоторых государственных функций негосударственным организациям. Однако некоторым мерам в законе уделяется большое внимание.

В первую очередь это совершенствование кадровой работы в органах публичной власти, что вполне логично с учетом того, что субъектом коррупционных правонарушений являются именно государственные, муниципальные служащие, а также работники тех или иных негосударственных организаций. Среди конкретных мер по совершенствованию кадровой политики следует выделить: запрет государственным служащим, муниципальным служащим, занимающим руководящие посты, некоторым другим должностным лицам, а также их супругам и несовершеннолетним детям открывать и иметь счета (вклады), хранить денежные средства и ценности в иностранных банках за пределами РФ, пользоваться любыми иностранными финансовыми инструментами; обязательность представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о расходах (включая сведения об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка по приобретению некоторых видов имущества); обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений и ряд других.

Можно отметить, что работа в сфере организации кадровой работы преследует цели профилактики коррупционных правонарушений.

Борьба с коррупцией подразумевает деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных преступлений, т.е. привлечение к юридической ответственности, а также их предотвращение.

Так, в соответствии с российским законодательством за совершение коррупционных правонарушений граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность, а юридические лица — административную и гражданско-правовую.

Уголовная ответственность применяется в судебном порядке к лицу, виновному в совершении преступления. Уголовная ответственность за совершение

коррупционных преступлений предусмотрена соответствующими статьями УК РФ³, большинство из них объединено в главе 30 (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления), в том числе ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями), ст. 286 (превышение должностных полномочий), ст. 290 (получение взятки), ст. 291 (дача взятки), ст. 292 (служебный подлог) и другие. Коррупционные правонарушения также могут быть сопряжены и с другими уголовными составами, например ст. 201 (злоупотребление полномочиями). За совершение коррупционных правонарушений уголовным законодательством предусмотрены различные виды санкций: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, лишение свободы на определенный срок. К примеру, получение взятки в особо крупном размере (более 1 млн руб.) наказывается штрафом в размере от 80 до 100-кратной суммы взятки (но не более 500 млн руб.) с лишением права занимать определенные должности на срок до 3 лет либо лишением свободы на срок от 8 до 15 лет.

Административная ответственность. Кодексом РФ об административных правонарушениях⁴ закреплено порядка двадцати различных составов административных правонарушений коррупционного характера. В их числе: подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах (статья 5.16); отказ в представлении гражданину информации (статья 5.39); незаконное вознаграждение от имени юридического лица (статья 19.28); незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (статья 19.29). На основании последней статьи к административной ответственности могут быть привлечены физические, должностные, а также юридические лица, незаконно привлекающие к трудовой деятельности бывших или действующих государственных, муниципальных служащих.

При этом срок давности, т.е. срок, в течение которого может быть вынесено постановление, составляет 6 лет со дня его совершения. Практически это положение превосходит по строгости положения относительно сроков давности, предусмотренных УК РФ за преступления небольшой и средней тяжести (2 года и 6 лет соответственно⁵).

В отличие от уголовной ответственности, административная ответственность возлагается и на юридические лица, так, в соответствии со ст. 19.28 КоАП РФ⁶ в отношении юридического лица может быть применена следующая санкция: наложение административного штрафа в размере до 3-кратной суммы денежных

³Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 12 ноября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. № 47, ст. 7141.

⁴Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. от 12 ноября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2018. № 47, ст. 7131.

⁵Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 12 ноября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2018. № 47, ст. 7141.

⁶Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. от 12 ноября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2018. № 47, ст. 7131.

средств, стоимости ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, незаконно переданных или оказанных либо обещанных или предложенных от имени юридического лица, но не менее 1 млн руб. с конфискацией денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав.

Гражданско-правовая ответственность. Гражданско-правовая ответственность выражается в применении к правонарушителю установленных законом либо договором мер воздействия, влекущих отрицательные последствия имущественного характера, которые выражаются в возмещении убытков, уплате неустойки, а также в возмещении вреда в интересах другого лица либо государства.

В соответствии с гражданским законодательством к правонарушениям коррупционной направленности, за которые предусмотрена гражданско-правовая ответственность, относятся нарушения правил дарения и порядка предоставления услуг, имеющие признаки коррупционного характера, не являющиеся при этом преступлениями.

Так, ст. 575 ГК РФ⁷ установлен запрет на дарение государственным служащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей, за исключением обычных подарков, под которыми подразумеваются подарки стоимостью менее 3000 руб.

Для определения того, является ли подарок «обычным», применяется критерий стоимости. Из данного положения следует, что предметы роскоши, коллекционные изделия, иные дорогостоящие предметы под данное определение не подходят. Помимо стоимости, «обычность» подарка подразумевает традиционность обстановки при которой он дарится, а именно в качестве повода для подарка могут выступать исключительно общепринятые обстоятельства, такие как юбилей, успешное завершение определенного этапа жизненного пути либо иное торжественное событие.

Гражданскому служащему в соответствии с законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁸ запрещается получать подарки стоимостью более 3000 руб. Такие подарки признаются федеральной собственностью и собственностью субъекта Российской Федерации и передаются гражданским служащим по акту в государственный орган, в котором он замещает должность гражданской службы. Но впоследствии гражданский служащий, сдавший подарок, имеет право его выкупить.

Дисциплинарная ответственность — одна из правовых форм воздействия на нарушителей дисциплины труда, заключающаяся в наложении дисциплинарных взысканий. Применяется только к физическим лицам. Существует два вида дисциплинарной ответственности: общая, предусмотренная Трудовым кодексом РФ⁹, и специальная, которую несут отдельные категории работников (служащих). Дисциплинарная ответственность государственных служащих относится к

⁷ Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» (в ред. от 29 июля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2018. № 31, ст. 4814.

⁸ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215; 2018. № 45, ст. 6837.

⁹ Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ «Трудовой кодекс Российской Федерации» (в ред. от 11 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2018. № 42, ч. II, ст. 6374.

специальной, т.е. предполагает наличие иных мер взыскания, предусмотренных специальными законами.

Дисциплинарными коррупционными проступками признаются нарушения порядка исполнения своих профессиональных обязанностей, обладающие характерными чертами коррупции, за которые установлена дисциплинарная ответственность.

К числу дисциплинарных взысканий, например, на государственной гражданской службе относятся: замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии (ст. 59.1 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2018 г.)¹⁰). Однако наиболее строгим дисциплинарным взысканием за допущенные коррупционные правонарушения является увольнение в связи с утратой доверия. Данная мера ответственности применяется к государственным служащим за непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, непредставление или недостоверное представление сведений о доходах и расходах служащего, его (ее) супруга (супруги), несовершеннолетних детей, осуществление предпринимательской деятельности и иные случаи, предусмотренные ст. 59.2 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2018 г.)¹¹.

Федеральный закон устанавливает четкий алгоритм и порядок применения названных ранее взысканий. Взыскания налагаются доверенным лицом нанимателя на основании результатов проверки, которая проводится подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Фундаментальным же законом в области противодействия коррупции является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 30 октября 2018 г.)¹², который устанавливает основные принципы противодействия коррупции, правовую основу противодействия коррупции, организационные основы противодействия коррупции, меры по профилактике коррупции, основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции и т.д.

В связи с весьма широким комплексом мер юридической ответственности, применяемых за коррупционные правонарушения, государству необходимо большое количество субъектов, действующих в сфере борьбы с коррупцией, требуется определенная координация их деятельности — эти полномочия возложены на прокуратуру РФ. Именно координация правоохранительной деятельности является одной из ее функций. В рамках данного вида деятельности прокуратура не только проводит различные координационные совещания, совещания рабочих групп, но и осуществляет анализ состояния преступности, ее причин, для чего используются: статистические и иные данные; сведения контролирующих органов; материалы прокурорских проверок; уголовных, гражданских и арбитражных дел, дел об административных правонарушениях; результаты проверок обращений граждан; научных исследований; сообщения средств массовой информации; а также другие сведения, характеризующие криминогенную обстановку. Более подробно координационная функция раскрывается в ст. 8 ФЗ «О прокуратуре

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

РФ»¹³, а также в Указе Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 7 декабря 2016 г.)¹⁴, Приказе Генпрокуратуры России от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности»¹⁵.

Большое значение имеет совершенствование правотворческой деятельности, в частности, в ст. 13.3 закона о противодействии коррупции¹⁶ зафиксирована обязанность организаций разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции, которые могут включать в себя:

- определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений;
- сотрудничество организации с правоохранительными органами;
- разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации;
- принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации;
- предотвращение и урегулирование конфликта интересов;
- недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов. Следует отметить, что многие из этих мер названы также в Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года¹⁷.

Особый интерес среди этих мер представляют разнообразные кодексы этики, принимаемые не только организациями, но и профессиональными сообществами. Например, кодекс профессиональной этики адвокатов был принят на всероссийском съезде адвокатов, кодекс судейской этики — на всероссийском съезде судей и др. Положения данных кодексов распространяются на соответствующих лиц даже в случае нахождения их не при исполнении должностных обязанностей, а последствием нарушений может быть увольнение с должности.

Важной мерой противодействия коррупции является также проведение антикоррупционной экспертизы, которая проводится не только на этапе правотворчества, но и после принятия и вступления в силу нормативного правового акта. Целью проведения этой экспертизы является подтверждение факторов, способствующих коррупции, к которым относятся действия, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, содержащие неопределенные, трудновыполнимые или обременительные требования к гражданам и организациям.

Таким образом, характеризуя существующую на данный момент систему противодействия коррупции в Российской Федерации, стоит отметить, что общей чертой практически всех мер являются различные негативные последствия для субъектов, совершающих коррупционные правонарушения. Важнейшим из на-

¹³ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472; 2018. № 45, ст. 6829.

¹⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1958.

¹⁵ См.: Законность. 2012. № 3.

¹⁶ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228; 2018. № 45, ст. 6837.

¹⁷ «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26, ст. 2780.

правлений является именно профилактика коррупционных правонарушений, в том числе и за счет частной и общей превенции, реализуемой через меры юридической ответственности, контроль и надзор за правотворческой деятельностью.

Следовательно и карательный настрой в борьбе с коррупцией не является наиболее эффективным. Более продуктивно было бы сочетание их с активной работой институтов гражданского общества, привлечением граждан, отменой уголовной ответственности за дачу взятки, активным развитием института позитивной ответственности.

Анализируя содержание действующего ныне закона о противодействии коррупции отметим, что часть направлений так и остались недостаточно раскрытыми. Так, например, фактически не нашло отражения и какой-либо фиксации такое направление, как минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных правонарушений. Это свидетельствует о том, что закон носит перспективный характер и нацелен на последующее комплексное развитие системы противодействия коррупции.

УДК 340.141

О.В. Шутило, О.И. Лавринович

ЗЕМСТВО И МИРОВЫЕ СУДЬИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

***Введение:** статья посвящена вопросам организации и взаимодействия мировых судей и органов местного самоуправления России второй половины XIX в. Земская и судебная реформы XIX в. имели общую направленность и обладали взаимопроницающим действием. Уездные земские собрания обеспечивали подбор кадров и выборы мировых судей, финансирование и организационно-техническое обеспечение деятельности мирового суда. Несложные категории уголовных и гражданских дел разрешались на уровне местной юстиции, обладавшей не только процессуальными, но и административными и охранительными функциями в рамках уезда. Организация мировой юстиции полностью зависела от земских собраний, от того, насколько исполнялись ходатайства съездов о дополнительных выборах, от определения числа участковых судей и судебных участков, финансирования делопроизводства. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной историко-правовой литературе, вопросы взаимодействия мировых судей и земств чаще всего рассматриваются с исторических позиций, правовой аспект деятельности земств и мирового суда исследован недо-*

© Шутило Ольга Викторовна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: o.shutilo@yandex.ru

© Лавринович Ольга Ивановна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)

© Shutilo Olga Viktorovna, 2019

Candidate of Law, Associate professor, Prosecutorial supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

© Lavrinovich Olga Ivanovna, 2019

Candidate of Law, Associate professor, Prosecutorial supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

статочно. **Цель:** выявить особенности организации и взаимодействия мирового суда и земских учреждений на уровне практической деятельности и законодательного регулирования, изучить вопрос о финансировании мировых судов органами местного самоуправления и его влиянии на доступность мирового суда для населения. **Методы:** историко-правовой, формально-юридический, статистический, сравнительно-правовой. **Результаты:** раскрыты особенности формирования и финансирования института мировых судей органами местного самоуправления, проанализированы проблемы взаимодействия земств и мирового суда. **Выводы:** образование мировой юстиции по территориальному принципу предопределило ее зависимость от органов местного самоуправления и администрации. Организационно и финансово мировые судьи полностью зависели от земских учреждений. Вместе с тем недостаток денежных средств у земств не позволил в полном объеме реализовать близость суда к населению. В уездах, особенно малонаселенных, раскинутых на огромных территориях, расстояния от камер мировых судей составляло 40–100 верст. Увеличить количество мировых судей и судебных участков не представлялось возможным вследствие как ограниченности земских средств, так и недостатка кадров в уездах. Наделение органов местного самоуправления полномочиями по организации деятельности мировых судей привело к нарушению принципа независимости последних.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, земские собрания, мировые судьи.

O.V. Shutilo, O.I. Lavrinovich

ZEMSTVO (COUNTY COUNCIL) AND MAGISTRATES OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Background: the article is devoted to the organization and interaction of magistrates and local self-government bodies of Russia in the second half of the 19th century. County councils (*zemstvo*) and judicial reforms of the XIX century had a common orientation and had an interpenetrating effect. District council assemblies provided recruitment and election of magistrates, financing and organizational and technical support of the activities of the magistrate. Not complex categories of criminal and civil cases were resolved at the local justice level, which had not only procedural, but also administrative and protective functions within the county. Organization of the justice of the peace depended entirely on the district council assemblies, on the results of congressional petitions for additional elections, on the number of district judges and judicial districts, and the financing clerical correspondence. The relevance of this research is due to the fact that in the modern historical and legal literature the issues of interaction between magistrates and district councils are most often considered from historical positions; the legal aspect of district councils and magistrate courts activities has not been thoroughly studied. **Objective:** to identify the features of the organization and interaction of a magistrate court and district council institutions at the level of practical activity and legislative regulation, to study the issue of financing magistrate courts by local government bodies and its impact on the accessibility of the magistrate court to the population. **Methodology:** historical-legal, formal-legal, statistical, comparative-legal methods of research. **Results:** the specifics of the formation and financing of the institution of magistrates by local self-government bodies have been determined, problems of interaction of the district councils and magistrate courts have been analyzed. **Conclusions:** the formation of the magistrate court justice according to the territorial principle predetermined its dependence on local government and administration. Justices of the peace were completely dependent on the district council institutions. At the same time, the lack of funds from the district councils did not encourage availability of the court to the population. In counties, especially sparsely populated, spread out over vast

territories, the distance from the chambers of the magistrates was 40-100 versts. It was not possible to increase the number of justices of the peace and judiciary due to both the limited amount of district council funds and the shortage of personnel in the counties. Provision of local self-government bodies with powers to organize the activities of magistrates resulted in a violation of the principle of independence of the latter.

Key-words: *Local self-government bodies, district council assemblies, justices of the peace.*

В историко-юридической литературе принято считать, что земская, городская и судебная реформы второй половины XIX в. имели общую направленность и обладали взаимопроникающим действием [1, с. 132]. В компетенцию органов местного самоуправления входило решение экономических и социальных вопросов местного значения (медицина, народное образование, благоустройство территорий и т.п.). Несложные категории гражданских и уголовных дел разрешались на уровне местной юстиции, формирование и организационное обеспечение деятельности которой осуществляли органы местного самоуправления. Образование мировой юстиции по территориальному принципу, соответствующему административно-территориальному делению, предопределило ее зависимость от административной власти.

Деятельность мировых судей была непосредственно связана с общественной жизнью уезда. Помимо судебных полномочий, закон возлагал на них административные и охранные функции. Участковые мировые судьи открывали избирательные сельские съезды, утверждали их председателей. Они же выполняли обязанности нотариусов, а в случаях отсутствия медика вместе со священником выдавали призываемым на военную службу свидетельства о болезни, приводили к присяге чины лесной стражи. Обязанности по устройству помещений для приговоренных к аресту, как и по надзору за ними, также возлагались на мировых судей.

Выборы мировых судей проходили на заседаниях уездных и губернских земских собраний. Согласно первоначальной редакции ст. 24 Учреждения судебных установлений, выборы мировых судей должны были происходить на специально для этого созываемых уездных земских собраниях. Однако последние оказались почти во всех губерниях малочисленнее очередных. Поэтому законодатель внес поправку в действующее законодательство, предоставив проведение выборов именно очередным земским собраниям. Кадровый состав мировых судей, таким образом, всецело зависел от состава земских собраний. В силу своей малочисленности и преобладания в них землевладельцев, не всегда верно отражали интересы местного населения.

Ревизировавший в 1878 г. земские учреждения Саратовской и Самарской губернии сенатор И.И. Шамшин писал в своей объяснительной записке: «по мысли законодателя уездные земские собрания и избираемые ими губернские собрания должны служить представительством всех составных частей местного населения и соединять в себе лучшие силы всех его классов; далеко не тем, однако, оказались земские собрания в обрешиванных губерниях» [2, с. 3]. Собранные в результате ревизии статистические данные показали, что большая часть избирателей не принимала участие в выборах. Доля участия гласных в выборах в пяти уездах Саратовской губернии составила 22,5%. Из 1119 землевладельцев в выборах

участвовало только 139 человек, т.е. 11%. Часто выборы практически сводились к нулю, когда все лица, случайно приехавшие на съезд, попадали в гласные.

Не лучше обстояло дело и в других губерниях. В 1873 г. на губернские собрания явились: в Москве — 33 из 93 гласных; в Новгороде — 22 из 55; в С.-Петербурге — 2 из 62, в Симбирске — 21 из 63 гласных. В Смоленской губернии не могли состояться в срок очередные сессии губернских собраний в 1869, 1871–1873 гг., а экстренные в 1871, 1872 и 1874 гг. В Саратовской губернии были прекращены за отсутствием кворума очередные сессии губернского земства в 1867, 1871, 1873, 1874, 1876 и 1877 гг. Преждевременный разъезд гласных в Саратовской губернии стал обычным явлением, чем вызвал особое возмущение губернатора, который в своем отчете за 1877 г. отметил: «...каждый год, после каждого губернского собрания остается целый ряд и подчас весьма сложных вопросов, которые собрания, за выбытием узаконенного числа гласных, не может рассмотреть» [3, л. 4].

Земства пытались всячески бороться с низкой посещаемостью собраний. Так, Полтавское земство в 1869 г. постановило «просить уездные собрания обязать губернских гласных доставлять в губернскую управу уведомления о неприбытии в заседание», Калужское земство приняло решение «публиковать списки не явившихся гласных в «С.-Петербургских», «Московских» и «местных Ведомостях» [4, с. 148]. В 1866 г. Ялтинское земство ходатайствовало о разрешении «штрафовать за неявку без уважительных причин на 25 руб. в пользу больниц», а Можайское земство постановило «штрафовать гласных по 3 руб. за каждый пропущенный день» [4, с. 148]. Не принесли результата и вводимые земствами должности «почетных», «запасных», «временных» членов управ и собраний.

Более благоприятное отношение в земской среде встретило предложение о назначении суточных и прогонных денег гласным для участия в губернских собраниях. Это предложение поддержало около 30–40 земств. Возбуждение этих ходатайств было вызвано отказами крестьян от участия в губернских собраниях в связи с отсутствием денежных средств. Так, в 1866 г. гласные от сельских обществ в заявлении Владимировскому уездному собранию писали: «...время проводимое нами в губернском городе, влечет за собой убытки, мы живем в наемных квартирах, издерживаем деньги на продовольствие; кроме того, через отсутствие наше из наших семейств и домов мы терпим убытки в нашем хозяйстве и торговых наших занятиях, вознаграждения нам за общественную нашу службу не полагается, но мы просим земское собрание освободить наши дома от воинского постоя на все время нашего по земству служения в должности гласных» [4, с. 64]. И первоначально земства выдавали пособия гласным или освобождали их от повинностей, но уже в 1866 г. последовало разъяснение Сената о том, что земствам не предоставлено права назначать подобные выплаты и льготы.

Избрание мировых судей земскими собраниями ставило их в зависимость от мнений так называемых земских партий. Являясь местными жителями, земцы и мировые судьи были связаны между собой семейными и дружественными связями, что не могло не сказаться на их служебной деятельности. В сообщениях прокуроров и губернаторов того времени можно встретить жалобы на влияние партий на выборах и избирательную интригу. Так, на практике встречались случаи, когда земские собрания самовольно и уже после выборов уменьшали жалование мировым судьям, которые по тем или иным причинам были им неприятны. Или случалось, что перед началом выборов кандидату предъявлялось заведомо недобросовестное обвинение в оскорблении или ином проступке, что

служило препятствием к избранию на должность судьи. Но все же зависимость мировых судей от земских собраний была ограничена числом кандидатов, и необходимостью обеспечить судьями все судебные участки. В.П. Даневский писал в 1888 г. по поводу ревизии Курской губернии: «в редком из уездов губернии не было земских партий, которые бы не сменяли друг друга...однако во всех уездах мы свободно укажем судей, занимающих эти должности по 4 и 5 трехлетий, даже 18 и 20 лет, избираемых всеми партиями» [5, с. 99].

Помимо избрания мировых судей, уездные земские собрания определяли расходы на их содержание, место нахождения камер, границы судебных участков. Финансирование мировых судей относилось к числу обязательных для земств расходов. Согласно приложению к ст. 238 Учреждения судебных установлений, на содержание и все расходы по должности мировому судье полагалось: в столицах — 2200 руб., в других местностях — 1500 руб.

Земство и общественность всячески стремились поддерживать содержание мировых судей. В качестве примера можно рассмотреть смету расходов на мировой суд г. Саратова. Так, каждый мировой судья к 1911 г. получал: жалование — 1500 руб., на расходы по службе — 700 руб., на канцелярские расходы — 300 руб., на наем помещения под камеру — 400 руб., итого — 2900 руб. Однако реальные расходы по должности были значительно выше заявленных и распределялись следующим образом: 148 руб. составляли пенсионные удержания; до 38 руб. — подписка на журналы и нормативные акты; от 600–100 руб. — на жалование секретаря и писцов; 200–240 руб. — рассылному; от 480–600 руб. — на наем помещения под камеру и ее содержание; 250–300 руб. — на канцелярские расходы, итого на каждого мирового судью — от 1716 до 2326 руб. в год. За вычетом этого у мирового судьи на собственные нужды оставалось не более 624–1284 руб. в год, и это при наличии субсидии от земства и города [6, л. 18].

Недостаточность содержания мировых судей признавалась Саратовским уездным земским собранием еще в 1869 г. И в дальнейшем собрание неоднократно ходатайствовало перед правительством об увеличении содержания на мировую юстицию. Однако ходатайства земств успеха не имели. В своем докладе губернатору земство и в 1911 г. констатировало, что частые смены кадрового состава мировых судей обусловлены, прежде всего, низким содержанием последних «в настоящее время мировому судье лично остается вознаграждение, за вычетом расходов по должности, не более 56–107 руб. в месяц, менее, чем получает секретарь окружного суда» [6, л. 19]. Следует отметить, что к 1911 г. жалование члену окружного суда (к которому закон позволял приравнивать максимальный оклад мирового судьи) было повышено до 3300 руб. в год, однако на содержании мирового судьи это не отразилось.

Финансирование мировых судей составляло значительную часть бюджета земств. Расходы на мировой институт составляли: в Саратовской губернии — 9,1% бюджета, в Харьковской губернии — 17,3%, в Херсонской — 15,2%, в Смоленской — 20,9%. Однако по уездам расходы были значительно больше и свидетельствовали о неодинаковом соотношении земских расходов и доходов. Например, в Саратовской губернии в 1888 г. содержание мировых судей Балашовского уезда (с жалованием каждому судье 2000 руб.) составляло 12% от земского сбора, а содержание мировых судей Царицынского уезда (с жалованием каждому мировому судье — 1500 руб.) составляло 20% земского сбора [7, л. 60–333].

При разработке института мировых судей составители Судебных уставов использовали французскую и английскую модели мировой юстиции. Однако бюджеты российских городов значительно отставали от европейских. Согласно подсчетам профессора Московского университета Озерова И.Х. по смете на 1905 г. доходы Москвы составили 21 123 тыс. руб., а бюджет Парижа на 1904 г. — 323 347 тыс. фр. или 122 млн руб., т.е. в 6 раз больше бюджета Москвы. Доход 868 русских городов в 1900 г. составлял 108 970 317 руб., т.е. доходы почти всех русских городов были значительно ниже бюджета одного Парижа [8, с. 52].

Недостаток финансовых средств у земств не позволил в полной мере реализовать близость суда к населению. Сравним площади судебных округов и расстояния, которые приходилось преодолевать участникам процесса для доступа в съезд или к мировому судье в уездах. Так, по нашим подсчетам, в Аткарском мировом округе средняя протяженность судебного участка составила 1833 кв. версты при численности населения 42 756 человек; в Новоузенском мировом округе — соответственно: 5764 кв. верст и 57 848 человек [9, с. 18]. Не лучше обстояли дела и в других губерниях. По подсчетам А.И. Васильчикова на одного мирового судью Новгородской губернии приходилось 19 000 жителей, с территорией судебного участка 40 кв. миль. По сравнению с Англией район действия Новгородского мирового судьи был в 40 раз больше, а ведомство его по числу жителей в 9,5 раз значительнее [10, с. 93].

Однако не только большая протяженность судебных участков, но и природно-климатические и социальные факторы осложняли деятельность мировых судей. Об этом свидетельствуют многочисленные рапорты прокуроров окружных судов и председателей съездов министру юстиции о несостоявшихся заседаниях мировых съездов в уездных городах. Так, в феврале 1872 г. из-за весеннего паводка не состоялось заседание Царицынского мирового съезда, в апреле заседания Сердобского и Аткарского съездов [11, л. 25, 43]. Хвалынский мировой съезд в 1881 г. рапортовал Правительствующему Сенату о затруднениях, встречающихся при ревизии денежных средств и документов мировых судей. Согласно указаниям Правительствующего Сената, такие ревизии должны были проводиться 2 раза в год при участии товарища прокурора, уездного предводителя дворянства, члена уездной земской управы и депутата от городской думы. Бывало так, что товарищи прокурора уклонялись от своих обязанностей и съезды не могли состояться. Съезд ходатайствовал о разрешении производить ревизии без товарища прокурора, однако в ходатайстве было отказано [12, л. 143].

Организационные проблемы мировых судов занимали значительное место в деятельности земств и в среднем составляли 63% всех земских ходатайств по судебной части. Предложения земств были направлены на увеличение количества мировых судей и судебных участков, преодоление сословной замкнутости крестьян, упразднение волостных и уездных судов по крестьянским делам присутствий и созданием всесословной волости.

Несмотря на финансовые и организационные трудности, земства всячески старались сохранить мировой институт. Ходатайствуя о сохранении в городе Саратове мировых судей, городская управа на заседании Саратовской городской думы 31 июля 1889 г. отметила, что «из ряда реформ прежнего царствования наиболее привился и оказался более всего соответствующим своему назначению выборный мировой суд в городах. Легкость, доступность и простота этого суда, к порядкам и деятельности которого население в течение почти четверти века

успело привыкнуть и приспособиться, завоевали ему общие симпатии» [13, л. 11–13]. Сохранение института мировых судей в крупных губернских городах Российской империи после реформы 1889 г. свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые недостатки в организации и деятельности, мировой суд представлял собой значительное достижение науки и практики, имел большое влияние на развитие в России институтов гражданского общества, укрепление правовой защищенности российских подданных, повышение авторитета судебной власти.

Библиографический список

1. *Ефремова Н.Н., Немьтина М.В.* Местное самоуправление и юстиция в России // Государство и право. 1994. № 3. С. 126–133.
2. *Авиов Н.* Сенаторская ревизия земских учреждений Саратовской и Самарской губерний // Саратовская земская неделя. 1905. № 1. С. 3–4.
3. ГАСО Ф. 1. Оп. 1. Д. 2610.
4. *Веселовский Б.* История земств. Т. 3. СПб: Изд-во Поповой О.Н., 1911. 708 с.
5. *Даневский В.* В защиту выборного мирового института. // Юридический вестник. 1888. № 9. С. 92–105.
6. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2780.
7. ГАСО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 4646.
8. *Озеров И.Х.* Большие города, их задачи и средства управления: публичная лекция. М., 1906. 52 с.
9. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1887. В. 1. 144 с.
10. *Васильчиков А.* Самоуправление: сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1. СПб, 1872. 141 с.
11. ГАСО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 17.
12. ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 270.
13. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 814.

References

1. *Efremova N.N., Nemytina M.V.* Local Government and Justice in Russia // State and Law. 1994. № 3. P. 126–133.
2. *Aviov N.* Senatorial Revision of Zemstvo Institutions of the Saratov and Samara Provinces // Saratov Zemstvo Week. 1905. № 1. P. 3–4.
3. GASO F. 1. Op. 1. D. 2610.
4. *Veselovsky B.* History of District Councils (Zemstvos). T. 3. St. Petersburg: Publishing House Popova O.N., 1911. 708 p.
5. *Danevsky V.* In Defense of the Elected Magistrate Institution. // The Legal Vestnik. 1888. № 9. P. 92–105.
6. GASO. F. 4. Op. 1. D. 2780.
7. GASO. F. 1 Op. 1. D. 4646.
8. *Ozerov I.Kh.* Large Cities, Their Tasks and Means of Management: public lecture. 52 p.
9. Collection of Statistical Data of the Ministry of Justice. St. Petersburg, 1887. V. 1. 144 p.
10. *Vasilchikov A.* Self-government: a Comparative Survey of Russian and Foreign District Council and Public Institutions. Vol. 1. St. Petersburg. 1872. 141 p.
11. GASO. F. 9. Op. 2. D. 17.
12. GASO. F. 9. Op. 1. D. 270.
13. GASO. F. 4. Op. 1. D. 814.

УДК 342.1

А.Н. РЫКОВ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Введение: правовое регулирование территориальной организации местного самоуправления по-прежнему является одной из насущных проблем юридической теории и практики. Непонимание места и особенностей построения территориальной организации публичной власти снижает качество нормативных правовых актов. **Цель:** выработать рекомендации, направленные на преодоление недостатков правового регулирования территориальной организации местного самоуправления. **Методы:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, к которым относятся анализ, синтез, абстрагирование, аналогия, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также иные методы научного познания. **Результаты:** целесообразно развитие в России принципа сочетания административно-территориального устройства с муниципально-территориальным устройством. Такой подход позволит выстроить упорядоченную систему местных органов государственной власти и отделить от них систему органов местного самоуправления. Фактически муниципальные образования на сегодняшний день встроены в эту систему и являются нижним уровнем единой государственно-муниципальной системы публичной власти с общими функциями и задачами, решаемыми на верхних (федеральном и региональном), так и на нижнем (муниципально-территориальном или муниципально-поселенческом) уровнях. **Вывод:** для решения проблемы преодоления недостатков правового регулирования органов местного самоуправления требуется признание различий и необходимость объединения территориальных организаций и административно-территориальных единиц.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство, муниципальное образование, государственная власть, местное самоуправление, публичная власть, муниципальная власть.

A.N. Rykov

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF TERRITORIAL BASIS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Background: legal regulation of the administrative-territorial structure and territorial organization of local self-government is still one of the problems of legal theory and practice. Misunderstanding of the place and features of building a territorial organization of public

© Рыков Анатолий Николаевич, 2019
Кандидат юридических наук, первый заместитель главы г. Сочи; e-mail: a.n.rykov@gmail.com
© Rykov Anatoly Nikolayevich, 2019
Candidate of Law, First Deputy Head of the City Sochi

*authority reduces the quality of regulatory legal acts adopted at the level of both the Russian Federation as a whole and its individual subjects. **Objective:** to develop recommendations aimed at overcoming the shortcomings in the legal regulation of the administrative and territorial structure and the territorial organization of local self-government in violation of the antimonopoly legislation. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of the objective reality which include analysis, synthesis, abstraction, analogy, comparative legal, formal and legal, as well as other methods of scientific knowledge. **Results:** it is advisable to develop in Russia the principle of combining the administrative and territorial structure with the municipal-territorial system. Such approach will allow to build an orderly system of local public authorities and to separate from them the system of local self-government bodies. Actually, municipalities are now integrated into this system and are the lowest level of a unified state-municipal public power system with common functions and tasks being solved both at the top (federal and regional) and at the lower (municipal-territorial or municipal-settlement) levels. **Conclusion:** for solving the problem of overcoming shortcomings of the legal regulation of local authorities it is required to recognize the differences and the necessity to combine territorial organizations and administrative-territorial units.*

***Key-words:** administrative-territorial structure, municipal formation, state power, local government, public authority, municipal authority.*

Правовое регулирование административно-территориального устройства и территориальной организации местного самоуправления по-прежнему остается одной из проблем юридической теории и практики. Непонимание места и особенностей построения территориальной организации публичной власти снижает качество нормативных правовых актов, принимаемых на уровне как Российской Федерации в целом, так и отдельных ее субъектов

Интересы государства на местах связаны с контролем деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления, чтобы за неэффективность местной власти не пришлось «платить» государству. В сложившейся ситуации, четкое определение границ распространения местной государственной власти идет через установление прямых ограничений с точным определением тех уровней, на которых она может существовать. Это является единственно возможной формой сохранения местного самоуправления как формы народовластия, как раз на том уровне, который прямо назван Конституцией и не допускает толкований — это уровень городских и сельских поселений согласно ст. 131 Конституции РФ. Такой подход вполне корреспондирует к приведенным выше правовым позициям Конституционного Суда РФ, и той практике, которая складывается на местах: реальные публичные инициативы жителей ограничиваются, по сути, территорией их непосредственного проживания.

И.В. Бабичев указывает на то, что «основа местного самоуправления, субъективная, личностная его основа, — соответствующий территориальный публичный коллектив. Сформирование его — особая и весьма важная управленческая задача. В крупных городах основная часть этого коллектива формируется исторически, по мере роста крупного города, в том числе путем присоединения к нему других, более мелких населенных пунктов со своими локальными местными сообществами. Нередко, исторически, он формируется и в рамках административного района из локальных местных сообществ, входящих в его состав, населенных пунктов, тяготеющих друг к другу и к относительно крупному

населенному пункту — естественному центру района, вследствие сложившихся хозяйственных, социальных, национальных, исторических связей. Однако при формировании границ такого района как муниципального образования, опирающегося на соответствующий территориальный публичный коллектив, значителен субъективный компонент и усмотрение принимающего решение властного центра. Искусство и наука управления при принятии подобного решения состоит как раз в том, чтобы правильно определить состав территориального публичного коллектива муниципального района для его устойчивого и эффективного функционирования» [1, с. 70].

А.К. Гагиев утверждает, что «анализ положений ст. 71–73 Конституции Российской Федерации позволяет отнести административно-территориальное устройство (деление) к компетенции субъектов РФ. В силу п. «л» ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» административно-территориальное устройство субъекта Российской Федерации и порядок его изменения устанавливаются законом субъекта Российской Федерации» [2, с. 45]. При этом Е.С. Шугрина и Р.В. Петухов подчеркивают, что «требования к территориальной организации местного самоуправления, понятие, виды и порядок преобразований муниципальных образований урегулированы в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3, с. 42].

А.А. Данько справедливо к этому добавляет: «В Конституции Российской Федерации 1993 г. отсутствует понятие „административно-территориальное устройство субъекта РФ“, не существует и правовых норм на федеральном уровне законодательства, раскрывающих данный институт как целостную систему. Следует отметить, что ни в законодательстве субъектов России, ни в литературе нет единого понимания категории „административно-территориальная единица“, являющейся составным элементом административно-территориального устройства субъектов Федерации. Более того, существуют также терминологические расхождения. В законах отдельных субъектов Федерации, посвященных административно-территориальному устройству, используется понятие „административно-территориальное образование“, в других же субъектах в основном данная категория именуется административно-территориальной единицей. Существуют самые разнообразные подходы к определению административно-территориальной единицы» [4, с. 45].

С точки зрения А.Н. Черткова, понятие «уровень территориального устройства» позволяет путем определения через род и видовое отличие представить «определенную совокупность однородных территориальных единиц» (т.е. юридически отграниченных друг от друга частей территории государства). При этом под территориальными единицами должны пониматься, прежде всего, не специальные (ведомственные) территориальные единицы, предназначенные для осуществления специальной компетенции в области управления государством, а общие (универсальные) территориальные единицы государства, предназначенные, соответственно, для осуществления управленческих функций в рамках общей компетенции [5, с. 42–43].

А.Н. Максимов делает обобщающий вывод о том, что «буквальное толкование норм Конституции РФ позволяет сделать вывод, что как раз комплексное

правовое регулирование территориального устройства публичной власти (независимо от ее уровня или ветви) соответствует конституционным положениям. Напротив, регламентация только одного из видов территориального деления (например, территориальной организации местного самоуправления) в отрыве от регулирования других его составляющих (яркий пример такого подхода — наличие пробела в федеральном законодательстве в части установления принципов административно-территориального устройства) не может рассматриваться как адекватная реализация конституционных установлений. В таком случае правовые нормы усиливают конфликтность между ветвями, уровнями и конкретными органами публичной власти; усложняют для граждан возможность понять принципы структурирования публичной власти; в конечном счете снижают эффективность государственного и муниципального управления» [6, с. 38].

Н.Л. Пешин считает, что «учитывая соотношение вопросов местного значения и вопросов государственного значения, их уровень и объем в рамках того или иного города, субъект РФ вправе создать органы государственной власти и на уровне поселений, например, в определенных городах, наделяя их статусом городов республиканского (областного, краевого и т.п.) значения, что также может быть закреплено в положениях об административно-территориальном устройстве, определяемых конституцией (уставом) субъекта РФ. И статус такой административно-территориальной единицы вовсе не препятствует тому, чтобы на этом же уровне (рассматриваемом уже в контексте поселения) осуществлялось и местное самоуправление, т.е. тому, чтобы эта же территория одновременно являлась муниципальным образованием. Поэтому позиция Конституционного Суда РФ, которая состоит в том, что если город — это административно-территориальная единица, то муниципальное образование — это обязательно (и только лишь) часть территории города (например, район), представляется не вполне корректной» [7, с. 233–234].

С последней точкой зрения весьма трудно согласиться. Предлагаемая возможность совмещения административно-территориальных и муниципально-территориальных единиц, как представляется, в «лучшем» (из худших) случае приведет к дублированию управленческих функций, к тому что на одном и том же уровне одни и те же вопросы будут обсуждать и решать (или не решать) две различные по статусу системы местных органов публичной власти (одна — «самостоятельная», другая — «местная государственная»), а в худшем — ни одна из созданных структур публичной власти, работать не будет; их деятельность будет парализована вследствие взаимных конфликтов, споров о компетенции и т.п. (это уже неоднократно имело место в истории нашего государства, начиная с первых попыток создать во второй половине XIX в. квази самостоятельное земское и городское самоуправление), или же деятельность одной из них (несложно предположить, какой именно) будет подавлена государственной властью и превратится в фиктивный институт — формально образуемые и периодически переизбираемые населением органы и должностные лица местного самоуправления реально не будут функционировать. Переходный вариант от одной крайности к другой — фактическое подчинение (в том числе, с помощью перераспределенных вслед за полномочиями финансовых ресурсов) органов и должностных лиц местного самоуправления органам местной государственной администрации, что также будет означать фактическую ликвидацию местного самоуправления.

В связи с этим невозможно признать корректной правовую позицию Конституционного Суда РФ, указавшего что «определение уровня, на котором создаются муниципальные образования, — с тем, чтобы это способствовало, насколько возможно, приближению органов местного самоуправления к населению и позволяло бы решать весь комплекс вопросов местного значения, подлежащих передаче в ведение местного самоуправления, и, вместе с тем, не препятствовало решению вопросов, которые выходят за эти рамки и как таковые по своему существу относятся к полномочиям органов государственной власти, — может быть различным и зависит от особенностей тех или иных субъектов Российской Федерации»¹. Как представляется, определение данного уровня относится, с одной стороны к общим принципам организации местного самоуправления (если речь идет о территориальной основе местной власти, т.е., о видах муниципальных образований), а с другой стороны — к установлению общих принципов организации системы органов государственной власти на уровне субъектов РФ, как это предусмотрено п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ — если речь идет о системе административно-территориальных единиц, т.е. о территориальных пределах распространения государственной власти. Совершенно невозможно согласиться и с таким подходом, что «обязательное наделение района статусом муниципального образования означает, что городские и сельские поселения, входящие в состав района, такое право вопреки ст. 131 п. 1 Конституции РФ утрачивают и становятся лишь подразделениями данного муниципального образования, что не приближает органы местного самоуправления к населению, а, напротив, отдаляет их от него»². Как известно, федеральный законодатель в свое время (принимая Федеральный закон № 131-ФЗ) проигнорировал эту позицию, и все районы в обязательном порядке были наделены статусом муниципальных образований. Но при этом практическая деятельность районных органов и лиц местного самоуправления оказалась невозможна в качестве самостоятельных субъектов, проводящих самостоятельную муниципальную политику вне связи с органами государственной власти — в любой сфере — экономической, социальной, иной. Как экономически успешные, так и дотационные муниципальные районы вынуждены были согласовать любые вопросы (фактически — получать разрешение) с более высоким уровнем государственной власти субъектов РФ, а если этого не происходило — мгновенно возникали конфликты между двумя уровнями публичной власти, как правило, с участием правоохранительной системы и привлечением к ответственности должностных лиц местного самоуправления муниципальных районов. И такое положение дел также вполне объяснимо — государственная власть субъекта РФ не может существовать «в вакууме», не опираясь на конкретные территории и структуры публичной власти, действующие на данной территории. Именно поэтому в позднейших решениях Конституционного Суда РФ возникает новая правовая позиция, согласно которой «конституционно-правовым статусом и предназначением местного самоуправления, ориентированного прежде всего на решение социально-экономических задач в пределах муниципального образования как

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года „О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 5, ст. 708.

² Там же.

территории компактного проживания населения и вместе с тем призванного обеспечить ее социально-экономическое развитие в качестве элемента комплексного социально-экономического развития территории субъекта Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 32-П). Обусловливается необходимость сбалансированного сочетания в организации и деятельности общегосударственных, региональных и местных интересов. Кроме того, объективно наиболее тесными взаимосвязями органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, складывающимися в процессе реализации возложенных на них функций и задач, предопределяется необходимость их согласованной деятельности на основе сотрудничества, координации, взаимного учета интересов, гарантирующих стабильное и эффективное осуществление функций публичной власти по созданию на соответствующей территории достойных условий жизни и свободного развития человека»³. То есть, речь уже идет о том, что существует единый набор функций, единый комплекс полномочий, связанных с социально-экономическим развитием и субъекта РФ в целом, и его отдельных составных частей, т.е. муниципальных образований. Поэтому следует признать и тот факт, что за попыткой рассматривать отделенное от государственной власти местное самоуправление в качестве «подсистемы» или «уровня» единой публичной власти скрывается не что иное как признание того факта, что вопросы местного значения — это, по сути, и есть тот комплекс вопросов, который должен решаться в интересах указанного обеспечения единого социально-экономического развития субъекта РФ, т.е. в сущности, это вопросы местного государственного значения.

В случае проведения реформы административно-территориального и муниципально-территориального устройства в субъектах РФ, несомненно, возникнет вопрос о том, каковы должны быть практические шаги по изменению статуса территорий. В настоящее время, как показывает практика, в субъектах РФ, несмотря на предложенный нормами Федерального закона № 131-ФЗ унифицированный подход, разделяющий всю территорию региона (за исключением межселенных территорий) на городские поселения, сельские поселения, городские округа (городские и сельские поселения «объединяются» в районы), сложилось несколько территориальных систем организации муниципальной публичной власти. Во-первых, это (условно) «классическая» (т.е. предлагаемая Федеральным законом № 131-ФЗ) система: субъект РФ разделен на поселения (городские и сельские), поселения объединены в муниципальные районы, отдельные городские поселения наделены статусом городских округов и выведены из состава муниципальных районов. Во-вторых, это «классическая» система с модификациями, которые были разрешены Федеральным законом № 136-ФЗ. Она дополняется тем, что отдельные городские округа могут быть разделены на внутригородские районы, которые в обязательном порядке наделены статусом муниципальных образований. В-третьих, это система, введенная нормами Федерального закона от 3 апреля 2017 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в Феде-

³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собр. законодательства Рос. Федерации 2015. № 50, ст. 7226.

ральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”⁴, который разрешил объединять любые населенные пункты и любые поселения на территории субъекта РФ в городские округа, тем самым, создавая одноуровневую систему городских округов.

В рамках территориальных муниципальных систем первого и второго типа после проведения региональной территориальной реформы, т.е. внесения изменений в нормы Федерального закона № 184-ФЗ и нормы Федерального закона № 131-ФЗ система административно-территориальных единиц будет введена в границах муниципальных районов и городских округов. Районы будут преобразованы из муниципальных в административные, и после истечения сроков полномочий действующих органов и выборных должностных лиц местного самоуправления (либо после добровольного досрочного сложения ими своих полномочий) будет избран новый представительный орган административно-территориальной единицы, с которым будет согласовано назначение (высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта РФ) главы местной государственной администрации административно-территориальной единицы, который сформирует систему местных органов исполнительной власти и возглавит ее. Параллельно такая же по содержанию реформа будет проведена на уровне городских округов, которые при этом в обязательном порядке, должны быть разделены на районы — муниципальные образования с тем, чтобы соблюдался принцип осуществления местного самоуправления на всей территории РФ.

В случае, если муниципальная территориальная система организована по третьему типу, — субъектам РФ следует предоставить право преобразования городского округа как в городской округ с внутригородским делением, так и в административный район. В первом случае в составе городского округа в обязательном порядке образуются внутригородские районы — муниципальные образования, т.к. сегодняшняя практика свидетельствует о том, что во всех территориальных системах такого типа действующая система территориальной организации публичной власти является одноуровневой, т.е. местное самоуправление, его органы и должностные лица формируются только на уровне городских округов. Как показывает анализ, в таких регионах де-факто отсутствует местное самоуправление, поскольку органы и должностные лица публичной власти на уровне городского округа решают, прежде всего, задачи местного государственного управления, которые сейчас формально обозначены в Федеральном законе № 131-ФЗ в качестве «вопросов местного значения муниципальных районов» и «вопросов местного значения городских округов».

Этот вывод подтверждается, тем, что решение указанных вопросов прямо контролируется органами и должностными лицами субъектов РФ; решение этих вопросов направлено на обеспечение комплексного социально-экономического развития субъекта РФ. Неэффективность решения данных вопросов органами власти и должностными лицами местного самоуправления влечет ответственность перед государством (в форме роспуска представительного органа муниципального образования, отрешения от должности главы муниципального образования, главы местной администрации и т.д.). Население не имеет права напрямую решать данные вопросы: процедура местного референдума не может

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 15, ч. I, ст. 2137.

быть использована в связи с тем, согласно ч. 6 ст. 12 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 1 июня 2017 г.) вопросы референдума субъекта РФ не должны противоречить законодательству РФ и вопросы местного референдума не должны противоречить законодательству РФ, законодательству соответствующего субъекта РФ⁵, — а, как мы помним, как федеральное, так и региональное законодательство закрепляет соответствующие полномочия за органами и должностными лицами местного самоуправления; более того, любой субъект РФ вправе своими законодательными актами перераспределить соответствующие полномочия по решению вопросов местного значения, передав их органам и должностным лицам государственной власти, и в этом случае, по сути, на местный референдум придется выносить вопрос, отнесенный к ведению органов и (или) должностных государственной власти, что входит в новое противоречие с нормами Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 3 ст. 12 которого предусматривает, что на местный референдум могут вынесены только вопросы местного значения. А других процедур прямого решения вопросов местного значения федеральное законодательство не предусматривает. Муниципальные выборы в данном контексте не исследуются — они направлены на формирование представительного органа муниципального образования — городского округа или избрание его выборных должностных лиц, которые, в сущности, де-факто являются представителями местной государственной власти, их подотчетность и подконтрольность местному населению является формальной.

Во втором случае отдельные населенные пункты, входящие в состав вновь образованного административного района, наделяются статусом городских и сельских поселений, избираются их представительные органы, выборные должностные лица, формируется структура органов местного самоуправления, аппарат муниципальной службы, пообъектно определяется состав муниципальной собственности и т.д. Данная процедура достаточно подробно описана в переходных положениях Федерального закона № 131-ФЗ, поэтому нецелесообразно воспроизводить ее в настоящем исследовании. По сути, по этой же схеме потребуется вновь выстроить систему городских и сельских поселений — муниципальных образований — так, как это предусмотрено положениями ст. 131 Конституции РФ.

Как указывал в своем исследовании И.В. Лексин: «вывод, получаемый исследователем из... рассуждений, в условиях, когда многозначность терминов приводит не просто к несовпадающим, но к противоположным выводам, должен представлять собой не оригинальное авторское мнение, а лишь техническое умозаключение» [8, с. 60]. Таким образом, на территориях с введенной «однорвневой» системой местного самоуправления, состоящей только из городских округов, придется восстанавливать местное самоуправление, образуя при этом либо внутригородские районы — муниципальные образования, либо воссоздавая городские и сельские поселения и вновь наделяя их статусом муниципальных образований. Такого рода реформа не обязательно должна быть одномоментной, она может быть всецело основана на конституционных нормах и с учетом

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253; 2017. № 23, ст. 3227.

правовых позиций Конституционного Суда РФ. При этом нельзя не отметить, что последние вполне допускают принципиальное внедрение предлагаемых изменений: Конституционный Суд РФ четко указал на то, что изменение статуса муниципальных образований, связанное с изменением границ самоуправляющихся территорий, нарушает ч. 2 ст. 131 Конституции РФ, если осуществляется без учета мнения населения, поскольку «изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий». При этом «наиболее адекватной формой учета мнения населения, по смыслу ст. 130 (ч. 2) Конституции РФ, является референдум. Референдум, во всяком случае, должен быть проведен по требованию населения в соответствии с действующим законодательством и уставом муниципального образования. Если такое требование не заявляется, для досрочного прекращения полномочий достаточно решения соответствующих выборных органов местного самоуправления»⁶. По сути, в данных правовых позициях последовательно сформулирована «технология» проводимых преобразований, связанных с изменением уровня местного самоуправления. За тем исключением, что референдум — это форма прямой демократии, применяемая для решения вопросов местного значения, а территориальные преобразования, в том числе, и изменение системы муниципально-территориальной организации публичной власти не относятся к таковым. Кроме того, решение, принятое на местном референдуме, является императивным, т.е., обязывающим, а данном случае речь идет об «учете мнения», т.е. консультативной процедуре.

При проведении реформы местного самоуправления, вызванной изменением общих принципов организации местного самоуправления в связи с принятием Федерального закона № 131-ФЗ, данные правовые позиции не были приняты во внимание, и субъектам РФ было попросту адресовано императивное предписание наделить статусом муниципальных образований соответствующие территории: «до 1 марта 2005 года устанавливаются в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона границы муниципальных образований и наделяют соответствующие муниципальные образования статусом городского, сельского поселения, городского округа, муниципального района»⁷. По всей видимости, федеральный законодатель руководствовался тем соображением, что в ходе данной реформы перечень муниципальных образований может быть лишь расширен, но никак не сужен. Однако проведенная масштабная реформа была напрямую связана с изменением границ муниципальных образований, поэтому проводить ее, не учитывая мнение населения, как представляется было не вполне корректно.

С другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что прямое обращение к населению могло привести к парадоксальным результатам, по сути, игнорирующим положения Конституции РФ. Так, «согласно пункту 3 статьи 81 Устава (Основного Закона) Курской области население вправе самостоятельно и добровольно через референдум решить вопрос о необходимости организации местного самоуправления на своей территории; согласно пункту 4 той же статьи в случае если население самостоятельно и добровольно отказалось от реализации права на организацию местного самоуправления, то на данной территории осущест-

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 5, ст. 708.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.

вляется государственная власть Курской области. В частности, исполнительную власть на территории муниципального образования в соответствии с находящимся во взаимосвязи с указанными положениями Устава (Основного Закона) Курской области пунктом 1 его статьи 18 осуществляют „сельские и поселковые администрации, входящие в единую систему органов исполнительной государственной власти Курской области” — было констатировано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года „О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области”»⁸. В ходе проведенных референдумов население массово отказывалось от самостоятельного осуществления местного самоуправления и добровольно передавало «свои» территории в «государственное управление». Данный феномен, несмотря на то, что он имел место более 17 лет назад, был мало изучен (прежде всего, с точки зрения социологии), а все принятые решения ограничились правовыми позициями Конституционного Суда РФ, связанными с тем, что «не ставится под сомнение право населения в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и не противоречащими им законами... (субъектов РФ) в установленном порядке самостоятельно определять территориальные основы местного самоуправления при условии соблюдения вытекающих из Конституции РФ требований об осуществлении местного самоуправления на всей территории Российской Федерации», и что не соответствуют Конституции РФ любые правовые нормы, предусматривающие «возможность для населения муниципального образования через референдум большинством голосов отказаться от реализации права на организацию местного самоуправления, поскольку тем самым допускается прекращение осуществления местного самоуправления на части территории субъекта Российской Федерации»⁹. Такая позиция, означает обязанность населения осуществлять местное самоуправление, вне зависимости от того, считает ли оно целесообразным создание местных негосударственных органов публичной власти или нет. Федеральный закон № 131-ФЗ, несомненно, подверг ревизии данные позиции, поскольку предписал органам и должностным государственной власти субъектов РФ наделить территории статусом тех или иных видов муниципальных образований в соответствии с требованиями Федерального закона. Декларированное Конституционным Судом РФ право населения на самостоятельное определение территориальных основ местного самоуправления было попросту проигнорировано. Но, при этом нельзя не отметить, что за все прошедшее с начала реформы время ни одного протеста, ни одной жалобы на данные положения Федерального закона от населения РФ, тех или иных социальных или политических групп не поступило. И такого рода позиция скорее убеждает в том, что население вполне поддерживает определение как муниципально-территориального, так и административно-территориального статуса той крупной территориальной единицы (города, района), в которой оно проживает. «Перенос», «восстановление» или «сохранение» при этом местного самоуправления на уровне городского или сельского поселения, входящем в состав района, во внутригородском муниципальном образовании, входящем

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 50, ст. 4943.

⁹ Там же.

в состав городского округа, как представляется, вполне будет соответствовать конституционным целям существования местного самоуправления и адекватно отражать интересы местных жителей в целях удовлетворения их потребностей, т.е., решения вопросов местного значения.

Внутри рамок специального регулирования остаются территории с особым статусом, местное самоуправление которых осуществляется с изъятиями: это так называемые ЗАТО — закрытые административно-территориальные образования и приграничные территории. Что касается ЗАТО, то их правовое положение определено Законом РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (в ред. от 3 июля 2016 г.)¹⁰. Части 1 и 2 ст. 1 названного Закона устанавливают, что закрытым административно-территориальным образованием признается имеющее органы местного самоуправления административно-территориальное образование, созданное в порядке, предусмотренном ст. 2 настоящего Закона, в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов (далее — организации и (или) объекты), для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан. При этом вся территория закрытого административно-территориального образования является территорией муниципального образования со статусом городского округа. Таким образом, ЗАТО очень хорошо вписываются в предлагаемую систему уровней местного государственного управления и местного самоуправления. Городской округ — ЗАТО управляется органами государственной власти. В рамках предлагаемой реформы необходимо избрание представительного органа административно-территориальной единицы, но для ЗАТО, в этом смысле, вполне допустимы изъятия. При этом территория ЗАТО в обязательном порядке должна быть разделена на внутригородские районы — муниципальные образования, в которых будет существовать местное самоуправление в конституционном понимании, но с теми ограничениями, которые необходимы в целях обеспечения обороны и безопасности.

Что касается приграничных территорий, статус которых определен Законом РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г.)¹¹, то и они не потребуют специального регулирования в рамках предлагаемой концепции территориальной реформы, поскольку предписания данного закона адресованы органам или должностным лицам местного самоуправления вне зависимости от уровня, на котором они находятся. Более того, вопросы предоставления в соответствии с законодательством РФ, земельных участков для нужд защиты Государственной границы, оказания помощи пограничным органам, Вооруженным Силам РФ, государственным органам, осуществляющим различные виды контроля на Государственной гра-

¹⁰ См.: ВСДН РФ и ВС РФ. 1992. № 33, ст. 1915; Российская газета. 2016. 8 июля.

¹¹ См.: ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 17, ст. 594; 2016. № 27, ч. II, ст. 4238.

нице, создания условий для участия граждан на добровольных началах в защите Государственной границы в пределах приграничной территории и др. (они перечислены в Законе как «особые» полномочия органов местного самоуправления приграничных территорий), как представляется, в большей степени ориентированы именно на органы публичной власти небольших компактных поселений, а не на структуры, управляющие крупными образованиями.

Библиографический список

1. *Бабичев И.В.* К вопросу о территориальном устройстве местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 66–72.
2. *Гагиев А.К.* Проблемы территориальной организации местного самоуправления и административно-территориального устройства субъекта Российской Федерации (на примере Республики Ингушетия) // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 3. С. 43–46.
3. *Шугрина Е.С., Петухов Р.В.* Об особенностях изменения территориальных основ местного самоуправления в Московской области на примере Шаховского района // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 2. С. 42–46.
4. *Данько А.А.* Территориальное устройство Российского государства как конституционно-правовая категория // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 25–29.
5. *Чертков А.Н.* Территориальное устройство Российской Федерации. Правовые основы. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009. С. 42–43.
6. *Максимов А.Н.* Проблемы правового регулирования административно-территориального устройства и территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 14. С. 34–40.
7. *Пешин Н.Л.* Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели. М.: Статут, 2007. С. 233–234.
8. *Лексин И.В.* Территориальная автономия в системе категорий государственного устройства // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 56–61.

References

1. *Babichev I.V.* On the Issue of the Territorial Structure of Local Self-government // Constitutional and municipal law. 2014. № 3. P. 66–72.
2. *Gagiev A.K.* Problems of the Territorial Organization of Local Self-government and the Administrative-territorial Structure of the Subject of the Russian Federation (on the example of the Republic of Ingushetia) // Constitutional and municipal law. 2017. No. 3. P. 43–46.
3. *Shugrina E.S., Petukhov R.V.* On the Peculiarities of Changes in the Territorial Foundations of Local Self-government in the Moscow Region on the Example of the Shakhovskoy District // State power and local self-government. 2017. № 2. P. 42–46.
4. *Danko A.A.* Territorial Structure of the Russian State as a Constitutional and Legal Category // Constitutional and municipal law. 2015. № 7. P. 25–29.
5. *Chertkov A.N.* Territorial Structure of the Russian Federation. Legal Basis. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2009. P. 42–43.
6. *Maksimov A.N.* Problems of Legal Regulation of the Administrative-territorial Structure and Territorial Organization of Local Self-government in the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2009. № 14. P. 34–40.

7. Peshin N.L. State Power and Local Self-government in Russia: Problems of Development of the Constitutional-legal Model. М.: Statute, 2007. P. 233–234.

8. Leksin I.V. Territorial Autonomy in the System of Categories of the State Structure // Constitutional and municipal law. 2013. № 3. P. 56–61.

УДК 342.92

Ю.В. Гаврилкина

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Введение: актуальность вопросов содержания административно-правового статуса государственных инспекций обусловлена тем, что административно-правовое регулирование их организации и компетенции не имеет единого подхода в научной литературе к определению понятия административно-правового статуса как вообще, так и применительно к государственным инспекциям в частности. **Цель:** рассмотреть отдельные научно-теоретические вопросы структуры административно-правового статуса государственных инспекций; выявить различные подходы к данному понятию. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, к которым относятся анализ, синтез, абстрагирование, формально-юридический метод, а также иные методы научного познания. **Результаты:** сформулирована позиция о целесообразности выделения в структуре административно-правового статуса государственных инспекций двух блоков элементов: организационного и компетенционного. **Вывод:** организационный и компетенционный блок административно-правового статуса государственных инспекций обладают значительным количеством особенностей, позволяющим в полной мере определить их место и роль в системе субъектов государственного управления, а также разграничить государственные инспекции и иные органы с контрольно-надзорными полномочиями.

Ключевые слова: государственные инспекции, административно-правовой статус, государственный контроль и надзор, органы исполнительной власти, организация и компетенция.

Yu. V. Gavrilkina

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE STATE INSPECTORATE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS

Background: the relevance of the content of the state inspectorates administrative and legal status is determined by the fact that administrative and legal regulation of their organization and competence is characterized by the lack of a unified approach to the definition in the scientific literature of the concept of administrative and legal status both in general and in relation to state inspectorates in particular. **Objective:** to consider certain

© Гаврилкина Юлия Владимировна, 2019
Соискатель кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: yulya.gavrilkina@mail.ru
© Gavrilkina Yulia Vladimirovna, 2019
Postgraduate degree seeker, Administrative and municipal law department (Saratov State Law Academy)

*scientific and theoretical issues of the structure of the administrative and legal status of state inspectorates; to find different approaches to this concept. **Methodology:** general and specific scientific methods of cognition of objective reality, which include analysis, synthesis, abstraction, formal legal method, as well as other methods of scientific cognition. **Results:** the position concerning the expediency of determining two blocks of elements in the structure of the state inspectorates administrative and legal status: organizational and competence ones has been formed. **Conclusion:** the organizational and competence block of the administrative and legal status of state inspectorates possesses a certain number of features allowing to designate their place and role in the system of the state administration subjects, as well as to differentiate state inspectorates and other bodies possessing control and supervisory powers.*

Key-words: *state inspectorates, administrative and legal status, state control and supervision, executive authorities, organization and competence.*

Термин «административно-правовой статус» имеет широкое значение. Ввиду сложности и многогранности данной категории существуют различные подходы к определению ее содержания как по отношению к индивидуальным субъектам права, так и к коллективным. Кроме того, административно правовой статус обладает различным содержанием как для юридических лиц, так и для органов государственной власти.

Определение понятия административно-правового статуса органов государственной власти имеет множество подходов. Точки зрения П.И. Кононова, Д.Н. Бахраха, А.В. Киселева на данный вопрос являются основными.

Так П.И. Кононов считает, что в структуру административно-правового статуса входят общие и специальные права и обязанности, ограничения прав, а также меры ответственности, налагаемые за нарушения законодательства [1, с. 88].

В более широком смысле данную категорию видит Д.Н. Бахрах, который включает в содержание административно-правового статуса компетенционный, целевой и структурно-организационный элементы [2, с. 155].

Наиболее популярная точка зрения на данный вопрос разделяется А.В. Киселевым, им предлагается следующая структура административно-правового статуса: место государственного органа в системе органов власти или иная юридическая связь с органами исполнительной власти; сфера деятельности; целевой элемент; функции и задачи; права органа в рамках установленной сферы деятельности; наличие ограничения прав в рамках установленной сферы деятельности; обязанности в рамках предмета ведения; ответственность государственного органа [3, с. 108–115].

Т.В. Ерохина определяет данное понятие как политико-правовую категорию, которая отражает правовое положение и социальное предназначение субъекта административного права, выражающуюся в совокупности его функций, правомочий, ответственности. Иными словами, он представляет собой правовое положение государственного органа в рамках административных правоотношений [4, с. 62–66].

Д.Н. Палагиным административно-правовой статус определяется как юридически закрепленное положение субъекта права, обусловленное его организационно-правовой формой, правами и обязанностями, а также организационный аспект его деятельности [5, с. 13].

Существуют и иные взгляды на данную проблематику. Например, термин «административно-правовой статус» может определяться и в наиболее узком аспекте, как наличие у субъекта определенных прав и обязанностей [6, с. 52–57].

Следует отметить, что определение термина «административно-правовой статус» исходя из семантического, лексического значения этого понятия, а также использование иных подходов, не позволяют раскрыть в полной мере смысл исследуемого выражения. Поэтому определение «административно-правового статуса» органов власти является актуальной темой для дискуссий.

В целом, большинством авторов, обращавшихся к проблеме определения термина «административно-правовой статус», выделяется два блока элементов. Административно-правовой статус любого органа государственной власти включает организационный и компетенционный компоненты. Иногда, в административно-правовой литературе выделяются элементы административно-правового статуса, характеризующие организационные правоотношения, возникающие в процессе создания и определения внутренней структуры коллективных субъектов, включая государственные инспекции. В данном случае организационный блок административно-правового статуса включает внутриорганизационный и внешнеорганизационный блоки [7, с. 9].

«Организация» и «компетенция» являются одними из ключевых элементов терминологического аппарата юридической науки и используются достаточно широко и часто.

В настоящей работе под компетенцией органа понимается совокупность полномочий, осуществляемых в целях реализации задач и функций по предметам ведения. Структура компетенции — включает полномочия и предметы ведения. Полномочия — представляют собой совокупность прав и обязанностей, определяющих меру возможного и должного поведения в установленной сфере деятельности. Предмет ведения — представляет собой сферу общественных отношений, в рамках которой орган власти реализует свои функции. Все составные части компетенции обладают внутренним единством и согласованностью. Таким образом, компетенционный блок административно-правового статуса состоит из полномочий (прав и обязанностей), предмета ведения, функций. В свою очередь организационный блок обусловлен значением термина «организация». Данное понятие рассматривается как вид деятельности, которая состоит в формировании системы государственного управления и обеспечении ее функционирования. Организация заключается в определении и образовании системы органов государственного управления, решения вопросов об их правовом положении и структуре, службе в данных органах, а также формах и методах их деятельности [8, с. 10].

Н.В. Макарейко считает, что организация заключается в формировании системы управления, установления ее принципов, субъектного состава, приведении в ее состояние готовности [9, с. 13].

Б.В. Россинский и Ю.Н. Стариков высказывают следующую точку зрения. Это формирование системы государственного управления на базе установленных принципов и подходов, определении управляющей и управляемой систем в государственном управлении. То есть, она представляет собой упорядочение структуры органов, штатов, персонала и происходящих процессов [10, с. 43].

Бородин С.С., Громыко С.С., рассматривая организационные принципы управления, относят к организации построение системы органов власти и некоторые

принципы деятельности органов исполнительной власти (рационально распределение полномочий, сочетание коллегиальности и единоначалия) [11, с. 17].

С.Н. Братановский определяет организацию как «суть, ядро управления», которая отражает не только структуру, но и динамический характер управления [12, с. 12–17].

Среди всех вышеперечисленных подходов к содержанию понятия «организация» общим является формирование системы и структуры органов власти, определение органов, штатов, персонала. Организационный блок административно-правового статуса органов государственной власти составляют порядок формирования, реорганизации и ликвидации органа, определение его структуры, штатов и подбор служащих, а также определение их статуса.

Административно-правовой статус государственных инспекций, как органов государственной власти, обладает всеми вышеперечисленными элементами. Вместе с тем, некоторые компоненты статуса данных органов обладают рядом специфических особенностей, позволяющих в полной мере выявить сущность государственных инспекций.

Наиболее важными особенностями характеризуются полномочия государственных инспекций. Благодаря данному элементу в большей степени формируется представление об их сущности.

Л.М. Розиным отмечалось, что полномочия данных органов касаются либо подчиненных, либо подконтрольных органов. В настоящее время деятельность государственных инспекций распространяется только на подконтрольные объекты. Именно данные полномочия, по мнению Л.М. Розина, определяются особенностями инспектирования, используются как метод обеспечения законности. Автором было осуществлено следующее разделение на группы полномочий государственных инспекций, осуществляемых в отношении подконтрольных органов. Выделены группы, которые служат целям выявления нарушений законности, а также используются для поиска недостатков работы подконтрольных органов, это и применение мер убеждения и принуждения; предупреждение правонарушений; улучшение работы предприятий; привлечение к дисциплинарной и уголовной ответственности виновных [13, с. 9–10].

В настоящее время государственные инспекции функционируют в других политико-экономических условиях и их полномочия несколько отличаются от тех, которые предложены советскими юристами.

Полномочия, направленные на выявление правонарушений, применение мер убеждения и принуждения (в том числе и привлечение к ответственности), предупреждение правонарушений, взаимодействие с другими органами власти являются инспекционными полномочиями. В то же время государственные инспекции имеют множество иных полномочий, которые напрямую не относятся к инспектированию. К ним можно отнести: организационные и регулятивные, лицензионно-разрешительные, учетно-статистические полномочия и иные¹.

¹ См. п. 5 Положения о Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утв. Постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2004 г. № 835 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 52, ч. 2, ст. 5499; п. 7 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах их штатной численности, утв. Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 25, ст. 2947; п. 11 Положения о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1998 г. № 711 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25, ст. 2897.

Исходя из характера полномочий, осуществляемых государственными инспекциями, можно заключить, что полномочия данных органов свойственны группе государственных органов, которые осуществляют правоохранительную, а также исполнительно-распорядительную деятельность [14, с. 65].

Полномочия инспекций обусловлены задачами, которые они реализуют. Следует отметить, что этот элемент административно-правового статуса в положениях о государственных инспекциях регламентируется достаточно подробно. Так, можно отметить, что задачи по обеспечению безопасности в установленной сфере деятельности и осуществление государственного контроля и надзора наиболее распространены среди государственных инспекций [15, с. 17].

Такие задачи, как обеспечение общественного порядка, поддержание и обеспечение прав и свобод граждан, создание кадровой базы органов, регулирование общественных процессов, относящихся к установленной сфере деятельности, присущи государственным инспекциям [16, с. 163–165]. Особенности задач государственных инспекций заключаются в том, что они выполняют возложенный государством объем работы, который необходимо осуществить в рамках конкретной и весьма узкой сферы деятельности [17, с. 219–223].

Если исходить из анализа нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность государственных инспекций, то можно установить, что данные органы осуществляют разноплановые функции. Осуществление государственного контроля (надзора) является одной из первостепенных функций. Планирование, анализ ситуаций, прогнозирование, программирование, информационное обеспечение, регулирование, организация, координация так же являются неотъемлемыми функциями государственных инспекций.

Цель, как признак любого управляющего воздействия, является одним из важнейших системообразующих элементов [18, с. 380]. Применительно к государственным инспекциям, цели данных органов позволяют в полной мере сформировать представление о сущности данных органов. Однако нормативно-правовые акты, регламентирующие их деятельность, не содержат данный элемент административно-правового статуса.

Если исходить из таких целей государственного управления, как социально-экономические, политические, обеспечительные, организационно-правовые и иные [19, с. 21–25], можно отметить, что данные цели присущи и государственным инспекциям с некоторыми поправками. Их цели обусловлены сферой деятельности и не выходят за ее пределы. К целям государственных инспекций можно отнести соблюдение экономической, общественной и иных видов безопасности в зависимости от сферы деятельности, а также обеспечение состояния законности и правопорядка, развитие человека, защита его прав и свобод, совершенствование правовой системы, общества и государства и т.д.

Под предметом ведения понимаются общественные отношения, в которых компетентен орган государственной власти [20, с. 13]. Исходя из такого понимания предмета ведения, следует, что каждая государственная инспекция обладает собственным уникальным кругом вопросов. Несмотря на это, предмет ведения любой государственной инспекции включает следующие вопросы: организацию и проведение государственного контроля и надзора; организацию и производство по делам об административных правонарушениях и применение иных мер административного принуждения; предупреждение правонарушений; осуществление экспертной деятельности в рамках установленной сферы; взаимо-

действие с гражданами в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. от 27 ноября 2017 г.)² и иные. Вместе с тем предмет ведения некоторых государственных инспекций обладает рядом специфических вопросов, которые обусловлены особенностями их административно-правового статуса. Например, осуществление разрешительно-лицензионной деятельности в определенной сфере общественных отношений³, охрана общественного порядка и розыск⁴, поиск и спасение людей⁵, организация и проведение расследования случаев причинения вреда жизни и здоровью физических лиц, имуществу⁶ и иные.

Можно отметить, что компетенционный блок административно-правового статуса государственных инспекций обладает значительным количеством особенностей, позволяющих в полной мере определить их место и роль в системе органов государственной власти, а также разграничить государственные инспекции и иные органы с контрольно-надзорными полномочиями. С другой стороны, организационный блок их статуса весьма схож со статусом остальных органов государственной исполнительной власти [21, с. 393–395].

Одной из особенностей организационного блока административно-правового статуса инспекций является положение служащих данных органов [22, с. 17–26]. Так, работник государственной инспекции является государственным служащим, чей статус может меняться в зависимости от того, в какой конкретной инспекции он проходит службу. Их статус может регламентироваться Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2017 г.)⁷, Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 7 марта 2018 г.)⁸.

Исходя из особенностей административно-правового статуса государственных инспекций, видится, что данные органы являются исполнительно-распорядительными, правоохранительными органами, осуществляющими государственную контрольно-надзорную деятельность [23, с. 221–222] в установленной сфере (инспектирование) и иные функции. Административно-правовой статус данных органов имеет ряд специфических особенностей, позволяющих выделить данный тип органов государственной власти среди остальных органов, обладающих контрольно-надзорными полномочиями (например, службы). В частности, административно-правовой статус государственных инспекций представляет собой систему предоставленных прав и возложенных обязанностей (полномочий), реализуемых в рамках определенного предмета ведения для достижения поставленных целей и задач, а также порядок создания, изменения и ликвидации инспекции, определения ее системы и структуры, штатов государственных служащих и их статуса.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060; 2017. № 49, ст. 7327.

³ См. п. 5 Положения о Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

⁴ См. подп. 3 п. 7 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах их штатной численности.

⁵ См. подп. 15 п. 5 Положения о Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

⁶ См. ст. 357 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 5 февраля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2018. № 7, ст. 968.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215; 2018. № 1, ч. I, ст. 7.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900; 2018. № 11, ст. 1591.

Библиографический список

1. Административное право России. Общая часть: учебник для вузов / под ред. П.И. Кононова. М., 2006. 416 с.
2. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М.: Эксмо, 2006. 528 с.
3. Киселев А.В. Административно-правовой статус государственных учреждений: понятие, элементы, особенности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 6. С. 108–115.
4. Ерохина Т.В. Некоторые вопросы административно-правового статуса государственных учреждений // Административное право и процесс. 2016. № 8. С. 62–66.
5. Палагин Д.Н. Административно-правовой статус государственных автономных учреждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 22 с.
6. Муза О.В. Особенности административной процессуальной правосубъектности // Журнал российского права. 2013. № 11 (203). С. 52–57.
7. Ковалева Н.Н. Административно-правовой статус предприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 199 с.
8. Алехин А.П., Кармолицкий А.А. Административное право России: учебник. М.: Зерцало, 2013. 752 с.
9. Макарейко Н.В. Административное право: учебное пособие для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 259 с.
10. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. 4-е изд. М.: Норма, 2009. 928 с.
11. Бородин С.С., Громыко С.С. Административное право. Общая и Особенная часть: курс лекций. СПб.: ГУАП, 2007. 432 с.
12. Братановский С.Н. Административное право. Общая часть: учебник. М.: Директ-Медиа, 2013. 921 с.
13. Розин Л.М. Государственные инспекции и их место в советском государственном аппарате: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. 16 с.
14. Козлов Ю.М. Административные правоотношения. М.: Юридическая литература, 1976. 184 с.
15. Шленков А.В., Киселева А.О. Организация и основные задачи государственной инспекции по маломерным судам // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2015. № 3 (28). С. 16–20.
16. Старилов Ю.Н. Курс общего административного права: в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М.: Норма, 2002. 728 с.
17. Удяк В. Компетенция органов государственной власти: понятие, сущность, особенности // LegeaSiViata. 2013. № 11/2. С. 219–223.
18. Глазунова Н.И. Система государственного управления: учебник для вузов. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 551 с.
19. Лапина М.А. Административное право: курс лекций. М.: Консультант Плюс, 2009. 149 с.
20. Шеремет К.Ф. Компетенция местных Советов: учебное пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. 168 с.
21. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.
22. Зырянов С.М. Структура и содержание административно-правового статуса государственного инспектора // Журнал российского права. 2009. № 2 (146). С. 17–26.
23. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 352 с.

References

1. Administrative Law of Russia. General part: textbook for universities / ed. P.I. Kononov. M., 2006. 416 с.
2. *Bakhrakh D.N.* Administrative Law of Russia: textbook. M.: Eksmo, 2006. 528 с.
3. *Kiselev A.V.* Administrative and Legal Status of State Institutions: Concept, Elements, Features // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2007. No. 6. P. 108–115.
4. *Erokhina T.V.* Certain Questions of Administrative and Legal Status of State Institutions. Administrative law and process. 2016. No. 8. P. 62–66.
5. *Palagin D.N.* Administrative and Legal Status of State Autonomous Institutions: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 2010. 22 p.
6. *Musa O.V.* Features of Administrative Procedural Legal Personality. Journal of Russian Law. 2013. № 11 (203). P. 52–57.
7. *Kovaleva N.N.* Administrative and Legal Status of Enterprises: extended abstract of dis. ... cand. of law. Saratov, 2001. 199 p.
8. *Alekhin A.P., Karmelitski A.A.* Administrative Law of Russia: textbook. M.: Mirror, 2013. 752 p.
9. *Macareiko N.V.* Administrative Law: textbook for universities. 10th ed., pererab. I DOP. M.: yurayt, 2017. 259 p.
10. *Rossinsky B.V., Stary Yu.N.* Administrative Law: textbook. 4-e Izd. M.: Norma, 2009. 928 p.
11. *Borodin S.S., Gromyko S.S.* Administrative Law. General and Special part: lectures. SPb.: GUAP, 2007. 432 p.
12. *Bratanovsky S.N.* Administrative Law. General part: textbook. M.: Direct-Media, 2013. 921 p.
13. *Rosin L.M.* State Inspectorates and Their Place in Soviet State Apparatus: extended abstract of dis. ... cand. of law. M., 1952. 16 p.
14. *Kozlov M.* Administrative Legal Relations. M.: Legal literature, 1976. 184 p.
15. *Slinkov A.V., Kiseleva O.A.* Organization and Main Tasks of the State Inspectorate for Small Vessels // Psychological-pedagogical problems of human security and society. 2015. № 3 (28). P. 16–20.
16. *Starilov Yu.N.* Course of General Administrative Law: in 3 vol. I: History. Science. Object. Standards. Subjects. M.: Norm, 2002. 728 p.
17. *Udac V.* Competence of State Authorities: Definition, Nature, Features // *LegeaSiViata*. 2013. No. 11/2. P. 219–223.
18. *Glazunova N.I.* Public Administration System: textbook for universities. M: YUNITI-DANA, 2003. 551 p.
19. *Lapina M.A.* Administrative Law: course of lectures. M.: Consultant Plus, 2009. 149 p.
20. Competence of Local Councils: a manual. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1968. 168 с.
21. *Baglay M.V.* Constitutional Law of the Russian Federation: textbook for universities. 6-e Izd., ISM. and DOP. M.: Norm, 2007. 784 p.
22. *Zyryanov S.M.* Structure and Content of the Administrative and Legal Status of the State Inspector // Journal of Russian law. 2009. № 2 (146). P. 17–26.
23. Administrative Law of the Russian Federation: textbook for bachelors / ed. M.: Norm; INFRA-M, 2016. 352 p.

УДК 342.92

И.Я. Селиванов

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ И ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ

Введение: в статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации деяний, предусмотренные ст. 1.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Пристальное внимание автор обращает на взаимосвязь данной нормы с иными законами РФ. Актуальность темы исследования обусловлена значительным общественным резонансом. **Цель:** изучить теоретические и практические проблемы административного законодательства, а также разработать механизмы по их усовершенствованию. **Методы:** общенаучные и частнонаучные методы познания. **Результаты:** выявлены пробелы в законодательстве и противоречия основным принципам права. Автором предложены новаторские изменения в действующее законодательство направленные на изменения процедуры привлечения субъектов к административной ответственности. **Вывод:** в профильном административном законе необходимо регламентировать полный перечень лиц с особым правовым статусом и зафиксировать единый порядок их привлечения к административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, специальный субъект, судьи, депутаты, прокуроры, следователи.

I.Ya. Selivanov

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF JUDGES AND PROSECUTORS

Background: the article deals with the issues of qualification of the acts provided by item 1.4 of the Russian code of administrative offences. The author pays close attention to the relationship of this rule with other laws of the Russian Federation. The relevance of the research topic is due to a significant public response. **Objective:** to study the theoretical and practical issues of administrative law, as well as to develop mechanisms for their improvement. **Methodology:** general scientific and specific scientific methods of cognition. **Results:** the legislative gaps and contradictions to the fundamental principles of law are revealed. The author proposes innovative changes to existing legislation aimed at changing the procurement procedures of entities to administrative responsibility. **Conclusion:** the author states that the profile of administrative law is necessary to regulate the complete the list of persons with special legal status and to fix a uniform procedure of their bringing to administrative responsibility.

Key-words: administrative responsibility, administrative offense, special subject, judges, deputies, prosecutors, investigators.

Административная ответственность — вид правовой ответственности за нарушение административного, конституционного, трудового, налогового, финансового а также иных норм законодательства. Административная ответственность

© Селиванов Игорь Яковлевич, 2019
Аспирант кафедры таможенного, административного и финансового права (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского); e-mail: Graffkoko@yandex.ru
© Selivanov Igor Yakovlevich, 2019
Postgraduate student, Customs, administrative and financial law department (Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky)

является разновидностью административного принуждения и выражается в назначении органом (должностным лицом) административного наказания лицу, совершившему административное правонарушение [1, с. 42].

Административное законодательство разграничивает субъектов административного правонарушения — на обычных и специальных (должностных). Случается так, что специальные субъекты нарушают административное, а иногда даже и уголовное законодательство. В подобных случаях возникает закономерный вопрос о привлечении должностных лиц к ответственности, т.к. действует конституционный принцип равенства всех перед законом.

Законодателем закреплён принцип административной ответственности специальных субъектов, т.е. должностных лиц с особым правовым статусом, в том числе: судей, депутатов, прокуроров, сотрудников Следственного комитета РФ, а также иных лиц.

В соответствии с ч. 2, ст. 1.4 Кодекса об административных правонарушениях (с изм. от 31 декабря 2017 г.) (далее — «КоАП РФ»)¹ особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета РФ и иных лиц), устанавливаются Конституцией РФ и федеральными законами.

Полный перечень таких лиц и порядок привлечения их к административной ответственности отсутствует в действующем административном законодательстве. При этом, утверждение о полном отсутствии такого порядка, является некорректным.

Законодатель, при разработке административной реформы 2001 г., не предусмотрел в кодексе об административных правонарушениях механизм привлечения к административной ответственности лиц с особым правовым статусом, лишь ограничившись бланкетно-отсылочными нормами на иные законы.

Факт того, что в профильном законодательстве отсутствует регламентированный порядок привлечения «особых лиц» к административной ответственности не вносит открытость и гласность в исследуемый вопрос, а напротив, порождает неясность и противоречие.

До конца неясной остается административно-правовая природа ответственности лиц с правовым иммунитетом, в части конкретизации перечня таких лиц. В законе отсутствует количественный перечень должностных лиц, к которым относится особый порядок производства по делу об административном правонарушении. Законодатель ограничился формулировкой: «должностные лица, выполняющие определенные государственные функции (депутаты, судьи, прокуроры, сотрудники Следственного комитета Российской Федерации и иные лица)». Однако полный перечень иных лиц в административном законодательстве отсутствует, что является недопустимым на наш взгляд.

Понятие «должностное лицо» раскрывается в ст. 2.4 КоАП РФ, согласно которой, это лицо постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, т.е. наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. I, ст. 1; 2018. № 1, ч. I, ст. 83.

лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

При этом особый порядок привлечения специального субъекта к административной ответственности не распространяется на всех без исключения должностных лиц. Административное законодательство разделяет должностных лиц и должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции. Таким образом, подтверждается теория о двойственности понимания статуса должностного лица. Особый порядок привлечения к административной ответственности не распространяется на любых должностных лиц, а действует лишь на тех, кто упомянут в ч. 2, ст. 1.4 КоАП РФ, с учетом оговорки «а также иные лица». Как было сказано ранее, полного перечня не предусмотрено.

Согласно действующему законодательству особый субъектный состав распространяется на следующих должностных лиц:

Президента РФ — ст. 91 Конституции РФ (в ред. от 21 июля 2014 г.)²;

Президента РФ прекратившего исполнение своих обязанностей — ч. 1, ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (в ред. от 21 июля 2014 г.)³;

Кандидата на должность Президента РФ — ч. 6, ст. 42 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г.)⁴;

Члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы РФ — ч. 2, ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.)⁵;

Кандидата на должность депутата Государственной Думы — ч. 3, ст. 54 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» (в ред. от 18 июля 2017 г.)⁶;

Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации — ч. 1, ст. 12 Федерального Конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (в ред. от 31 января 2016 г.)⁷;

Депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации — ст. 13 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 2017 г.)⁸;

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 7, ст. 617. 2014. № 30, ч. I, ст. 4217.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 2, ст. 171. 2017. № 50, ч. III, ст. 7545.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 2, ст. 74. 2017. № 31, ч. I, ст. 4776.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 8, ст. 740. 2017. № 25, ст. 3596.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9, ст. 1011. 2016. № 5, ст. 552.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005. 2017. № 23, ст. 3227.

Кандидата на должность или на членство в органе (палате органа) государственной власти или органе местного самоуправления — ч. 4, ст. 41 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 1 июня 2017 г.)⁹;

Члена комиссии (коллегиального органа, формируемого в порядке и сроки, которые установлены законом, организующего и обеспечивающего подготовку и проведение выборов) с правом решающего голоса — ч. 18, ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 1 июня 2017 г.);

Члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации с правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта РФ — ч. 18.1, ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 1 июня 2017 г.);

Судьи — ч. 4, ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г.)¹⁰;

Прокурора — ч. 1, ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 2017 г.)¹¹;

Сотрудника Следственного комитета РФ — п. 1.1, ст. 28 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 2017 г.)¹².

Полагаем, что в нынешних условиях необходимо собрать воедино и опубликовать в профильном административном законе полные сведения о лицах, в отношении которых требуется соблюдение особого порядка привлечения к административной ответственности. Данные действия заключаются в систематизации действующего административного законодательства и облегчении его применения на практике. Необходимость кодификации продиктована отсутствием единого механизма в исследуемом вопросе. Например:

при возбуждении административного производства в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы и судьи требуется участие Генерального прокурора Российской Федерации;

при возбуждении административного производства в отношении кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ требуется обязательное участие Генерального прокурора РФ и председателя Следственного комитета РФ;

при возбуждении административного производства в отношении депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации вообще отсутствует регламентация особого порядка;

при возбуждении административного производства в отношении кандидата на должность или на членство в органе (палате органа) государственной власти или органе местного самоуправления требуется обязательное участие прокурора (соответственно уровню выборов). При даче соответствующего согласия Предсе-

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253. 2017. № 23, ст. 3227.

¹⁰ См.: Российская газета. 1992. 29 июля. 2017. 11 дек.

¹¹ См.: ВСНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1, ч. I, ст. 76.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 15. 2018. № 1, ч. I, ст. 76.

датель Следственного комитета Российской Федерации, руководитель следственного органа Следственного комитета Российской Федерации, прокурор обязаны известить об этом избирательную комиссию, зарегистрировавшую кандидата;

при возбуждении административного производства в отношении члена комиссии с правом решающего голоса требуется обязательное участие прокурора субъекта Российской Федерации;

при возбуждении административного производства в отношении члена Центральной избирательной комиссии РФ с правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта РФ требуется обязательное участие Генерального прокурора РФ.

Из представленной информации следует, что привлечение большинства специальных субъектов производится с одобрения Генерального прокурора РФ при взаимодействии с Председателем Следственного комитета РФ. Но как быть, когда таким специальным субъектом становится судья, прокурор или следователь? Так или иначе, этот вопрос является внутренней компетенцией судебных, прокурорских и следственных органов, что нарушает принцип единообразия в практике применения, а также принцип гласности принятия решений по административным делам, при применении административного принуждения.

Наступление административной ответственности для судьи является существенным, виновным, несовместимым с высоким судебным званием нарушением положений Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и кодекса судейской этики. Это обстоятельство порочит честь и достоинство судьи, а также умаляет авторитет судебной власти.

В случае привлечения к административной ответственности прокурора или следователя страдает авторитет правоохранительной системы. Поэтому, чтобы избежать огласки, этот вопрос разрешается ведомствами самостоятельно в так называемом «кулуарном» порядке. Такой подход, по нашему мнению, противоречит фундаментальному конституционному принципу равенства всех перед законом, т.к. отследить судьбу административного правонарушения и назначение санкции за него не представляется возможным для неограниченного круга лиц. Возникает закономерный вопрос о существовании практики привлечения таких лиц к административной ответственности, подтверждения фактов нет в свободном доступе. Отсутствие информирования населения о результатах рассмотрения административных дел с участием специальных субъектов и назначения санкций за совершение правонарушений противоречат ст. 9 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»; ч. 2, ст. 4 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», а также ч. 2, ст. 5 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации».

Привлечение к административной ответственности «особых» лиц осуществляется в избранном порядке при назначении санкций, что является весьма противоречивым фактором. Такой отдельный подход разрешается государственными ведомствами самостоятельно. Например:

1) Порядок привлечения судьи к административной ответственности закреплен ч. 4, ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», согласно которому решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается:

в отношении судьи Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Верховного Суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, военного суда, арбитражного суда — судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации;

в отношении судьи иного суда — судебной коллегией в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа по представлению Генерального прокурора РФ.

Как отмечает А.С. Никонова: «Сама по себе усложненная процедура административной ответственности (по решению коллегии судей на основании представления Генерального прокурора РФ) вряд ли должным образом способствует обеспечению гарантии независимости судьи, поскольку не исключает соответствующего процессуального участия должностных лиц различных государственных органов на стадии возбуждения дела об административном правонарушении и, следовательно, не создает достаточного препятствия для провокаций и оказания давления с их стороны на провинившихся судей.

Кроме того, неадекватный содеянному сложный процедурный механизм ответственности с задействованием Генерального прокурора Российской Федерации, делает малореальным ее применение во всех без исключения случаях и, кстати, не препятствует возможности необоснованного освобождения судьи-правонарушителя от административной ответственности...» [2, с. 36].

Мы считаем, что регулируемый порядок привлечения судьи к административной ответственности является сложно применимым на практике из-за наличия излишних бюрократичных признаков. Действующий порядок порождает споры о возможности достижения конечного результата — привлечения судьи к административной ответственности, так как этот вопрос разрешается его коллегами, такими же судьями. Судебное сообщество является своего рода «профессиональной семьей» и не в их интересах порождать судебные прецеденты, которые бросают тень на институт правосудия.

Обязательное участие Генерального прокурора РФ в этом механизме несомненно усложняет специфику привлечения судей к административной ответственности. Это не означает, что участие генерального прокурора полностью не требуется. Напротив, в вопросе привлечения судьи Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Верховного Суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, военного суда, арбитражного суда — необходима инициатива генерального прокурора ввиду высокого федерального статуса судьи.

По итогам анализа правоприменительной практики о привлечении судей к административной ответственности (Решение Верховного суда РФ от 19 июня 2017 г. по делу № АКПИ17-432; Заключение судебной коллегии Верховного суда РФ от 1 июня 2016 г. по делу № АКПИ16-534; Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Железнодорожного района г. Воронежа от 26 февраля 2015 г. по делу № 4-32/2015), отмечаем:

отсутствие в достаточном количестве судебной практики о привлечении к административной ответственности действующих судей;

наличие судебной практики о привлечении к административной ответственности судей в отставке;

как правило, представления Прокурора РФ удовлетворяются Верховным Судом РФ, что обуславливает автоматическое согласие на привлечение судей к административной ответственности.

На наш взгляд, является неравноценным по статусу участие генерального прокурора в процессе привлечения судьи иного суда (районного или мирового). Маловероятно, что на практике генеральный прокурор будет инициатором подачи представления о решении вопроса по привлечению к административной ответственности судьи районного или мирового суда. Полагаем, что действующий механизм необходимо изменить и возложить обязанность на прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним военных и других специализированных прокуратур. Такой порядок будет являться равноценным с учетом статуса судей субъектов РФ и статуса прокуратуры субъектов РФ.

2) Порядок привлечения прокурора к административной ответственности закреплен ч. 1, ст. 42 Федерального закона «О прокуратуре», по которой проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. При совершении прокурором административного правонарушения в области дорожного движения применяется п. 303 приказа МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел РФ государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ в области безопасности дорожного движения»¹³, в случае выявления данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, совершенного прокурором, сотрудник составляет об этом рапорт, который с другими материалами незамедлительно передается руководителю подразделения ДПС (подразделения Госавтоинспекции территориального органа МВД России на районном уровне) для их последующего направления вышестоящему прокурору.

Данный механизм противоречит принципу единообразия в практике административного применения, а также принципу гласности принятия решений по административным делам, при применении административного принуждения. Вопросы привлечения к административной ответственности прокурора — это исключительная компетенция органов прокуратуры по аналогии со следственными органами.

В заключение отметим, что действующее административное законодательство должно быть гласным, понятным и информативным. В текущем исследовании были выявлены правовые недостатки и предложены меры по их устранению.

Отсутствие единого порядка противоречит принципу единообразия правоприменительной практики. Депутаты, судьи, прокуроры или сотрудники Следственного комитета РФ должны нести административную ответственность по общим принципам административного законодательства и такой порядок должен быть

¹³ См.: Приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» // Российская газета. 2017. 13 окт.

зафиксирован в профильном кодексе, а не в отдельных законах. Публикация такого «специального» порядка в разрозненном виде требует кодификации по аналогии с нормами уголовно-процессуального законодательства, а именно главы № 52, в которой содержится порядок производства по уголовных делам в отношении отдельных категории лиц. Указанной кодификации целесообразно добиться путем внесения изменений в административное и административно-процессуальное законодательство, которое позволит переосмыслить, придать ясность и гласность институту административной ответственности для лиц с особым правовым статусом.

Мы полагаем, что достичь нужного результата можно путем уточнения всех специальных субъектов в ст. 1.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях и образования новой главы в Кодексе административного судопроизводства РФ¹⁴ под названием «Особенности производства по административным делам в отношении отдельных категорий лиц» с указанием подробного механизма привлечения к административной ответственности таких лиц. Вопросы по реализации норм для новой главы станет предметом последующих научных исследований.

Библиографический список

1. *Камасова А.Г.* Сотрудники органов внутренних дел как специальные субъекты административной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 42–45.
2. *Никонова А.С.* Об особых условиях привлечения судей к административной ответственности // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1 (22). С. 35–38.

References

1. *Kamasova A.G.* Employees of Bodies of Internal Affairs as Special Subjects of Administrative Responsibility // Bulletin of economic security. 2016. No. 3. P. 42–45.
2. *Nikonova A.S.* On the Special Conditions of Bringing Judges to Administrative Responsibility // Bulletin of Omsk law Academy. 2014. No. 1 (22). P. 35–38.

¹⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391; 2018. № 1, ч. I, ст. 5.

УДК 347.1

В.А. Бабаков

УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ (ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Введение: правовое регулирование внедрения новых цифровых технологий невозможно без оптимизации традиционных институтов гражданского права. **Цель:** повышение эффективности правового регулирования внедрения новых технологий через создание механизма гражданско-правовой ответственности, который должен найти отражение в законодательстве и судебной практике. **Методологическая основа:** автором использовались как общенаучные (методы диалектического материализма, анализ, синтез и др.), так и специально-юридические методы. **Результаты:** фрагментарный анализ позволил сделать ряд полезных выводов для российской цивилистики. **Выводы:** необходимо создание механизмов гражданско-правовой ответственности должностных лиц за эффективное внедрение новых цифровых технологий.

Ключевые слова: эффективность государства, ответственность должностных лиц, внедрение новых цифровых технологий.

V.A. Babakov

STATE PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES: PROBLEMS OF EFFICIENCY (CIVIL ASPECT)

Background: legal regulation of the introduction of new digital technologies is impossible without the optimization of traditional civil law institutions. **Objective:** to improve the effectiveness of legal regulation of the introduction of new technologies through the creation of a mechanism of civil liability, which should be reflected in legislation and judicial practice. **Methodology:** the author used both General scientific (dialectical materialism, analysis, synthesis, etc.) and special legal methods. **Results:** the fragmentary analysis allowed to draw a number of useful conclusions for the Russian civil law. **Conclusions:** it is necessary to create mechanisms of civil liability of officials for the effective implementation of new digital technologies.

Key-words: efficiency of the state, responsibility of officials, introduction of new digital technologies.

Одна из тем, активно обсуждаемых в современной цивилистике, может быть сформулирована как: «Новые вызовы и традиционные институты частного права в цифровом измерении». И сейчас мы покажем, как «традиционные» нерешенные проблемы проявляют себя и в сфере высоких технологий. Одна из таких проблем — проблема эффективности власти, рассмотрение ее прав или обязанностей властвующего субъекта.

В последнее время в цивилистической науке наблюдается повышенный интерес к исследованию проблем, связанных с участием государства в гражданских отношениях. Применительно к данной статье проблему можно актуализировать тем, что государство, судя по тому вниманию, которое уделяется соответствующему вопросу, является локомотивом развития цифровых технологий, и любые дефекты нормативной регламентации участия государства в данных правоотношениях неизбежно негативно отражаются на всех иных участниках этих отношений. Следовательно, обязывая публично-правовые образования действовать эффективно, защищать свои права, мы создаем механизм защиты собственных интересов. Но это в теории. А что же происходит на практике?

Среди множества тем Московского финансового форума (МФФ), состоявшегося в столице 8 сентября 2017 г., приоритетными значились две: «Новое качество государственного управления» и «Цифровизация экономики». В программе мероприятия они были разнесены по разным залам, обсуждение проходило с участием разных экспертов, но говорили специалисты практически об одном и том же, потому что в новой реальности темы эти глубоко взаимосвязаны.

«В современном мире государства конкурируют не ресурсами, а моделями управления», — отметил ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ В.А. Мау¹. С ресурсами у нашей страны все хорошо. Но в конкурентной борьбе с другими, даже значительно менее обеспеченными, государствами мы давно и основательно проигрываем. Выходит, проблема действительно в управлении.

Неудовлетворительная организация системы госуправления — тормоз для российской экономики, заявил А.Л. Кудрин: «В России нет стратегического планирования, хотя соответствующий закон есть... Поручения на долгосрочный период не выполняются, и никто ответственности за это не несет, хотя с текущими поручениями президента и правительства ситуация другая — за их невыполнение наказывают»². Далее он отметил: «У нас нет даже системы мониторинга, отслеживания выполнения стратегических задач. — подчеркнул Кудрин. — Я попытался найти данные по реализации национальных проектов. Такой отчетности не существует. То есть мы не знаем результатов выполнения ключевых задач страны»³. Кудрин подчеркнул так же, что в России отсутствует система проверки работы госслужащих такая как — КРІ (ключевые показатели эффективности), хотя это важнейший фактор, который помог бы победить коррупцию⁴.

¹ Цифровизация госуправления — решение проблем и путь к процветанию. URL: bujet.ru/article/330058.php (дата обращения: 06.04.2018).

² Фейнберг А. Кудрин рассказал об «отставании» системы госуправления в России. Экономика 8 сентября 2017 г. URL://<https://www.rbc.ru/economics/08/09/2017/59b24fcf9a794723bd7f63e4> (дата обращения: 06.05.2018).

³ Цифровизация госуправления — решение проблем и путь к процветанию. URL: bujet.ru/article/330058.php (дата обращения: 06.04.2018).

⁴ См.: Там же.

Если обратиться к нашему законодательству, то осуществление властных полномочий должностными лицами публично-правовых образований рассматривается как право, а не как юридическая обязанность.

Пока не будем касаться непосредственно ГК РФ. Рассмотрим, например, Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.)⁵. В нем мы увидим 13 статей, посвященных полномочиям Правительства РФ и в целом, и по отдельным направлениям, и по субъектам (Полномочия Председателя Правительства, его заместителей, федеральных министров и т.д.), но не увидим ни одной статьи, посвященной обязанностям.

Следствием такого подхода является в том числе и неэффективное управление государственной собственностью. Проблема состоит еще и в том, что публичная собственность, в отличие от частной — это собственность без хозяина, из-за чего возникают условия для злоупотреблений, включая случаи, когда чиновник фактически имеет право решать, защищать ему государственный интерес или нет.

Данная статья начинается с оценки Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.). На этом примере мы можем увидеть, к чему приводит подобное нормирование, на генеральном уровне участия РФ в гражданских отношениях (мы актуализируем и тематику о современных вызовах праву, внедрении информационных технологий и т.д.), и это хорошо показано Н.И. Касперской, ведущим экспертом в области ИТ-безопасности, указавшей, что нашими чиновниками принимаются неверные решения в сфере информационных технологий [1, с. 4].

Речь идет о том, что давно существует проверенный алгоритм, определяющий, когда и как выгодно вкладывать деньги в цифровые технологии, и государством нашим этот алгоритм не соблюдается. Это означает, что большинство вложенных сегодня в ИТ-сферу денег будут потеряны впустую. Н.И. Касперская обращает внимание на то, что государственные чиновники почему-то не учатся на негативном опыте вложения государственных средств в убыточные проекты.

Давайте рассмотрим конкретные примеры. Первая попытка МВД обзавестись единой информационной системой датируется 2005 г., когда ведомство попыталось создать Единую информационную телекоммуникационную систему органов внутренних дел (ЕИТКС ОВД). Система, на создание которой ушло 42 млрд руб., так и не заработала⁶.

Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев на упомянутом форуме отметил: «Для нас критически важна готовность к новым вызовам таких ключевых государственных институтов, как системы образования, здравоохранения, социальной помощи, поддержки занятости. А также модернизации государственного аппарата, с тем чтобы все типовые, рутинные, сервисные операции были переведены в «цифровой» вид»⁷.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 51, ст. 5712; 2017. № 1, ч. I, ст. 3.

⁶ МВД требует от своего сотрудника 1,4 миллиарда за «кривую» ИТ-систему. URL: http://gov.cnews.ru/news/top/2018-02-26_mvd_trebuot_ot_sotrudnika_14_milliarda_za_nedochetyhttp://gov.cnews.ru/news/top/2018-02-26_mvd_trebuot_ot_sotrudnika_14_milliarda_za_nedochety (дата обращения: 06.04.2018).

⁷ Медведев: цифровизация может «убить» целые профессии. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4545697> (дата обращения: 06.04.2018).

Проблема заключается в том, какой ценой они будут переведены в этот самый цифровой вид. Ведь у государства нет обязанности действовать эффективно — отсюда и проблема. На наш взгляд, в регламентации деятельности как самих публично-правовых образований, так и создаваемых ими юридических лиц необходимо усиление императивности в тех случаях, когда обнаруживается возможность ущемления общественных интересов. Важно нормативно закрепить обязанность государства эффективно управлять соответствующей собственностью и защищать свои права и законные интересы с установлением ответственности должностных лиц за неисполнение этой обязанности.

Библиографический список

1. Касперская Н. Обогнать, не догоняя // Российская газета. 2018. 5 марта. С. 1 (1 полоса).

References

1. Kaspersky N. Overtake, not catching up // Russian newspaper. 2018. March 5. P. 1 (1 strip).

УДК 347.6(094)

Л.В. Саенко

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Введение: в статье рассмотрены актуальные вопросы применения семейного законодательства в практической деятельности органов записи актов гражданского состояния (ЗАГС). **Цель:** выявление проблемных аспектов применения семейного законодательства в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния. **Методологическая основа:** включает в себя общенаучные и частнонаучные методы изучения поставленных вопросов, такие как диалектический, формально-юридический, структурно-функциональный метод и др. **Результаты:** проанализированы недостатки правового регулирования и предложены пути совершенствования законодательства об актах гражданского состояния. **Выводы:** указанные проблемы могут быть разрешены путем внесения соответствующих изменений в законодательство об актах гражданского состояния. Отдельные из них требуют утверждения необходимых форм документов, для решения других — достаточно разработки методических рекомендаций.

Ключевые слова: семейное правоотношение, государственная регистрация актов гражданского состояния, заключение брака, практика применения семейного законодательства.

© Саенко Людмила Владимировна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Saenko7@yandex.ru

© Saenko Lyudmila Vladimirovna, 2019

Candidate of Law, Associate professor, Professor of the Civil law department (Saratov State Law Academy)

L.V. Saenko**TOPICAL ISSUES OF FAMILY LAW EXECUTION IN THE SPHERE OF STATE OF REGISTRATION OF CIVIL STATUS ACTS**

Background: the article deals with topical issues of application of family law in the practice of civil registration authorities (registry office). **Objective:** to identify problematic aspects of the application of family law in the field of state registration of civil status. **Methodology:** general scientific and private scientific methods of researching issues, such as dialectical, formal legal, structural and functional method and others. **Results:** the article analyzes the shortcomings of legal regulation and suggests ways to improve the legislation of acts of civil status. **Conclusions:** these problems can be solved by making appropriate changes to the legislation on acts of civil status. Some of them require the approval of the necessary forms of documents, for solving other problems it will be enough to develop methodological recommendations.

Key-words: family legal relations, state registration of civil status, marriage, practice of family law.

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) и Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹ были приняты уже более 20 лет назад. За прошедший период в эти акты вносились многочисленные изменения, направленные на их совершенствование. Вместе с тем до сих пор остаются проблемы, которые порождают противоречивую правоприменительную практику. Наиболее существенным из них, возникающим при осуществлении государственной регистрации актов гражданского состояния, стоит уделить особое внимание. Во-первых, выделим такую проблему, как отсутствие единой практики применения действующего законодательства. Наличие в законодательстве пробелов, противоречий и юридических коллизий приводит к неоднозначному толкованию законов, возникают спорные юридические ситуации.

Так, в практике работы органов ЗАГС наибольшую трудность вызывают следующие вопросы: вносятся ли изменения во все ранее составленные записи актов гражданского состояния в отношении лица, переименовавшего имя; вносятся ли изменения в записи актов о рождении детей, не достигших совершеннолетия, составленные компетентными органами иностранных государств, в случае перемены имени их родителями; составляется ли заключение о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния в отношении лица, изменившего пол, при отсутствии документа установленной формы об изменении пола, выданного медицинской организацией; какие документы должны остаться в отделе ЗАГС как подтверждение существования перевода документов иностранных граждан и лиц без гражданства, а именно выданных компетентными органами иностранных государств и предъявленных для государственной регистрации актов гражданского состояния (обязательно ли изымать оригиналы нотариально удостоверенного перевода документа); об отсутствии перечня документов, являющихся основанием для предоставления налоговых льгот физическим лицам; на каком основании местом государственной регистрации установления отцовства на основании решения суда определено

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 47, ст. 5340.

лишь место вынесения решения суда; насколько правомерна государственная регистрация рождения ребенка по заявлению отца и матери, не являющихся супругами, или женщины, не состоящей в браке с отцом ребенка, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, при условии отсутствия соответствующей нормы в Федеральном законе «Об актах гражданского состояния».

Представляется, что большинство вышеназванных вопросов могут быть разрешены при внесении соответствующих изменений в законодательство об актах гражданского состояния. Отдельные из этих изменений требуют утверждения необходимых форм документов, а некоторые — лишь разъяснения или разработки методических рекомендаций, как, например, выбор имени ребенка. Подобные рекомендации были разработаны автором с целью разъяснения новелл семейного законодательства [1].

Во-вторых, еще одной насущной проблемой является взаимодействие органов ЗАГС с судебными органами в части исполнения судебных решений. Выработка общих позиций в этом вопросе насущно необходима, поскольку на практике возникают определенные трудности при исполнении решений судов. Так, судами при вынесении решений не учитывается специфика деятельности органов ЗАГС, встречаются случаи, когда в резолютивной части решения не указываются все сведения, необходимые для заполнения записи актов гражданского состояния. Необходимо особо обратить внимание на то, что наряду с соответствующими требованиями (об установлении отцовства или об установлении факта признания отцовства) суд может рассмотреть и заявление об оспаривании отцовства (ст. 52 СК РФ). В связи с этим, содержание решения суда, особенно резолютивной части решения, должно обеспечивать возможность надлежащей государственной регистрации данного акта гражданского состояния. При удовлетворении соответствующих требований в резолютивной части решения должны быть указаны все сведения об отце, необходимые для составления записи акта, что на практике не всегда реализуется. При вынесении решения по делу об оспаривании отцовства судом не учитывается информация о том, на основании чего были внесены в запись акта о рождении сведения об отце.

Суды при принятии решения об установлении усыновления не учитывают положения ст. 135 СК РФ о том, что для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителя может быть изменена дата рождения усыновленного ребенка, но не более чем на три месяца.

Нередко возникают проблемы при исполнении решений судов о расторжении брака, которые были вынесены по недействительным паспортам (не произведен обмен паспорта в связи с регистрацией брака и переменной имени, с истекшим сроком действия паспорта).

Как следует из содержания норм СК РФ, в течение трех дней с момента вступления в законную силу решения суда выписка из этого решения направляется судом в органы ЗАГС в случаях: расторжения брака (ст. 25 СК РФ); признания брака недействительным (ст. 27 СК РФ); лишения родительских прав (ст. 70 СК РФ); восстановления в родительских правах (ст. 72 СК РФ); ограничения родительских прав (ст. 73 СК РФ); отмены ограничения родительских прав (ст. 76 СК РФ); установления усыновления (ст. 125 СК РФ); отмены усыновления (ст. 140 СК РФ).

Но не все решения судов, о лишении родительских прав направляются в установленные сроки в отдел ЗАГС, либо они направляются не по месту государственной регистрации рождения ребенка. В отдельных случаях нарушается

установленный п. 2 ст. 25 СК РФ срок направления судом выписки из решения суда о расторжении брака по месту государственной регистрации заключения брака, что может повлечь предоставление органами ЗАГС недостоверной информации по запросам органов внутренних дел, прокуратуры и др., а также не исключает неправомерную выдачу свидетельства о заключении брака.

Проанализировав судебные решения, поступившие в органы ЗАГС при осуществлении государственной регистрации актов гражданского состояния, можно сделать следующие выводы: формулировки резолютивной части решений противоречат фактическим обстоятельствам рассмотренного дела, не соответствуют заявленным требованиям заявителя; решения судов оформляются ненадлежащим образом: исправления в тексте решения не оговариваются, допускаются ошибки в установочных данных граждан, из-за чего впоследствии приходится повторно обращаться в суд за исправлением ошибок и описок; основной проблемой исполнения решений судов при государственной регистрации актов гражданского состояния является отсутствие в резолютивной части сведений, необходимых для отражения в записях актов гражданского состояния; сложности исполнения решений судов о расторжении брака вызывает неверное исчисление сроков вступления решения суда в законную силу.

Решение данной проблемы возможно путем разработки образцов резолютивных частей судебных решений по вопросам, связанным с государственной регистрацией актов гражданского состояния, для дальнейшего направления их в судебные органы.

Библиографический список

1. Саенко Л.В. Особенности реализации личных неимущественных прав: комментарий к новеллам семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2017. № 5. С. 16–19.

References

1. Saenko L.V. Features of realization of personal non-property rights: commentary on the novelties of family law // Family and housing law. 2017. № 5. P. 16–19.

УДК 347.1

А.Я. Ахмедов

НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ СОДЕЙСТВИЕ НАСТУПЛЕНИЮ НЕВЫГОДНЫХ ДЛЯ КОНТРАГЕНТА ПОСЛЕДСТВИЙ

Введение: при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения законодатель обязует стороны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения

© Ахмедов Арсен Ярахмедович, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ahmedov.arsen@bk.ru
© Akhmedov Arsen Yarakhmedovich, 2019
Candidate of Law, Associate professor of the Civil law department (Saratov State Law Academy)

цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. Стандарт добросовестного поведения на современном этапе развития практики применения гражданского законодательства включает не только несовершение недобросовестных действий, но и совершение действий, отвечающих ожиданиям контрагента. **Цель:** анализ такого критерия добросовестного поведения как учет прав и законных интересов контрагента по договору. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-юридический методы исследования. **Результаты:** имманентной обязанностью сторон гражданско-правовых договоров является обязанность действовать добросовестно. **Выводы:** с законодательным закреплением принципа добросовестности необходимо осуществить ревизию норм, требующих учета интересов контрагента по договору.

Ключевые слова: добросовестность, содействие увеличению убытков, содействие увеличению потерь, недобросовестное содействие наступлению условия.

A.Y. Akhmedov

UNFAIR PROMOTING OF UNPROFITABLE CONSEQUENCES ENSURING FOR THE COUNTERACTING PARTY

Background: the legislator obliges the parties to act in good faith, taking into account the rights and legitimate interests of each other, mutually providing the necessary assistance to achieve the purpose of the obligation, as well as providing each other with the necessary information, when setting, fulfilling the obligation and after its termination. The standard of good faith behavior at the present stage of the civil legislation practice of application development includes not only imperfection of unfair actions, but also commission of the actions meeting expectations of the counterparty. **Objective:** to analyze such criteria of good faith behavior as consideration of the rights and legitimate interests of the counterparty under the contract. **Methodology:** dialectical method of scientific cognition, systematic, formal-legal research methods. **Results:** the author of the article states that it is the inherent duty of the parties to civil contracts to act in good faith. **Conclusions:** with the legislative consolidation of the principle of good faith, it is necessary to audit the rules that require taking into account the interests of the counterparty under the contract.

Key-words: conscientiousness, assistance in increasing damages, assistance in increasing losses, unfair promotion of the condition.

Добросовестные участники гражданского оборота должны оказывать друг другу необходимое содействие для достижения цели — т.е. обязательства. Обязанность действовать добросовестно также включает в себя необходимость воздержания от действий, препятствующих достижению цели обязательства. Таким действием, например, может выступать недобросовестное содействие наступлению невыгодных для контрагента последствий. Подобное содействие возможно в форме недобросовестного препятствования или содействия наступлению отлагательного или отменительного условий. Если наступление условия не зависит от сторон договора, они должны воздерживаться от влияния на факторы, определяющие вероятность наступления обстоятельств, которыми обусловлено возникновение или прекращение прав и обязанностей.

Согласно п. 3 ст. 157 ГК РФ последствием такого недобросовестного поведения является возможность в судебном порядке признания условия, соответственно, наступившим или ненаступившим. Указанная фикция может быть использо-

вана судом только в том случае, когда действия совершены лицом, которому наступление или ненаступление условия выгодно.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 Постановления от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (в ред. от 7 февраля 2017 г.)¹ указал, что недобросовестное содействие стороны, в пользу которой должно быть осуществлено возмещение потерь, наступлению обстоятельства, на случай которого оно установлено, приводит к признанию такого обстоятельства ненаступившим. Таким образом, стороны обязательства должны учитывать интересы друг друга при содействии или препятствовании наступлению отменительного или отлагательного условия. Согласно п. 4 ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство не допускает извлечения преимуществ из своего недобросовестного поведения.

Попыткой извлечь преимущество из своего недобросовестного поведения является такое бездействие кредитора, которое содействует увеличению у него убытков или потерь. Согласно п. 1 ст. 404 ГК РФ суд вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных нарушением обязательства, либо не принял разумных мер к их уменьшению.

Принятие кредитором разумных мер к уменьшению у него убытков является элементом стандарта добросовестного поведения. Решение вопроса о том, какие действия будут являться разумными, отдано на откуп судов. В.В. Байбак отмечает, что от кредитора нельзя требовать принятия особо обременительных мер по уменьшению убытков. Непринятие мер, требующих от кредитора значительных расходов или усилий, не может быть поставлено в вину кредитора [1, с. 717]. Под разумными мерами следует понимать меры ожидаемые от среднестатистического осмотрительного участника оборота. Не стоит забывать, что кредитор сталкивается с негативными последствиями нарушения должником обязательств. В связи с этим вменять в обязанность кредитора совершение обременительных действий было бы несправедливо.

Несмотря на то, что расходы кредитора, вызванные принятием мер по уменьшению убытков, возникли в результате его самостоятельных действий и непосредственно не связаны с нарушением обязательства, кредитор должен иметь право на их компенсацию независимо от того, насколько они успешны и результативны. Должник, нарушивший обязательство, должен нести риск безуспешности мер, предпринятых кредитором для уменьшения убытков [1, с. 717–718]. Представляется, что есть основание применять принцип, отраженный в абз. 1 п. 2 ст. 962 ГК РФ (возмещение необходимых расходов страхователя, произведенных с целью уменьшения убытков, подлежащих возмещению страховщиком) и п. 1 ст. 984 ГК РФ (возмещение необходимых расходов, понесенных лицом, действовавшим в чужом интересе без поручения). В связи с этим возмещению должны подлежать необходимые расходы независимо от того, привели они к предполагаемому результату или нет.

В соответствии с п. 2 ст. 406.1 ГК РФ исключением из правила о недопустимости снижения судом размера возмещения потерь являются случаи, когда доказано, что сторона умышленно содействовала увеличению размера потерь. Если п. 1 ст. 404 ГК РФ указывает на уменьшение размера ответственности в случае

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5; 2017. № 4.

содействия увеличению размера убытков как умышленно, так и по неосторожности, то п. 2 ст. 406.1 ГК РФ предусматривает снижение размера возмещения потерь только в случае умышленного действия для увеличения размера потерь. Отмеченное регулирование не соответствует принципу добросовестности (к аналогичному выводу можно прийти при анализе п. 3 ст. 962 ГК РФ). Кроме того, отсутствие указания на возможность уменьшения возмещаемых потерь, если контрагент не предпринял разумных мер к их уменьшению.

Умышленное или по неосторожности содействие увеличению размера убытков либо непринятие разумных мер к их уменьшению может иметь место и в том случае, когда убытки возникают в связи с заключением замещающей сделки при расторжении нарушенного договора. Так, согласно п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (в ред. от 7 февраля 2017 г.)² должник вправе представлять доказательства чрезмерного несоответствия цены замещающей сделки текущей цене, определяемой на момент ее заключения по правилам п. 2 ст. 393.1 ГК РФ. Обязанностью кредитора является заключение замещающей сделки на разумных условиях.

Несмотря на действие в гражданском праве презумпции добросовестности участников гражданского оборота, поведение контрагента вопреки ожиданиям нередко может преследовать цель извлечь выгоду. Учет сторонами обязательства интересов друг друга является элементом сотрудничества для удовлетворения взаимных потребностей и исключает стремление получить преимущества в связи с недобросовестным поведением. Уменьшая свои убытки от нарушения обязательства должниками, кредиторы не только исходят из своих интересов, но и способствуют всеобщему благосостоянию, так как должники несут меньшее количество расходов в связи с возмещением убытков. Стандарт добросовестности диктует лицу, которое имеет больше возможностей контролировать негативные последствия действий контрагента и воздействовать на них, учитывать интересы другой стороны обязательственного правоотношения. При этом содействие наступлению невыгодных для контрагента последствий, как способ извлечения выгоды из недобросовестного поведения является сложным в доказательном плане нарушением и требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.

References

1. Contract Law and Law of Obligations (General part): an article-by-article comment to the articles 307–453 of Civil law of Russian Federation / Edit by A.G. Karapetov. M.: Statute, 2017. 1120 p.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5; 2017. № 4.

УДК 347.25

Ю.В. Бекузарова

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ ДЕТЕЙ-СИРОТ

Введение: в статье рассматривается порядок предоставления жилых помещений детям-сиротам, который отнесен к компетенции субъектов РФ. Такое положение не может не сказаться на осуществлении права на жилище данной категории граждан, потому что оно поставлено в зависимость от объема выделяемых бюджетных средств, от количества соответствующего жилья, уровня жизни в конкретном регионе. **Цель:** совершенствование порядка осуществления жилищных прав детей-сирот. **Методологическая основа:** системный, сравнительно-правовой, метод моделирования, применяемый при разработке рекомендаций по усовершенствованию гражданско-правовых норм, формально-юридический, анализ и обобщение правоприменительных данных. **Результаты:** обнаружено несоответствие законов субъектов РФ федеральному законодательству, отсутствие единого подхода относительно вопросов предоставления жилых помещений. **Выводы:** порядок предоставления жилых помещений детям-сиротам должен определяться Правительством РФ, что будет способствовать единообразному подходу к решению этой проблемы на всей территории РФ.

Ключевые слова: дети-сироты, предоставление жилых помещений, очередность, нуждающиеся, специализированный жилищный фонд, осуществление жилищных прав.

Yu. V. Bekuzarova

PROBLEMS OF PROVIDING LIVING QUARTERS FOR ORPHANS

Background: the article deals with the procedure of providing residential premises to orphans, which is within the competence of the subjects of the Russian Federation. This situation cannot but affect the right to housing of this category of citizens, because it is dependent on the amount of budget funds allocated, the number of appropriate housing, standard of living in a particular region. **Objective:** to improve the implementation of the housing rights of orphans. **Methodology:** system, comparative legal, modeling method used in the development of recommendations for the improvement of civil law, formal legal method, analysis and synthesis of law enforcement data. **Results:** a mismatch of laws of Federal legislation subjects, the lack of a common approach on the issues of providing premises was revealed. **Conclusions:** the procedure for providing residential premises for orphans should be determined by the Government of the Russian Federation, it will also contribute to a uniform approach throughout the Russian Federation.

Key-words: orphans, provision of residential premises, priority, needy, specialized housing Fund, implementation of housing rights.

Порядок предоставления жилых помещений детям-сиротам изменен в 2013 г. и осуществляется по договору найма жилых помещений специализированного

жилищного фонда. Также законодательно закреплено установление очередности, что препятствует реализации жилищных прав, т.к. срок осуществления права на жилище отдалается. Это существенно ухудшает положение детей-сирот по сравнению с нормой о внеочередном предоставлении жилья, а также противоречит положению п. 2 ст. 55 Конституции РФ, которое запрещает издавать законы, отменяющие или умаляющие права граждан РФ. При этом, пытаясь ликвидировать очередность, при предоставлении жилых помещений, субъекты РФ прибегают к методам не закрепленным в законодательстве РФ. В Саратовской области в 2016 г. предоставление жилых помещений детям-сиротам осуществлялось путем лотереи, так в ноябре 2017 г. путем случайного выбора было распределено 40 жилых помещений, на которых претендовало 266 нуждающихся [1, с. 26]. На «квартирные лотереи» обратила свое внимание уполномоченный по правам ребенка в РФ, потребовав пересмотреть этот порядок, который нарушает права указанной категории лиц. После этого в Саратовской области был принят закон от 28 мая 2018 г. № 54-ЗСО «О внесении изменения в статью 6 Закона Саратовской области „Об обеспечении дополнительных гарантий прав на имущество и жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Саратовской области”»¹, который возвращает очередность и предусматривает, что специализированный жилищный фонд должен быть сформирован не позднее достижения лицами возраста 18 лет. При этом указывается, что этот специализированный фонд формируется за счет бюджетных ассигнований, выделяемых области на эти цели. Таким образом, предоставление жилых помещений детям-сиротам поставлено в зависимость от выделенных субвенций, средств местного бюджета, а не от количества детей-сирот, у которых имеется право на получение жилого помещения. Нельзя не согласиться с мнением, что для наилучшей защиты жилищных прав детей-сирот полномочия по обеспечению их жилыми помещениями, передавать их органам местного самоуправления нецелесообразно [2, с. 45].

Следует обратить внимание на то, что срок, в течение которого детям-сиротам должны быть предоставлены жилые помещения, не установлен на законодательном уровне. До вступления изменений в силу существовал внеочередной порядок предоставления жилых помещений (ст. 57 ЖК РФ), и, несмотря на это, образовывалась задолженность по жилищному обеспечению. В настоящее время предусматривается порядок целевого предоставления жилья из специализированного жилищного фонда, подразумевающие предоставление жилья при наступлении обстоятельств, которые установлены в законе. А отсутствие закрепленного в законодательстве срока вносит правовую неопределенность при реализации жилищных гарантий и позволяет субъектам власти злоупотреблять своими обеспечительными функциями.

В целях совершенствования порядка осуществления жилищных прав детей-сирот, необходимо установить хотя бы примерные сроки обеспечения указанных лиц жилым помещением. Если отсутствует возможность установить сроки, представляется целесообразным выплачивать лицам компенсацию за коммерческий наем жилых помещений, как это предусмотрено для военнослужащих. В противном случае нарушается принцип равенства всех граждан РФ перед законом, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ.

¹См.: Собр. законодательства Саратовской области. 2018. № 5.

Одним из требований законности является обеспечение реализации законов и подзаконных актов необходимыми материальными гарантиями, поэтому проблема недостаточности средств субъектов РФ для своевременного обеспечения сразу всех льготников жилыми помещениями, нарушает принцип законности [3, с. 108].

В связи с вышеизложенным хотим обратить внимание на данную проблему и подчеркнуть в своем исследовании, что порядок предоставления жилых помещений детям-сиротам должен определяться Правительством РФ это будет способствовать единообразному подходу решения данной проблемы на всей территории РФ. В противном случае задолженность по жилищному обеспечению детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, «возрастных» лиц из числа детей-сирот будет накапливаться, а гарантии окажутся нереализованными [4, с. 50].

Библиографический список

1. Куликов А. Лохотрон для сирот // Российская газета (Федеральный выпуск). № 7439 (273). С. 26.
2. Огурцова В.М. Состояние законности в сфере соблюдения жилищных прав детей-сирот // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. № 6. 2015. С. 43–46.
3. Попов С.Н. Практика реализации конституционного права на жилище лиц, оставшихся без попечения родителей: на примере Тюменской области // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 107–112.
4. Тарасова А. Новая модель жилищного обеспечения детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа // Административное право. 2013. № 2. С. 47–61.

References

1. Kulikov A. Scam for Orphans // Rossiyskaya Gazeta (Federal issue). No. 7439 (273). P. 26.
2. Ogurtsov V.M. State of Legality in the Sphere of Observance of Housing Rights of Children-orphan // Electronic application to the Russian legal magazine. No. 6. 2015. P. 43–46.
3. Popov S.N. Practice of Realization of the Constitutional Right to Housing of Persons Left without Parental Care: on the Example of the Tyumen Region // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2017. No. 25. P. 107–112.
4. Tarasova A. New Model of Housing for Orphans, Children Left without Parental Care, Persons from among Them // Administrative law. 2013. No. 2. P. 47–61.

УДК 347.1

А.А. Волос

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Введение: исследование принципов гражданского права различных стран предлагает по-новому осмыслить собственное законодательство, выявить его положительные и отрицательные черты. **Цель:** изучение принципов гражданского права Словакии, вопросов их отражения в законодательстве и судебной практике. **Методологическая основа:** автором использовались различные общенаучные (анализ, синтез и др.) и специально-юридические методы. **Результаты:** фрагментарный анализ позволил сделать ряд полезных выводов для российской цивилистики. **Выводы:** принципы гражданского права Словакии имеют правоприменительно ориентированное значение.

Ключевые слова: принципы гражданского права, Словакия, принцип равенства субъектов гражданского права, добросовестность, справедливость.

A.A. Volos

CIVIL LAW PRINCIPLES IN THE SLOVAK REPUBLIC

Background: the study of the principles of civil law in different countries offers a new way to understand their own legislation, to identify its positive and negative features. **Objective:** to research the principles of Slovak civil law, their reflection in legislation and judicial practice. **Methodology:** the author uses various general scientific and special legal methods. **Results:** the fragmentary analysis of the Slovak civil law principles allowed to draw a number of useful conclusions for the Russian civil law. **Conclusions:** principles of Slovak civil law are of enforcement-oriented essence.

Key-words: principles of civil law, Slovakia, principle of equality of subjects in civil law, good faith, fair.

В последнее время в научной литературе встречаются работы, посвященные сравнительно-правовому исследованию различных юридических категорий. Достаточно часто результаты таких работ позволяют сделать конкретные выводы не только о том, насколько схожи или различны правовые конструкции и правоприменение в разных государствах, но и по-новому осмыслить собственное законодательство.

Актуальность обращения именно к словацкому опыту развития гражданского законодательства вызвана многими обстоятельствами. Экономические процессы, происходящие в Словакии последние десятилетия, плавный переход от плановой системы к рыночной экономике предопределили специфику частноправовых отношений. Подходы к решению поставленных перед словацким правом в связи с этим задач совмещают, с одной стороны, самобытность и вер-

© Волос Алексей Александрович, 2019

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vaalawyer@gmail.com

© Volos Aleksei Aleksandrovich, 2019

Candidate of Law, senior lecturer, Civil law department (Saratov State Law Academy)

ность местным традициям, а с другой стороны — приверженность основам права Европейского Союза.

Словацкие ученые признают, что существуют различные мнения о природе, перечне, степени самостоятельности и интенсивности проявления принципов в различных секторах частного права. При этом можно выделить наиболее важные принципы, которые в большей степени имманентны сущности частного права. Более того, эти принципы реализуются не только в гражданском праве, но и в иных отраслях частного права (предпринимательском, семейном, трудовом и международном частном праве). Кроме того, все принципы частного права взаимосвязаны друг с другом и, как правило, каждый из них включает в себя не одно, а несколько правил (подпринципов), которые «заполняют» пространство между различными руководящими принципами и обеспечивают связь между ними.

Итак, основополагающими и общепризнанными принципами гражданского права Словакии являются следующие [1, с. 12]:

- 1) принцип равенства участников гражданских отношений;
- 2) принцип индивидуальной автономии (свободы воли);
- 3) принцип «Все разрешено, что не запрещено»;
- 4) принцип справедливости;
- 5) принцип запрета на злоупотребление субъективными правами;
- 6) принцип стабильности частного права;
- 7) принцип профилактики.

Рассмотрим некоторые особенности названных принципов в словацком гражданском праве.

Говоря о принципе равенства, следует сказать, что одним из направлений развития словацкого права является постоянное совершенствование законодательства в сфере участия государства в гражданских отношениях. Цель правового регулирования таких отношений — создание механизма, при котором должностные лица в полной мере будут уделять внимание правовым и экономическим вопросам использования государственных средств. При этом необходимость совершенствования правового регулирования в данной сфере доказана научными исследованиями, показавшими, что должностные лица не всегда вели себя как «хороший экономист» и «добросовестный хозяин»¹.

Другое направление реализации принципа равенства: защита слабой стороны. Например недавно словацкий законодатель принял Закон о краткосрочной аренде, который предоставил слабой стороне, арендатору жилых помещений — дополнительные права [2, с. 201].

Принцип справедливости и его значение неоднозначны. Новый Гражданский кодекс Словакии вернулся к понятию «доброй совести». Ссылка на его использование появляется в Гражданском кодексе в различных контекстах и имеет общий характер. При этом конкретизация данного принципа происходит в судебных решениях. В частности, в одном из дел, рассмотренных в 2018 г., суд отметил, что не допускается чрезмерное влияние на потребителя, если оно значительно ухудшает или может значительно ухудшить свободу выбора товара².

¹ См.: *Dobrovodský R. Právno-filozofické a spoločenské pozadie právnej úpravy povinne zverejňovaných zmlúv na Slovensku*. Доступ из электронного ресурса. URL: http://www.uniamiest.sk/assets/File.ashx?id_org=600175&id_dokumenty=3919 (дата обращения: 06.09.2017).

² См.: Сайт судебных решений Словацкой республики. Доступ из электронного ресурса. URL: <https://www.judikaty.info> (дата обращения: 06.05.2018).

Принцип стабильности частного права раскрывается в следующих под-принципах: неприкосновенность права собственности; принцип *pacta sunt servanda*; принцип, согласно которому субъекты частного права должны вести себя таким образом, чтобы они не нарушали никаких юридических обязательств; защита добросовестных субъектов; запрет на ретроактивность.

Сущность принципа профилактики отражается в положении о том, что все субъекты гражданского права обязаны обеспечивать отсутствие угроз и нарушений гражданских прав.

Проведенное исследование позволяет сделать определенные выводы, которые могут оказаться полезными для российской теории.

Во-первых, в перечень принципов гражданского права Словакии входят начала, которые относятся не только к рассматриваемой отрасли права — они имеют и общеправовое значение (принципы справедливости, «все разрешено, что не запрещено» и др.). Такое понимание системы принципов полезно в правотворческой деятельности, однако может ввести в заблуждение о принадлежности указанных начал только частному праву. Более того, смешение общеправовых и отраслевых принципов гражданского права может привести к нарушению системного представления о них.

Во-вторых, принципы гражданского права Словакии (как, кстати, и некоторых других европейских государств) рассматриваются учеными-цивилистами и юристами-практиками как практически ориентированные категории, которые должны всегда учитываться и использоваться судами. В России традиционно несколько иное представление о принципах права, которые применяются судами лишь в редких случаях в основном судами высших инстанций. Полагаем, что опыт европейских коллег по правоприменительной ориентации принципов гражданского права следует поддержать.

В-третьих, словацкие коллеги изучают основы гражданского права через призму принципов частного права. Презюмируется единство принципов гражданского, предпринимательского, семейного, трудового, международного частного права. Для российской действительности указанный опыт следует рассматривать с двух сторон. С одной стороны, необходимы научные исследования межотраслевых связей принципов гражданского права и иных отраслей частного права. С другой стороны, не следует забывать особенности российского права, которое в отличие от права стран Европы, традиционно обособляет семейное и трудовое право.

В любом случае, даже фрагментарный анализ принципов гражданского права Словацкой республики позволил сделать ряд полезных выводов для российской теории принципов гражданского права, правоприменительной практики. Перспективным может оказаться и дальнейшее исследование предложенной проблематики, в частности, по сопоставлению отдельных принципов гражданского права России и Словакии, их отражению в законодательстве и использованию в правоприменительной практике.

Библиографический список

1. *Lazar J. Obcianske pravo hmotne*. Bratislava. Edicia ucebnice. T. 1. 2010. 732 s. (in Slovak).

2. *Dulaková D., Dulak A.* Dvojkoľajnosť právnej úpravy nájmu bytu po prijatí zákona č. 98/2014 Z. z. o krátkodobom nájme bytu a všeobecné prejavy diskriminácie v právnej úprave nájmu bytu // *Diskriminácia v zmluvnom práve*. Trnava, 2015. S. 201-212 (in Slovak).

References

1. *Lazar J.* Citizens' Right to Vested Interests. Bratislava. Edicia ucebnice. T. 1. 2010. 732 p. (in English).

2. *Dulaková D., Dulak A.* Duality of the Legal Regulation of the Apartment Rent after the Adoption of the Law No. 98/2014 Coll. on the Short Term Rental of Apartment and General Manifestations of Discrimination in Legal Regulation of Lease of the Apartment // *Discrimination in contract law*. Trnava, 2015. P. 201–212 (in English).

УДК 347.626

Ю.А. Зайцева

СОВМЕСТНОЕ БАНКРОТСТВО СУПРУГОВ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Введение: актуальность института банкротства гражданина не вызывает сомнения, т.к. неспособность должников в полном объеме удовлетворить требования кредиторов с каждым годом возрастает. Этому способствовало развитие кредитования населения в стране. В большинстве случаев граждане-банкроты состоят в зарегистрированных браках. В случае признания каждого супруга банкротом, требования кредиторов не всегда удовлетворяются в полном объеме. **Цель:** рассмотреть возможность совместного банкротства супругов; выявить достоинства и недостатки процедуры совместного банкротства супругов. **Методологическая основа:** анализ и синтез, индукция и дедукция, аргументация, обобщение. **Результаты:** несмотря на то, что совместное банкротство супругов не предусмотрено в законодательстве, на практике супруги обращались в арбитражные суды о признании их банкротами совместно до принятых соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ. Единственный подход к совместному банкротству супругов отсутствует в судебной практике. Урегулировав совместное банкротство супругов, произойдет упрощение процедуры банкротства. Снизятся финансовые затраты для должников по оплате расходов на проведение процедур банкротства. Сократится нагрузка на судей арбитражных судов. **Вывод:** вовремя принятые разъяснения Верховного Суда РФ направленные на формирование единой практики применения законодательства о банкротстве граждан, в частности, совместного банкротства супругов.

Ключевые слова: должник, кредитор, банкротство гражданина, супруги, общее имущество супругов, личное имущество супруга, нужды семьи, арбитражный суд.

Yu.A. Zaitseva

JOINT BANKRUPTCY OF SPOUSES: MYTH OR REALITY

Background: the relevance of the institution of bankruptcy of a citizen is not in doubt, since the inability of debtors to fully meet the demands of creditors increases every year. This has been aided to the development of the population crediting in the country. In most cases citizens bankrupts are in registered marriage. In case of adjudging each spouse as a bankrupt claims of creditors are not always fully satisfied. **Objective:** to consider the possibility of joint bankruptcy of spouses, to identify the advantages and disadvantages of joint bankruptcy of spouses. **Methodology:** analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization. **Results:** despite the fact that the joint bankruptcy of spouses is not stipulated in the legislation, in practice the spouses applied to arbitration courts to declare their bankruptcy jointly prior to the adoption of the relevant explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. A uniform approach to joint bankruptcy of spouses does not exist in the judicial practice. Having settled the joint bankruptcy of the spouses, there will be the simplification of the bankruptcy procedure. The burden of arbitration courts judges will be reduced. **Conclusions:** timely accepted explanations of the Supreme Court of the Russian Federation are aimed at the formation of a unified practice of application of legislation on bankruptcy of citizens, in particular, the joint bankruptcy of spouses.

Key-words: debtor, creditor, the bankruptcy of a citizen, spouses, common property of spouses, personal property of the spouse, needs of the family, court of arbitration.

С каждым годом количество дел о банкротстве граждан увеличивается, что подтверждает актуальность введения института банкротства граждан в России. При применении Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 23 апреля 2018 г.) (далее — Закон о банкротстве)¹, закрепляющих институт банкротства гражданина, возникает немало вопросов, требующих более подробного регулирования. Одним из них является вопрос о возможности совместного банкротства супругов.

При банкротстве гражданина затрагиваются интересы третьих лиц — супруга (бывшего супруга), несовершеннолетних детей. Происходит обращение взыскания на общее имущество супругов, если обязательство признано общим. В этом случае никоим образом нельзя ущемлять права третьих лиц. Проведение процедуры банкротства достаточно затратно. Денежные средства поступают из семейного бюджета банкрота. Часто граждане не имеют возможности нести расходы по процедуре банкротства.

Для того чтобы сформировать конкурсную массу, финансовому управляющему необходимо определить, какое имущество является личным имуществом каждого супруга, а какое — общим имуществом. Сведения о составе имущества предоставляются добросовестно и самостоятельно заинтересованным лицом.

Важно определить, возникшее обязательство у должника будет личным либо общим обязательством с супругом. Финансовому управляющему предстоит

¹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190; 2018. № 18, ст. 2576.

разобраться, на какие нужды семьи потрачены денежные средства, например предоставленный банком кредит.

По обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на его имущество. Если имущества недостаточно, то взыскание обращается долю в общей совместной собственности супругов, которая причиталась бы мужу (жене) при разделе этого имущества (ст. 45 СК РФ)². Данное положение закреплено было в ст. 23 Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г.

По мнению В.П. Никитиной: «Явно неудачной следует признать статью 23 Кодекса о браке и семье РСФСР ... Дело в том, что обязательства могли возникнуть до брака и в период состояния в нем, могли касаться общего совместного или только раздельного имущества, быть установлены в интересах одного или обоих супругов. Условия, пределы и порядок ответственности в названных случаях не могут быть одинаковы» [1, с. 20–21].

В период действия Кодекса РСФСР о браке и семье нерешенным оставался вопрос о пределах и порядке ответственности супругов по общему долгу при отсутствии или недостатке общих средств на его погашение. В.П. Никитина считала, что наиболее предпочтительной следует признать в этом случае ответственность солидарную. Данная мысль нашла подтверждение в СК РФ (ст. 45).

В Законе о банкротстве не урегулирована процедура совместного банкротства супругов, по этому в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»³ не даны соответствующие разъяснения. Однако судебная практика показала, что ничего невозможного нет. Необходимо лишь доказать, что на момент подачи заявления о несостоятельности, супруги состояли в зарегистрированном браке; общими долгами должны быть признаны только те долги, которые возникли в интересах семьи и для ее нужд; все имущество супругов должно быть совместно нажитым.

Итак, в 2015 г. супруги признаны банкротами и в дальнейшем освобождены от исполнения обязательств⁴. Но достаточно часто арбитражные суды отказывают в признании банкротами обоих супругов, ссылаясь на то, что совместное банкротство не предусмотрено Законом о банкротстве и что семья, в понимании положений СК РФ, не является субъектом в рамках дела о банкротстве, а следовательно, не наделена правоспособностью. Правами и обязанностями наделены каждый из супругов, а при банкротстве должника — т.е. физического лица, но не семья в целом⁵. Таким образом, суды не пришли к единообразному подходу к разрешению вопроса о совместном банкротстве супругов.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2018. № 1, ч. I, ст. 22.

³ См.: Российская газета. 2015. № 235.

⁴ Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 ноября 2015 г. Дело А45-20897/2015; Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 марта 2016 г. Дело № А45-20897/2015; Постановление седьмого арбитражного апелляционного суда от 10 мая 2016 г. Дело № А45-20897/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 марта 2017 г. Дело № А56-65995/2016; Постановление семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 декабря 2017 г. Дело № А50-37572/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако в своем Постановлении Пленум Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»⁶ разъяснил, что суд может объединить два дела о несостоятельности, возбужденные в отношении каждого супруга, в одно. Финансовый управляющий будет назначен из того дела, которое было возбуждено первым. Но в то же время кредиторы могут выбрать другую кандидатуру финансового управляющего или сменить саморегулируемую организацию. В случае совместного банкротства супругов финансовый управляющий будет вести два реестра требований кредиторов. В одном реестре требований кредиторов будут учитываться требования кредиторов по общим обязательствам супругов, в другом — требования кредиторов по личным обязательствам каждого из супругов.

Можно сделать вывод, что предоставленная возможность совместного банкротства супругов будет способствовать сохранению баланса интересов должников и кредиторов. Должники сэкономят время и денежные средства, кредиторы не будут находиться в режиме ожидания, намного раньше решится вопрос, о том будут ли удовлетворены требования кредиторов и в каком объеме, а в арбитражных судах сократится количество рассматриваемых дел, так как в большинстве случаев должники состоят в зарегистрированных браках. С принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»⁷ совместное банкротство супругов стало реальностью, а не мифом.

Библиографический список

1. *Никитина В.П.* Правовые проблемы регулирования имущественных отношений в советской семье: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1976. 41 с.

References

1. *Nikitina V.P.* Legal Problems of Regulating Property Relations in the Soviet Family: extended abstract of ... dis. Dr. of law. L., 1976. 41 p.

⁶ См.: Российская газета. 2019. № 1.

⁷ См.: Российская газета. 2019. № 1.

УДК 347.6

Н.А. Иванова

К ВОПРОСУ О ТАЙНЕ
УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) ДЕТЕЙ

Введение: преобразования, происходящие в нашей стране, для некоторых граждан привели к снижению уровня жизни. Вследствие этого в обществе возникла проблема растущего количества детей-сирот и обострился вопрос их дальнейшего устройства в социуме. Принять чужого ребенка в семью — это ответственный поступок, который сопровождается различного рода трудностями. Одной из них является тайна усыновления (удочерения). Тайна усыновления (удочерения) законодательно закреплена в РФ. Это мера защиты законных интересов и прав приемного ребенка от разглашения информации. **Цель:** анализ такого понятия, как тайна усыновления (удочерения), с помощью различных методов исследования. **Методологическая основа:** диалектический метод научного познания, системный, формально-логический, сравнительно-правовой метод исследования. **Результаты:** проанализированы особенности такого понятия, как тайна усыновления (удочерения) в РФ. **Выводы:** тайна усыновления (удочерения) является одним из важнейших факторов, которая способствует приближению отношений усыновителей и усыновленного к кровнородственным, воспитанию ребенка, установление тесного эмоционального контакта.

Ключевые слова: тайна усыновления (удочерения), усыновитель, усыновленный, общество, семья, защита детей.

N.A. Ivanova

ON THE QUESTION OF THE SECRECY
OF ADOPTION OF CHILDREN

Background: transformations taking place in our country, have led to a decline in the standard of living for some citizens. As a result of this the problem of a growing number of orphans, and their further life in the society has arisen. Take another child to the family is a responsible act, which is accompanied by various difficulties. One of these circumstances is the secrecy of adoption. The secrecy of adoption is legally fixed in the Russian Federation. This is a measure to protect the legitimate interests and rights of the adopted child from disclosure of information. **Objective:** to analyze such a concept as secrecy of adoption using various research methods. **Methodology:** dialectical method of scientific cognition, systemic, formal-logical, comparative-legal method of investigation. **Results:** the specifics of such a concept as the secrecy of adoption in the Russian Federation have been analyzed. **Conclusions:** secrecy of adoption is one of the most important factors that contributes to the approximation of the relationship of adoptive parents and adopted children to the blood kin, the upbringing of the child, the establishment of close emotional contact.

Key-words: adoption secret, adopter, adopted, society, family, protection of children.

Согласно Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. каждый ребенок имеет право с момента рождения знать своих родителей. Это право основано на происхождении детей от определенных родителей и тесно связано с правом ребенка на заботу родителей, как материальную, так и моральную. В идеальной модели семьи каждый ребенок, должен проживать со своими родителями (или хотя бы одним из них), т.к. общение с родителями дает ребенку полноценное физическое, духовное развитие, помогает построить, в свою очередь, собственную семью и общение с подрастающим поколением.

На основании норм СК РФ (ст. 139) тайна усыновления охраняется законом, и разгласившие эту тайну лица привлекаются к ответственности в установленном законом порядке. Эта норма основана на ст. 23 Конституции РФ, которая провозглашает неприкосновенность частной жизни и охрану личной и семейной тайны. Однако ни в одном нормативно-правовом акте ни в Декларации прав ребенка 1959 г., ни в Конвенции ООН о правах ребенка ничего не говорится о тайне усыновления. Конвенция ООН о правах ребенка (ст. 7) говорит лишь о праве ребенка знать своих родителей «насколько это возможно», как о некоем пределе, потому что не всегда можно установить связь родителей с детьми. Например, если ребенок подброшен, найден или его кровные родители умерли. Сказанное выше, позволяет сделать вывод, что положения СК РФ, говорящие о тайне усыновления и изменении даты и места рождения, имени ребенка, а так же запись усыновителей в качестве родителей, не обеспечивают в полной мере права ребенка.

Семейный кодекс РФ не раскрывает сущность понятия «тайна усыновления» и мы можем основываться только на мнении ученых специалистов в области семейного права. Например, В.В. Паршуткина и Е.Ю. Львова считают, что тайна усыновления — это лишь сведения о судебном решении об усыновлении, причем только в случае, если сам усыновитель скрывает факт усыновления [1, с. 23.]. Н.В. Летова понимает под тайной усыновления сведения о личности усыновляемого ребенка и усыновителей, месте, времени и других существенных обстоятельствах усыновления [2, с. 9.].

Рассматривая данную проблему, обратимся к зарубежному опыту. В таких странах, как США, Франция, Англия, Бельгия и др., из усыновления не делают никакой тайны. Западные юристы считают, что качество воспитания ребенка не зависит от соблюдения формальной стороны усыновления, а скорее от фактических отношений между усыновителем и усыновленным [3, с. 51]. Более того, психологи сталкиваются с ситуациями, когда усыновляемые страдают от того, что от них много лет скрывался факт усыновления. После того, как они об этом узнали, то испытали чувства страха, унижения, гнева и перестали доверять своим усыновителям, расценив их молчание как предательство.

В Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» в качестве одной из мер, направленных на защиту прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, предусматривается переход к системе открытого усыновления с

отказом от тайны усыновления¹. Данная мера будет отвечать интересам детей, усыновленных в возрасте старше 10 лет, но, полагаем, не соответствует интересам малолетних детей, которые имеют право на сохранение тайны усыновления, которая раньше времени не откроет им, что они были брошены в младенчестве своими кровными родителями, и не принесет им нравственные страдания.

Проанализировав данный вопрос с различных точек зрения, представляется, что открытым остается вопрос, касающийся наследственного права. Если раскроется тайна, что ребенок не кровный своим родителям, то естественно, достигнув определенного возраста, он захочет найти своих биологических родителей и в этом случае возникнет вопрос, имеет ли он право на наследство своих кровных родителей наряду со своими братьями и сестрами (если таковые имеются). Возникнет так же вопрос — если женщина, отдала по тем или иным причинам ребенка в дом малютки, и скрывает от семьи данный факт жизни — то правомерно ли раскрыть данный поступок? Возьмем другой пример — биологические родители ведут асоциальный образ жизни и будут требовать, вымогать материальную помощь от «нового родственника» или наоборот. Ведь в этом случае, могут разрушаться семьи, а неоправданные, воображаемые надежды могут привести к необратимым последствиям.

Как в науке, так и в практике существует множество как сторонников, так и противников разглашения тайны усыновления (удочерения) детей. Что лучше для ребенка — оставить ее под строгой охраной закона или рассказать ему кто его настоящие родители? Однозначного ответа на этот вопрос, как со стороны закона, так и из жизненных ситуаций — нет, хотя законодателю следовало бы задуматься над этой дилеммой.

Полагаем, что исходя из моральных, гуманных соображений, в зависимости от степени тяжести ситуации, которая определяется только в судебном порядке, не исключать возможность раскрыть тайну усыновления (удочерения).

Библиографический список

1. *Летова Н.В.* Усыновление как приоритетная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 26 с.
2. *Нечаева А.М.* Правовые проблемы усыновления // Советское государство и право. 1986. № 7. С. 45–52.
3. *Паршуткин В., Львова Е.* Всегда ли оправдано сохранение тайны усыновления // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 22–23.

References

1. *Letova N.V.* Adoption as a Priority form of the Arrangement of Children Left without Parental Care: extended abstract of dis cand. of law. Tomsk, 2003. 26 p.
2. *Nechaeva A. M.* Legal issues of adoption // Soviet state and law. 1986. No. 7. P. 45–52.
3. *Parshutkin V., Lvova E.* Is It Always Justified to Preserve the Secrecy of Adoption // Russian Justice. 1999. N 3. P. 22–23.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 23, ст. 2994.

УДК 347.736

Н.Ю. Кавелина

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНОСТРАННОГО ЛИЦА В УСЛОВИЯХ БАНКРОТСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Введение: расширение практики установления иностранного контроля за капиталами наряду с усилением инструментов защиты прав кредиторов требуют анализа возможностей применения инструмента субсидиарной ответственности к иностранным лицам в процедурах банкротства в российской юрисдикции. **Цель:** рассмотреть правовые основы привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства по правилам российского законодательства о банкротстве. **Методологическая основа:** анализ законодательства и арбитражно-судебной практики. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно правовых основ привлечения иностранных лиц к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства по законодательству России. **Вывод:** установленные в российском законодательстве о банкротстве механизмы признания должника банкротом, привлечения к субсидиарной ответственности применимы не только к гражданам РФ, но и к лицам, не имеющим гражданства РФ.

Ключевые слова: банкротство, иностранный гражданин, субсидиарная ответственность.

N. Yu. Kavelina

SECONDARY LIABILITY OF A FOREIGN ENTITY IN BANKRUPTCY UNDER THE LAWS OF RUSSIA

Background: an extension of the establishment of foreign capital control along with the hardening of the protection instruments of the creditors' rights require the analysis of possibilities of application of secondary liability tool to foreign persons in bankruptcy procedures within the Russian jurisdiction. **Objective:** to consider the legal basis for bringing foreign persons to secondary liability in bankruptcy proceedings under the rules of the Russian bankruptcy legislation. **Methodology:** analysis of legislation and arbitration court practice. **Results:** the author's position on the legal basis of bringing foreign persons to secondary liability in bankruptcy proceedings under the legislation of Russia is argued. **Conclusion:** mechanisms established in the Russian bankruptcy legislation for declaring a debtor bankrupt and bringing to secondary liability are applicable not only to citizens of the Russian Federation, but also to persons who do not have citizenship of the Russian Federation.

Keywords: bankruptcy, foreign citizen, subsidiary liability.

Институт субсидиарной ответственности при банкротстве направлен на обеспечение удовлетворения имущественных претензий кредиторов за счет имущества недобросовестных лиц, контролирующих должника, в том случае, если иму-

© Кавелина Наталья Юрьевна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kavelina_n@mail.ru

© Kavelina Natalya Yurievna, 2019

Candidate of Law, Associate professor of the Civil law department (Saratov State Law Academy)

щества последнего недостаточно для удовлетворения требований кредиторов. Привлечение иностранных лиц к subsidiарной ответственности в процедурах банкротства по законодательству России зиждется на следующих принципиальных тезисах:

ограничения на применение механизма subsidiарной ответственности по отношению к иностранным лицам отсутствуют;

к subsidiарной ответственности могут привлекаться иностранные граждане и лица без гражданства, иностранные юридические лица;

иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами,

иски о привлечении иностранных лиц к subsidiарной ответственности рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным АПК РФ¹, с особенностями, установленными федеральными законами, регулиющими вопросы несостоятельности (банкротства).

Таким образом, в правовую основу привлечения иностранных лиц к subsidiарной ответственности в процедурах банкротства по правилам российского законодательства о банкротстве входит, несколько групп норм.

В первую группу входят нормы статусного характера. Согласно ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации, ст. 4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 2017 г.)² иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ. Статьей 2 Закона № 115-ФЗ определено, что иностранный гражданин — это физическое лицо, не являющееся гражданином РФ и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом. В силу ст. 1196 ГК РФ иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ гражданской правоспособностью наравне с российскими гражданами, кроме случаев, установленных законом.

Руководствуясь приведенными положениями законодательства, рассматривая возможность признания несостоятельными (банкротами) иностранных граждан (граждан Украины, Германии, Республики Черногории, Республики Узбекистан), судебные инстанции пришли к выводу, что закон о банкротстве³ не содержит ограничений для признания иностранных граждан банкротами

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 июля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190; 2018. № 1, ч. I, ст. 77.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3032.

³ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 23 апреля 2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 8 июля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190; 2018. № 1, ч. I, ст. 77.

российскими арбитражными судами. Исходя из положений закона — нет связи определения понятия гражданина-должника и наличие у него статуса гражданина РФ⁴. Другой подход позволял бы иностранному должнику принимать на себя обязательства и избегать ответственности за их неисполнение. Полагаем возможным распространение указанного подхода и на привлечение иностранных лиц к субсидиарной ответственности.

Вторую группу образуют нормы Закона о банкротстве, посвященные основаниям и процедуре привлечения к субсидиарной ответственности. Каких-либо особенностей для иностранцев в них не содержится. Этот вывод подтверждает и судебная практика. Так, по делу № А40-144859/15-88-255 «Б» к субсидиарной ответственности привлечены два руководителя — гражданин РФ и иностранный гражданин. Основанием для привлечения их к субсидиарной ответственности послужило неисполнение обязательств по своевременному обращению в арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника, а также обязанности по передаче конкурсному управляющему документов и имущества должника⁵. Факт того, что прежний директор совершил ряд фиктивных сделок, повлекших невозможность должника продолжать свою хозяйственную деятельность, без ущерба для других кредиторов, а затем назначил в качестве генерального директора иностранного гражданина, не освободил последнего от субсидиарной ответственности.

По делу № А41-45286/14 к субсидиарной ответственности по заявлению уполномоченного органа привлечены два директора компании (граждане РФ), а также ее основной (мажоритарный) акционер (кипрская компания), который, узнав о выявлении налоговым органом задолженности по обязательным платежам размером около 40 млн руб., совершил действия по выводу наиболее ликвидных активов с баланса организации под видом выплаты дивидендов в размере свыше 25 млн руб. Суд пришел к выводу, что выплату дивидендов в столь существенном

⁴ См. постановления Арбитражного суда Московского округа от 08 июля 2016 г. по делу № А40-186978/2015. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/85ca2699-fb31-49f6-be17-19a43e054ff4/6605b4e6-5cc9-46da-9669-806e72c7ed42/A40-186978-2015_20160708_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 20.10.2018); Второго Арбитражного апелляционного суда от 10 августа 2018 г. по делу № А28-8319/2016. URL: (http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/a6c4d8ae-e11f-4b0d-8d7f-3199d36e57b1/a9df9a9f-a215-4c0a-8849-7a7f4408f7fd/A28-8319-2016_20180810_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 25.10.2018); Девятого Арбитражного апелляционного суда от 26 января 2018 г. по делу № А40-201656/17. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/452e26c1-da4e-494e-b9f4-bf884f32b752/f7b3a77f-63ff-4506-83b2-c4e9ae400644/A40-201656-2017_20180126_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 18.10.2018); Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 5 июля 2017 г. по делу № А46-16764/2016. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3c4ddf40-794c-476d-9117-5a5159ad7224/87cc27c9-f48f-423f-9f70-e495a059a0fd/A46-16764-2016_20170605_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 18.10.2018); определение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 июля 2016 г. по делу № А81-6187/2015. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8e3209a1-bcfb-4035-a5c9-c1ca79e2ebe3/b1cb3c13-5166-46d8-93a4-7b93b7c78f64/A81-6187-2015_20160630_Opredelenie.pdf (дата обращения: 16.09.2018).

⁵ См.: Определение Арбитражного суда г. Москвы от 11 сентября 2017 г. по делу № А40-144859/15-88-255 «Б», оставленное без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/2d922095-570d-471d-bbe8-65e7399cef62/ca6fcc1e-7165-4c03-b53a-65dfc14a780e/A40-144859-2015_20170911_Opredelenie.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

размере и в период проведения мероприятий налогового контроля никак нельзя назвать разумной и обоснованной⁶.

Третью и последнюю группу составляют нормы, регулирующие особенности российского арбитражного процесса в отношении иностранных лиц. В силу ч. 5 ст. 27 АПК РФ арбитражные суды рассматривают подведомственные им дела с участием российских организаций, граждан Российской Федерации, а также иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую деятельность, организаций с иностранными инвестициями, если иное не предусмотрено международным договором РФ. Порядок рассмотрения дел с участием иностранных лиц в арбитражных судах определен главой 32 АПК РФ. В п. 1, 3 и 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ заложен критерий подсудности судам дел о банкротстве с иностранным элементом — так называемый «центр основных интересов» (centre of main interests), позволяющий рассматривать дела о банкротстве иностранных граждан при наличии тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации (исходя из места жительства должника или места исполнения обязательства на территории Российской Федерации). В соответствии с ч. 1 ст. 223 АПК РФ дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным названным Кодексом, с особенностями, установленными федеральными законами, регулируемыми вопросы несостоятельности (банкротства). Примечательно, что при рассмотрении дел о банкротстве иностранных граждан по законодательству России, в ряде судебных актов глубоко исследовано и аргументировано наличие тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ, а в судебных актах о привлечении к субсидиарной ответственности местонахождение ответчиков больше служит цели надлежащего извещения⁷.

⁶ Определение Арбитражного суда Московской области от 07 апреля 2016 г. по делу № А41-45286/14. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5e44e69d-660d-44a1-9f54-c2895a717b16/11d64005-a6a6-431e-a6b2-dc21f0668bb2/A41-45286-2014_20160407_Opredelenie.pdf (дата обращения: 19.11.2018).

⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Московской области от 30 января 2018 г. по делу № А40-144859/15-88-255 «Б». URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/2d922095-570d-471d-bbe8-65e7399cef62/e116fc31-7d6b-4049-a293-ca3998e7a35a/A40-144859-2015_20180130_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 09.10.2018). Хотя по делу № А40-123731/15 о банкротстве российского юридического лица определением Арбитражного суда г. Москвы от 31 января 2018 г. заявление кредитора о привлечении к субсидиарной ответственности членов совета директоров должника – граждан Республики Венгрия, иностранного юридического лица Республики Венгрия было оставлено без движения, т.к. к заявлению не приложены документы, подтверждающие место нахождения или место жительства ответчиков на дату подачи заявления. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/e8b7dd61-5a3d-4094-bd7f-94d0bad6c4e7/b549cc41-73f8-44e0-b006-5173f91473d1/A40-123731-2015_20180131_Opredelenie.pdf (дата обращения: 09.09.2018).

УДК 347.78.01

М.Б. Ковалев**ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА АВТОРА**

Введение: разработка и введение в действие части четвертой ГК РФ ознаменовали, по сути, экспериментальный отказ от традиционной для отечественного законодательства дуалистической концепции авторского права. **Цель:** выявить и обозначить имеющиеся в законодательстве пробелы и противоречия, связанные с определением и классификацией личных неимущественных прав автора. **Методологическая основа:** совокупность диалектического, системного, исторического методов, а также метода сравнительного правоведения. **Результаты:** сформулированы наиболее значимые проблемы: неполнота и противоречивость классификации субъективных авторских прав; необоснованное или по меньшей мере спорное противопоставление понятий «исключительное право» и «личные неимущественные права»; несоответствие отдельных статей ГК РФ действующей для РФ международной конвенции. **Выводы:** внесение в часть четвертую ГК РФ существенных изменений с целью решения вышеперечисленных проблем представляется совершенно необходимым.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, авторское право, моральные права, *droit d'auteur*.

М.В. Kovalev**NON-PROPERTY RIGHTS OF THE AUTHOR**

Background: the development and implementation of part four of the Russian Federation civil code marked, in fact, an experimental rejection of the traditional for domestic legislation dualistic concept of copyright law. **Objective:** to reveal the legislation gaps and contradictions related to the definition and classification of the author non-property rights. **Methodology:** a collection of dialectical, systematic and historical research methods, as well as the method of comparative law. **Results:** the most significant, in the author's opinion, problems are formulated: the incompleteness and inconsistency of the author's rights classification, unjustified or at least controversial opposition of the "exclusive right" and "moral rights" terms, discrepancy of certain articles of the Civil code to the international convention. **Conclusions:** the introduction of significant changes to part four of the Russian Federation civil code to decide the above-mentioned problems is absolutely necessary.

Key-words: intellectual property, "intellectual rights", copyright, moral rights, author's right.

В постиндустриальном обществе результаты интеллектуальной деятельности входят в число важнейших объектов товарооборота. Специфика правовой охраны объектов интеллектуальной собственности отражена в принципе дуализма: «Нематериальные объекты интеллектуальной собственности объективно существуют только воплощенными в материальных объектах, в частности в товарах» [1, с. 27].

© Ковалев Максим Борисович, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: remedium77@mail.ru

© Kovalev Maksim Borisovich, 2019

Candidate of Law, Associate professor of the Civil law department (Saratov State Law Academy)

Общепризнанно, что хотя объекты нематериальной собственности естественным образом связаны с их материальными носителями, однако правомочия, составляющие интеллектуальную собственность, никогда не смешиваются с правом собственности на вещи [2, с. 22–23]. Данный принцип нашел законодательное закрепление в п. 1 и 2 ст. 1227 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и сам по себе предметом научных споров в настоящее время не является. Между тем, вышеуказанная особенность объектов авторского права ставит перед законодателем ряд проблем, которые, как представляется, были решены в части четвертой ГК РФ далеко не лучшим образом. Являясь, по сути, нематериальным благом, произведение в современных условиях все больше воспринимается как объект имущественных отношений. Это противоречие обусловило четкое разделение исключительных прав автора на так называемые «экономические» (имущественные) и «моральные» (личные неимущественные), характерное для законодательства государств континентальной системы права, и в первую очередь — Франции (концепция *droit d'auteur*, которая и легла в основу Бернской конвенции 1886 г. по охране литературных и художественных произведений (далее — Бернская конвенция)). Континентальной системе права свойственно отношение к личным неимущественным правам, которое, по выражению Е.И. Каминской, можно охарактеризовать если не как благоговейное, то, во всяком случае, как чрезвычайно уважительное [3, с. 224]: во-первых, признание за каким-либо лицом имущественных прав на использование своего произведения непременно обуславливалось признанием за ним неимущественного права авторства; во-вторых, в судебной практике «перевес» в пользу автора в случае столкновения его интересов с интересами третьих лиц обосновывался именно тем, что ему принадлежат личные неимущественные права. По справедливому замечанию Б.Р. Расулова: «Востребованность результатов творческой деятельности в имущественном обороте неизбежно приводит к ослаблению значения личных неимущественных прав автора как основы авторского права в целом, а иногда к отрицанию присутствия в содержании авторских прав элементов, отражающих личный неимущественный интерес автора» [4, с. 3]. В основе российского законодательства об авторском праве, традиционно тяготеющего к континентальной системе права, лежит уже упоминавшаяся выше французская концепция *droit d'auteur*. Примечательно, что СССР никогда не был участником Бернской конвенции, а Российская Федерация присоединилась к ней лишь в 1995 г., но, несмотря на это, в ранее действовавшем российском законодательстве (в частности, в Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. и Законе РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах») неизменно проводилось деление субъективных прав автора на две группы: имущественные и личные неимущественные. Однако в ныне действующей части четвертой ГК РФ используется несколько иная классификация. Согласно определению ст. 1226 ГК РФ, интеллектуальные права включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие). Пункт 2 и 3 ст. 1255 ГК РФ установлено, что автору произведения принадлежат исключительное право на произведение; право авторства; право автора на имя; право на неприкосновенность произведения; право на обнародование произведения; в случаях, предусмотренных ГК РФ, автору произведения принадлежат и другие права, включая право на вознаграждение за служебное про-

изведение, право на отзыв, право следования, право доступа к произведениям изобразительного искусства. В вышеприведенных нормах ясно просматривается отступление от концепции *droit d'auteur*. Рассмотрим это подробнее:

1) к двум традиционно выделяемым группам субъективных прав авторов добавлена третья — так называемые иные права, не отнесенные ни к имущественным, ни к личным неимущественным. Хотя целесообразность такого нововведения далеко не бесспорна, само по себе оно не создавало бы существенных проблем, если бы часть четвертая ГК РФ содержала четкие и непротиворечивые нормы, разграничивающие личные неимущественные и «иные» права автора. Однако, в настоящее время, такие нормы отсутствуют. Так, в ст. 1226 ГК РФ личные неимущественные права лишь упоминаются, но не называются. Пунктом 2 ст. 1228 ГК РФ установлено, что автору результата интеллектуальной деятельности принадлежит право авторства, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, право на имя и иные личные неимущественные права. Из этого следует, что право авторства и право автора на имя определено отнесены ГК РФ к личным неимущественным правам, чего нельзя сказать об остальных правах автора, прежде традиционно классифицировавшихся как личные неимущественные. Что касается «иных» прав автора, то их конкретизация сводится к упоминанию в ст. 1226 ГК РФ о том, что к таковым относятся: право следования (*resale right*), право доступа и другие. Таким образом, формулировки части четвертой ГК РФ не исключают возможности отнесения права на неприкосновенность произведения, на его обнародование и отзыв к категории «иных» прав, на которые не распространяются предписания п. 2 ст. 1228 ГК РФ о неотчуждаемости, непередаваемости и невозможности отказа;

2) классификация субъективных прав автора, принятая в части четвертой ГК РФ, основана на противопоставлении «исключительного права, являющегося имущественным», личным неимущественным и «иным» правам. В литературе такой подход неоднократно критиковался. В частности, по замечанию С.А. Сударикова, введение исключительного права вместо имущественного привело к тому, что личное неимущественное право оказалось не относящимся к исключительному праву. В действительности же это не так, поскольку именно личные права принадлежат только автору или исполнителю и являются абсолютно исключительными, тогда как «исключительное право» может оказаться неисключительным, будучи переданным иным лицам, и не принадлежать исключительно автору или исполнителю [1, с. 20];

3) из положений п. 2 ст. 1228 и ст. 1267 ГК РФ следует, что личные неимущественные права автора прекращаются с его смертью, а далее охраняются лишь собственно авторство, имя автора, неприкосновенность произведения. Принципиально иная норма содержалась в п. 1 ст. 27 Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах»: право авторства, право на имя и право на защиту репутации автора охранялись бессрочно. Очевидно, именно такой подход соответствовал п. 2 ст. (bis) Бернской конвенции, согласно которому неимущественные права автора сохраняют силу после его смерти по крайней мере до прекращения срока действия его имущественных прав и осуществляются лицами или учреждениями, уполномоченными на это законодательством страны, в которой истребуется охрана. Положения ст. 1267 ГК РФ вышеприведенной норме не соответствуют.

Констатируем, что отступление от концепции *droit d'auteur* было поспешным, недостаточно продуманным и, вероятно, изначально ошибочным. Часть четвертая ГК РФ подвергается обоснованной критике по ряду причин, некоторые из них были кратко рассмотрены выше. Необходимость внесения в нее существенных изменений с целью восполнения пробелов, устранения внутренних противоречий, а также расхождений с действующей для РФ Бернской конвенцией — не вызывает сомнений.

Библиографический список

1. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности. М.: Изд-во Проспект, 2008. 368 с.
2. Право интеллектуальной собственности. Авторское право. Перевод с английского / Л. Бентли, Б. Шерман; пер. В.Л. Вольфсон. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 535 с.
3. Каминская Е.И. Личные неимущественные права автора: отказ от ненужных иллюзий или утрата ценностей? // Актуальные вопросы российского частного права. М.: Статут, 2008. С. 224–260.
4. Расулов Б.Р. Личные неимущественные права автора произведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2010. 28 с.

References

1. Sudarikov S.A. Intellectual Property Law. Moscow: Prospekt, 2008. 368 p.
2. Intellectual Property Law. Copyright. Translation from English / L. Bently, B. Sherman; Transl. V.L. Volfson. Saint Petersburg: Law Centre Press, 2004. 535 p.
3. Kaminskaya E.I. Personal Non-property Rights: Abandoning Illusions or Losing Values? // Topical Problems of Russian Private Law. Moscow: Statut, 2008. P. 224–260.
4. Rasulov B.R. Personal Non-property Rights of the Author of the Work: extended abstract of dis... of cand. of law. Dushanbe. 2010. 28 p.

УДК 347.6

С.Е. Костина

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК МЕРА ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА — СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Введение: в статье рассматриваются современные проблемы восстановления прав родителей, лишенных родительских прав, как важной гарантии не только права родителя на воспитание своего ребенка, но и прав ребенка на воспитание в родной семье. **Цель:** выявить проблемные аспекты восстановления родительских прав и определить пути дальнейшего совершенствования российского законодательства

© Костина Светлана Евгеньевна, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: svetlana_kostina_2013@mail.ru
© Kostina Svetlana Evgen'evna, 2019
Candidate of Law, Associate Professor, civil law Department (Saratov state Academy law)

в данной сфере. **Методологическая основа:** включает применение диалектического, системного, дедуктивного и иных методов исследования. **Результаты:** выявлены существующие проблемы правового регулирования и определены возможные направления совершенствования законодательства. **Выводы:** возможными перспективами развития семейного законодательства в сфере восстановления родительских прав являются определение минимального и максимального срока восстановления в правах, указание неоднократности лишения родительских прав в отношении ребенка как основания невозможности восстановления в родительских правах.

Ключевые слова: семейное право, лишение родительских прав, восстановление родительских прав, защита прав ребенка, право ребенка на семейное воспитание, права родителей и детей.

S.E. Kostina

RESTORATION OF PARENTAL RIGHTS AS A MEASURE OF PROTECTION OF THE CHILD'S RIGHTS — THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Background: the article deals with the current problems of restoring the rights of parents deprived of parental rights, as an important guarantee not only the right of the parent to raise their child, but also the rights of the child to be raised in the family. **Objective:** to identify the problematic aspects of the restoration of parental rights and identify ways to further improve Russian legislation in this area. **Methodology:** includes the use of dialectical, systemic, deductive and other research methods. **Results:** the existing problems of legal regulation are revealed and possible directions of legislation improvement are determined. **Conclusions:** possible prospects for the development of family law in the field of restoration of parental rights are the definition of the minimum and maximum period of restoration of rights, the indication of the repeated deprivation of parental rights with respect to the child as a basis for the impossibility of restoration of parental rights.

Key-words: family law, deprivation of parental rights, restoration of parental rights, protection of the rights of the child, the right of the child to family education, the rights of parents and children.

Ребенок имеет право на воспитание в семье, это одно из главных его прав. Законодатель не уточняет в какой именно семье должен воспитываться ребенок, однако, исходя из общих принципов семейно-правового регулирования, мы можем сделать вывод, что в первую очередь имеется в виду его родная семья. Если по каким-либо причинам воспитание в родной семье невозможно, в этом случае должен ставиться вопрос о передаче на воспитание этого ребенка в другую семью.

Тем не менее, иногда нахождение ребенка в родной семье является неблагоприятным и даже опасным. В таких случаях при наличии указанных в законе оснований возможно лишение нерадивых родителей прав.

В настоящее время лишение родительских прав является высшей мерой ответственности родителя, однако эта мера является обратимой и закон допускает восстановление исправившихся родителей в правах.

Восстановление родительских прав производится в судебном порядке, если: родитель изменил образ жизни, отношение к воспитанию ребенка и др. В судебном разбирательстве родитель должен доказать произошедшие изменения.

Анализ судебной практики позволяет выделить некоторые обстоятельства, свидетельствующие об исправлении родителя:

- 1) родитель общается с ребенком;
- 2) интересуется делами ребенка, имеет контакт с его воспитателями и учителями;
- 3) у родителя налажен психологический контакт с ребенком;
- 4) ребенок выражает желание жить вместе с родителем (с 10 лет его согласие на восстановление в правах является обязательным);
- 5) родитель принимает участие в содержании ребенка, не имеет задолженности по уплате алиментов;
- 6) родитель имеет постоянный стабильный источник дохода;
- 7) положительно характеризуется на работе, а также знакомыми, соседями;
- 8) имеет жилое помещение в собственности или пользовании, пригодное для проживания с ребенком;
- 9) родитель прошел лечение от хронического алкоголизма или наркомании, если именно это стало причиной лишения родительских прав;
- 10) имеется заключение органа опеки о соответствии интересам ребенка восстановления родителей в правах¹;
- 11) закон не привязывает восстановление в правах к каким-то определенным обстоятельствам, однако в целом это возможно только в интересах ребенка.

Интересным представляется факт, что лицо, лишенное родительских прав, полностью утрачивает все права, включая право на общение с ребенком. Тем не менее, на практике такие родители имеют возможность видеться с ребенком, общаться с ним на основании решения опекуна или попечителя. В судебных решениях о восстановлении родительских прав мы зачастую видим указание на общение ребенка с родителем. Однако мы не должны забывать, что лишение родительских прав в первую очередь имеет своей целью не наказание родителя, а защиту ребенка от его негативного влияния. Поэтому, на наш взгляд, общение родителя, лишенного родительских прав, с ребенком до восстановления в правах должно быть невозможно.

Вторая проблема, возникающая в связи с рассматриваемой процедурой, — это отсутствие минимального и максимального сроков восстановления в правах. Представляется, что исправление родителя должно иметь стойкий планомерный характер. Это послужит гарантией того, что в ближайшем будущем не будет стоять вопрос о повторном лишении родительских прав нерадивого родителя. В связи с чем, на наш взгляд, минимальный срок для возможности обращения в суд в целях восстановления в родительских правах, должен составлять три месяца с момента вступления в законную силу решения суда о лишении родительских прав.

Если говорить о максимальном сроке, то и его вполне разумно установить, поскольку длительное отсутствие общения ребенка с родителем, передача ребенка на воспитание иным лицам, отсутствие интереса к делам и жизни ребенка свидетельствуют об утрате семейных связей между биологическим родителем

¹ См.: Решение Кайтагского районного суда Республики Дагестан от 17 октября 2017 г. по делу № 2-362/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/naw2jsxm2CoW/> (дата обращения: 01.06.2018); Решение Южского районного суда Ивановской области от 9 октября 2017 г. по делу № 2-393/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/90HqAOeD7wNr/> (дата обращения: 01.06.2018).

и ребенком, что подтверждается и материалами судебной практики². На наш взгляд, такой срок должен составлять 3–5 лет, он мог бы носить пресекательный характер и повлечь невозможность восстановления в родительских правах.

Законом не ограничено количество лишений и восстановлений родителя в правах, в каждом конкретном случае вопрос должен решаться индивидуально, однако восстановление в правах после повторного лишения родительских прав безусловно будет маловероятным. Считаем возможным указать на неоднократные факты лишения родительских прав в нормах СК РФ в отношении одного ребенка, как основание невозможности восстановления в родительских правах.

В судебном заседании по рассмотрению требований о восстановлении родительских прав в обязательном порядке принимают участие прокурор, выступающий гарантом вынесения справедливого решения, соответствующего интересам ребенка, и орган опеки и попечительства, обе эти стороны выражают свое мнение об исправлении лица, лишённого родительских прав, и необходимости восстановления его предшествующего правового положения.

Необходимо помнить, что имеются законодательные запреты на восстановление в родительских правах в случаях усыновления ребенка, наличия возражений со стороны ребенка, достигшего возраста 10 лет, несоответствия интересам ребенка.

Кроме того, необходимо указать и тот случай, когда основанием лишения родительских прав является совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи. В этих случаях восстановление в правах будет возможно только при отпадении основания лишения родительских прав, например, при отмене приговора вышестоящей инстанцией. В иных случаях восстановление в родительских правах невозможно.

Статья 57 СК РФ устанавливает, что учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, обязателен. Тем не менее главный ориентир судебного разбирательства — интересы ребенка, которые он сам в силу своего возраста не всегда понимает правильно.

При возникновении спорных ситуаций суд вправе назначить психодиагностическое обследование или психологическую экспертизу. Результат обследования и заключение эксперта приобщаются к делу и рассматриваются наряду с иными доказательствами по делу³.

Последний момент, который хотелось бы осветить, касается заключения органа опеки и попечительства, которое представляется в суд по итогам обследования. В этом заключении фиксируется мнение органа опеки относительно соответствия или несоответствия восстановления в родительских правах интересам несовершеннолетнего. Необходимо помнить, что данное заключение является одним из доказательств и поэтому приоритетного значения не имеет. Если в суде будет установлено, что восстановление в родительских правах в интересах

² См.: Решение Козельского районного суда Калужской области от 16 августа 2017 г. по делу № 2-118/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/FfOizGjRNcoH/> (дата обращения: 01.06.2018); Решение Батайского городского суда от 27 октября 2016 г. по делу № 2-3634/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/aW5NPi5XTvgt/> (дата обращения: 01.06.2018).

³ См.: Решение Батайского городского суда от 27 октября 2016 г. по делу № 2-3634/2016. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/aW5NPi5XTvgt/> (дата обращения: 01.06.2018).

несовершеннолетнего, то решение будет вынесено в пользу родителя, несмотря на отрицательное заключение органа опеки.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что восстановление в родительских правах имеет своей первоочередной целью защиту прав ребенка, обеспечение возможности жить и воспитываться в родной семье. В связи с этим, в каждом конкретном случае, необходимы выявление индивидуальных потребностей ребенка и принятие решения на этом основании. Возможными перспективами развития семейного законодательства в сфере восстановления родительских прав являются определение минимального и максимального срока восстановления в правах, указание неоднократности лишения родительских прав в отношении ребенка как основания невозможности восстановления в родительских правах.

УДК 347.122.90

О.Ф. Фаст

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ, КАК ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

***Ведение:** категория «справедливость» является тем теоретическим инструментом, посредством которого решаются конкретные задачи, связанные с анализом нормотворческих и правоприменительных практик, а также поиском путей совершенствования всей системы отечественного гражданского права. **Цель:** выработать определение «справедливости», которое вытекало бы из реального порядка построения гражданско-правовых отношений. **Методологическая основа:** системный подход, методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: сравнительно-правовой. **Результаты:** в статье изложены авторские аргументы в пользу расширения представления о справедливости в правовых отношениях, как предмете правового исследования. **Выводы:** отмечено, что философско-правовой подход к изучению справедливости, основанный на представлении о ней, как универсальном общеправовом принципе, недостаточно учитывает динамичный и диспозитивный характер гражданско-правовых отношений в современных обществах. Научно-теоретические «формулы справедливости» недостаточно характеризуют способность гражданских обществ самостоятельно формировать представления о справедливости и руководствоваться ими в правоотношениях. В статье обосновывается возможность и необходимость компенсировать этот недостаток. В гражданско-правовых исследованиях нужно стремиться руководствоваться пониманием справедливости, присутствующим в сознании субъектов гражданского права, применяя принцип справедливости к конкретным правоотношениям, включая оценку меры соответствия правовых норм и правовых механизмов правам, интересам и ресурсам правового участия этих субъектов.*

***Ключевые слова:** гражданские правоотношения, справедливость, оценка, интерес, осуществление прав, правовой результат, защита прав, динамика.*

© Фаст Ольга Фёдоровна, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и семейного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: fastolga@mail.ru
© Fast Olga Fyodorovna, 2019
Candidate of Law, Associate professor of the Civil and family law department (Saratov State Law Academy)

O.F. Fast

THE PROBLEM OF JUSTICE
AS A SUBJECT OF CIVIL LAW RESEARCH

Background: the category of “justice” is that kind of theoretical instrument through which it solves very specific tasks connected with the analysis of normative and law enforcement practice and with the search for ways to improve the whole system of domestic civil law. **Objective:** to work out the notion of the term “justice”, which should be derived from the actual order of formation civil law relations. **Methodologys:** system approach, methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logics. A comparative law method which is a specific scientific one was used. **Results:** the author’s arguments in favor of expansion of the concept of justice in the legal relations as the subject of legal research are given in the article. **Conclusion:** it is pointed out that the philosophic lawful approach to the study of justice based on the view of it as a universal general legal principle takes into account in sufficiently the dynamic and dispositive nature of civil law relations in the modern societies. Scientific theoretical “formula of justice” does not fully characterize the ability of civil societies to form out independently the idea of justice and to be guided by it in legal relations. In the article the author substantiates the possibility and necessity to compensate for this shortcoming and in the civil law researches to follow the conception of justice as the consciousness of subjects of civil law applied to specific legal relations assessing the compliance measure of legal rules and legal mechanisms with the rights, interests and resources of legal participation of these entities.

Key-words: civil law relations, justice, evaluation, interest, exercise of rights, legal result, rights protection, dynamics.

Настоящий материал представляет собой обоснование позиции по проблеме справедливости как предмета исследования в гражданском праве. Это исследование представляет теоретический и практический интерес для развития отечественной правовой науки. Особенно в части гражданского права.

В большинстве отечественных научных трудов по тематике гражданского права в ряду принципов гражданского права мы не увидим принципа справедливости. Подразумевается, что это принцип общеправовой, его действие в равной мере распространяется на все отрасли права, некоторые считают целесообразным рассматривать его в ряду общесоциальных ценностей. Таких, как свобода и нравственность, например, имеющих характер абсолютный и объективный, мало зависящий от конкретных обстоятельств правоотношений [1, с. 1].

По этой логике определяющей принцип справедливости, в качестве универсального принципа права — столь же универсальная социальная ценность, на которую ориентировано правосознание современного человека, поэтому он должен изучаться преимущественно с философско-правовых позиций. Эти философско-правовые наработки для того и нужны (как, очевидно, полагают авторы сложных теоретических определений сущности справедливости), чтобы ими в любой момент, при решении любой правовой задачи мог в равной мере воспользоваться и квалифицированный юрист, и рядовой гражданин, если по воле обстоятельств он стал участником конкретного правоотношения.

Вопрос в том, зачем практикующему юристу руководствоваться философскими определениями справедливости. В решении задач, когда потребуется оценить свои действия на предмет справедливости, он будет исходить в первую очередь из реальных свойств конкретной правовой ситуации, из опыта — своего

и других юристов, основываясь на собственном понимании справедливости, сформированном в сознании посредством социализации в молодом возрасте. Трудно представить, что в решении задач такой специалист будет каждый раз сверять свое понимание принципа справедливости с разнообразными философскими определениями, тем более отдавать им предпочтение перед собственным опытом. Выбор специалиста между приоритетностью теории или практики определен тем обстоятельством, что юридическая практика, особенно в части гражданско-правовых отношений, настолько конкретна, разнообразна и динамична, что любой принцип предстает в ней в бесконечном множестве реальных измерений.

Проблема существует даже в том случае, если мы допустим, что практикующий юрист не чужд повышенного интереса к теоретическим аспектам своей деятельности. Или же мы имеем дело с юристом-исследователем. Он всегда остается заложником того отношения к теоретическим вопросам правовой науки и правовой практики, а также того понимания ключевых правовых дефиниций, которые свойственны конкретной отрасли права, в рамках которой он реализует свои способности специалиста, в том профессиональном сообществе, к которому он принадлежит. Если цивилист, например, осуществляет концептуализацию какого-либо конкретного случая правоотношений или ряда сходных случаев, то он руководствуется привычным для цивилистики перечнем принципов гражданского права. Это те принципы, которые наука гражданского права считает необходимыми и достаточными для изучения всего разнообразия гражданско-правовых отношений. Если в этом перечне нет принципа справедливости, то он не актуализируется в сознании цивилиста в качестве предмета научного исследования. У него нет существенных внутренних стимулов к тому, чтобы, решая данные научные задачи в соответствии с конкретными принципами гражданского права, сверять свои мысли и действия с общефилософскими определениями принципа справедливости.

Большинство граждан, когда они становятся участниками гражданско-правовых отношений, руководствуются прагматическими мотивами. Они стремятся урегулировать и оптимизировать свои взаимоотношения с другими гражданами и государством, упрочить свои экономические и правовые позиции в общественной жизни. Граждане в этом случае ориентируются при понимании того, что справедливо, а что нет, и на потребность реализовать или защитить свои личные интересы и на жизненный опыт. Это является той призмой, через которую гражданин видит наличие или отсутствие справедливости в конкретных действиях других субъектов гражданского права, в используемых ими способах решения проблем и в результатах этих действий [2, с. 6–7].

Все это, на наш взгляд, достаточные аргументы в пользу развития правовой науки и практики, не только в общефилософском понимании в определении справедливости. Если мы говорим о необходимости для гражданско-правовых отношений быть справедливыми, то понимание и определение того, что представляет собой эта справедливость — должно соотноситься не столько с традициями философии права, сколько с показаниями теории гражданского права и показаниями реальной практики гражданско-правовых отношений. Необходимо функциональное определение сущности справедливости в гражданском праве, которое позволило бы сделать справедливость самостоятельным предметом исследования в науке гражданского права, а для юридической практики — работающим индикатором состоятельности гражданско-правовых отношений.

Мы считаем, что практика гражданско-правовых отношений представляет достаточно исходных данных для построения такой интерпретации справедливо-

сти, к которой непосредственно могли бы апеллировать и цивилисты-теоретики, и цивилисты-практики. Сама включенность субъекта права в систему конкретных гражданско-правовых отношений побуждает его видеть в справедливости не столько отдельно взятый универсальный общеправовой принцип, сколько сложный ряд задач, связанных с необходимостью для этого субъекта оценить меру реализованности, причины нереализованности в этих правоотношениях его личных интересов. В этот ряд необходимо включить задачу, связанную с оценением субъектом гражданско-правовых отношений механизмов, с работой которых он связывал свои надежды на реализацию своих интересов и их защиту, в случае необходимости.

Соответственно наиболее приемлемым именно для цивилистики, мы считаем понимание справедливости, как **готовности и способности субъекта правоотношений определять меру своих возможностей реализовать и защитить свои права и интересы посредством существующих в государстве механизмов.**

Если смотреть на проблему справедливости в таком ракурсе, то становится понятным, почему такое большое значение для состояния всей системы гражданско-правовых коммуникаций имеют два фактора: качество гражданского правосознания и работоспособность норм гражданского права. То и другое определяет общий ракурс и набор критериев, по которым гражданин проводит оценку намерений и действий на предмет их справедливости. Такой ракурс позволяет более четко, чем если мы будем руководствоваться представлением о справедливости только как общеправовом принципе, выделять в качестве предмета гражданско-правового исследования те правовые нормы и те практики, над совершенствованием которых юристам имеет смысл работать. От их качества будет зависеть оценка, вынесенная субъектом права результатам своего участия в правоотношениях.

С учетом того, что субъективная оценка, вынесенная субъектом правоотношений, может быть скорректирована за счет дальнейшего усовершенствования правовых норм, а также реализации личных интересов и наличия механизмов их защиты, можно говорить о существовании потенциала прогресса у сферы гражданско-правовых отношений, а также о возможности у правовой науки этот потенциал измерить и наметить оптимальные пути его реализации.

Как специфический предмет исследования в гражданском праве, справедливость требует структурирования. Иначе говоря, выделение проблем, связанных с ее присутствием либо отсутствием в гражданско-правовых отношениях, становится достойным внимания специалиста по гражданскому праву. Просматриваются перспективные направления такого структурирования предмета. Одно из них — это проблема, связанная с современным состоянием нормативной базы и механизмами гражданских правоотношений. Что создает для субъекта гражданских правоотношений внешние условия для участия в этих правоотношениях. Условия, качество которых определяет, характер оценки, выносимой субъектом на предмет общей справедливости всего порядка и результатов участия в этих правоотношениях.

Есть и другая область проблем, не менее значимая и связанная напрямую с первой предметной областью. Это проблема качества правосознания субъекта гражданско-правовых отношений, ориентированности этого субъекта на добросовестное, либо недобросовестное участие в этих правоотношениях. Эти проблемы формирования в сознании субъектов права изначального ожидаемого образа справедливости или несправедливости, в соответствии с которым он либо принимает, либо нет результат состоявшихся правоотношений.

Взгляд на справедливость, как на определенный сложный порядок оценивания субъектами гражданско-правовых отношений своих возможностей и результатов участия в них, что позволяет существенно расширить методологическую базу прикладных гражданско-правовых исследований. Прежде всего за счет теоретических и прикладных наработок последних десятилетий, осуществленных усилиями отечественных социологов, историков и политологов. В том, как сегодня представители этих научных направлений структурируют проблематику справедливости, прослеживается акцент именно на анализе условий и процессов, при которых у граждан возникает устойчивая убежденность, что мир правовых отношений устроен больше справедливо, чем несправедливо.

Библиографический список

1. *Коновальчук М.В.* Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 231 с.
2. *Мильков А.В.* Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 442 с.

References

1. *Konovalchuk M.V.* Principle of Justice and Its Implementation in the Criminal Law of the Russian Federation: dis. ... cand. of law. Saratov, 2009. 231 p.
2. *Milkov A.V.* Legal Regulation of Protection of Civil Rights and Legal Interests: extended abstract of dis. ... doc. of law. M., 2015. 442 p.

УДК 347.451.41

Т.Н. Халбаева

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ПРАКТИКЕ, ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ С ПУБЛИЧНЫХ ТОРГОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье рассматриваются проблемы теоретического и практического характера, связанные с обращением взыскания на жилые помещения в судебном порядке с публичных торгов. Делается вывод о том, что в договоре, заключенном на основании протокола, с победителем торгов и являющимся правоустанавливающим документом, также должны быть указаны сведения о лицах, имеющих право в силу закона проживать в отчуждаемом жилом помещении. В противном случае это противоречит положениям §7 гл. 30 ГК РФ «Продажа недвижимости». **Цель:** выявление проблемных вопросов, возникающих при составлении договора, заключенного на основании протокола с победителем торгов, при реализации жилых помещений в судебном порядке. **Методологическая основа:** включает в себя общенаучные и част-

© Халбаева Татьяна Нармурадовна, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: halbaevat@mail.ru
© Khalbaeva Tatiana Narmuradova, 2019
Candidate of Law, Associate professor of the Civil and family law department (Saratov State Law Academy)

нонаучные методы изучения поставленных вопросов, в частности диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой. **Результаты:** делается вывод о том, что одним из существенных условий договора, заключенного с победителем торгов при реализации жилых помещений на основании судебного решения, также должен быть перечень лиц, имеющих право в силу закона проживать в этом жилье. **Выводы:** в Федеральном законе РФ «Об исполнительном производстве» помимо прочего должны быть прямо прописаны все существенные условия, необходимые для договора купли-продажи недвижимости, либо должна быть сделана отсылка к §7 гл. 30 ГК РФ «Купля-продажа недвижимости».

Ключевые слова: обращение взыскания на жилые помещения в судебном порядке; судебный пристав-исполнитель; протокол о результатах проведения торгов.

T.N. Khalbaeva

PROBLEMS ARISING IN PRACTICE WHEN SELLING RESIDENTIAL PREMISES FROM PUBLIC TENDERS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the article deals with the problems of the theoretical and practical nature related to the foreclosure on residential premises in a judicial procedure from public auction. The author states that in the contract concluded on the basis of the protocol with the winner of the auction is an entitling document. Specified information about persons entitled to reside in alienated residential premises by virtue of the law must be included in the contract. Otherwise, this is contrary to the provisions of §7 of art. 30 of the Civil code of the Russian Federation «Real Estate Sale». **Objective:** to identify problematic issues arising in drafting the contract concluded on the basis of a protocol with the winner of the auction, in the implementation of residential premises in court. **Methodology:** general scientific and private scientific methods of researching the questions posed, in particular dialectical, formal-logical, comparative legal ones. **Results:** the author comes to the conclusion that one of the essential terms of the contract concluded with the winner of the bidding for the sale of residential premises on the basis of a court decision should also be a list of persons entitled to live in this housing by virtue of law. **Conclusions:** in the Federal Law of the Russian Federation «On Enforcement Proceedings» among other things all essential conditions necessary for a real estate purchase contract must be explicitly stated, or a reference to § 7 art. 30 of the Civil Code «Purchase and Sale of Real Estate».

Key-words: foreclosure on residential premises in court; bailiff-executor; protocol on the results of bidding.

До 1 марта 2017 г. — до введения в действие Федерального закона РФ от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ РФ «О государственной регистрации недвижимости»¹ — в литературе высказывалось мнение о том, что законодатель, устанавливая простую письменную форму договора, отказывается от нотариального удостоверения и заменяет его государственной регистрацией [1, с. 90]. Правоприменительный акт органа, осуществляющего государственную регистрацию, хотя и призван был обеспечивать, как и акт нотариуса, законность заключаемых сделок [2, с. 104.], выполнял и другие функции.

Письменная форма договора купли-продажи жилого помещения, на которое обращено взыскание, считается соблюденной также в случае его принудительной

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4344.

реализации с публичных торгов, проводимых в форме аукциона (п. 3 ст. 87 ФЗ РФ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — ФЗ «Об исполнительном производстве»)². Для осуществления действий по реализации имущества судебным приставом-исполнителем выносится постановление о его передаче на реализацию не ранее десяти и не позднее двадцати дней со дня вынесения постановления об оценке имущества должника. Согласно п. 7 ст. 87 данного Закона продавцом выступает организатор торгов — специализированная организация, обладающая правом совершать сделки с недвижимостью. Согласно Указу Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»³ и Постановлению Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом»⁴ функции по реализации конфискованного имущества осуществляет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество).

Предмет торгов передается судебным приставом-исполнителем специализированной организации по акту приема-передачи в течение 10 дней со дня вынесения первого постановления о передаче на реализацию. К постановлению и акту приема-передачи также прилагается установленный перечень документов.

В ранее вынесенном судебным приставом-исполнителем постановлении об оценке имущества должника указывается цена недвижимости. Продавец не может предложить покупателям цену ниже той, которая определена в качестве начальной в данном постановлении (п. 8 ст. 87, п. 2 ст. 89 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве»).

Торги проводятся в пределах двухмесячного срока со дня получения организатором торгов жилого помещения для реализации (п. 1 ст. 90 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве»). На сайте torgi.gov.ru соответствующая специализированная организация помещает извещение о продаже арестованного недвижимого имущества под определенным номером (лотом). Причем лот содержит все существенные условия договора продажи недвижимости, предусмотренные §7 гл. 30 ГК РФ, поскольку представляет собой оферту. Результат проведения торгов оформляется протоколом, который, в свою очередь, является основанием для заключения договора об отчуждении недвижимости. Договор подписывается с победителем торгов не ранее чем через 10 дней после составления вышеназванного протокола. Если протокол подлежал размещению на соответствующем сайте в сети Интернет, то договор подписывается не ранее десяти дней со дня такого размещения (п. 11 ст. 89 ФЗ РФ «Об исполнительном производстве»).

«В практике арбитражных судов заметно стремление считать не судебного пристава, а должника продавцом имущества... Во многом эта практика продиктована желанием исключить обязательства казны, возникающие вследствие признания недействительными торгов и возложения на стороны обязанности вернуть все полученное вследствие продажи имущества» [3, с. 10].

Действительно, поскольку продажа с торгов происходит без согласия собственника, носит публичный характер, то такое правоотношение не может быть оформлено гражданско-правовым договором. Договору всегда присуще волеизъявление сторон. Следовательно, правоустанавливающим документом

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4761.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849; 2017. № 31, ч. 1, ст. 4761.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 23, ст. 2721; 2017. № 15, ч. VII, ст. 2234.

для лица, выигравшего торги, должен выступать протокол о результатах их проведения (акт реализации арестованного имущества). Названный документ должен иметь силу договора купли-продажи жилого помещения и содержать все его существенные условия, которые предусмотрены §7 гл. 30 ГК РФ. В противном случае в соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ такой протокол будет считаться незаключенным (несостоявшимся).

Особенностью продажи жилых помещений согласно ст. 558 ГК РФ является перечень лиц, сохраняющих в силу закона право пользования этим имуществом. Правоотношение непосредственно по реализации арестованного имущества в любом случае относится к правоотношениям по отчуждению — хотя и помимо воли собственника, но его вещное право передается лицу, выигравшему торги. Однако автоматически применять нормы купли-продажи недвижимости нельзя.

Нормы Федерального закона РФ «Об исполнительном производстве», касающиеся порядка передачи соответствующих документов судебным приставом-исполнителем специализированной организации, а также подписания договора с выигравшим торги, практически не разработаны законодателем. Среди передаваемых документов для реализации жилой недвижимости, не назван какой-либо документ из жилищного органа, который содержал бы сведения о лицах, имеющих право в силу закона проживать в этом жилье (например, право проживания легатария).

Необходимо отметить, что Федеральный закон РФ «Об исполнительном производстве» закрепляет следующие требования: в перечень документов, предоставляемых судебным приставом-исполнителем специализированной организации, должны также входить «правоустанавливающие документы и документы, характеризующие объект недвижимости» (подп. 2 п. 8 ст. 89). Из смысла этой нормы можно предположить, что к последним необходимо отнести только такие документы, которые идентифицировали бы недвижимость (например, план, техническую документацию жилого помещения, выдаваемые органами БТИ). Вряд ли законодатель имел в виду иные документы — такие как справка из жилищного органа о проживающих или имеющих право проживать в соответствующем жилье лицах.

Федеральный закон РФ «Об исполнительном производстве» является специальным нормативным актом, регулирующим правоотношение по реализации арестованного имущества. В протоколе о результатах проведения торгов фиксируется лишь ход проведения этого мероприятия. Договор, заключенный на основании протокола с победителем торгов и являющийся правоустанавливающим документом, также не должен содержать указание на перечень вышеназванных лиц постольку, поскольку Закон этого не требует. Следовательно, исходя из того, что по сути данное соглашение приравнивается к договору купли-продажи жилых помещений, оно должно содержать все существенные условия последнего. Отсутствие хотя бы одного из них влечет наступление общего правового последствия — договор признается незаключенным (п. 1 ст. 432 ГК РФ).

Таким образом, помимо процедуры реализации арестованного недвижимого имущества (в частности, жилых помещений) в ФЗ РФ «Об исполнительном производстве» также должны быть прямо прописаны все существенные условия, которые необходимы для договора купли-продажи недвижимости, либо должна быть сделана отсылка к §7 гл. 30 ГК РФ «Купля-продажа недвижимости».

Библиографический список

1. Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2000. Т. 2. С. 90 (автор главы — Е.Ю. Валявина).
2. *Серветник А.А.* Правоприменительный акт и форма сделки // Актуальные проблемы правоведения. Научно-теоретический журнал. Самара: Изд-во Самарской государственной экономической академии, 2003. № 3. С. 100–105.
3. *Скловский К.И.* Актуальные проблемы права собственности // Закон. 2004. № 2. С. 8–10.

References

1. Civil Law / under the editorship of A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstoy. M., 2000. Vol. 2. P. 90 (the author of head — E. Y. Valyavina).
2. *Servetnik A.A.* Actual Problems of Law-enforcement Act and Form of Transaction. Scientific and theoretical journal. Samara: publishing House of Samara State Economic Academy, 2003. No. 3. P. 100–105.
3. *Sklovsky K.I.* Topical Issues of Property Rights // Law. 2004. No. 2. P. 8–10.

УДК 347.45.47

М.В. Шмелева

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Введение: данная статья посвящена рассмотрению одного из важнейших принципов системы государственных закупок — единства контрактной системы. **Цель:** раскрыть значение указанного принципа для российской системы закупок, проанализировать основные юридические механизмы, обеспечивающие реализацию принципа единства на практике. **Методологическая основа:** диалектический и логический, системный методы исследования. **Результаты:** проанализированы основные юридические механизмы, обеспечивающие реализацию принципа единства на практике, и раскрыто значение указанного принципа для российской системы закупок. **Выводы:** в сфере государственных закупок из-за многочисленных особенностей и исключений из общих правил регулирования закупочных процедур в настоящее время так и не было достигнуто единства правового поля и, к сожалению, провозглашенный законом принцип единства контрактной системы практически полностью был разрушен самим законом.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, принципы государственных закупок, заказчик, единство контрактной системы.

© Шмелева Марина Владимировна, 2019
Кандидат юридических наук, докторант, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия), начальник юридического отдела ГАУК «Саратовская областная филармония имени А. Шнитке»; e-mail: civil2012@mail.ru

© Shmeleva Marina Vladimirovna, 2019
Candidate of Law, doctoral candidate, Associate professor, of the Civil law department (Saratov State Law Academy), Head of Legal Department GAUK «The Saratov regional Philharmonic named after A. Schnittke»

M. V. Shmeleva

THE PRINCIPLE OF UNITY OF THE CONTRACT SYSTEM IN PROCUREMENT

Background: the article touches upon the consideration of one of the most important principles of the public procurement system — the unity of the contract system. **Objective:** to reveal the meaning of this principle for the Russian procurement system, to analyze the main legal mechanisms that ensure the implementation of the principle of unity in practice. **Methodology:** dialectical and logical, systematic methods of research. **Results:** the main legal mechanisms that ensure the implementation of the principle of unity in practice have been analyzed, and the significance of this principle for the Russian procurement system has been revealed. **Conclusions:** in the field of the public procurement due to the numerous features and exceptions to the General rules of procurement procedures, the unity of the legal field has not been achieved at present and it can be said that the principle of the unity of the contract system proclaimed by the law is almost completely destroyed by the law itself.

Key-words: public procurement, contract system, principles of public procurement, customer, the unity of the contract system.

Контрактная система базируется на единых принципах и подходах, позволяющих обеспечивать государственные нужды посредством планирования и осуществления закупочных процедур, их мониторинга, аудита и контроля в сфере государственных закупок.

Указанный принцип нашел свое закрепление в ст. 11 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее — Закон № 44-ФЗ), однако нормативное значение принципа единства законодатель не раскрыл.

Проанализировав законодательство в области государственных закупок, следует полагать, что единые принципы и подходы предусмотрены непосредственно Законом № 44-ФЗ, в частности к ним относятся: планирование закупок (ч. 1 ст. 16); применение конкурентных способов закупок (ч. 1 ст. 24); мониторинг закупочных процедур (ч. 1 ст. 97); аудит в сфере закупок (ч. 1 ст. 98); контроль в сфере закупок (ч. 2 ст. 99).

Если обратиться к проблеме исследования способов реализации указанного принципа в контрактной системе, то можно сделать вывод о том, что его достижение осуществляется следующими способами:

1) путем регулирования в единой системе всех этапов закупки от планирования до исполнения обязательств по контракту.

В рамках рассмотрения единства контрактной системы наблюдается негативная тенденция расширения перечня случаев, когда заказчики могут закупать товары (работы, услуги) у единственного поставщика без проведения конкурентных процедур. В Законе № 44-ФЗ уже и так 52 исключения в сравнении с ранее действовавшим Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»² (далее — Закон № 94-ФЗ), который предусматривал всего 34 исключения.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652; 2018. № 1, ч. I, ст. 90.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч.1, ст. 3105.

2) путем установления единства требования к порядку проведения закупочных процедур для всех заказчиков.

К сожалению, с каждым годом растет перечень случаев, когда заказчикам разрешено не соблюдать обязательные для всех правила проведения закупок. В настоящее время Закон № 44-ФЗ не применяется к контрактным отношениям, связанным со следующими случаями: оказанием услуг международными финансовыми организациями (п. 1, ч. 2 ст. 1); закупкой для обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите (п. 2, ч. 2 ст. 1); закупкой драгоценных металлов и драгоценных камней (п. 3, ч. 2 ст. 1); закупкой услуг адвоката (п. 4, ч. 2 ст. 1 и п. 5, ч. 2 ст. 1); 6) закупкой избирательными комиссиями (п. 6, ч. 2 ст. 1); привлечением граждан к выполнению работ и оказанию услуг, связанных с обеспечением полномочий избирательных комиссий (п. 7, ч. 2 ст. 1 и п. 9, ч. 2 ст. 1); осуществлением закупок для проведения чемпионата мира по футболу (п. 8, ч. 2 ст. 1).

Таким образом, девять групп заказчиков были выведены из-под действия регулирования закона.

Более того, в Законе № 44-ФЗ появилась целая глава об особенностях закупок в десяти разных сферах экономики, в том числе отдельно оговариваются особенности заключения энергосервисных контрактов (ст. 108), контрактов на оказание услуг связи для обеспечения обороны страны (ст. 109), на осуществление закупок, включаемых в государственный оборонный заказ (ст. 110), контрактов на создание произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства (ст. 110.1), контрактов на выполнение проектных и (или) изыскательских работ, на строительство, реконструкцию объектов капитального строительства (ст. 110.2); закупок в соответствии с решением Правительства РФ (ст. 111), закупок на территории иностранного государства (ст. 111.1), контрактов на оказание услуги по предоставлению кредита (ст. 111.2), закупок в соответствии со специальным инвестиционным контрактом (ст. 111.3), контрактов, предусматривающих встречные инвестиционные обязательства поставщика-инвестора по созданию или модернизации и (или) освоению производства товара на территории субъекта РФ (ст. 111.4).

Некоторые виды государственных закупок вообще не стали включать в Закон № 44-ФЗ, так ст. 16 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (в ред. от 3 июля 2016 г.) предусмотрен порядок заключения специального инвестиционного контракта³.

3) путем установления единства требования ко всем участникам закупок.

Новеллой регулирования закупок в этом вопросе стали особые условия, предоставляемые мегапроектам. Так, летом 2016 г. Правительство изменило правила казначейского сопровождения контрактов, оставив за собой возможность смягчать контроль над отдельными государственными стройками. Первым исключением стал Керченский мост [1, с. 16].

4) путем интеграции информационных ресурсов с Единым порталом бюджетной системы РФ⁴, с системой по вопросам целевых программ⁵ и с электронными торговыми площадками.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1. ч. 1, ст. 41; 2016. № 27. ч. 2, ст. 4298.

⁴ Официальный портал Единой бюджетной системы РФ URL: http://budget.gov.ru/epbs/faces/page_home?_adf.ctrl-state=1au3zoul6_4®ionId=63 (дата обращения: 06.10.2017).

⁵ Официальный портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/portal/> (дата обращения: 06.10.2017).

Учитывая вышеизложенное, а именно многочисленные особенности и исключения из общих правил регулирования закупочных процедур, можно говорить о том, что в сфере государственных закупок единства правового поля так и не достигнуто и провозглашенный законом принцип единства контрактной системы практически полностью разрушен самим Законом № 44-ФЗ.

Библиографический список

1. Колл. авторов под рук. О.В. Анчишкиной. Доклад Госзакупки. Какой должна быть контрактная система? М.: Центр стратегических разработок. 2017. 101 с.

References

1. Group of authors headed by O.V. Anchishkina. Report "The Public Procurement. What Should Be the Contract System?" M.: center for strategic development. 2017. 101 p.

УДК 347.61

М.А. Кондрашова

ИСПОЛНЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

***Введение:** статья посвящена вопросам изучения категории «исполнение семейной обязанности». Обосновывается, что правильное понимание термина «обязанность» в семейном праве можно познать только через взаимосвязь юридической обязанности и субъективного права. Раскрывается и общенаучное понимание обязанности. Исследуются проблемы принудительного исполнения алиментной обязанности судебными приставами-исполнителями. **Цель:** рассмотрение дефиниции «исполнение семейной обязанности», выявление проблем, связанных с эффективностью исполнения обязанности по исполнительным документам. **Исследование** юридической обязанности, определение понятия «семейная обязанность», обзор статистических данных по делам о взыскании алиментов. **Методологическая основа:** в статье используется системный подход, метод анализа и обобщения. **Результаты:** вносятся предложения по совершенствованию законодательства, в частности, по изменению формулировки одной из статей Федерального закона «О судебных приставах» с целью недопущения судебными приставами ненадлежащего исполнения алиментной обязанности. **Вывод:** для улучшения работы судебных приставов необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О судебных приставах».*

***Ключевые слова:** семейная обязанность, алиментная обязанность, исполнение семейной обязанности, пристав-исполнитель, семейное право, исполнение алиментной обязанности.*

M.A. Kondrashova**PERFORMANCE OF FAMILY OBLIGATIONS:
THEORY AND PRACTICE**

Background: the article deals with the study of the category “performance of family obligations”. It is proved that correct understanding of the term “obligation” in family law can be discovered only through the interrelation of legal obligation and subjective law. Scientific understanding of the duty as a general phenomenon is also revealed. Compulsory enforcement of maintenance obligations by a judicial bailiff is also researched. **Objective:** to research the definition “performance of family obligations”, to identify the problems related to the effectiveness of the performance of obligations due to writs of execution, to study the legal obligations, to define the notion “family obligation”, to make a review of statistical data on cases of alimony. **Methodology:** systematic approach, method of analysis and generalization. **Results:** proposals for improving the legislation, in particular, to change the wording of one of the articles of the Federal law “On bailiffs” in order not to prevent bailiffs from performing alimony duties improperly. **Conclusion:** in order to improve the work of court bailiffs it is necessary to amend part 1 of article 12 of the Federal law “On bailiffs”.

Key-words: family obligation, alimony obligation, fulfillment of family responsibilities, bailiff-executor, family law, performance of alimony obligations.

Категории «обязанность» и «субъективное право» в системе цивилистической науки — одни из основных понятий, необходимые в любой отрасли права. Дефиницию «субъективное право» ученые не обходят стороной, но наименьший интерес все-таки представляет изучение проблемы определения такого не менее важного понятия, как «исполнение семейной обязанности», что для семейного права является одним из основополагающих структурных элементов. В настоящей статье хотелось бы уделить внимание таким вопросам, как значимость определения терминологии «исполнение семейной обязанности», исследование и попытка раскрыть данную дефиницию, а также выявить трудности исполнения семейной обязанности на примере алиментной обязанности между родителями и детьми на практике.

В первую очередь, характеризуя категорию «обязанность», необходимо отметить ее общенаучное значение. Как отмечает О.А. Шемчук, обязанность можно встретить в содержании таких понятий, как «моральные обязанности», «социальные обязанности», «юридические обязанности». Данное обстоятельство определяется тем, что наличие обязанности в качестве составляющей, указывает на существование в различных сферах общественной жизни определенных правил поведения, направленных на удовлетворение интересов [1, с. 57].

Так как содержанием любого правоотношения будут являться субъективные права и обязанности, рассматривать одно понятие без другого не представляется возможным. Субъективное право предоставляет субъектам возможность для самостоятельного удовлетворения своих интересов, не выходя за рамки дозволенного поведения; юридическая же обязанность, предписывая субъекту обязательность согласования своих действий и поведения с определенными требованиями, требует от лица соблюдения всех правовых норм¹.

¹См.: Юридическая обязанность: понятие субъективного права. URL: <https://businessman.ru/new-yuridicheskaya-obyazannost-ponyatie-subektivnoe-pravo.html> (дата обращения: 10.06.2018).

Отталкиваясь от юридической обязанности, можно выявить и охарактеризовать термин «семейная обязанность». Следует отметить, что семейную обязанность необходимо трактовать как императивные предписания для субъектов семейных правоотношений, реализуемые для достижения намеченной цели и обеспеченные мерами принудительного воздействия в случае их неисполнения.

Применительно к семейному праву, мы будем придерживаться терминологии «исполнение семейной обязанности». Практически во всех отраслях права все обязанности подлежат исполнению. Это объясняется тем, что исполнить можно только то, что содержит черты императивности. Исполнению обязанности всегда соответствует осуществление права, находясь с ним в непрерывной взаимосвязи. Любое исполнение — это определенный способ достижения намеченной цели, не выходящий за пределы, установленные законодательством. Исполняя надлежащим образом обязанности, субъект правоотношения обязательно должен совершить определенные действия, направленные на окончательную результативность.

Сущность категории «исполнение семейной обязанности» определяется наличием у субъектов семейных правоотношений и определенного круга обязанностей, закрепленных в законодательстве и подлежащих неукоснительному соблюдению. В правоприменительной практике наиболее острым и неразрешенным вопросом остается исполнение именно алиментной обязанности. Механизм исполнения алиментной обязанности, как по решению суда, так и по соглашению сторон, к сожалению, является далеко не эффективным. Трудно согласиться с точкой зрения А.М. Царева, считающего, что проблема исполнения алиментной обязанности заключается не в области законодательного регулирования, а только в области их взыскания [2, с. 69]. Хотелось бы отметить, что, несмотря на отсутствие у должника постоянного места работы или имущества, на которое может быть обращено взыскание, на достаточно длительные и затягивающиеся сроки розыска должника, на ведение данными лицами безнравственного образа жизни, на эффективность исполнения требований по исполнительным документам могут влиять и бездействие самих судебных приставов-исполнителей и их ненадлежащее исполнение должностных обязанностей.

Согласно статистическим данным, за 9 месяцев 2017 г. остаток исполнительных производств о взыскании алиментных платежей, где должники, нарушая решения суда, либо нотариально удостоверенные соглашения, без уважительных причин, не исполняют требования по исполнительным документам, составляет 284956 производств, а сумма задолженности по исполнительным производствам по делам о взыскании алиментов по состоянию на 1 октября 2017 г. составляет 134,1 млрд руб., что на 1,6 млрд руб. больше, чем на 1 января 2017 г. (132,5 млрд руб.)². Приведенные цифры не всегда говорят о реальном исполнении судебных актов, а также в большинстве случаев показывают несоответствующую работу судебных приставов-исполнителей. Получается, что система защиты интересов несовершеннолетних детей представляется далеко не совершенной.

На практике нередки ситуации, когда получателям алиментов приходится самим проводить оперативные мероприятия, направленные на установление факта

² См.: Письмо Федеральной службы судебных приставов от 30 октября 2017 г. № 00043/17/105618 – ВВ «О практике привлечения должников по алиментам к административной и уголовной ответственности». URL: <http://docs.cntd.ru/document/556189905> (дата обращения: 11.06.2018).

предоставления приставам фиктивных документов. Например, жительнице из Саратова удалось разоблачить работодателя своего супруга, представившего фиктивную справку о размере заработной платы в размере 7,5 тыс. руб., вследствие чего ребенку приходили самые минимальные выплаты. Зная о том, что должник представляет документы с места работы о довольно низкой заработной плате, в соответствии с указанной им должностью, судебные приставы не принимали к должнику соответствующих мер³. Действенными мерами в таких ситуациях могли бы быть запросы в компанию по месту работы; запросы в Пенсионный фонд; выезд на официальное место работы, указанное в справке; истребование сведений из базы данных налоговой инспекции и многие другие.

Одной из немногих проблем эффективности исполнения судебных решений является тот факт, что судебные приставы, очень часто не зная место нахождения должника, не принимают элементарных мер для его розыска. Встречаются случаи, когда судебные приставы-исполнители не могут выслать взыскателю даже документ о невозможности взыскания алиментов, из-за чего заявительница не может оформить детское пособие на ребенка по месту жительства.

Профессор Е.В. Вавилин при исследовании категории «исполнение гражданской обязанности» также указывал на несовершенный механизм исполнения судебными приставами судебных решений, отмечая, что по решению суда необходимость исполнения обязанности существует, а на деле же надлежащего исполнения обязанности так и не происходит [3, с. 50].

Таким образом, в целях более эффективного и целесообразного исполнения судебных решений и исполнительных документов судебными приставами-исполнителями, необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» (в ред. от 29 декабря 2017 г.)⁴, в частности: «судебный пристав-исполнитель, используя всевозможные, дозволенные законодательством способы, принимает меры по своевременному, полному и фактическому исполнению судебных решений и исполнительных документов».

Библиографический список

1. Шемчук О.А. «Обязанность» как гражданско-правовая категория // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. № 1. 2014. С. 57–59.
2. Царев А.М. Права и обязанности родителей по содержанию детей // Вестник магистратуры. № 12 (51). Т. 4. 2015. С. 69–70.
3. Вавилин Е.В. Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2008. 240 с.

References

1. *Shemchuk O.* «Duty» as a Civil Category // Business in Law. Economic and legal journal. No. 1. 2014. P. 57–59.
2. *Tsarev A.M.* Rights and Obligations of Parents to Maintain Children // Bulletin of Master Courses. № 12 (51). Vol. 4. 2015. P. 69–70.
3. *Vavilin E.V.* Exercising Civil Rights and Performing Duties. Saratov: Publishing house of Saratov State Law Academy, 2008. 240 p.

³ Взыскать ребенка: темные дела саратовских приставов. URL: <https://nversia.ru/rubric/view/id/9119/> (дата обращения: 11.06.2018).

⁴ См.: Собр. законодательств Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3590; Российская газета (специальный выпуск). 2017. 31 дек.

УДК 341.232.7:347.122

С.В. Кузина

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Введение: в статье рассматриваются международно-правовые основы регулирования использования и охраны объектов мирового культурного и исторического наследия, а также зарубежный опыт организации управления объектами национального достояния и их использования на современном этапе. **Цель:** обобщение основных положений концепции международно-правовой охраны памятников истории и культуры и практики ее применения. Достижению данной цели посвящены следующие задачи: определение факторов риска негативного воздействия на объекты культурного наследия, рассмотрение принципов государственной охраны, мониторинга и использования объектов культурного наследия в зарубежных странах. **Методологическая основа:** системный подход, метод сравнительно-правового анализа, формально-юридический метод. **Результаты:** выявлены основные тенденции государственной и международной политики в сфере установления и реализации защитных механизмов для объектов, представляющих собой мировое культурное достояние. **Выводы:** существующие в международной практике модели использования и охраны объектов национального достояния направлены на оптимизацию способов их использования с учетом социально-экономических изменений и спроса на их историко-культурный потенциал.

Ключевые слова: объект культурного наследия, памятники истории и культуры, ЮНЕСКО, концепции сохранения и использования культурного наследия; технологии управления объектами культурного наследия.

S. V. Kuzina

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE FIELD OF PROTECTION
OF HISTORY AND CULTURE MONUMENTS

Background: the article touches upon the international legal framework for the regulation of the use and protection of objects of world cultural and historical heritage, as well as foreign experience in the organization of management of objects of national heritage and their use at the present stage. **Objective:** generalization of the main provisions of the concept of international legal protection of historical and cultural monuments and its application. The following tasks are devoted to the achievement of this goal: identification of risk factors of negative impact on cultural heritage, consideration of the principles of state protection, monitoring and use of cultural heritage in foreign countries. **Methodology:** system approach, method of comparative legal analysis, formal legal method. **Results:** the main trends of state and international policy in the establishment and implementation of protective mechanisms for objects representing the world cultural heritage are revealed. **Conclusions:** the models of use and protection of objects of national heritage existing in the

© Кузина Светлана Викторовна, 2019

Старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lanik_kuzina@mail.ru

© Kuzina Svetlana Victorovna, 2019

Senior lecturer of the Civil law department (Saratov State Law Academy)

international practice are aimed at optimization of ways of their use taking into account social and economic changes and demand for their historical and cultural potential.

Key-words: *object of cultural heritage, monuments of history and culture, UNESCO, concepts of preservation and use of cultural heritage; technologies of management of objects of cultural heritage.*

За длительный период существования человеческой цивилизации было создано огромное количество уникальных объектов истории, культуры, искусства, представляющих собой бесценные свидетельства существования и развития различных стран и народов. С течением времени все объекты окружающей среды, включая и памятники истории и искусства, подвергаются воздействию различных факторов риска. Среди них выделяют естественные и антропогенные факторы. К естественным факторам относят воздействия природного характера, а значимыми антропогенными факторами представляются физические способы воздействия на целостность окружающей среды, ее загрязнение, вандализм. Отдельной проблемой выступают незаконные раскопки на территории памятников археологии, результатом которых становится огромный материальный урон, уничтожаются или расхищаются бесценные артефакты. Согласно данным Института археологии Российской академии наук, следы несанкционированных раскопок зафиксированы сотрудниками археологических учреждений во многих регионах, однако официальные данные об этом отсутствуют¹.

Это свидетельствует о необходимости тщательного и всестороннего контроля за состоянием исторического и культурного наследия. Практически каждое современное государство стремится к созданию эффективного механизма охраны объектов культурного и национального достояния на своей территории. Разрабатываются такие механизмы и на уровне мирового сообщества. Практика международной охраны памятников истории и культуры весьма разнообразна и достаточна успешна. Накопленный богатый зарубежный опыт в этой области позволил разработать и успешно реализовать методы и принципы государственной охраны, мониторинга и использования объектов культурного наследия.

Концепция правовой охраны общего наследия человечества отражена в нескольких конвенциях ЮНЕСКО². основополагающим документом является Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.³ По данным на июнь 2016 г. Конвенция была ратифицирована 192 странами-участницами. Одновременно с этим были разработаны «Рекомендация об охране в национальном плане культурного и природного наследия»⁴.

¹ Отчет по работе «Разработка принципов и методов мониторинга объектов культурного наследия» (обобщающая книга). М., 2012. С. 5–6. URL: http://resart.ru/upload/20_12_2012_12.pdf (дата обращения: 17.06.2018).

² Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 года) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М., 1991. С. 258; Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи собственности на культурные ценности (г. Париж, 14 ноября 1970 г.). URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001309/130905R.pdf> (дата обращения: 17.06.2018); Конвенция об охране подводного культурного наследия (г. Париж, 6 ноября 2001 г.). URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001430/143085r.pdf> (дата обращения: 17.06.2018); Конвенция об охране нематериального культурного наследия (г. Париж, 17 октября 2003 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv (дата обращения: 17.06.2018).

³ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (г. Париж, 11 ноября 1972 г.). URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 17.06.2018).

⁴ Рекомендация ЮНЕСКО «Об охране в национальном плане культурного и природного наследия» (г. Париж, 11 ноября 1972 г.). URL: <http://art-con.ru/node/1718>. (дата обращения: 17.06.2018).

По данным Центра всемирного наследия ЮНЕСКО за 2017 г. в Списке всемирного наследия насчитывается 1073 объекта, 832 из них являются культурными, 206 — природными и 35 — смешанными. Лидирующие позиции в мире по количеству объектов всемирного наследия занимают Италия (53 объекта), Китай (52 объекта), Испания (46 объектов), Франция (43 объекта), Германия (42 объекта), Индия (36 объектов), Мексика (34 объекта), Великобритания (31 объект), Россия (29, включая объект в Крыму), США (23 объекта)⁵. Из 29 объектов РФ 17 объектов оценены по культурным критериям, при этом 6 из них признаны шедевром человеческого гения, а по природным критериям к всемирному наследию были отнесены 11 объектов, 4 из которых названы природными феноменами исключительной красоты и эстетической важности.

Важно отметить, что, несмотря на единый международный подход к системе охраны всемирного наследия, каждое государство имеет свои национальные категории объектов культурного наследия и разрабатывает собственные методы их охраны. Опыт зарубежных стран в этом вопросе представляется весьма интересным. Различна, прежде всего, структура управления объектами национального достояния. Некоторые страны идут по пути приоритета государственного регулирования: в Италии, Франции, например, созданы специализированные министерства по охране наследия, в Норвегии и в Финляндии охрана памятников культуры находится в ведении Министерства окружающей среды. А вот в Англии и США ведущую роль в сохранении культурного наследия играют общественные организации и местные власти. В США насчитывается 65 общественных организаций, важную роль среди которых играет Национальный траст США⁶. В Европе активное распространение получила концепция творческого управления культурным наследием, что позволяет историческим объектам не только сохраняться и поддерживаться в первоначальном виде, но и продолжать жить в сфере общественного интереса. О таких архитектурных памятниках заботится не государство, а сами владельцы, которым выдаются дотации, компенсации и освобождение от налогов, чтобы они могли содержать здание и то, что его окружает⁷. В настоящее время в Европе и США приоритетными направлениями использования исторических объектов признаются туризм и индустрия гостеприимства, а также организация арт-резиденций, культурных и образовательных центров [1, с. 49–50].

Данные модели использования объектов национального достояния представляются весьма эффективными, поскольку позволяют собственникам учитывать изменения в социально-экономической сфере, отслеживать спрос на их историко-культурный потенциал и с разрешения уполномоченных государственных органов изменять способ использования объектов культурного наследия на более востребованный и продуктивный.

⁵ Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: <http://whc.unesco.org/ru/list/> (дата обращения: 17.06.2018).

⁶ Драчева Е.Л. Проблемы сохранения объектов культурного наследия ЮНЕСКО в России и за рубежом. URL: http://futureruss.ru/wp-content/uploads/2016/05/ДРАЧЕВА_doc.pdf (дата обращения: 17.06.2018).

⁷ Петрова Е.Е. Проблемы охраны культурного наследия: российский и европейский опыт // Правозащитник. 2014. № 3. URL: <http://pravozashitnik.net/ru/2014/3/25> (дата обращения: 17.06.2018).

Библиографический список

1. Абанкина Т.В., Деркачев П.В. Стратегии повышения эффективности использования объектов культурного наследия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 45–74.

References

1. Abankina T.V., Derkachev P.V. Strategies for Increasing Efficiency of Cultural Heritage Management // Public Administration Issues. 2016. No. 4. P. 45–74.

УДК 347.43

Р.А. Щепанский

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ ЗАЧЕТА ВСТРЕЧНЫХ ТРЕБОВАНИЙ С ИСТЕКШИМ СРОКОМ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Введение: масштабные изменения Гражданского кодекса РФ коснулись ст. 411 ГК РФ (случаи недопустимости зачета), где среди препятствий для зачета названы истечение исковой давности, вопросы применения исковой давности. Однако не сняты все вопросы, имеющиеся на практике и в теории. **Цель:** исследование нововведений относительно недопустимости зачета требований с истекшей исковой давностью. **Методологическая основа:** совокупность диалектического, лингвистического и формально-логического методов познания, а также системно-правовой подход. **Результаты:** проанализированы отдельные вопросы зачета требований с истекшим сроком исковой давности. **Выводы:** изменения, введенные в Гражданский кодекс РФ в соответствии с Концепцией развития гражданского права Российской Федерации своевременны, они внесли определенность в регулирование института зачета по истечению срока исковой давности, но требуют некоторых уточнений и доработок.

Ключевые слова: зачет обязательств, исковая давность, зачет требований с истекшей исковой давностью, случаи недопустимости зачета, требование о защите нарушенного права, заявление о зачете.

R.A. Shchepanskiy

ON THE ISSUE OF PROHIBITION ON OFFSETTING OF COUNTER-CLAIMS WITH EXPIRED LIMITATION PERIOD

Background: large-scale changes to the Civil Code of the Russian Federation touched art. 411 Civil Code of the Russian Federation (cases of inadmissibility of set-off), where among the obstacles for offsetting is the expiration of limitation of actions, and questions of the application of limitation of actions. **Objective:** to study innovations regarding the inadmissibility of offsetting claims with expired limitation of actions. **Methodology:** a set of dialectical, linguistic and formal-logical methods of cognition, as well as a system-legal approach. **Results:** certain questions of setting-off of claims with the expired limitation pe-

© Щепанский Роман Андреевич, 2019
Старший преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: roman_ar76@mail.ru

© Shchepanskiy Roman Andreevich, 2019
Senior lecturer of the Civil law department (Saratov State Law Academy)

riod have been analyzed. Conclusions: changes introduced into the Civil Code of the Russian Federation in accordance with the Concept of the Development of Civil Law of the Russian Federation are well timed, they have made certainty in the regulation of the offset institute after the expiration of the limitation period, but require some refinements and improvements.

Key-words: *offset of obligations, limitation of actions, set-off of claims with expired statute of limitations, cases of inadmissibility offset, claim for protection of the violated right, application for credit.*

Гражданский кодекс РФ устанавливает несколько способов прекращения обязательств, в том числе, согласно ст. 410 ГК РФ, обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо не указан, либо определен моментом востребования. При этом для зачета достаточно заявления одной стороны.

Зачет повсеместно используется на практике, в качестве способа прекращения обязательств и при его применении возникают спорные ситуации, которые достаточно часто ставили в затруднительное положение даже опытных служителей закона. В связи с этим основной задачей Концепции развития гражданского права РФ [1, с. 22–25], а вслед за ней и поправок к ГК РФ, являлось устранение неточностей, противоречий и пробелов действующего законодательства.

Статья 411 ГК РФ устанавливает случаи недопустимости зачета, где среди препятствий для зачета названо истечение срока исковой давности, причем, до принятия в марте 2015 г. изменений в ГК РФ, она не содержала четкого и ясного правила о возможности применения зачета по истечению срока исковой давности, что рождало варианты толкований указанной нормы в науке и судебной практике. Расхождение в толковании приводило к различным результатам применения норм указанной статьи, касающихся возможности или невозможности осуществления зачета. В частности, не существовало единой позиции по вопросу о том, является ли зачет, совершенный по истечению срока исковой давности, оспоримой или ничтожной сделкой [2, с. 19–24; 3, с. 8–13]. Имели место различные точки зрения на то, когда и каким образом сторона должна заявить о недопустимости зачета по мотиву истечения срока исковой давности: до получения заявления о зачете или после, а если после, то в какой срок или же только в судебном разбирательстве [4, с. 209].

Поскольку отсутствовала единообразная судебная практика и имелись логически обоснованные, теоретически подкрепленные, но противоположные решения указанных вопросов, связанные с применением зачета требований, если по заявлению другой стороны к требованию можно применить срок исковой давности, формулировка ст. 411 ГК РФ была изменена. Одновременно в ст. 199 ГК РФ был введен п. 3 о недопустимости односторонних действий направленных на осуществление права (зачет, безакцептное списание денежных средств, обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке и т.п.), срок исковой давности для защиты которого истек.

Попытка законодателя внести ясность и единообразие в вопрос о соотношении возможности применения зачета и истечения срока исковой давности заслуживает положительной оценки.

Однако действительно ли сняты все спорные вопросы?

Лаконичные формулировки достаточно часто вызывают немало вопросов, на разрешение которых откликается наука, выдвигая различные точки зрения на те или иные неоднозначные формулировки законодателя.

Исходя из п. 3 ст. 199 ГК РФ о недопустимости односторонних действий, направленных на осуществление права (зачет, безакцептное списание денежных средств, обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке и т.п.), срок исковой давности для защиты которого истек. Во взаимосвязи с положениями ст. 411 ГК РФ, если давность по первому требованию прошла, а по второму еще нет и его можно защитить в суде, то первое требование зачитывать против второго нельзя, а зачет второго требования против первого возможен. Следовательно, возможность зачета заданных требований зависит от того, с какой стороны выступает это требование.

Согласно ст. 199 ГК РФ, требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности. Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Применение исковой давности — это право, а не обязанность стороны. При осуществлении заявления о зачете вне рамок судебного разбирательства применение исковой давности к такому требованию невозможно. Судебно-арбитражная практика в подобной ситуации свидетельствует о том, что сторона, получившая заявление о зачете заданного требования, не обязана заявлять о пропуске исковой давности¹.

Подобный подход, формально соответствующий закону, вносит неопределенность в положение лица, заявившего о зачете. Кроме того он создает возможность для злоупотреблений со стороны должника по заданному требованию (лица получившего заявление о зачете). Поскольку, не заявляя о намерении использовать для своей защиты исковую давность, должник недобросовестно создает у другой стороны уверенность в результативности произведенного зачета. Одновременно необходимо учитывать следующее: поскольку заявление о зачете является односторонней сделкой, а зачет требования, по которому истек срок исковой давности, запрещен, данная сделка — заявление о зачете, является оспоримой в силу ст. 168 ГК РФ, т.е., до момента признания ее недействительной судом она действительна и, следовательно, само по себе истечение срока исковой давности по умолчанию не препятствует проведению зачета, и только после заявления соответствующего требования в суд оно будет препятствовать зачету.

Поэтому, учитывая то обстоятельство, что изменения гражданского законодательства направлены на сближение внутреннего законодательства с международными унифицированными нормами, необходимо внести в наше законодательство положение, аналогичное п. 10.10 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, согласно которому кредитор может использовать право зачета до того момента пока должник не заявит об истечении срока исковой давности.

Таким образом изменения, введенные в Гражданский кодекс РФ в соответствии с Концепцией развития гражданского права Российской Федерации своевременны, они внесли определенность в регулирование института зачета по истечении срока исковой давности, но требуют некоторых уточнений и доработок.

¹ См. п. 10 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 65 от 29 декабря 2001 г. «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 3.

Библиографический список

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Исследовательский центр частного права при Президенте РФ; вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Статус, 2009. 160 с.
2. Телюкина М.В. Прекращение гражданско-правовых обязательств путем зачета требований // Право и экономика. 2000. № 3. С. 19–24.
3. Мусарский С.В. О действии статьи 411 ГК РФ в отношении обязательств с истекшей исковой давностью // Законодательство. 2008. № 2. С. 8–13.
4. Васильев С.Г. Некоторые вопросы применения зачета взаимных требований // Труды по гражданскому праву: к 75-летию Ю.К. Толстого / под ред. А.А. Иванова. М.: Проспект, 2003. 248 с.

References

1. The Concept of Development of the Civil Legislation of the Russian Federation / Research center of private law under the President of the Russian Federation ; introduction article of A.L. Makovsky. M.: Status, 2009. 160 p.
2. Telyukhina M.V. Termination of Civil Liabilities by Offsetting Claims // Law and Economics. 2000. N 3. P. 19–24.
3. Musarsky S.V. On the Effect of Article 411 of the Civil Code of the Russian Federation in Respect of Obligations with Expired Period of Limitations // Legislation. 2008. N 2. P. 8–13.
4. Vasiliev S.G. Some Questions of Application of Set-off of Mutual Claims // Works on civil law: to the 75th anniversary of Yu. K. Tolstoy / Ed. A.A. Ivanova. M.: Prospectus, 2003. 248 p.

УДК 347.454.5

И.А. Толочкова

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ПЛАТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Введение: в статье проанализированы особенности правового регулирования договора об оказании образовательных услуг, определена отраслевая принадлежность данного договора. Дан анализ различных точек зрения на правовую природу договора платных образовательных услуг с определением отраслевой принадлежности. **Цель:** исследовать особенности правового регулирования, проанализировать различные точки зрения на правовую природу договора, определение отраслевой принадлежности, дать авторское определение. **Методологическая основа:** при освещении затронутых в статье вопросов использованы общенаучные методы исследования: формально-логический, систематического анализа, сравнительно-правовой, толкования норм и другие. **Результаты:** проанализированы особенности правового регулирования, проанализированы точки зрения авторов на правовую природу договора, определена отраслевая принадлежность, дано авторское определение. **Выводы:** требуют глубокого теоретического осмысления вопросы правовой сущности отношений по платному

© Толочкова Ирина Александровна, 2019
 Преподаватель кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия);
 e-mail: irina_tolochkova@mail.ru
 © Tolochkova Irina Aleksandrovna, 2019
 Lecturer of the Civil law artment (Saratov State Law Academy)

оказанию образовательных услуг, доработки специального понятийного аппарата и закрепления его в законодательстве.

Ключевые слова: договор, образовательные услуги, заказчик, исполнитель, образовательное учреждение, индивидуальный предприниматель.

I.A. Tolochkova

LEGAL NATURE OF THE PAID EDUCATIONAL SERVICES CONTRACT

Background: the article analyzes the features of legal regulation of the agreement on the provision of educational services, determined the sectoral affiliation of this agreement. The analysis of different points of view on the legal nature of the contract of paid educational services with the definition of industry affiliation is given. **Objective:** to analyze the features of legal regulation, to analyze different points of view on the legal nature of the contract, the definition of industry, to give the author's definition. **Methodology:** general scientific methods of research are used in covering the issues raised in the article: formal-logical, systematic analysis, comparative legal, interpretation of norms and others. **Results:** the features of legal regulation have been analyzed, the authors' points of view on the legal nature of the contract have been analyzed, the branch affiliation has been determined, the author's definition has been given. **Conclusions:** the legal nature of the relationship to the paid provision of educational services, improvement of the special conceptual apparatus and its consolidation in the legislation require a deep theoretical understanding.

Key-words: contract, educational services, customer, contractor, educational institution, individual entrepreneur.

В условиях недостаточной четкости в вопросах нормативного регулирования отношений в сфере платного образования актуальным как с теоретической, так и с практической точек зрения является вопрос определения правовой природы договора оказания платных образовательных услуг.

Так, понятие договора оказания услуг, применительно к услугам вообще, содержится в ст. 779 ГК РФ¹, которая гласит: по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

В целом данное определение отвечает характеру и роду услуги, но не учитывает специфику конкретного вида услуг. В договоре оказания образовательных услуг мы встречаем как особый предмет договора, так и особые признаки, присущие как сторонам этого правоотношения, так и самому договору.

В Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 7 марта 2018 г.)² предусмотрены нормы, регулирующие отношения, возникающие в связи с предоставлением платных образовательных услуг. Так, в законе определены основания возникновения правоотношений, стороны правоотношения и существенные условия договора об оказании платных образовательных услуг. Обратим внимание на представ-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23 мая 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2016. № 22, ст. 3094.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 ч. 1, ст. 7598; 2017. № 18, ст. 2670.

ленную в законе договорную конструкцию с целью определения ее характерных черт и выявления особенностей.

В ст. 53 указанного закона предусмотрено, что в зависимости от лица, осуществляющего образовательную деятельность, основанием возникновения правоотношения может являться распорядительный акт соответствующей организации либо договор. Если это распорядительный акт, в этом случае образовательная деятельность осуществляется юридическим лицом, если же договор — индивидуальным предпринимателем. Обратим внимание на то, что и юридическое лицо наравне с индивидуальным предпринимателем вправе осуществлять образовательную деятельность на платной основе, но и тогда основанием возникновения правоотношения будет не договор, а распорядительный акт. Следовательно, договор об оказании платных образовательных услуг является юридическим фактом, служащим основанием возникновения правоотношения только в одном случае — если образовательную деятельность осуществляет индивидуальный предприниматель, тогда как распорядительный акт наделен таким статусом во всех остальных случаях; при этом договор предшествует изданию акта, который по общему правилу является основанием возникновения правоотношения. Закономерным в этой связи представляется положение п. 4 ст. 53 указанного ФЗ, в котором законодатель определил момент возникновения прав и обязанностей обучающегося — с даты, указанной в распорядительном акте о приеме лица на обучение или в договоре об образовании, заключенном с индивидуальным предпринимателем. Таким образом, основанием возникновения правоотношения служит юридический состав: договор и распорядительный акт.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения на правовую природу договорных отношений в сфере платных образовательных услуг. Так, В.И. Шкатулла считает, что указанный договор регулирует педагогические отношения [1, с. 634]. По мнению В.М. Сырых, из смысла п. 1 ст. 779 ГК РФ прямо вытекает, что образовательные отношения на платной основе являются педагогическими и не регулируются гражданским правом [2, с. 159].

Гражданско-правовой характер платных образовательных услуг В.М. Сырых отрицает по следующим причинам:

1. «в договоре на оказание платных образовательных услуг от заказчика требуется совершение ряда активных действий (посещение занятий, выполнение учебного плана), тогда как согласно ст. 779 ГК РФ от заказчика требуется лишь оплата за оказанные услуги;
2. обучающийся обязан подчиняться указаниям органа управления образовательного учреждения, что не соответствует принципу равенства и независимости в гражданских отношениях;
3. договор на оказание платных образовательных услуг считается обязательным не с момента его заключения (ст. 425 ГК РФ), а с момента оплаты обучения;
4. прекращение образовательного правоотношения происходит не по правилам ст. 408 ГК РФ;
5. обучающийся лишен традиционного для гражданских правоотношений права оспаривать качество образования и взыскивать понесенные убытки» [2, с. 163].

Данные пункты могут иметь разночтения, т.к. договор на оказание возмездных образовательных услуг выступает в качестве самостоятельного типа

гражданско-правового договора, но имеет свои характерные черты, которые позволяют нам определить его природу как гражданско-правовую.

Следовательно требуется глубокое осмысление вопроса правовой сущности отношений по платному оказанию образовательных услуг, доработка понятийного аппарата и закрепления его в законодательстве.

Библиографический список

1. Комментарий к Закону Российской Федерации «Об образовании» / отв. ред. В.И. Шкатулла. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 635 с.
2. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М.: Готика, 2002. 400 с.

References

1. Comment to the Law of the Russian Federation «On Education» / resp. edited by V.I. Shkatulla. 2-e Izd., pererab. I DOP. M.: Lawyer, 2001. 635 с.
2. Syrykh V.M. Introduction to the Theory of Educational Law. M.: Gothic, 2002. 400 p.

УДК 347.1

А.Н. Калинин

ОТЛИЧИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ОТ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Введение: институт частной собственности шире представлен в нормативно-правовой базе, нежели институт муниципальной собственности. На наш взгляд, необходимо обратить внимание законодателей на данную проблему, следствием которой становятся многочисленные случаи нарушения частных прав граждан и участившиеся случаи злоупотребления гражданскими правами со стороны органов местного самоуправления. **Цель:** изучить и раскрыть понятие муниципальной собственности в различных ее аспектах: характерные правомочия применительно к управлению муниципальной собственностью; ограничение применения права хозяйственного ведения и оперативного управления казенных предприятий; отличия содержания права муниципальной собственности от частной. **Методологическая основа:** автором использовались различные общенаучные (анализ, синтез и др.) и специально-юридические методы. **Результаты:** научно-ориентационные выводы, полезные для области российской цивилистики. **Выводы:** главная особенность муниципальной собственности состоит в том, что она находится на балансе у государства, а значит и все вопросы, касающиеся ее имущества, решают ее учредители, однако они наделяют правом хозяйственного ведения и оперативного управления представителей муниципальных образований; в частной же собственности вопросы владения, распоряжения, использования решает собственник лично.

Ключевые слова: гражданское право, осуществление гражданских прав, механизм осуществления прав, вещное право, муниципальное образование, собственность.

© Калинин Александр Николаевич, 2019
Аспирант кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alev.ts@mail.ru

© Kalinin Aleksander Nikolaevich, 2019
Post-graduate student of the Civil law department (Saratov State Law Academy)

A.N. Kalinin

DIFFERENCES IN THE CONTENT OF MUNICIPAL PROPERTY RIGHTS FROM PRIVATE PROPERTY

Background: the institute of private property is more widely represented in the legal framework than the institute of municipal property. In our view, it is necessary to draw the attention of legislators to this problem, which has resulted in numerous cases of violation of private rights of citizens and the frequent cases of abuse of civil rights by local authorities. **Objective:** to study and reveal the content of municipal property in its various aspects: the characteristic powers in relation to the management of municipal property, restriction of the use of the right of economic management and operational management of state-owned enterprises, differences in the content of the right of municipal property from private one. **Methodology:** the author uses various general scientific and special legal methods. **Results:** scientific-orientation conclusions useful for the field of Russian civilization. **Conclusions:** the main feature of municipal property is that it is on the balance sheet of the state, and therefore all issues relating to its property, are settled by its founders, but they grant the right of economic management and operational management to the representatives of municipalities, and as for the private ownership of the issues of ownership, disposal, use are decided by the owner personally.

Key-words: civil law, civil rights implementation, mechanism of rights implementation, real law, municipal education, property.

Правомочие владения — юридически обеспеченная возможность хозяйственного господства собственника над вещью. Вопросы собственности на муниципальное имущество решаются иначе, чем в праве частной собственности. Согласно Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 18 апреля 2018 г.)¹ осуществлять права собственника от имени муниципального образования могут органы местного самоуправления. Собственник по своему усмотрению вправе совершать любые действия, если они не противоречат федеральным законам, законам субъектов и иным нормативно-правовым актам. Муниципальные образования не могут являться субъектами непосредственного владения и в полной мере осуществлять права собственника имущества [1, с. 108]. Однако существуют некоторые исключения. Так, например, в небольших поселениях, численность которых не превышает 100 человек, решением граждан могут регулироваться вопросы о наделении органов муниципального образования полномочиями владения. Прямого закрепления данной нормы нет, однако нет и запрета. И жители населенного пункта, будучи по закону собственниками, имеют право решения вопросов владения, пользования и распоряжения имуществом.

Правомочия пользования — юридически закрепленная возможность извлечения каких-либо выгод, осуществляемая путем ее производственного или личного потребления. Собственником муниципальной собственности являются органы местного самоуправления, именно этот уполномоченный орган имеет право на получение части прибыли от работы соответствующего муниципального предприятия. Именно эта прибыль поступает в местную казну и впоследствии

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822; 2018. № 17, ст. 2432.

используется для решения вопросов местного значения. Также ярким примером такого употребления выступает использование зданий, сооружений для осуществления деятельности органов муниципальной власти.

Правомочия распоряжения — юридически закрепленная возможность совершать любые сделки с принадлежащим собственнику имуществом, не противоречащие нормативно-правовым актам. Однако муниципальное предприятие не может продавать [2, с. 38] недвижимое имущество, заключать договор аренды, отдавать имущество под залог без согласия собственника муниципального предприятия, для муниципальных казенных предприятий [3, с. 38] требуется согласие уполномоченного органа местного самоуправления. Муниципальное имущество отчуждается исключительно на возмездной основе органами местного самоуправления².

Муниципальная собственность отличается от частной, следовательно различаются и правомочия. В соответствии со ст. 50 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» собственность муниципальных образований составляет имущество, предназначенное для решения вопросов местного значения; имущество, предназначенное для обеспечения деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и т.д. Сами же виды муниципальной собственности закреплены в ч. 3 ст. 215 ГК РФ, а именно это муниципальные предприятия и учреждения с различными режимами функционирования, а также средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закрепленное за муниципальными предприятиями и учреждениями. Сама собственность служит определенным целям и задачам, и ее использование не по назначению может привести к отрицательным последствиям. Собственником (субъектом) муниципальной собственности выступает население, однако от его имени права собственника осуществляют уполномоченные органы местного самоуправления в форме управления данной собственностью. Именно управление муниципальной собственностью является основной задачей органов местного самоуправления, которые должны осуществлять данное правомочие эффективно — это проявляется в использовании современных методов управления, в распоряжении наиболее оптимальным способом (сдача в аренду, приватизация и др.). Правильная расстановка приоритетов, проявляется во владении, пользовании и распоряжении данным имуществом, а именно в управлении по назначению. Это говорит о том, что у муниципальных образований в собственности должно находиться только то имущество, которое служит интересам населения: необходимое для решения вопросов местного значения, для осуществления государственных полномочий, а также для обеспечения деятельности самих органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих и т.д. В том случае, если данное имущество используется не по назначению, оно может быть репрофилировано либо отчуждено.

Таким образом, отчуждение муниципальной собственности может существенно отразиться на положении муниципалитета. С лишением муниципальной собственности органы местного самоуправления лишаются всех прав на

² См.: Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (в ред. от 1 июля 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 4, ст. 251; 2017. № 27, ст. 3952.

нее, а именно: правом на владение, пользование, распоряжение, управление. Как следствие создаются финансовые проблемы: муниципальное образование лишается определенной части местного бюджета, которая формировалась за счет прибыли от использования муниципальных предприятий и учреждений, а следовательно, теряет возможность реализовать задачи органов местного самоуправления, направленные на решение вопросов местного значения. Поэтому во избежание данной проблемы необходимо не только эффективное управление собственностью, но и контроль за ее использованием со стороны как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления. Ведь само право контролировать процессы, связанные с управлением муниципальным имуществом, обеспечивает возможность правомерного владения, пользования, распоряжения и управления на местном уровне.

Таким образом, существующая триада правомочий: владение, пользование и распоряжение — является основополагающей и характерной для всех видов собственности. Но, как у всех видов собственности, у муниципальной собственности есть свои особенности, а именно правомочия собственника, способствующие ее нормальному функционированию — это управление и контроль.

Библиографический список

1. *Смертин А.Н., Грешных А.А.* Юридический анализ права хозяйственного ведения и права оперативного управления // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2012. С. 103–108.
2. *Беляева О.А.* О продаже муниципального имущества посредством публичного предложения // Закон. 2010. № 3. С. 38–45.
3. *Васильев А.М., Точилин В.В.* Некоторые проблемные аспекты правового положения казенных предприятий в РФ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 222–226.

References

1. *Smertin A.N., Greshnykh A.A.* The Legal Analysis of the Right of Economic Management and the Right of Operational Management of the St. Petersburg University of the State Fire Service of EMERCOM of Russia. 2012. P. 103–108.
2. *Belyaeva O.A.* On the Sale of Municipal Property through a Public Offer // Law. 2010. No. 3. P. 38–45.
3. *Vasiliev A.M., Tochilin V.V.* Some Problematic Aspects of Legal Provisions of State-owned Enterprises in Russia // Theory and practice of social development». 2011. No. 7. P. 222–226.

УДК 347.78.01

Д.А. Сарсенбаева

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО АВТОРСКОГО ПРАВА

Введение: определение авторского права в субъективном смысле в теории гражданского права сводится к пониманию совокупности полномочий авторов и иных правообладателей, но не раскрывает в полном объеме данное определение. **Цель:** раскрытие определения авторского права в субъективном смысле через анализ сложившихся теорий о гражданском праве и исследование сущности авторского права. **Методологическая основа:** в процессе работы над темой использовались как общенаучные (анализ, сравнение, обобщение, описание), так и специальные методы (формально-юридический, метод толкования правовых норм). **Результаты:** аргументация авторской позиции относительно определения понятия авторского права в субъективном смысле системы гражданских правомочий, регулирующих и охраняющих права авторов и иных правообладателей. **Вывод:** понимание авторского права в субъективном смысле, как совокупности правомочий авторов и иных правообладателей не считается неверным, а является лишь общим определением без уточнений. Значение авторского права сводится к определению данного предмета в субъективном смысле, границ и пределов его осуществления.

Ключевые слова: авторское право, субъективное гражданское право, гражданские правомочия, исключительное авторское право.

D.A. Sarsenbaeva

THE CONCEPT AND LEGAL SIGNIFICANCE OF SUBJECTIVE COPYRIGHT

Background: in the theory of civil law definition of copyright law in subjective sense comes down to understanding the totality of the powers of authors and other copyrights holders that does not disclose the full amount of the term. **Objective:** to reveal the definition of copyright law in the subjective sense through the analysis of the current theories of subjective civil law and to research of essence of copyright law in subjective sense. **Methodology:** in the research general scientific (analysis, comparison, generalization, description) and special legal methods (formal-legal, method of interpretation of legal norms) were used. **Results:** the author's position regarding the definition of copyright law in the subjective sense from the point of view of the system of civil powers that regulate and protect the rights of authors and other copyright holders was argued. **Conclusion:** understanding copyright law in subjective sense the totality of the powers of authors and other copyrights holders is not considered incorrect, but it is a definition without qualification. The legal value of copyright law in the subjective sense comes down to definition a subject of copyright law, borders and limits of his implementation.

Key-words: copyright law, civil law in subjective sense, civil powers, exclusive copyright rights.

© Сарсенбаева Дина Аскарровна, 2019
Аспирант кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия), помощник судьи (Суд по интеллектуальным правам)
© Sarsenbaeva Dina Askarovna, 2019
Post-graduate student of the Civil law department (Saratov State Law Academy), judge assistant (intellectual property Court)

Интеллектуальное право относят к числу молодых (новых) подотраслей гражданского права, и авторское право занимает ключевое место в его системе. Ввиду постепенной коммерциализации авторского права и появления групп, критикующих данную подотрасль и, в частности, выступающих за ее реорганизацию, возникает необходимость изучения темы злоупотребления авторскими правами через призму гражданских теорий. В науке гражданского права принято считать, что при осуществлении прав, они реализуются в субъективном смысле, поэтому следует уяснить, что же собой представляет авторское право именно в субъективном смысле. В настоящее время тема субъективного авторского права комплексно не изучена, хотя исследований, посвященных проблемам авторского права, существует много. Среди авторов, изучающих данную тему, следует указать: И.А. Близнаца, Э.П. Гаврилова, А.Г. Матвеева, Е.А. Моргунову, В.И. Еременко, Р.И. Ситдикову и др. Для глубокого исследования вопроса о субъективном авторском праве необходимо изучить не понятие общего права в субъективном смысле, а понятие субъективного гражданского права. Ведь авторское право, является одной из подотраслей гражданского права. В подтверждение данной позиции можно сослаться на мнение Е.В. Вавилина, который считает, что отрасли права различаются между собой структурными элементами субъективного права, а именно предметом, методом, функциями и принципами [1, с. 24, 45].

Руководствуясь сложившимися определениями понятия субъективного гражданского права, данными В.П. Грибановым (дозволенная законом мера возможного поведения) [2, с. 44], Е.В. Вавилиным (производное и взаимосвязанное с объективным правом правовое явление) [1, с. 45], Т.В. Дерюгиной (набор поведенческих возможностей, имеющих свои пределы осуществления) [3, с. 10, 19], А.Г. Матвеевым (система правомочий) [4, с. 200] и исходя из смысла ст. 9 ГК РФ, то под субъективным гражданским правом следует понимать систему определенных и ограниченных объективным гражданским правом поведенческих возможностей управомоченного лица, которые реализуются им по своему усмотрению.

Вопрос определения содержания субъективного гражданского права в науке является достаточно спорным, поскольку существуют большое количество самостоятельных теорий на данную тему. Но общими для всех участников гражданских правоотношений, независимо от вида правоотношений, являются правомочие на собственные действия, т.е. право требования надлежащего исполнения корреспондирующих обязанностей и защиты нарушенных прав, их назвали гражданскими правомочиями.

Принимая во внимание, что субъектами авторских правоотношений являются авторы и другие правообладатели, делаем вывод, что субъективное авторское право, как подвид субъективного гражданского права, является системой определенных (ограниченных объективным авторским правом), гражданских правомочий (правовых возможностей) автора или иных правообладателей, которые вправе реализовать по своему усмотрению не только личные неимущественные права и имущественные права, но и требовать их соблюдения, защитит их в установленном законом порядке.

Исследуя вопрос сущности субъективного авторского права, данный правовой институт в первую очередь определяет круг регламентированных законодательством правовых возможностей автора и иных правообладателей. Подобная регламентация приводит к определению границ и пределов осуществления прав,

независимо от тех обстоятельств, что авторские права в сущности абсолютны и представляют собой монополию на использование произведения.

Судебная практика на многочисленных примерах доказывает, что авторские права применяются в соответствии с буквой закона и их осуществление ограничено. К примеру, исключительные авторские права издателя не распространяются на объекты, которые в материальной природе еще не существуют, а именно на предполагаемые к изданию в будущем сборнике¹. Также и законодатель прописывает некоторые пределы осуществления исключительных авторских прав в законе (раскрывает в подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ то, чем не является воспроизведение произведения).

Таким образом, сложившееся представление о субъективном авторском праве, как о совокупности правомочий автора и иных правообладателей [5, с. 167; 6, с. 108], является общим понятием для выведенного в данной статье определения. Подводя итог скажем, что в основе содержания субъективного авторского права лежат общие гражданские правомочия, субъективное авторское право определяет авторские права в полном объеме. Формируется предмет субъективного авторского права, его границы и пределы осуществления.

Учитывая, что субъективное авторское право является лишь элементом процесса осуществления авторских прав, автор намерен в дальнейшем исследовать данную тему путем детального изучения вопроса о механизме осуществления авторских прав и провести анализ работ, посвященных теме осуществления гражданских прав.

Библиографический список

1. *Вавилин Е.В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов, 2012. 364 с.
2. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с. (Классика российской цивилистики).
3. *Дерюгина Т.В.* Принципы осуществления гражданских прав. М.: Книгодел, 2010. 188 с.
4. *Матвеев А.Г.* Система авторских прав: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 368 с.
5. *Гаврилов Э.П., Еременко В.И.* Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 973 с.
6. *Хохлов В.А.* Авторское право: законодательство, теория и практика. М.: Городец, 2008. 286 с.

References

1. *Vavilin E.V.* The Principles of Civil Law. Mechanism for the Implementation and Protection of Civil Rights. Saratov, 2012. 364 p.
2. *Gribanov V.P.* Implementation and Protection of Civil Rights. M: The Statute, 2000. 411 p. (Classics of Russian civil law);
3. *Deryugina T.V.* Principles of Civil Rights: monograph. M.: Kinodel, 2010. 188 p.
4. *Matveev A.G.* The System of Copyrights: monograph. M.: Yurlitinform, 2017. 368 p.
5. *Gavrilov E.P., Eremenko V.I.* Comment to Part Four of the Civil code of the Russian Federation (article by article). M.: Examen, 2009. 973 p.
6. *Khokhlov V.A.* Copyright: Legislation, Theory and Practice. M.: Gorodets, 2008. 286 p.

¹См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 28 сентября 1999 г. № 47 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 1999. № 11.

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

Е.В. Ткаченко, Р.В. Фомичева

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: обеспечительные меры являются одним из важнейших институтов арбитражного процессуального права, а правильное определение способа обеспечения влияет на эффективность реализации права на судебную защиту. **Цель:** изучение критериев выбора способа обеспечения, поиск наиболее адекватного подхода к определению способов обеспечения, применяемых арбитражными судами, а также практические аспекты их реализации. **Методологическая основа:** в основе исследования общенаучные методы познания (анализа и синтеза, обобщения), а также специальные методы (сравнительно-правовой, метод технико-юридического анализа и иные методы исследования). **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно критериев выбора способа обеспечения, сформулированы предложения по изменению действующего законодательства в целях устранения коллизий, возникающих при применении норм, регламентирующих обеспечительные меры. **Выводы:** при выборе способа обеспечения необходимо учитывать такие критерии, как необходимость и достаточность принимаемой меры, позволяющей достичь реализации цели обеспечения — устранения затруднения или невозможности исполнения судебного акта, а также в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю. Для достижения наиболее эффективного результата, достигаемого принятием обеспечительных мер, необходимо учитывать вид судопроизводства, в котором рассматривается дело.

Ключевые слова: арбитражный суд, обеспечение иска, арбитражный процесс, обеспечительные меры.

E.V. Tkachenko, R.V. Fomichiova

ON THE CHOICE OF THE SECURITY METHOD IN THE ARBITRATION PROCEDURE

Background: provisional measures are one of the most important institutions of arbitration law and the correct definition of the way of ensuring that influences the

© Ткаченко Екатерина Викторовна, 2019

Кандидат наук, доцент кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: avk094@yandex.ru

© Фомичева Регина Владимировна, 2019

Кандидат наук, доцент кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: rv302009@mail.ru

© Tkachenko Ekaterina Viktorovna, 2019

Candidate of Law, Associate professor of the Arbitration Procedure department (Saratov State Law Academy)

© Fomichiova Regina Vladimirovna, 2019

Candidate of Law, Associate professor of the Arbitration Procedure department (Saratov State Law Academy)

effectiveness of the implementation of the right to judicial protection. Objective: to study criteria for the choice of security method, to search the most appropriate approach to the definition of security methods used by arbitration courts, as well as practical aspects of their implementation. Methodology: general scientific methods of cognition (analysis and synthesis, generalization) and special methods (comparative legal method, method of technical and legal analysis and other research methods). Results: the author's position on the criteria for choosing the method of security is reasoned, proposals to change the current legislation in order to eliminate conflicts arising in the application of the rules governing interim measures are formulated. Conclusions: when choosing a method of security, it is necessary to take into account such criteria as the need and sufficiency of the measure taken to achieve the goal of ensuring — elimination of difficulty or impossibility of execution of the judicial act, as well as in order to prevent significant damage to the applicant. In order to achieve the most effective result achieved by the adoption of interim measures, it is necessary to take into account the type of proceedings in which the case is considered.

Key-words: arbitration court, maintenance of the claim, arbitration process, providing measures.

Немаловажным вопросом, возникающим перед участниками арбитражного процесса при принятии обеспечительных мер, выступает выбор способа обеспечения. Несмотря на многообразие обеспечительных мер, проблема выбора наиболее оптимального способа остается открытой.

В процессуальной науке неоднократно высказывались мнения относительно критериев, предопределяющих возможность применения обеспечительных мер. Например, некоторые ученые предлагают рассматривать в качестве критериев законность и исполнимость, обосновывая свою позицию следующим образом: обеспечительная мера «должна быть законной, т.е. не запрещенной законодательным актом и ее применение не должно с неизбежностью вести к нарушению закона» и «исполнимой, то есть должным образом определенной для создания возможности ее исполнения (в том числе — принудительного)» [1, с. 12–18].

Однако другими учеными высказывается мысль, что исполнимость допускается при отсутствии денежных средств на счету должника, Закон об исполнительном производстве допускает взыскание наличных денежных средств, но это трудно осуществимо на практике по ряду причин:

а) невозможность хранения изъятой денежной массы на депозитном счете судебных приставов (в силу его специфики) или у нотариуса (там хранятся денежные суммы, переданные добровольно);

б) передача денежной массы на ответственное хранение ответчику либо третьему лицу, если сумма обеспечения достаточно велика, допускается только теоретически, если индивидуализировать изъятые наличные денежные средства, переписав серии, номера и достоинство изъятых купюр [2, с. 103].

Еще одна позиция, имеющая место в процессуальной науке, основывается на таком критерии, как целесообразность отдельных способов обеспечительных мер. В частности, существует мнение, что в таких мерах, как приостановление взыскания по оспариваемому истцом исполнительному или иному документу, взыскание по которому производится в бесспорном (безакцептном) порядке; приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста нет необходимости, т.к., вынося определение о приостановлении исполнительного производства, судья фактически обеспечи-

вает исполнение будущего судебного решения, а в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста судья обязан приостановить соответствующее исполнительное производство [3, с. 20].

Вместе с тем данные меры находят свою реализацию в практике арбитражных судов. Например, Определением от 10 февраля 2014 г. Арбитражного суда Хабаровского края удовлетворено ходатайство истца о применении обеспечительных мер в виде запрета определенным в заявлении банкам совершать действия по безакцептному списанию денежных средств с расчетных счетов ООО «Русь» по исполнительным листам от 12 ноября 2013 г. № АС 006035671 по делу № А73-2011/2013 Арбитражного суда Хабаровского края, от 24 января 2014 г. АС 006440562 по делу № А73-8099/2013 Арбитражного суда Хабаровского края¹.

При принятии данных мер судами должны быть учтены положения ст. 7, 70 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»², предусматривающие возможность предъявления исполнительного листа, выданного арбитражным судом, на исполнение непосредственно в банк, в котором открыты счета должника и отсутствие полномочий у кредитного учреждения, на исполнение которого находится исполнительный лист на проведение каких-либо зачетов.

Однако на практике возникает неправильное толкование сущности данного способа обеспечения. Например, инспекция обратилась в Арбитражный суд Волгоградской области с заявлением о признании незаконными действия Отделения по Советскому району г. Волгограда Управления Федерального казначейства по Волгоградской области, выразившимся в принятии к исполнению заявления Общества, уведомления о поступлении исполнительного документа, при этом указывалось, что исполнение постановления апелляционного суда должно быть произведено в порядке ст. 176 НК РФ³, за счет денежных средств, находящихся на расчетном счете Управления федерального казначейства по Волгоградской области, а не за счет денежных средств лицевого счета в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 242.3 БК РФ⁴. Одновременно инспекция обратилась с заявлением о принятии обеспечительных мер по иску в виде приостановления действия уведомления о поступлении исполнительного документа.

Указанные ходатайства суд удовлетворил, что повлекло неблагоприятные последствия, а именно: приостанавливая действие оспариваемого уведомления органа казначейства, они фактически воспрепятствовали исполнению постановления арбитражного апелляционного суда и выданного на основании судебного акта Арбитражного суда Волгоградской области исполнительного листа о взыскании с инспекции присужденных по делу сумм.

Поскольку недопустимо приостановление действия актов, решений государственных и иных контролирующих органов, если есть основания полагать, что приостановление действия акта (решения) может нарушить баланс интересов заявителя и интересов третьих лиц, публичных интересов, а также может по-

¹ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 июня 2014 г. Ф03-1983/2014 по делу № А73-1427/2014. URL: <http://www.resheniya-sudov.ru> (дата обращения: 20.12.2017).

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41, ст. 4849; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.12.2017).

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3824; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.11.2017).

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.11.2017).

влечь за собой утрату возможности исполнения оспариваемого акта, решения при отказе в удовлетворении требования заявителя по существу спора⁵.

Следовательно, суд нарушил требования п. 5 ч. 1 ст. 91 АПК РФ⁶, разрешающего приостановление взыскания только по оспариваемому истцом исполнительному документу, взыскание по которому производится в бесспорном (безакцептном) порядке. Исполнительный лист, выданный Арбитражным судом Волгоградской области, к данной категории документов не относится. Несомненно, данное постановление было отменено судом вышестоящей инстанции.

Хотелось бы также остановиться на принятии обеспечительных мер в административном судопроизводстве. Что же касается данных мер, то в науке арбитражного процессуального права нет однозначного ответа на вопрос, какие способы обеспечения должны использоваться.

Так, по мнению некоторых ученых, в административном производстве должны применяться только меры в виде приостановления действия обжалуемого ненормативного правового акта, решения государственного органа (ч. 3 ст. 199 и 208 АПК РФ) [4, с. 31], по мнению других — допускается применение данных мер в совокупности со способами обеспечения, предусмотренными ч. 1 ст. 91 АПК РФ [5, с. 12].

Полярные точки зрения, сформировавшиеся в науке, основываются на спорах относительно правовой природы указанных мер.

Так, А.К. Большова, в частности, пишет, что: «Мера по приостановлению действия акта или решения, обладая признаками обеспечительной меры — срочностью и временностью, все же специальная и в качестве таковой применяется лишь при рассмотрении узкого круга вопросов, связанных с оспариванием ненормативных актов, решений госорганов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц»⁷, особенность которой «заключается в том, что не требуется обязательного обоснования и, самое главное, представления доказательств необходимости приостановления действия оспариваемого ненормативного акта или решения, так как угроза нарушения прав и интересов заявителя содержится в самом акте или решении» [6].

Ю.В. Маранц отмечает, что общие меры, перечисленные ст. 91 АПК РФ, по таким делам вводиться не должны, поскольку закон предусматривает в данном случае специальные меры обеспечения [4, с. 31].

Противники данной теории обосновывают свою позицию следующими положениями, Т.К. Андреева, в частности, пишет: «представляется правомерным рассматривать приостановление действия оспариваемого акта, решения в качестве одной из обеспечительных мер»⁸, поскольку отнесение меры, предусмотренной ч. 3 ст. 199 АПК РФ, к числу обеспечительных не противоречит и ст. 91 Кодекса, согласно которой арбитражный суд может принять не только названные в этой статье меры, но и иные обеспечительные меры, кроме того гл. 8 АПК РФ входит

⁵ См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 83 «О некоторых вопросах, связанных с применением части 3 статьи 199 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 10.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

⁷ Дискуссия. Часть 3 статьи 199 АПК РФ: практика применения // Арбитражная практика. 2004. № 3. URL: www.arbitr.praktika.ru (дата обращения: 20.12.2017).

⁸ Там же.

в число общих положений (разд. I), применяемых при осуществлении судопроизводства в арбитражных судах, каких бы споров и дел оно ни касалось, в какой бы стадии арбитражного процесса ни осуществлялось.

Кроме того, Б.А. Баладин отмечает, что применение норм гл. 8 АПК РФ к случаям приостановления действия оспариваемого акта, решения более оправданно в силу общности целей принятия обеспечительных мер и меры, предусмотренной ч. 3 ст. 199 АПК РФ, и закона о процессуальной экономии⁹.

Рассмотрим, каким же образом разрешается этот вопрос в судебной практике.

Например, при оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя об оценке, передаче на реализацию имущества должника или при оспаривании стоимости объекта оценки, указанной оценщиком в отчете, суд вправе приостановить исполнительное производство либо принять меру предварительной защиты, обеспечительную меру в виде установления запрета на совершение действий, направленных на реализацию соответствующего имущества (п. 2 ч. 1 ст. 91 АПК РФ)¹⁰.

В том случае, когда суд, принявший к рассмотрению заявление налогоплательщика о признании недействительным ненормативного правового акта налогового органа, на основании которого предполагается взыскание недоимки, пеней, штрафов, руководствуясь ст. 91 и ч. 3 ст. 199 АПК РФ, запретил ответчику принимать меры, направленные на принудительное взыскание оспариваемых сумм, срок, в течение которого действовало соответствующее определение суда, не включается в установленные ст. 46, 47, 70 НК РФ сроки на принятие указанных мер, поскольку в этот период существуют юридические препятствия для осуществления налоговым органом необходимых для взыскания действий.

Если налогоплательщик, предъявивший в суд требование об оспаривании решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или решения об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, подал заявление о принятии обеспечительных мер в виде запрета на исполнение названных решений, налоговый орган в соответствии со ст. 94 АПК РФ вправе заявить ходатайство об истребовании судом у заявителя встречного обеспечения.

В то же время сам налоговый орган в период рассмотрения дела в суде не вправе применять обеспечительные меры, предусмотренные п. 10 ст. 101 НК РФ¹¹, к которым, в частности, относятся:

1) запрет на отчуждение (передачу в залог) имущества налогоплательщика без согласия налогового органа. Предусмотренный настоящим подпунктом запрет на отчуждение (передачу в залог) производится последовательно в отношении: недвижимого имущества, в том числе не участвующего в производстве продукции (работ, услуг);

⁹ Дискуссия. Часть 3 статьи 199 АПК РФ: практика применения // Арбитражная практика. 2004. № 3. URL: www.arbitr.praktika.ru (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

¹¹ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.resheniya-sudov.ru> (дата обращения: 20.12.2017).

транспортных средств, ценных бумаг, предметов дизайна служебных помещений;

иного имущества, за исключением готовой продукции, сырья и материалов; готовой продукции, сырья и материалов.

2) приостановление операций по счетам в банке.

Следует заметить, что по просьбе лица, в отношении которого было вынесено решение о принятии обеспечительных мер налоговый орган вправе заменить ранее принятые обеспечительные меры на встречные меры, аналогичные предусмотренные арбитражным процессуальным законодательством:

1) банковскую гарантию, подтверждающую, что банк обязуется уплатить указанную в решении о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или решении об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения сумму недоимки, а также суммы соответствующих пеней и штрафов в случае неуплаты этих сумм принципалом в установленный налоговым органом срок;

2) залог ценных бумаг, обращающихся на организованном рынке ценных бумаг, или залог иного имущества;

3) поручительство третьего лица.

Однако на наш взгляд, необходимо внести такие изменения в АПК РФ, чтобы избежать неоднозначного толкования возможности применения различных способов обеспечительных мер в указанном судопроизводстве. В связи с этим необходимо ввести приостановление действия (исполнения) оспариваемого решения, ненормативного правового акта в общий перечень обеспечительных мер.

Таким образом, следует дополнить ч. 1 ст. 91 АПК РФ п. 7 следующего содержания: «приостановление действия (исполнения) оспариваемого решения, ненормативного правового акта», а ч. 3 ст. 199 и 208 АПК РФ изложить в следующей редакции: «По ходатайству заявителя арбитражный суд может применить обеспечительные меры, предусмотренные главой 8 Кодекса».

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1) при выборе способа обеспечения необходимо учитывать такие критерии, как необходимость и достаточность принимаемой меры, позволяющей достичь реализации цели обеспечения — устранение затруднения или невозможности исполнения судебного акта, а также в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю;

2) для достижения наиболее эффективного результата, достигаемого принятием обеспечительных мер, необходимо учитывать вид судопроизводства, в котором рассматривается дело.

Библиографический список

1. Тимонов М.А. Особенности применения обеспечительных мер в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 19 с.
2. Федоренко Н.Ф. Практика рассмотрения споров арбитражным судом. М.: ПРИОР, 2000. 128 с.
3. Фетюхин М.В. Обеспечительное производство в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 29 с.
4. Маранц Ю.В. Обеспечительные меры по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 4. С. 26–31.

5. Львов Я.А. Особенности применения арбитражными судами обеспечительных мер по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 270 с.

References

1. Timonov M.A. Peculiarities of Application of Provisional Measures in the Arbitration Procedure: extended abstract of dis. ...cand. of law SPb., 2006. 19 p.
2. Fedorenko N.F. Practice of Consideration of Disputes by the Arbitration Court. M.: PRIOR, 2000. 128 p.
3. Fetyukhin M.V. Interim Proceedings in the Arbitration Process: extended abstract of dis. ...cand. of law. Kazan, 2005. 29 p.
4. Marantz Yu.V. Providing Measures in Cases Arising from Administrative and other Public Legal Relations // Arbitration and civil process. 2004. No. 4. P. 26–31.
5. Lvov Y.A. Peculiarities of Application by Arbitration Courts of Providing Measures in Cases Arising from Administrative and other Public Legal Relations: dis. cand. of law. Saratov, 2005. 270 p.

УДК 347.921.4

Э.С. Алоян

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Введение: в статье рассматривается институт процессуального представительства как гарант реализации физическими и юридическими лицами права на судебную защиту. Автор обращает внимание на особенности деятельности представителя в цивилистическом процессе. **Цель:** выявление специфики судебного представительства на основе анализа доктринальных представлений и судебной практики по рассматриваемой теме. Достижение поставленной цели реализуется посредством решения следующих задач: определение сущности представительства в цивилистическом процессе; выделение особенностей деятельности представителя в суде и оценка их значения на практике. **Методологическая основа:** сочетание общенаучных (анализ, синтез, системно-структурный и др.) и частноправовых (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой) методов, которые позволяют провести комплексное теоретико-практическое исследование. **Результаты:** выявлены характерные черты современной представительской деятельности, влияющих на эффективность осуществляемой защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов. **Выводы:** продемонстрированные автором особенности деятельности процессуального представителя свидетельствуют о необходимости закрепления определенных профессиональных стандартов лиц, выступающих в качестве таковых.

Ключевые слова: институт представительства, цивилистический процесс, сущность, специфика судебного представительства, профессионализм.

© Алоян Эдик Самвелович, 2019

Аспирант кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ediscarpa@mail.ru

© Aloyan Edik Samvelovich, 2019

Postgraduate student of the Arbitration procedure department (Saratov State Law Academy)

E.S. Aloyan

**INSTITUTE OF REPRESENTATION IN THE CIVIL PROCEDURE:
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS**

Background: the article deals with the institution of procedural representation as a guarantor of the right to judicial protection realization by individuals and legal entities. The author draws attention to the peculiarities of the representative's activity in the civil procedure. **Objective:** identification of the specifics of judicial representation on the basis of the analysis of doctrinal ideas and judicial practice on the topic under consideration. Achieving this goal is implemented through the following tasks: determining the nature of representation in the civil law process; the selection of the features of the activities of the representative in court and to assess their value in practice. **Methodology:** combination of general scientific methods (analysis, synthesis, system-structural, etc.) and private law (historical-legal, formal-legal, comparative-legal) ones that allow to make a complex theoretic-practical research. **Results:** the characteristic features of the modern representative activity influencing efficiency of the carried-out protection of the subjective rights and interests protected by the law are revealed. **Conclusions:** the features of activity of the procedural representative shown by the author indicate the need of fixing certain professional standards of the persons acting as those.

Key-words: institute of representation, civil procedure, entity, specifics of judicial representation, professionalism.

В современном цивилистическом процессе институт судебного представительства является ключевой гарантией реализации конституционного права субъектов гражданских правоотношений на судебную защиту.

Следует подчеркнуть, что несмотря на достаточно длительную историю существования гражданско-процессуального представительства, в доктрине, вплоть до настоящего времени, не наблюдается единообразия в представлениях о сущности анализируемого института и его месте в правовой системе. Одни ученые (А.А. Власов [1, с. 142], Е.Н. Воронов [2, с. 85], С.Ю. Семенова [3, с. 47] и др.) придерживаются позиции, что судебное представительство — это процессуальное правоотношение, другие (А.Ф. Клейнман [4, с. 122], Д.М. Чечот [5, с. 83], М.А. Вилкут [6, с. 108], О.В. Исаенкова [7, с. 87], В.В. Ярков [8, с. 75], Е.В. Салогубова [9, с. 161] и пр.) — рассматривают данную категорию как своеобразную деятельность.

Заметим, что толкование представительства в цивилистическом процессе как правоотношения связано с теорией процессуальных отношений, выдвинутой О. Бюловым [10, с. 161–165] и нашедших отражение в трудах многих российских дореволюционных юристов (напр., А.Х. Гольмстен [11, с. 1–5], Е.В. Васьяковский [12, предисловие], Е.А. Нефедьев [13, с. 4–5]). Затем эта теория была воспринята советскими и современными правоведом.

Исследуемый правовой институт, такой как правоотношение, по мнению С.Н. Абрамова [14, с. 113], В.М. Шерстюка [15, с. 12–13], М.С. Шакарян [16, с. 85], Г.Л. Осокиной [17, с. 272–275], предполагает, во-первых, совершение судебным представителем процессуальных действий от имени и в интересах представляемого лица в пределах предоставленных ему процессуальных полномочий. Во-вторых, представляет собой систему внутренних (между судебным представи-

телем и представляемым) и внешних (между представителем и судом — с одной стороны, представляемым лицом и судом — с другой) правовых отношений.

Заслуживает внимания позиция, выраженная рядом ученых-правоведов [18, с. 222; 19, с. 131], согласно которой, более точным представляется определение понятия представительства в гражданском процессе как вида деятельности. Сторонники данной концепции усматривают сущность и значение представительства в динамическом аспекте, поскольку именно динамика имеется в виду, когда говорят об осуществлении представительства, его целях и задачах. К примеру, адвокат, совершая процессуальные действия, создает ими правовые последствия для представляемого лица. Если процессуальные действия не будут совершены, то и не будет правовых последствий. Таким образом, юридически значимая деятельность представителя от имени доверителя обеспечивает достижение целей и задач представительства.

Интересен и всеобъемлющий подход С.А. Халатова к пониманию сущности представительства в гражданском и арбитражном процессе, который заключается в триединстве следующих составляющих элементов: совокупность действий, правоотношение и те нормы права, которые регулируют данную сферу. По его мнению, интерпретация этого правового института через призму правоотношения, дает возможность получить углубленные знания по отдельным сторонам судебного представительства, сосредоточить внимание на возникающих в рамках процессуальных отношений правах и обязанностях, основательно исследовать правовое положение и роль представителя в процессе [20, с. 57–67].

Таким образом, сущность процессуального представительства раскрывается через совокупность таких составляющих как: система правовых отношений (внутренних и внешних); динамический процесс, влекущий определенные правовые последствия; самостоятельный институт процессуального права.

Как известно, представительство выступает гарантией реализации физическими и юридическими лицами права на судебную защиту, в связи с чем можно сделать вывод о значительной роли рассматриваемого института в современном цивилистическом процессе. Именно с помощью представителя, субъекты гражданских правоотношений могут осуществить свои процессуальные права и реализовать свои юридические обязанности как по собственному волеизъявлению, так и в случае объективной необходимости услуг представителя (например, недееспособные граждане). Представители помогают участвовать в процессе лицам, для которых участие в гражданском деле затруднительно или невозможно по каким-либо причинам.

В целом, как отмечают некоторые авторы [21, с. 64], причины обращения к услугам представителей разнообразны и их можно разделить на две категории: юридические и фактические.

Юридические причины использования судебного представительства предполагают, что лицо не обладает полной дееспособностью и в силу прямых установок материального и процессуального законодательства не может напрямую, без участия представителей, использовать свои права и участвовать в судопроизводстве. Иными словами, юридические причины касаются, прежде всего, случаев законного представительства.

Надлежит учитывать также большой спектр фактических причин, которые связаны, как показывает практика, со всевозможными жизненными ситуациями, при которых лицо вынуждено прибегнуть к услугам судебного представи-

теля. В сущности, эти причины сводятся к отсутствию возможности явиться в суд самостоятельно, отсутствию у лица необходимых знаний и навыков для осуществления своих прав самостоятельно, нежелание осуществлять свои права в рамках судопроизводства, поскольку современное гражданское и арбитражное процессуальное законодательство не содержит каких-либо запретов на судебное представительство.

Бесспорно, судебный представитель играет немаловажную роль, замещая представляемую им сторону. Его призвание, по мнению многих процессуалистов [1, с. 143; 22, с. 4], состоит в способствовании реализации процессуальных прав и обязанностей субъектов, юридически некомпетентных либо обладающих недостаточными знаниями в области юриспруденции.

Не вызывает сомнения и тот факт, что грамотное, с правовой точки зрения, рассмотрение и разрешение юрисдикционным органом спорного правоотношения порой решает дальнейшую судьбу участника процесса, в особенности по так называемым делам «с высокой социальной значимостью» (в частности: об оспаривании сделок, о признании прав на объекты недвижимости, о несостоятельности (банкротстве) и пр.) [22, с. 5–6].

В этой связи можно говорить об архиважной составляющей деятельности по оказанию представителями юридической помощи лицам, не имеющим достаточных знаний для защиты своих прав. При этом право выбора судебного представителя остается за таким субъектом. Поскольку действующим процессуальным законодательством не конкретизирован образовательный или иной ценз в отношении лиц, занимающихся представительской деятельностью (в юрисдикционном органе), то зачастую, в погоне за экономией собственных средств, участвующие в деле лица обращаются к неквалифицированному специалисту.

Учитывая изложенное, представляется вполне допустимым перейти к особенностям института представительства в цивилистическом процессе, которые влияют на уровень эффективности деятельности по защите субъективных прав и законных интересов с вытекающими из нее правовыми последствиями.

Прежде всего, специфика судебного представительства зависит от категории дел, подведомственных судам общей или арбитражной юрисдикции. Так, в настоящее время при выборе представителя для ведения дела в суде заинтересованным лицом учитывается фактор его специализации по конкретным правовым спорам, к примеру, в сфере вопросов жилищного и земельного права или по защите корпоративных прав.

Кроме того, прослеживается взаимосвязь между конкретным кругом дел, рассматриваемых в судах, и избранными представителем тактикой и стратегией по защите интересов доверителя с целью достижения положительного результата.

В качестве другой характерной черты судебного представительства надлежит обозначить возможность возмещения расходов на оплату услуг представителя. Это предусмотренное законом право стороны, в чью пользу состоялось решение суда, связано с определенной сложностью ведения дела в суде для неподготовленного и необученного человека, а также значительными временными затратами.

Фактически законодательством признается, что привлечение представителя в судебное разбирательство является скорее необходимостью и обусловлено реализацией принципа диспозитивности, который, как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10 марта 2016 г. № 7-П, в совокупности с другими принципами гражданского судопроизводства, в том числе закрепленными

Конституцией РФ равенством всех перед законом и судом, состязательностью и равноправием сторон, выражают цели правосудия по гражданским делам, прежде всего конституционную цель защиты прав и свобод человека и гражданина¹.

Так, в положениях ст. 100 ГПК РФ и п. 2 ст. 110 АПК РФ указано, что расходы на оплату услуг представителя взыскиваются судом в разумных пределах. Тем не менее, определенные особенности определения этих самых «разумных пределов» в судах общей юрисдикции и арбитражных судах значительно различаются, даже несмотря на попытку установить единообразную практику, отразившуюся в принятии Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1².

Представляется вполне объяснимой диаметральной подходом к разумности оплаты услуг представителя, которая обусловлена главным образом различными критериями по взысканию судебных расходов. Ранее они могли быть связаны, в частности, с неодинаковостью споров, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что Высший Арбитражный Суд РФ в свое время были сформированы вполне конкретные критерии сложности дел, рассматриваемых арбитражными судами Российской Федерации. Эти критерии были подробнейшим образом изложены в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 167³.

Целесообразно отметить, что само по себе Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 167 служило для надлежащей организации работы суда, корректировки судебной нагрузки и более равномерного распределения дел, а также объективной оценки качества судебной работы.

В п. 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 167 указано, что рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации, регулируют порядок применения критериев, которые учитываются при подведении итогов работы как судьи, так и суда в целом, а также при анализе работы судьи, в том числе при подготовке справки об основных показателях работы судьи. Напомним, что в настоящее время, данными разъяснениями Высшего Арбитражного Суда РФ суды вправе руководствоваться на практике, так как в соответствии со ст. 3 ФКЗ от 4 июня 2014 г. № 8-ФКЗ разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда РФ⁴.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 22 и ч. 4 ст. 46 ФЗ „Об исполнительном производстве” в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 12, ст. 1707.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.

³ См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 167 «Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

⁴ См.: Федеральный конституционный закон от 4 июня 2014 г. № 8-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ „Об арбитражных судах в Российской Федерации” и ст. 2 ФКЗ „О Верховном Суде Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 23, ст. 2921.

Описание конкретных и точных критериев оценки сложности арбитражных дел, по нашему мнению, применимо и при возмещении судебных расходов, поскольку позволяет посредством использования точных цифр и формул определить сложность дела, тем самым, определяя более или менее четкие рамки разумности той или иной суммы, израсходованной на оплату услуг представителей. Разумеется, в правоприменительной практике возможны и сложности, связанные с тем, что оценка трудоемкости каждого конкретного дела является приблизительной, поэтому необходимо исходить из того, что каждое дело имеет свои специфические особенности и «подводные камни», несмотря на то, что те или иные споры могут быть сгруппированы по установленным критериям (состав участников, вид спора и т.д.).

Соразмерность расходов с учетом различных обстоятельств дела (в том числе и его сложности), о которых говорится в Постановлении Пленума от 21 января 2016 г. № 1, определяется исходя из аналогии за тождественные услуги. На практике это означает, что представители в качестве доказательств предоставляют справки о стоимости услуг или прайс-листы из организаций, работающих в тех же сферах⁵. Так, например, в рамках дела № А01-387/10 заявитель обосновывал разумность судебных расходов на оплату услуг представителя прејскурантом цен на юридические услуги адвокатов Адвокатской палаты Республики Адыгея и справками ИП Муращенко П.Д. и ООО ЮБ «БРиК» о стоимости услуг по аналогичным делам⁶.

Можно обратить внимание на то, что ранее Высший Арбитражный Суд РФ (и, как следствие, арбитражными судами вообще) применялись критерии «известности» представителей, устанавливаемых специализированными рейтингами⁷.

Однако в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 содержится запрет на зависимость взыскиваемых судом расходов на оплату услуг представителя лица, участвующего в деле, от степени известности этого представителя.

Вполне обоснованным представляется такое ограничение и с точки зрения его сравнения с большим количеством критериев, подлежащих оценке при определении границ «разумности», которое демонстрирует незначительность рейтинга популярности представителей.

Важной качественной характеристикой судебного представительства является профессионализм процессуальных представителей. Высокая профессиональная подготовка, как отмечает Т.В. Сахнова, относится к факторам, влияющим на эффективность отправления правосудия, на качество и справедливость выносимых судами решений [22, с. 3–10].

На государственном уровне также обращается внимание на практическую ценность качества оказываемых представителем услуг по защите субъективных

⁵ См.: Решение Арбитражного суда Тюменской области от 03 апреля 2014 г. по делу № А70-868/2014. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocume№t/21af566c-a71d-4a3f-8638-4ebd42f829c4/A70-868-2014_20140403_Reshe№ie.pdf (дата обращения: 18.12.2017); Определение Арбитражного суда Саратовской области от 21 января 2015 г. по делу № А57-11012. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocume№t/4f7861e1-7a93-4437-a153-7b99e3e13507/A57-11012-2010_20150121_Opredele№ie.pdf (дата обращения: 18.12.2017).

⁶ См.: Определение Арбитражного суда Республики Адыгея от 10 июня 2011 г. по делу № А01-387/10. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocume№t/93521576-39a8-4842-82ea-7bc6b182165e/A01-387-2010_20110610_Opredele№ie.pdf (дата обращения: 18.12.2017).

⁷ См.: Райский А. Юристов уравнивали в расходах. URL: <http://www.kommersa№t.ru/doc/2879583> (дата обращения: 18.12.2017).

прав и охраняемых законом интересов. В Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 сделан акцент на введении дополнительных критериев для допуска представителей в процесс, которое будет логичным продолжением профессионализации судопроизводства в России, гарантией обеспечения квалифицированной юридической помощи и шагом к реализации официально провозглашенной в России государственной программы «Юстиция»⁸.

Подводя итог, хотелось бы заключить, что все вышеперечисленные особенности деятельности представителя в цивилистическом процессе свидетельствуют о необходимости закрепления определенных профессиональных стандартов лиц, выступающих в качестве таковых. С одной стороны, в силу принципа диспозитивности, лицо, участвующее в деле, вправе выбрать любого представителя, отвечающего общим требованиям ст. 59, 60 АПК РФ и ст. 48, 49 ГПК РФ. С другой стороны, конституционная норма об оказании квалифицированной юридической помощи, наличие факторов открытости судопроизводства (Интернет, аудиозапись и пр.) должны выступать катализатором для установления четких критериев того, кто может быть представителем в суде общей юрисдикции и арбитражном суде.

Конечно, концепции стандартизации рынка профессиональной юридической помощи и соответствующие законопроекты есть, но проблема повышения качества предоставляемых юридических услуг по представительству в гражданском и арбитражном процессе остается открытой.

Библиографический список

1. *Власов А.А.* Гражданский процесс: учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2012. 548 с.
2. *Воронов Е.Н.* Гражданские процессуальные правоотношения и правовое положение их основных субъектов: гл. 2 // Гражданское процессуальное право (общая часть): учебное пособие / А.М. Нехороших, Е.Н. Воронов, М.В. Кардашова; Юго-Зап. Гос. ун-т. Курск, 2014. 248 с.
3. *Семёнова С.Ю.* Представительство в суде: гл. 3 // Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / отв. ред. А.А. Мохов. М.: «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. 384 с.
4. *Клейнман А.Ф.* Советский гражданский процесс: учебник. М.: Изд-во Московского ун-та, 1954. 407 с.
5. *Чечот Д.М.* Представительство в гражданском процессе // Советский гражданский процесс / отв. ред. Н.А. Чечина, Д.М. Чечот. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 424 с.
6. *Викут М.А.* Представительство в суде // Гражданский процесс России / под ред. М.А. Вкут. М.: Юристъ, 2004. 459 с.
7. *Исаенкова О.В.* Гражданский процесс: курс лекций / О.В. Исаенкова, А.А. Демичев. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. 400 с.
8. *Ярков В.В.* Арбитражный процесс: учебник / под ред. В.В. Яркова. М.: Юристъ, 1998. 480 с.
9. *Салогубова Е.В.* Представительство в суде: гл. 11 // Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007. 784 с.

⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» (в ред. от 31 марта 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18, ч. II, ст. 2158; 2017. № 15, ч. II, ст. 2205.

10. *Бюлов О.* Учение о процессуальных возражениях и процессуальных предпосылках (продолжение): пер. на рус. язык // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 161–165. Первоисточник: Bülow O. Die Lehre von den Prozesseinreden und der Prozessvoraussetzungen. Aalen, 1969. Reprint 1868-ed.
11. *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 4-е изд., перераб. С.Пб.: Типография М. Меркушева, 1907. 334 с.
12. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. Т. 1: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Издание бр. Башмаковых, 1913. 691 с.
13. *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М.: Типография Императ. Московского ун-та, 1909. 388 с.
14. *Абрамов С.Н.* Советский гражданский процесс: учебник для юридических школ. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры [Госюриздат], 1952. 419 с.
15. *Шерстюк В.М.* Судебное представительство по гражданским делам / В.М. Шерстюк. М.: Изд-во МГУ, 1984. 115 с.
16. *Шакарян М.С.* Представительство в суде // Гражданское процессуальное право России: учебник / под ред. М.С. Шакарян. М.: Былина, 1999. 504 с.
17. *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 704 с.
18. *Афанасьев С.Ф.* Гражданское процессуальное право: учебник для бакалавров / С.Ф. Афанасьев, А.И. Зайцев. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 702 с.
19. *Ивакин В.Н.* Представительство в административном судопроизводстве // Теоретические проблемы отраслей права. 2017. № 6 (127). С. 129–140.
20. *Халатов С.А.* Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. 208 с.
21. *Богомолов М.В.* Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 98 с.
22. *Сахнова Т.В.* Достижимо ли единство цивилистического процесса? (в контексте концепции единого ГПК РФ и Кодекса административного судопроизводства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 4. С. 3–10.

References

1. *Vlasov A.A.* Civil Process: the textbook for bachelors. 4 publ., revised and added. М.: Yurayt publishing house, 2012. 548 p.
2. *Voronov E.N.* Civil Procedural Legal Relationship and Legal Status of their Main Subjects: art. 2 // Civil Procedural Law (general part): manual / A.M. Nekhoroshikh, E.N. Voronov, M.V. Kardashova. Kursk, 2014. 248 p.
3. *Semyonova S.Yu.* Representation in Court: art. 3 // Civil Process (civil procedural law) of Russia: textbook / resp. edition. A.A. Mokhov. М.: “LAW FIRM CONTRACT”, 2017. 384 p.
4. *Kleynman A.F.* Soviet Civil Process: textbook. М.: Moskow publishing house of University, 1954. 407 p.
5. *Chechot D.M.* Representation in Civil Process // Soviet Civil Process / resp. edition of N.A. Chechin, D.M. Chechot. L.: Leningrad publishing house of University, 1984. 424 p.
6. *Vikut M.A.* Representation in Court // Civil Process of Russia / under the editorship of M.A. Vikut. М.: Юристъ, 2004. 459 p.
7. *Isayenkova O.V.* Civil Process: course of lectures / O.V. Isayenkova, A.A. Demichev. Saratov: Public Educational Institution of Higher Professional Training The Saratov State Academy Is Right publishing house, 2009. 400 p.
8. *Yarkov V.V.* Arbitration Process: the textbook / under the editorship of V.V. Yarkov. М.: Юристъ, 1998. 480 p.

9. *Salogubova E.V.* Representation in Court: art. 11 // Civil Process: the textbook / under the editorship of M.K. Treushnikov. 2nd publ., revised and added M.: Gorodets Publishing House, 2007. 784 p.
10. *Byulov O.* Doctrine on Procedural Objections and Procedural Prerequisites (continuation): translation into Russian language // Messenger of civil process. 2012. No. 6. P. 161–165. Primary source: B low O. Die Lehre von den Prozesseinreden und der Prozessvoraussetzungen. Aalen, 1969. Reprint 1868-ed.
11. *Golmsten A.H.* Textbook of the Russian Civil Legal Proceedings. 4 publ., revised. Snt Petersburg.: M. Merkushev's publishing house, 1907. 334 p.
12. *Vaskovsky E.V.* Course of Civil Process. Volume 1. Subjects and Objects of Process, Procedural Relations and Actions. M.: Edition of Bashmakovs broth., 1913. 691 p.
13. *Nefedev E.A.* Textbook of the Russian Civil Legal Proceedings. 3rd publ. M.: Imperial printing house. Moskow Univers. 1909. 388 p.
14. *Abramov S.N.* Soviet Civil Process: the textbook for law schools. M.: State. publishing house legal literature [Gosyurizdat], 1952. 419 p.
15. *Sherstyuk V.M.* Judicial Representation on Civil Cases. M.: MSU publishing house, 1984. 115 p.
16. *Shakaryan M.S.* Representation in Court // Civil Procedural Law of Russia: the textbook / under the editorship of M.S. Shakaryan. M.: Bylina, 1999. 504 p.
17. *Osokina G.L.* Civil Process. General part: textbook. 3rd publ., revised. M.: Norm: INFRA-M, 2013. 704 p.
18. *Afanasyev S.F.* Civil Procedural Law: the textbook for bachelors / page F. Afanasyev, A.I. Zaytsev. 5th publ., revised and added M.: Yurayt publishing house, 2014. 702 p.
19. *Ivakin V.N.* Representation in Administrative Legal Proceedings // Theoretical Problems of Branches of the Law. 2017. No. 6 (127). P. 129–140.
20. *Khalatov S.A.* Representation in Civil and Arbitration Process. M.: Norm, 2002. 208 p.
21. *Bogomolov M.V.* Institute of Judicial (procedural) Representation in Civil and Arbitration Process of the Russian Federation: extended abstract of dis. ...cand. of law. Saratov, 2014. 98 p.
22. *Sakhnova T.V.* Whether the Unity of Civil Process is able to Get Achieved? (in the context of the concept of the uniform CCP of the Russian Federation and the Code of administrative legal proceedings) // Arbitration and civil process. 2015. No. 4. P. 3–10.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.575

В.В. Кухарук

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДОПИНГА НОРМАМИ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ

Введение: авторитет государства со стороны международных спортивных организаций обеспечивается соответствием законодательных мер антидопингового контроля требованиям международно-правовых документов. **Цель:** сравнительно-правовой анализ положений административного и уголовного законодательств об ответственности за незаконные действия в отношении субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, и Запрещенного списка субстанций и методов Всемирного антидопингового агентства с точки зрения поиска эффективных форм правового запрета. **Методологическая основа:** логико-юридический и сравнительно-правовой методы с использованием информационной базы судебной статистики. **Результаты:** незначительный уровень регистрируемых преступлений и административных правонарушений в отношении допинга не подтверждают позицию международных спортивных организаций о неудовлетворительном состоянии в рассматриваемой сфере общественных отношений, что во многом связано с различными правовыми подходами к определению допинга и содержанию нарушений антидопинговых правил. **Выводы:** законодательство в сфере противодействия распространению допинга следует развивать по пути включения в нормы статей прямых отсылок к положениям международных правовых актов.

Ключевые слова: субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, допинг, Всемирное антидопинговое агентство — ВАДА, Запрещенный список ВАДА, сильнодействующие вещества, проба, Минспорта России.

V. V. Kukharuk

PROBLEMS OF PREVENTING THE SPREAD OF DOPING NORMS OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LEGISLATION

Background: the authority of the state from the international sports organizations is ensured by the compliance of legislative measures of anti-doping control with the requirements of international legal documents. **Objective:** comparative legal analysis of the provi-

© Кухарук Владимир Васильевич, 2019
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kukharuk@yandex.ru
© Kukharuk Vladimir Vasilevich, 2019
Candidate of law, Associate professor, Criminal and criminal executive law department (Saratov State Law Academy)

sions of administrative and criminal legislation on liability for illegal actions in relation to substances and (or) methods prohibited for use in sports, and the Prohibited list of substances and methods of the world anti-doping Agency in terms of finding effective forms of legal prohibition. Methodology: logical-legal and comparative-legal methods using the information base of judicial statistics. Results: the low level of recorded crimes and administrative violations in relation to doping do not confirm the position of international sports organizations on the unsatisfactory situation in the sphere of public relations that largely stems to different legal approaches to the definition of doping and the content of violations of anti-doping rules. Conclusions: legislation in the sphere of combating the spread of doping should be developed towards inclusion in the rules of direct references to the provisions of international legal acts.

Key-words: *substances and (or) methods prohibited for use in sports, doping, World anti — doping Agency-WADA, WADA Prohibited list, powerful substances, test, Ministry of sport of Russia.*

В феврале 2017 г. независимой общественной антидопинговой комиссией, созданной 22 июля 2016 г. по поручению Президента РФ, был принят Национальный план борьбы с допингом в Российском спорте¹. Разделом I Плана «Нормативное правовое обеспечение предотвращения допинга в спорте и борьбы с ним» предусмотрена подготовка предложений «по уточнению уголовной, административной и дисциплинарной ответственности и соответствующих мер воздействия на спортсменов, тренеров, врачей и других специалистов в области физической культуры и спорта с учетом правоприменительной практики».

Использование дополнительных организационно-правовых ресурсов для решения проблем допинга, приобретших в последнее время широкое общественно-политическое значение, следует признать оправданным. Особенно это важно в условиях беспрецедентно низкого уровня доверия со стороны международных спортивных организаций к соблюдению российскими спортсменами антидопинговых правил. Насколько реализация подобных инициатив оказалась эффективной с точки зрения соответствия актуальным требованиям международных документов, регулирующих рассматриваемые правоотношения, попытаемся рассмотреть на основе анализа специальных положений действующего законодательства.

Одним из важнейших международных правовых актов в сфере спорта является подписанная 19 октября 2005 в г. Париже Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте² (далее — Конвенция). Первоначально в Приложение I к Конвенции был включен вступивший в силу 1 января 2005 г. Запрещенный список субстанций и методов Всемирного антидопингового агентства — ВАДА (World Antidoping Agency — WADA). В добавление 1 к Конвенции — Всемирный антидопинговый кодекс (Кодекс ВАДА), принятый 5 марта 2003 г. Запрещенный список ВАДА последнего пересмотра действует с 1 января 2018 г.³

На основании вышеуказанных универсальных правовых актов федеральным законом от 6 декабря 2011 г. о дополнении кодекса статьей 6.18 КоАП РФ «На-

¹ Национальный план борьбы с допингом в российском спорте // Сборник официальных документов и материалов Министерства спорта РФ. 2017. № 6.

² Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24, ст. 2835.

³ Запрещенный список 2018 года. URL: <http://rusada.ru/documents/> (дата обращения:

рушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним», была введена административная ответственность. За время действия данной статьи судами общей юрисдикции было рассмотрено 3 дела (1 дело в 2016 г. и 2 дела в 2014 г.; в 2011–2012 гг. отдельная статистика не формировалась), по двум из которых были выявлены виновные лица и назначены наказания в виде дисквалификации и штрафа⁴.

Уголовная ответственность была установлена федеральным законом от 22 ноября 2016 г. о дополнении уголовного кодекса ст. 230.1 УК РФ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» и ст. 230.2 УК РФ «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Однако реальная возможность привлечения к ответственности по данным статьям появилась только после принятия Правительством РФ постановления от 28 марта 2017 г. № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁵. По состоянию на первое полугодие 2017 г. по указанным статьям УК РФ не было выявлено ни одного лица, совершившего рассматриваемые преступления. Только в МВД РФ по Чувашской Республике было зарегистрировано одно преступление по статье 230.2 УК РФ⁶.

Кроме названных статей, уголовная ответственность за незаконные действия в отношении запрещенных в спорте субстанций предусмотрена и другими статьями уголовного кодекса. Это обусловлено тем, что отдельные субстанции из Запрещенного Списка ВАДА постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» включены в Перечень сильнодействующих веществ. Соответственно незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно незаконный сбыт сильнодействующих веществ из числа запрещенных в спорте субстанций, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, либо оборудования для их изготовления или переработки, влекут уголовную ответственность по ст. 234 УК РФ.

По данным МВД России, за январь–декабрь 2017 г. в отношении указанных веществ было зарегистрировано 894 преступления, что на 37,5% больше чем за аналогичный период 2016 г., когда было зарегистрировано 650 преступлений или на 44,9% меньше преступлений аналогичного периода предыдущего года⁷.

Если полагаться на сведения официальной статистики, то незначительный уровень регистрируемых преступлений, связанных с допингом, не может служить подтверждением того, что данные преступления представляют серьезную

⁴ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Результаты рассмотрения дел об административных правонарушениях по I инстанции (по числу лиц). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0> (дата обращения: 06.06.2018).

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 14, ст. 2074.

⁶ МВД РФ зарегистрировало одно связанное с допингом преступление за I полугодие 2017 г. URL: <https://rsport.ria.ru/around/20170915/1125765512.html> (дата обращения: 06.06.2018).

⁷ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/10732674/> (дата обращения: 06.06.2018).

угрозу здоровью населения. Однако подобные выводы не согласуются с устойчивой позицией различных международных спортивных организаций, оценивающих внутригосударственное состояние в рассматриваемой сфере общественных отношений как крайне неудовлетворительное. По этой причине, в частности, Всероссийская федерация легкой атлетики (ВФЛА) подверглась исключению из Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF), и легкоатлеты из РФ не имеют право выступать на международных соревнованиях под российским флагом, а также использовать российскую государственную символику и цвета российского флага в одежде и снаряжении. Этот запрет касается цвета волос, татуировок, украшений, лака для ногтей, головных повязок и распространяется не только на стадионы, но и на помещения для разминки, комнаты ожидания стартов, тренировочные площадки и отели, в которых будут размещены спортсмены.

Насколько обоснованны подобные выводы иностранного или международного субъектов о степени распространения в обществе негативного социального явления без проведения самостоятельного исследования, судить сложно. Целесообразнее проанализировать понятийно-правовое содержание положений действующего законодательства с точки зрения их соответствия нормам международно-правовых документов, на основе которых они были сформулированы. Ведь только надлежащая гармонизация соответствующих институтов и норм внутреннего законодательства и международного права позволяет обеспечить единообразные подходы к правовому пониманию исследуемых деяний и их квалификации.

Например, в положениях вышеуказанного Национального плана допингом предложено считать запрещенные для использования в спорте субстанции и методы. В то же время Всемирный Антидопинговый Кодекс определяет допинг как совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил. К таким нарушениям, помимо привычного в своем представлении обладания Запрещенной субстанцией или Запрещенным методом (п. 2.6), также относятся нарушение порядка предоставления информации о местонахождении (ст. 2.4); обладание Персоналом спортсмена любой Запрещенной субстанцией или Запрещенным методом (ст. 2.6.2); Запрещенное сотрудничество Спортсмена с любым Персоналом спортсмена, который отбывает срок Дисквалификации (ст. 2.10.1) (сохранено оригинальное написание. — В.К.).

Как можно видеть, значение международно-правового понятия, установленного компетенцией внутригосударственной комиссии, существенно отличается от принятого в международном спортивном праве. В этом случае сфера разрабатываемых мероприятий по предотвращению распространения допинга будет носить ограниченный характер, поскольку будет определяться тем узким объемом содержания понятия, которое институализировано положениями соответствующих нормативных актов.

Навязанное значение понятия «допинг» в известной мере легитимируется отдельными научными статьями, в которых «допинг» выступает «одной из разновидностей сильнодействующих веществ». Исходя из подобного толкования рассматриваемого понятия, высказывается мнение о необходимости закрепления «в нормативном правовом акте перечня веществ, которые следует относить к допингу». Овеществленное представление «допинга» подкрепляется его использова-

нием в сочетании с соответствующими глаголами: «употреблять», «принимать», обеспечивать «нелегальную поставку» [1, 97–105].

По нашему мнению, результаты исследования общественных отношений без учета их международно-правового содержания вряд ли могут служить надежной научной основой их нормативно-правового урегулирования. Применительно к высказанным выше замечаниям следует заметить, что допинг не является «одной из разновидностей сильнодействующих веществ». Правильным будет полагать, что некоторые вещества из утвержденного Правительством РФ или Минспортом РФ списка Запрещенных субстанций одновременно включены в утвержденный Правительством РФ список сильнодействующих веществ.

При оценке криминологической ситуации, связанной с допингом, необходимо также учитывать те правовые принципы, на основе которых формулируются выводы о степени распространенности данного общественно опасного явления. Например, российское административное и уголовное законодательства базируются на принципе виновной ответственности, что исключает любое объективное вменение за допущенное нарушение установленных запретов (ст. 5 УК РФ, 1.5 КоАП РФ). Названный принцип определяет вину как необходимое условие привлечения к ответственности и правильности социально-правовой оценки совершенного деяния.

В то же время Кодекс ВАДА (ст. 2.1.1) применяет институт вины с учетом предписаний о персональной обязанности каждого Спортсмена недопущения попадания Запрещенной субстанции в свой организм. Данное правило в ряде решений CAS (Спортивный арбитражный суд) получило название принципа Строгой ответственности, который в области профессиональной деятельности принят к применению во многих развитых странах. В итоге Спортсмены могут нести ответственность за сам факт обнаружения во взятых у них Пробах любой Запрещенной субстанции, а также ее Метаболитов или Маркеров. При этом предписания ст. 2.1 позволяют при установлении нарушения не доказывать намерение, Вину, небрежность или осознанное Использование Спортсменом Запрещенной субстанции (сохранено оригинальное написание. — В.К.).

Из официальных данных ВАДА следует, что в 2013 г. российскими спортсменами было допущено 184 нарушения антидопинговых правил, или 1,3% от общего количества проб (14582). В отношении спортсменов Китая при сопоставимом количестве взятых проб (13364) было выявлено 27 нарушений, что составило 0,2%⁸.

При анализе соотношения выявленных нарушений антидопинговых правил и зарегистрированных преступлений (правонарушений), которыми определяется уровень латентности общественно опасного (вредного) деяния, необходимо также учитывать особенности описания его признаков в норме статьи закона, устанавливающей ответственность за совершение рассматриваемого деяния.

Согласно названию ст. 6.18 КоАП РФ, административная ответственность наступает за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним. Однако из определенных ч. 3 ст. 26 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 5 декабря 2017 г.)⁹ восьми видов нарушений антидопинговых правил, а адми-

⁸ \$10 000 000 за 267 дисквалификаций. URL: <http://www.sport-express.ru/doping/reviews/1006341/> (дата обращения: 06.06.2018).

⁹ См.: Российская газета. 2007. 8 дек.; 2017. 8 дек.

нистративная ответственность наступает лишь за один вид нарушений. К нему относится использование в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода независимо от согласия спортсмена либо в содействии в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода.

В то же время Кодекс ВАДА содержит 10 видов нарушений антидопинговых правил, и ни один из них не подходит под строгое описание нарушений, предусмотренных диспозициями статей указанных закона и кодекса об административных правонарушениях.

Помимо наличия материально-правовых оснований административной ответственности также следует учитывать процессуальные требования привлечения к ней, в частности, к пределам установленного законом срока давности. По общему правилу, течение срока начинается с момента совершения правонарушения, а при длящемся правонарушении — со дня обнаружения административного правонарушения (ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ). Однако за административные правонарушения, предусмотренные ст. 6.18 КоАП РФ, в части использования запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода срок давности начинает исчисляться со дня получения общероссийской антидопинговой организацией заключения лаборатории, аккредитованной Всемирным антидопинговым агентством, подтверждающего факт использования спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода (ч. 5.1 ст. 4.5 КоАП РФ)¹⁰.

Между тем, согласно ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев со дня совершения административного правонарушения. При этом за нарушение законодательства РФ об охране здоровья граждан, законодательства о физической культуре и спорте (в части, касающейся нарушения требований к положениям (регламентам) об официальных спортивных соревнованиях) — по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

Однако практика деятельности международных спортивных организаций свидетельствует, что факт использования запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода может устанавливаться далеко за пределами срока привлечения к административной ответственности. Например, 28 мая 2016 г. Международный Олимпийский комитет (МОК) официально уведомил Олимпийский комитет России о том, что по результатам перепроверки допинг-проб, взятых во время проведения Олимпийских Игр 2012 г. в Лондоне, положительный результат дали восемь проб «А» российских спортсменов в трех видах спорта¹¹. При данных временных обстоятельствах правомерность возбуждения производств по делу об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.18 КоАП, выглядит далеко не очевидной. И это, в какой то мере объясняет отсутствие фактов выявленных правонарушений при наличии положительных допинг-проб.

Ситуация в сфере уголовно-правовой ответственности за нарушение антидопинговых правил еще больше усложнена, поскольку определяется исключительно действиями третьих лиц в отношении использования спортсменом

¹⁰ Обзор Кемеровского областного суда от 27 февраля 2015 г. № 08-22/179 «Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, рассмотренных судьями Кемеровской области в 2014 г.». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Официальное заявление ОКР. URL: <http://www.olympic.ru/news/news-russia/main/oficialnoe-zaiavlenieokp/> (дата обращения: 06.06.2018).

«субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте». Причем по своему содержанию данные действия лишь в незначительной степени охватываются понятием «допинг».

Поскольку административно-правовая ответственность наступает в случаях, когда подлежащие квалификации «действия не содержат уголовно наказуемого деяния», проведение сравнительно-правового анализа норм кодексов об административных правонарушениях и уголовного права позволит исключить конкуренцию норм ответственности за нарушение антидопинговых правил и лучше понять их содержание.

Примечанием 1 к ст. 230.1. УК РФ определено, что «под склонением спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, в настоящей статье понимаются любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов».

Согласно примечанию 2 к ст. 6.18. КоАП РФ, «под содействием в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода в настоящей статье понимаются любые действия, способствующие использованию запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе советы, указания, предоставление информации, предоставление запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранение препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов, а также сокрытие следов использования запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода».

Как видно из приведенного текста статей законов в части буквального совпадения описываемых деяний, установить правовые признаки, позволяющие правильно квалифицировать деяния в качестве административного правонарушения в виде содействия или преступления в виде склонения, крайне сложно. Также представляется затруднительным провести бесспорную квалификацию склонения путем высказывания предложений, учитывая, что по своему содержанию данное деяние во многом совпадает с дачей советов.

Диспозицией основного состава ст. 230.2. УК РФ установлено, что преступлением является «использование в отношении спортсмена независимо от его согласия тренером, специалистом по спортивной медицине либо иным специалистом в области физической культуры и спорта субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте».

Согласно диспозиции ст. 6.18. КоАП РФ, правонарушением является «нарушение тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним, выразившееся в использовании в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода независимо от согласия спортсмена либо в содействии в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Сравнение приведенных частей рассматриваемых статей свидетельствует об их полной содержательной и текстуальной тождественности, что не позволяет определить способы преодоления конкуренции норм административного и уголовного законодательств, которые еще предстоит устанавливать.

Однако, как показывает анализ содержания диспозиций статей, наибольшая правовая неопределенность обуславливается не признаками объективной стороны противоправных деяний, а признаками предметов, в отношении которых данные деяния совершаются.

Предметом правонарушения, предусмотренного ст. 6.18. КоАП РФ, является запрещенная субстанция и (или) запрещенный метод. Под ними, согласно примечанию 1 к данной статье, понимаются субстанция и (или) метод, включенные в перечни, утвержденные федеральным органом исполнительной власти в сфере физической культуры и спорта. Последняя редакция указанных перечней утверждена приказом Минспорта России от 6 декабря 2017 г. № 1052 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте»¹².

Предметом преступлений, предусмотренных ст. 230.1. и 230.2. УК РФ, являются субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, перечень которых утвержден постановлением Правительства РФ от 28 марта 2017 г. № 339 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» (примечание 2 к статье 230.1. УК РФ).

С логико-правовой точки зрения, предметы рассматриваемых правонарушений и преступлений должны обладать полной формально-смысловой тождественностью, поскольку определяются общим содержанием Запрещенного списка ВАДА. Однако при строгом их законодательном рассмотрении обнаруживаются нормативные различия, которые в ряде случаев исключают возможность конкуренции норм по данным признакам, обеспечивая им исключительно самостоятельное правоприменение.

Содержательные различия Перечней Минспорта России и Запрещенного списка ВАДА незначительны и выражаются в следующем: в названиях группировок субстанций и методов — «список» и «перечни»; в нумерации разделов Перечней, например 2, 2.1, 2.1.1.; в редакции отдельных словосочетаний («не запрещено» в Перечнях и «за исключением» в Списке) и т.д.

Наиболее существенные различия касаются аутентичности положений. Например, в разделе 5 «Диуретики и маскирующие агенты (S5)» Перечней определяют: «обнаружение в пробе спортсмена в соревновательный или **внесоревновательный период** любого количества субстанций, разрешенных к применению при соблюдении порогового уровня концентрации,... — будет считаться неблагоприятным результатом анализа, если только у спортсмена нет **одобренного запроса** на терапевтическое использование этой субстанции в дополнение к разрешению на терапевтическое использование диуретика». В аналогичном разделе Списка ВАДА «неблагоприятный результат анализа» определяется при обнаружении субстанции «**в любое время** или в соревновательный период **в зависимости от ситуации**», «если только у спортсмена нет **одобренного разрешения** на терапевтическое использование этой субстанции...». Подобные разночтения

¹² URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2018).

способны формировать неодинаковые подходы при квалификации нарушений антидопинговых правил на внутрироссийском и международном уровнях.

Также сомнительной следует признать редакцию фразы перечней «в том числе» вместо «включая, но не ограничиваясь», примененной в списках, поскольку при подобном написании перечень запрещенных к использованию субстанций становится закрытым.

По отношению к Запрещенному списку ВАДА перечень Правительства РФ сформирован по выборочному принципу, поэтому расхождения между ними и перечнями Минспорта РФ весьма существенны. Так, использовано иное название группировок субстанций и методов — «перечень»; применено дублирование названий химических соединений перечня Правительства РФ по правилам ИЮПАК (IUPAC); названия химических соединений из перечня Правительства РФ русифицированы, притом что некоторые из них сохраняют латинское написание и т.п.

В целом, перечень Правительства РФ является самостоятельным документом, сформированным на основе Запрещенного списка ВАДА. Путем исключения оговорок «а также метаболиты и изомеры», «включая, но не ограничиваясь», «подобные субстанции», «например», а также раздела S0 Запрещенного списка ВАДА перечень максимально конкретизирован и расширительному толкованию не подлежит.

Однако в рассматриваемый перечень не включены гормоны и модуляторы метаболизма (пп. 1–3 разд. S4), в том числе получивший мировую известность «мельдоний», а также «триметазидин». Из перечня Правительства РФ изъяты такие разделы Запрещенного списка ВАДА, как «Бета-2-агонисты» (S3); «Субстанции и методы, запрещенные в соревновательный период» (S6-S9); «Субстанции, запрещенные в отдельных видах спорта» (P1); метод «фальсификация» из раздела «Химические и физические манипуляции» (M2). По названию, составу включенных субстанций и содержанию раздел 2 «Пептидные гормоны, факторы роста и миметики (S2)» перечня Правительства РФ отличается от аналогичного раздела Запрещенного списка ВАДА. Также важным является то, что данный перечень, в отличие от ежегодно обновляемых рассмотренных перечней и списка, продолжает оставаться неизменным, еще более утрачивая актуальность.

Подобная избирательность в установлении предмета преступлений означает, что склонение к использованию целого ряда субстанций, которые по нормам международного права и российского законодательства являются запрещенными, таковыми с точки зрения уголовного закона не признаются. Соответственно, действия, направленные на распространение путем использования опасных для населения запрещенных субстанций и методов, влекущие для здоровья спортсмена тяжкие последствия и его пожизненную профессиональную дисквалификацию, общественно опасными являться не будут. Поэтому склонение, например, к использованию протеазных ферментов (раздел M2 Запрещенного списка ВАДА) для изменения свойств мочи в целях затруднения анализа преступным считаться не может.

Подводя итог рассмотренным вопросам, можно утверждать, что законодательство в сфере противодействия распространению допинга действительно нуждается в усовершенствовании. И, прежде всего, в направлении его большего соответствия нормам международного права, путем включения прямых отсылок к конкретным международным актам.

Библиографический список

1. Кошаева Т.О., Ямашева Е.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушения законодательства о допинге // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 97–105.

References

1. Koshaeva T.O., Yamasheva E.V. To the Question of Establishing Criminal Liability for Violations of the Law on Doping // Journal of Russian law. 2017. No. 6. P. 97–105.

УДК 343.8(094)

Н.И. Насиров

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ИХ СОДЕРЖАНИЕ

Введение: определение содержания целей, стоящих перед уголовно-исполнительным законодательством России, важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Такая объективная необходимость заключается в том, что названия целей УИК РФ имеют сходства с наименованиями некоторых целей, стоящих перед уголовным наказанием и иными мерами уголовно-правового характера. При этом законодателем не раскрываются сущностные и другие отличительные признаки дефиниции этих целей. Это в конечном итоге приводит к тому, что в юридической литературе в их содержании закладываются различные научные идеи. Указанное обстоятельство не позволяет в должной мере познать социально-позитивный результат действия уголовно-исполнительного законодательства России. **Цель:** разработка теоретического обоснования социально-позитивного результата действия уголовно-исполнительного законодательства России и механизма его обеспечения. Указанная цель достигается путем решения основных задач: раскрыть содержание целей, сформулированных перед УИК РФ, проследить их соотношение с одноименными целями, стоящими перед некоторыми институтами УК РФ; выработать научные предпосылки, позволяющие уточнить социально-позитивный результат действия уголовно-исполнительного законодательства России; определить и раскрыть содержание механизма обеспечения социально-позитивного результата действия уголовно-исполнительного законодательства России. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучные (юридико-догматический) методы. **Результаты:** установлено существующее единство и взаимосвязь между предупредительными целями уголовного наказания, принудительной мерой медицинского характера, соединенной с исполнением наказания и УИК РФ. Они (сходство и взаимосвязь) выражаются в удержании лица, ранее нарушившего обязанность по воздержанию от совершения преступления, от повторного посягательства на охраняемые уголовным законом объекты. Доказано, что служебная роль уголовно-исполнительного законодательства России заключается в обеспече-

© Насиров Немэт Интигам оглы, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: naymat@mail.ru

© Nasirov Nemet Intigam ogly, 2019

Candidate of Law, Associate professor, Associate professor of the Criminal and criminal-executive law department (Saratov State Law Academy)

нии достижения целей, стоящих перед исполняемыми уголовными наказаниями и иными мерами уголовно-правового характера. **Выводы:** правильное определение цели уголовно-исполнительного законодательства позволит не только теоретически точно осмыслить его предназначение, но и задать конкретные направления эффективного применения норм и положений всей отрасли права.

Ключевые слова: цели уголовно-исполнительного законодательства России, цели наказания, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений, исполнение наказания, отбывание наказания.

N.I. Nasirov

AIMS OF PENAL LEGISLATION OF RUSSIA AND THERE CONTENT

Background: determining the content of the objectives of the criminal and criminal-executive legislation of Russia is important not only from a theoretical but also from a practical point of view. This objective need is that the names of the goals of the criminal code have similarities with the names of some goals facing criminal punishment and other measures of a criminal law nature. At the same time, the legislator does not disclose the essential and other distinctive features of the definition of these goals. This ultimately leads to the fact that in the legal literature there are various scientific ideas in their content. The specified circumstance does not allow to know in due measure socially-positive result of action of the criminal executive legislation of Russia. **Objectives:** development of theoretical substantiation of the socially positive result of the action of the penal legislation of Russia and the mechanism for its provision. This goal is achieved by solving the main tasks: to reveal the content of the goals formulated by the Penal Code of the Russian Federation, to trace their relationship with the goals of the same name that are set before some institutions of the Criminal Code of the Russian Federation; to work out scientific prerequisites for clarifying the socially positive result of the Russian criminal and penal legislation; determine and disclose the content of the mechanism for ensuring a socially positive result of the operation of the penal of Russia. **Methodology:** general scientific (dialectic, analysis, comparison) and particular scientific (legal dogmatic) methods. **Results:** the existing unity and interrelation between the preventive purposes of criminal punishment, compulsory medical measure connected with execution of punishment, and the criminal code of the Russian Federation is established. They (similarity and interrelation) are expressed in retention of the person who has earlier violated the obligation to abstain from Commission of crime, from repeated encroachment on the objects protected by the criminal law. It is proved that the official role of the criminal Executive legislation of Russia is to ensure the achievement of the goals facing the executed criminal penalties and other measures of criminal law. **Conclusions:** the correct definition of the purpose of the penal enforcement legislation will not only theoretically accurately understand its purpose, but also to set specific directions for the effective application of the norms and provisions of the entire branch of law.

Key-words: aims of the penal legislation of Russia, purpose of punishment, correction of the convict, prevention of the commission of new crimes, execution of punishment, serving of punishment.

Уголовно-исполнительное законодательство России, являясь одной из фундаментальных отраслей права, призвано регламентировать отношения, возникающие в связи и в процессе исполнения, отбывания уголовных наказаний, а также иных мер уголовно-правового характера. Впервые отечественный законодатель

перед данной отраслью права, в отличие ранее существовавших пенитенциарных законов, сформулировал конкретные цели. Данную нормотворческую инициативу в части формального оформления целей уголовно-исполнительного законодательства следует оценивать положительно. Как по этому поводу указывал в свое время К. Маркс, «действие без цели есть бесцельное, бессмысленное действие» [1, с. 258]. Цель любого законодательства, в том числе пенитенциарного, указывает на тот социально-позитивный результат, на достижение которого направлены само существование закона и практика его применения.

В действующем Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее — УИК РФ) закреплены две цели: 1) исправление осужденных; 2) предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Их наименования дублируют названия целей, стоящих перед уголовным наказанием (ч. 2 ст. 43 УК РФ) и принудительными мерами медицинского характера (ст. 98 УК РФ). Такие обстоятельства породили дискуссию в научной среде относительно того, насколько верно сформулированы цели УИК РФ. Так, А.К. Теохаров считает, что «унификация целей уголовно-исполнительного законодательства и наказания недопустима, тем самым нарушается логическая форма законодательной техники, так как разные по правовой природе категории не могут иметь схожие цели. В связи с этим, цели обозначенные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, свойственны исключительно уголовному наказанию» [2, с. 156]. Противоположной позиции придерживается С.А. Ветошкин, который полагает, что объединение целей уголовного наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства на этой основе вполне закономерно и обосновано, т.к. исполнение уголовного наказания не может быть отделено от целей уголовного наказания [3, с. 89].

По мнению Ю.В. Баранова, множество целей может препятствовать эффективному продвижению к ним, поскольку возникают вопросы о приоритете той или иной цели, совместимости их друг с другом и т.д. В связи с чем, автор приходит к выводу о целесообразности закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве всего одной цели — ресоциализации [4, с. 9–10].

В юридической литературе также высказаны суждения о необходимости дополнения ч. 1 ст. 1 УИК РФ целями восстановления социальной справедливости и социальной реабилитации осужденных [3, с. 89; 5, с. 78].

Довольно интересная, в тоже время оригинальная, позиция о целевой направленности уголовно-исполнительного законодательства высказана разработчиками научно-теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, которая определена как «обеспечение достижения закрепленных уголовным законодательством Российской Федерации целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами». При этом, обеспечение достижения исправления осужденных выделяется в качестве приоритетной целью уголовно-исполнительного законодательства России [6, с. 42–43].

Как видим, обращение к доктрине по уголовно-исполнительному праву не дает возможности обнаружить единства ни по количеству, ни по целесообразности закрепления тех или иных целей в уголовно-исполнительном законодательстве. Отсутствие единого общепринятого подхода порождает необходимость осмысле-

ния целей, сформулированных норматворцем перед отечественным уголовно-исполнительным законодательством России.

Понятие «исправление осужденных», в отличие от «предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами», получило нормативное закрепление в ч. 1 ст. 9 УИК РФ. Согласно данной уголовно-исполнительной норме «исправление осужденных — это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Прочитанная пенитенциарная норма, позволяет усомниться в категории «исправление осужденных» в качестве цели. Это связано с тем, что законодательное определение понятия «исправление осужденных» не соответствует семантическому значению термина «цель». Так, в словаре Русского языка слово «цель» трактуется как «то, к чему стремятся, что надо осуществить» [7, с. 854]. Значение термина «цель» в Словаре по этике определяется как «желаемый и проектируемый результат предпринимаемого действия или проступка» [8, с. 388].

Обращение к справочным изданиям показывает, что в них при разъяснении термина «цель», акцент делается на будущий результат. В связи с чем, можно утверждать о том, что в законодательном определении понятия исправление осужденных, речь, скорее всего, идет не о результате, а о некоем процессе — «формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, ... стимулирование правопослушного поведения». Действительно, исправительное воздействие на осужденного осуществляется на протяжении всего срока назначенного судом наказания или примененной иной меры уголовно-правового характера с помощью таких средств как: режим, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение, общественное воздействие.

Если признать категорию «исправление осужденного» не как цель УИК РФ, а как процесс, осуществляемый в рамках уголовно-исполнительных правоотношений, то становится ясно, что сам исправительный процесс предназначен для обеспечения достижения «какого-то» будущего социально-полезного результата. В этой связи возникает резонный вопрос: какой социально-полезный результат предполагает действие уголовно-исполнительного законодательства России? Ответ на данный вопрос предполагает теоретическое осмысление содержания второй цели уголовно-исполнительного законодательства России.

Сформулированная законодателем перед УИК РФ вторая цель, направлена на предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В теории уголовно-исполнительного права указанная цель чаще всего рассматривается в двух аспектах: 1) специальное предупреждение — недопущение совершения преступлений осужденными; 2) общее предупреждение — недопущение совершения преступлений другими лицами [9, с. 16–17; 10, с. 46–49; 11, с. 11; 12, с. 245; 13, с. 48–49]. Аналогичную позицию в юридической литературе можно проследить и относительно предупредительной цели уголовного наказания [14, с. 173; 15, с. 31–34; 16, с. 447–448; 17, с. 250; 18, 75–77; 19, с. 204–205]. При этом, некоторые авторы признают, что законодатель в ч. 2 ст. 43 УК РФ указанную цель наказания сформулировал без ее дифференциации на специальную и общую. Вместе с тем, они полагают, что наличие общей и специальной превенции в ч. 2 ст. 43 УК РФ подразумевается [10, с. 46] или рекомендуют нормативно закрепить такое ее деление [14, с. 173–174; 20, с. 8].

Если относительно адресата специального предупреждения совершения преступлений все ученые солидарны и таковым признают лицо, совершившее преступление или осужденное, то единая позиция относительно адресата общей превенции в юридической литературе отсутствует. Так, в качестве адресатов, на которых направлены общепредупредительные воздействия наказания и уголовно-исполнительного законодательства, называют неустойчивых членов общества [21, с. 283], лиц [18, с. 77], людей [16, с. 448], граждан [22, с. 5; 9, с. 245], либо всех членов общества [17, с. 252].

Заметим, что дифференциация предупреждения преступлений на частное и общее находит поддержку не у всех ученых (Б.Т. Разгильдиев, А.Г. Блинов). В частности отмечается, что предупреждение преступления носит персонифицированный характер и состоит в удержании правоисполнителя (правоисполнитель — это гражданин, обязанный воздерживаться от совершения преступления) [23, с. 207–216] от совершения общественноопасного деяния посредством привлечения его к уголовной ответственности [24, с. 114–117; 25, с. 174].

Относясь с уважением к вышеизложенным суждениям и позициям, а также и к их авторам, которые внесли существенный вклад в разработку теорию предупреждения преступлений, полагаем, что высказанные мнения требуют некоторых уточнений.

Анализ УК РФ и УИК РФ показывает, что в них понятие предупреждения преступлений употребляется в четырех, пусть и взаимосвязанных, но автономных значениях, а именно: как задача уголовного закона (ч. 1 ст. 2 УК РФ), цель уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), цель принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК РФ) и цель уголовно-исполнительного законодательства (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Такое обстоятельство дела создает «искусственное впечатление» о том, что в указанных положениях УК РФ и УИК РФ речь идет об одном и том же правовом явлении. Вместе с тем, внимательное ознакомление с указанными отраслями законодательства показывает, что это не совсем так.

Законодатель при обозначении предупредительного потенциала УК РФ в целом и некоторых его институтов (уголовное наказание и принудительных мер медицинского характера) в частности употребляет разные словосочетания. Так, при описании предупредительной задачи уголовного закона говорится «предупреждение преступлений», а при обозначении предупредительной цели уголовного наказания и принудительных мер медицинского характера — «предупреждение совершения новых преступлений и деяний». Как видим, в первом случае речь идет о предупреждении преступлений вообще, а во втором случае только о предупреждении новых общественно опасных деяний.

Удержание правоисполнителей от совершения преступления выступает социально-позитивным результатом действия отечественного уголовного закона и носит неперсонифицированный характер. Оно заключается в удержании всех вменяемых физических лиц, достигших возраста уголовной ответственности, от совершения преступления. В таком случае, уголовный закон возлагает на каждого такого гражданина уголовно-правовую обязанность — воздерживаться от посягательств на охраняемые уголовным законом объекты. Предупредительная задача уголовного закона обеспечивается не только наличием института наказания, но и другими нормами и положениями Общей и Особенной частей УК РФ. Скажем, нормативное оформление в уголовном законе дефиниций, отражающих понятия преступления, закрепление признаков конкретных его видов в диспо-

зициях норм Особенной части УК РФ и определение санкции за их совершение, также выступают одними из удерживающих граждан от совершения преступлений средствами. Провозглашение того факта, что определенное поведение или деятельность объявляются преступлениями и за их осуществление установлена уголовная ответственность в конкретной форме и объеме, имеет непосредственное отношение к решению предупредительной задачи УК РФ. В таком случае, часть граждан воздерживается от совершения преступления сознательно-добровольно (их воззрения совпадают с требованиями УК РФ), а другая часть — сознательно-принудительно, под угрозой уголовной ответственности (из страха быть подвергнутым наказанию).

Обеспечение предупредительной задачи уголовного закона также возможно посредством и других его институтов. Например, в юридической литературе немаловажную роль в удержании граждан от совершения преступления отводят институту необходимой обороны. В частности, отмечается, что «будучи общественно-полезной деятельностью, предотвращение гражданами общественно опасных посягательств непосредственно на основе права на необходимую оборону является одной из важнейших форм активного участия граждан в предупреждении...преступлений» [26, с. 97]. Действительно, наделение лица правом на необходимую оборону может оказывать предупредительный эффект на сознание людей, склонных к удовлетворению личных потребностей криминальным путем. Указанная категория граждан информируется о том, что в случае посягательства на охраняемые уголовным законом объекты, отрицательная реакция будет выражаться не только в виде юридических последствий (напр., привлечение к уголовной ответственности), но и в виде причинения разрешенного УК РФ вреда со стороны обороняющегося лица.

Предупредительные цели уголовного наказания и принудительных мер медицинского характера, в отличие от одноименной задачи уголовного закона, носят персонифицированный характер — реализуются в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, посредством применения к нему наказания и (или) принудительных мер медицинского характера. Их суть состоит в удержании лица не от совершения преступления вообще, а от совершения нового (повторного, последующего) запрещенного уголовным законом деяния. Оно реализуется в принудительном порядке с возложением на такое лицо обязанности понести уголовную ответственность и (или) соблюдать условия принудительных мер медицинского характера.

Таким образом, можно утверждать, что общей превенцией обладает только предупредительная задача уголовного закона, а частной — предупредительные цели уголовного наказания и принудительных мер медицинского характера. Общая и частная превенции не только отличаются своими адресатами воздействия, но и реализуют себя посредством разных формул. Так, общая превенция реализует себя через формулу «удержание правоисполнителя *от перехода* на криминальный путь», а частная превенция — «удержание правоисполнителя *от возврата* на криминальный путь».

При этом, несмотря на то, что предупредительные цели уголовного наказания и принудительных мер медицинского характера законодателем сформулированы автономно, в ряде случаев, они могут «разбавляться» между собой. Скажем, если принудительная мера медицинского характера не соединена с исполнением наказания, то ее предупредительная цель может достигаться самостоятельно за

счет излечения или улучшения психического состояния лица, совершившего деяние, запрещенное УК РФ. Другое дело, когда лицу, совершившему преступление в состоянии вменяемости, но нуждающемуся в лечении психических расстройств (не исключающих вменяемости), суд наряду с наказанием назначает принудительную меру медицинского характера. Это свидетельствует о том, что применение в отношении таких лиц принудительной меры медицинского характера не достаточно для удержания их от совершения новых преступлений, следовательно, на таких преступников должно дополнительно оказываться пенитенциарное воздействие. В этом случае, улучшение психического состояния осужденного лица, выступает дополнительным средством для успешного достижения предупредительной цели исполняемого уголовного наказания.

Высказанное суждение для уголовно-исполнительных правоотношений имеет ключевое значение. Полагаем, что между предупредительными целями уголовного наказания, принудительной мерой медицинского характера, соединенной с исполнением наказания, и уголовно-исполнительным законодательством существует единство. Такой вывод подтверждается тем, что они направлены на один и тот же результат — удержание лица, ранее нарушившего обязанность по воздержанию от совершения преступления, от повторного посягательства на охраняемые уголовным законом объекты. Тот факт, что в ч. 1 ст. 1 УИК РФ речь идет о предупреждении совершения новых преступлений как *осужденными*, так и *иными лицами*, не умаляет персонифицированный характер указанной цели. В данном случае, указанная цель реализуется в отношении одного и того же адресата, но в разных временных рамках. Лицо, ранее совершившее преступление, удерживается от его повторного совершения, как в период отбывания наказания и (или) получения психиатрических услуг, так и после утраты им статуса осужденного и (или) пациента.

Целесообразность постановки перед уголовно-исполнительным законодательством России такой цели как предупреждение совершения новых преступлений у нас вызывает сомнения. Это связано с тем, что сущность и непосредственный механизм достижения предупреждения совершения новых преступлений обладают уголовно-правовыми природами. Именно уголовное материальное право определяет понятие преступления и формирует правовой механизм удержания лиц от его совершения.

Вышеизложенное вовсе не означает, что отечественное уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения не могут быть причастны к обеспечению достижения таких целей назначенного судом уголовного наказания и примененной принудительной меры медицинского характера, соединенной с исполнением наказания, как предупреждение совершения новых преступлений. Наоборот, достижения указанных целей в рамках пенитенциарных правоотношений возможно посредством, во-первых, ограничением возможности осужденного совершить новое преступление (изоляция, охрана, надзор и т.д.), во-вторых, улучшением психического состояния осужденного и (или) формирования у личности социально ориентированных ценностей, позволяющих ей вести сознательно-законопослушный образ жизни как в период отбывания наказания, так и после освобождения от его отбывания [27, с. 376–378]. Иными словами, в рамках уголовно-исполнительных правоотношений, удержание осужденного от совершения повторного преступления может обеспечиваться, с одной стороны,

посредством применения к нему юридических средств (исправительное воздействие), с другой — медицинских средств (улучшение психического состояния).

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что служебная роль уголовно-исполнительного законодательства России состоит в обеспечении достижения целей, стоящих перед исполняемыми уголовными наказаниями и иными мерами уголовно-правового характера: исправление осужденных и удержания их от совершения нового преступления.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 1. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 696 с.
2. Теохаров А.К. О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9 (70) сентябрь. С. 151–158.
3. Ветошкин С.А. Определение целей российского уголовно-исполнительного законодательства // Теория и практика современной юридической науки: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Самара, 2015. С. 87–91.
4. Баранов Ю.В. О целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1 (76). С. 8–10.
5. Шадрин Е.Г. Взаимосвязь уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права (проблемы согласования и рассогласования) / отв. ред. Малков В.П.; науч. ред. Тимирязов В.Г. Казань: Таглимат, 2006. 164 с.
6. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. 328 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М.: Оникс, 2008. 976 с.
8. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. 6-е изд. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
9. Бочарова О.В. Уголовно-исполнительное право: учебное пособие. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2009. 140 с.
10. Конегер П.Е., Рыбак М.С. Уголовно-исполнительное право: курс лекций. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. 284 с.
11. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу российской Федерации (по сост. на 1 ноября 2006 г): учебное пособие / под общ. ред. А.Я. Гришко; науч. ред. С.Я. Лебедев. М.: Илекса, 2006. 688 с.
12. Российский курс уголовно-исполнительного права: в 2-х т. Т. 1: Общая часть: учебник / Е.А. Антоян, Ю.М. Антоян, С.А. Борсученко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М.: Элит, 2012. 696 с.
13. Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 576 с.
14. Кернаджук И.В., Кулеш Е.А., Самойлюк Н.В. К вопросу о целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4 (81). С. 170–176.
15. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник: в 3 т. Т. 1: общая часть / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. 720 с.
16. Стромов В.Ю. Цели наказания и совершенствования эффективности их реализации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 4 (44). С. 443–450.
17. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 442 с.

18. *Чучаев А.И.* Наказание в уголовном праве России: антология идей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 7. С. 51–78.
19. *Якушин В.А.* Еще раз о целях наказания // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 2. 2018. Т. 1. С. 199–206.
20. *Полубинская С.В.* Соотношение общего и специального предупреждения как целей наказания: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1987. 23 с.
21. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Л.А. Прохоров, Н.А. Лопашенко, Ю.И. Бытко и др.; под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 1997. 432 с.
22. *Салихов К.* Цели наказания в советском праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1951. 24 с.
23. *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1995. 320 с.
24. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. Т. 1, кн. 1. 320 с.
25. *Блинов А.Г.* Предупреждение преступлений и его уголовно-правовое содержание // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 1. С. 171–176.
26. *Бахышов Ф.Г.* К вопросу об уголовной ответственности за умышленное убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны // Бизнес в законе. 2010. № 2. С. 97–99.
27. *Насиров Н.И.* Пенитенциарное воздействие на осужденных, его структура и содержание // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам I Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 31 марта – 1 апреля 2016 г.) / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. 392 с.

References

1. *Marx K., Engels F.* Compositions. Т. 1. 2nd ed. М.: State publishing house of political literature, 1955. 696 p.
2. *Teokharov A.K.* On the Purposes and Function of the Penal Legislation // Actual Problems of Russian Law. 2016. № 9 (70) September. P. 151–158.
3. *Vetoshkin S.A.* Defining the Objectives of the Russian Criminal-executive Legislation // Theory and Practice of Modern Legal Science: a collection of scientific papers on the basis of the international scientific-practical conference. № 2. Samara, 2015. P. 87–91.
4. *Baranov Yu.V.* About Purposes of the Criminal and Criminal – executive Legislation // Man: Crime and Punishment. 2012. № 1 (76). P. 8–10.
5. *Shadrina E.G.* The Relationship of Criminal, Penal and Criminal Procedure Law (problems of coordination and disagreement) / responsible. ed. : Malkov V.P. ; scientific ed. : Timiryasov V.G. New Criminal Executive Code of the Russian Federation: Results and Justifications of Theoretical Modeling / by ed. V.I. Seliverstov. М. : Publishing House «Jurisprudence», 2017. 328 p.
6. General part of the new Criminal Executive code of the Russian Federation: results and substantiation of theoretical modeling / edited by V.I. Seliverstov. М.: publishing house “Jurisprudence”, 2017. 328 p.
7. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian Language: ab. 60 000 words and phraseological expressions / total. ed. by L.I. Skvortsov. -25th ed., Rev. and add. М. М.: LLC “Onyx Publishing House”: LLC “Publishing House“ Peace and Education”, 2008. 976 p.
8. Dictionary of Ethics / ed. A.A. Guseinov and I.S. Kon. 6th ed. М.: Politizdat, 1989. 447 p.

9. *Bocharova O.V.* Penal Law: textbook. Novocherkassk: SRSTU, 2009. 140 p.
10. *Koneger P.E., Rybak M.S.* Criminal – executive Law: lectures. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2007. 284 p.
11. Itemized Academic Commentary on the Criminal — executive Code of the Russian Federation (compiled as of November 1, 2006): textbook / ed. ed. AND I. Grishko; scientific ed. S.Y. Lebedev. M.: Ileksa, 2006. 688 p.
12. Russian Course of Criminal – executive Law. In 2 vol.. T. 1. The general part: the textbook / E.A. Antonyan, Yu.M. Antonyan, S.A. Borsuchenko by ed. V.E. Eminov, V.N. Orlov. M.: MGYUA of O.E. Kutafin; LLC “Publishing house“ Elite”, 2012. 696 p.
13. Criminal — executive Law of Russia: a textbook / by ed. V.I. Seliverstov. 5th ed., Revised and add. M.: Norma, 2010. 576 p.
14. *Kernadzhuk I.V., Kulesh E.A., Samoylyuk N.V.* On the Issue of the Goals of the Criminal and Penal Legislation of the Russian Federation // Power and Administration in the East of Russia. 2017. № 4 (81). P. 170–176.14. Russian Criminal Law. General and Special parts: a textbook. In 3 t. T. 1. The general part / by ed. N.A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2014. 720 p.
15. Russian criminal law. General and Special part: textbook: in 3 t. T. 1: the General part / ed. N.A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2014. 720 p.
16. *Stromov V.Yu.* Purposes of Punishment and Improvement of the Effectiveness of Their Implementation // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2006. No. 4 (44). P. 443–450.
17. Criminal Law of Russia. General part: a textbook for bachelors / resp. ed. A.I. Plotnikov. Orenburg: IPK “University” LLC, 2016. 442 p.
18. *Chuchaev A.I.* Punishment in the Criminal Law of Russia: an anthology of ideas // Bulletin of the University of O.E. Kutafin. 2015. No. 7. P. 51–78.
19. *Yakushin V.A.* Once again about the Purpose of Punishment // Bulletin of the Volzhsky University named after VN. Tatishchev. Number 2, volume 1, 2018. P. 199–206.
20. *Polubinsky S.V.* Ratio of General and Special Warning as the Purpose of Punishment: extended abstract of dis. ... of cand. of law. M., 1987. 23 p.
21. Criminal Law of the Russian Federation. General part: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty “Jurisprudence” / L.A. Prokhorov, N.A. Lopashenko, Yu.I. Bytko et al.; by ed. R.R. Galiakbarov. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 1997. 432 p.
22. *Salikhov K.* Purposes of Punishment in Soviet Law: extended abstract of dis. ... of cand. of law. M., 1951. 24 p.
23. *Razgildiev B.T.* Criminal Legal Relations and their Implementation of the Aims of the Criminal Law of the Russian Federation / by ed. N.I. Matuzov. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1995. P. 207–216.
24. Criminal Law of Russia: a course of lectures: in 6 tons / ed. B.T. Razgildiev. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy of Law, 2004. Vol. 1, Vol. 1. 320 p.
25. *Blinov A.G.* Crime Prevention and its Criminal Law Content // Library of Criminal Law and Criminology. 2018. № 1. P. 171–176.
26. *Bakhyshev F.G.* On the Issue of Criminal Liability for Premeditated Murder Committed when Exceeding the Limits of Necessary Defense // Business in Law. 2010. No. 2. P. 97–99.
27. *Nasirov N.I.* Prison Impact on the Convicts, the Structure and the Contents // Criminal Law Influence and its Role in the Prevention of Crime (I Saratov penal readings): a collection of articles on materials of I all-Russian scientific-practical conference (Saratov, 31 Mar – 1 APR 2016) / ed. N.A. Lopashenko. Saratov: publishing House of Saratov State Law Academy, 2016. 392 p

УДК 34.343.1

Е.Ф. Мельникова

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНЫХ ДОПРОСОВ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЮТСЯ МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

Введение: правовое регулирование судебных допросов лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты, представляет собой значительную актуальность, так как в действующем законе на этот счет существует пробел.

Цель: предложить меры по восполнению этого пробела в виде проекта норм, во-первых, предусматривающих изъятие из общих правил проведения судебных допросов лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты, и, во-вторых, предоставляющих государственному обвинителю и председательствующему судье права по сохранению в тайне сведений о личности допрашиваемого и о мерах государственной защиты, предпринимаемых в отношении него. **Методологическая основа:** диалектический материализм, эмпирический анализ, системное толкование действующего законодательства и правовое моделирование. **Результаты:** разработаны проекты норм, позволяющие усовершенствовать порядок ведения судебных допросов лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты. При этом законодателю предлагается по-новому урегулировать участие председательствующего судьи в формировании, при ведении судебных допросов показаний лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты. **Вывод:** повысить уровень судебного доказывания и сделать наше уголовное судопроизводство более справедливым.

Ключевые слова: допросы, суд, меры государственной защиты, показания, свидетель, государственный обвинитель, председательствующий судья.

E.F. Melnikova

THE CHARACTERISTICS OF THE JUDICIAL INTERROGATIONS OF PERSONS SUBJECTED TO MEASURES OF STATE PROTECTION

Background: the legal regulation of judicial interrogations of persons in respect of whom state protection measures are applied is of considerable relevance, since there is a gap in this law in this regard. **Objective:** to propose measures to fill this gap in the form of draft norms, first, providing for the exclusion from the General rules of judicial interrogation of persons against whom state protection measures are applied, and, secondly, granting the state Prosecutor and the presiding judge the right to keep secret information about the identity of the interrogated person and about the measures of state protection taken against him. **Methodology:** dialectical materialism, empirical analysis, systemic interpretation of current legislation and legal modeling. **Results:** draft norms have been developed to improve the conduct of judicial interrogations of persons subject to state protection measures. At the same time, the legislator is proposed to regulate in a new way the participation of the

© Мельникова Екатерина Федоровна, 2019
Адъюнкт кафедры уголовного процесса (Нижегородская академия МВД России); e-mail: efmelnikowa@yandex.ru

© Melnikova Ekaterina Fyedorovna, 2019
Associate, of the Criminal procedure department (Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation)

presiding judge in the formation, in the conduct of judicial interrogations of the testimony of persons in respect of whom state protection measures are applied. Conclusion: to increase the level of judicial evidence and make our criminal proceedings more fair.

Key-words: *interrogations, court, state protection measures, testimony, witness, public prosecutor, presiding judge*

Процедура судебных допросов лиц, к которым применяются меры государственной защиты, построена на балансе публичного и частного интересов. Противоречие этих интересов проявляется здесь достаточно остро и нелегко их примирить. Поэтому порядок допросов в суде требует целой системы продуманных правил, которой пока нет в действующем законодательстве. Норм, содержащихся в ч. 5, 6 ст. 278, ст. 278.1, 281 УПК РФ, на наш взгляд, недостаточно. Существующий механизм правового регулирования получения показаний от этой категории свидетелей требует развития.

Не мы первые обратили внимание на данную проблематику. Многие ученые делали предложения по ее решению. Наиболее продвинутыми в данном направлении можно считать наработки А.О. Машовец [1, с. 129–133], С.И. Конево [2, с. 89–90], а также авторским коллективом «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» [3, с. 68, 69]. В них спроектирована новая нормативно-правовая основа регулирования порядка получения и формирования личных доказательств в судебном следствии. Речь идет о прямом, перекрестном и иных разновидностях судебных допросов. На наш взгляд, это главная предпосылка для создания системы правил допроса в суде лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты.

С учетом вышеуказанных разработок, а также собственных эмпирических изысканий, мы попытаемся предложить проект норм, предусматривающих особенности прямых и перекрестных допросов указанных лиц.

Начать надо с вопроса о разделении и балансе полномочий субъектов судебного доказывания на проведение судебных допросов. Его решение должно быть последовательным и основано на положениях УПК РФ принципиального характера. Таковыми надо считать общие условия судебного разбирательства, а именно: состязательность, равноправие сторон (в доказывании, прежде всего), непосредственность, обеспечение прав и законных интересов участников судебного процесса, гласность (открытость). Есть и другие, но они для нашей темы не так важны, поэтому ограничимся выше названными.

Сразу надо оговориться, что важнейшими особенностями процедуры допросов интересующей нас категории свидетелей являются два момента: во-первых, ограничение открытости и, во-вторых, ограничение права стороны защиты на проведение перекрестного допроса этих лиц. Разумеется, это накладывает отпечаток на правовую организацию судебного следствия в целом по тем делам, где свидетельствуют лица, взятые под государственную защиту. А от этого зависит и тактический рисунок проведения судебных допросов и следствия по такому делу.

Начнем с состязательности и равенства сторон, как основы проведения следственных действий в судебном заседании, включая судебные допросы. В них заложен ответ на вопрос, кто главный субъект в судебном доказывании — стороны или председательствующий судья. Поскольку меры государственной защиты принимаются по общему правилу в отношении свидетелей обвинения, постольку

инициатива в реализации норм, обеспечивающих защиту этих лиц на суде, при проведении судебных допросов, должна лежать на государственном обвинителе. Он должен быть активным и через него должны запускаться все процедуры, влияющие на правовой режим судебных допросов.

Председательствующему судье, а не назначенному для поддержания государственного обвинения прокурору предоставляются личные данные лица, находящегося под защитой, и судья решает каким образом организовать дачу им показаний. При этом в полном соответствии с действующим законодательством¹ на практике именно судья получает оперативную информацию от органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, в том числе от оперативных подразделений по обеспечению государственной защиты.

Зачастую подготовка к проведению судебных допросов указанных лиц происходит при пассивности гособвинителя, который не только не имеет в своем распоряжении сведений о личности подлежащего допросу лица, значении его показаний в расследуемом деле, его роли в преступлении, отношениях с подсудимым, характере и источнике угрозы его безопасности и пр., что является весьма важным для построения обвинителем тактики прямого допроса, а еще более — тактики участия в допросе перекрестном.

Здесь, конечно, негативно проявляет себя сложившаяся система прокурорского надзора за предварительным расследованием, в которой надзирающий прокурор отстранен от непосредственного участия в расследовании, включая разрешение вопросов, связанных с обеспечением безопасности участников процесса. Еще менее бывает ознакомлен с этими обстоятельствами прокурор, назначаемый для поддержания государственного обвинения в суде, который не надзирал за органами предварительного расследования по делу.

Получается, что представитель стороны обвинения, который должен быть полностью осведомлен о своих доказательствах и их источниках, в действительности далеко не всегда является таковым. Это, разумеется, откладывает на его поведение в судебном следствии, в котором он уступает ведущую роль судье.

Нельзя не упомянуть еще об одном правовом стандарте, сложившемся в нашем уголовном процессе, который касается запрета на внесудебные контакты государственного обвинителя со свидетелем обвинения, чьи показания подлежат представлению в судебном заседании. Речь идет о подготовке каждой из сторон своих свидетелей к даче показаний в суде. Если в отношении свидетелей защиты адвокаты практикуют такого рода подготовку и практически невозможно им это запретить, то прокуроры не только не хотят, но и не могут этого делать, поскольку сложилась негативная судебная практика на этот счет².

Полагаем, что надо, руководствуясь здравым смыслом, и правильно понятыми принципами состязательности, диспозитивности, допустить практику подготовки прокурором свидетелей обвинения, находящихся под государственной

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. (зарегистрировано в Минюсте России 5 декабря 2013 г. № 30544). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 74-о07-23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

защитой, к даче показаний. Запрет на это, должен вводиться судьей индивидуально, в виду наличия исключительных обстоятельств, ссылкой на которые суд должен мотивировать подобное решение.

Именно государственному обвинителю, на наш взгляд, логичнее осуществлять взаимодействие с органами, осуществляющими оперативное сопровождение, государственную защиту свидетельствующих лиц, а также с судебными приставами и вести, таким образом, весь блок вопросов, связанных с организацией доставления в суд свидетеля, его охрану, дачей показаний в условиях отсутствия визуального контакта, принятия технических мер по изменению голоса и пр. государственного обвинителя следует считать ответственным за соблюдением законодательства о защите свидетелей обвинения. Суд отвечает за это в той мере, в какой это было потребовано прокурором.

Если же оставить то, как это делается сейчас, то судья продолжит выполнять несвойственную ему функцию обвинения. Более того, продолжится практика информирования органами, уполномоченными на ведение ОРД, судьи, ведущего уголовное дело, сведениями из непроцессуальных источников, вне судебного заседания. Такого рода «оперативная информация», поступающая судьями при организации мер защиты свидетелей, способствуют формированию обвинительного уклона. А по общему смыслу нашего уголовно-процессуального законодательства и по справедливости судья, ведущий дело, должен отстраняться от всего, что могло бы способствовать формированию у него внутреннего убеждения не из процессуальных источников в установленном кодекском порядке.

Сказанное не означает того, что председательствующий судья должен ограничиваться в уголовно-процессуальном доказывании только оценкой доказательств. Мы придерживаемся концепции о субсидиарной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании при ведении судебного следствия. Активность председательствующего будет оправданной там и тогда, когда справедливость судебного разбирательства будет поставлена под угрозу действиями или бездействием сторон. Применительно к анализируемой нами проблематике, полагаем, будет правильным наделить председательствующего судью правом поставить на обсуждение сторон вопрос о применении того или иного изъятия, предусмотренного законом, из общего порядка проведения допросов лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты.

Таким образом, одно из главных изменений в существующем порядке представления обвинительных доказательств в виде показаний лиц, взятых под государственную защиту, касается перераспределения полномочий по ведению допросов между председательствующим судьей и государственным обвинителем. Именно прокурор должен в первую очередь организовывать, готовить к допросам и проводить прямой допрос этих лиц — представляя таким путем их показания суду, другим участникам судебного следствия, и формируя обвинительное личное доказательство.

Перейдем к следующему вопросу — о порядке представления показаний данной категории свидетелей посредством прямого допроса. Мы исходим из возможности более последовательного проведения в жизнь такого условия судебного разбирательства как непосредственность, т.е. получения доказательств из их первоисточника. В нашем случае первоисточником надо считать показания, непосредственно даваемые суду самим лицом, а не передаваемые посредством

оглашения ранее данных им показаний, зафиксированных в следственном протоколе допроса.

Мы же выступаем сторонниками того, чтобы толкование смысла положений ст. 281 УПК РФ носило не расширительный, а буквальный характер. В отношении анализируемой категории свидетелей должны применяться те же самые основания замены их непосредственных допросов оглашением в судебном заседании ранее данных им показаний, что и прочих лиц, то есть указанные в ч. 2 ст. 281 УПК РФ.

Таким образом, государственный обвинитель обязан представить суду свидетеля обвинения и первым провести его допрос, который называют прямым или первоначальным допросом. В научной литературе имеется достаточное полное описание этого судебного допроса и правил его проведения. Поэтому мы ограничимся предложением тех правил, которые должны, с нашей точки зрения, применяться при проведении прямого допроса лица, находящегося под государственной защитой.

1. Государственный обвинитель вправе заявить ходатайство перед судом о проведении допроса свидетеля обвинения, в отношении которого применяются меры государственной защиты, в особом порядке. Этот порядок может включать в себя такие меры: а) исключение визуального контакта с допрашиваемым; б) создание помех при передаче голосового сообщения, препятствующих отождествлению лица по голосу; в) предоставление прокурору права прервать показания, запретить отвечать на вопрос допрашиваемому, если это сопряжено с угрозой получения информации, опасной для самого отвечающего, его родственников, близких ему людей, а также их имуществу; г) предоставление прокурору вмешиваться в допрос для устранения угрозы оглашения тайны, касающейся организации и принятию мер по применению мер государственной защиты в отношении допрашиваемого свидетеля обвинения.

2. Государственный обвинитель вправе заявить ходатайство перед судом об отказе от допроса и допущении вместо этого оглашения ранее данных лицом показаний, воспроизведении аудио- или видеозаписи его показаний в виду неустранимости иным способом угрозы его жизни, безопасности его здоровья, имущества и возможности обеспечить тайну его персональных данных только таким образом.

3. Государственный обвинитель вправе заявить ходатайство перед судом о разрешении ему в виде исключения постановку «направляющих вопросов» по тем обстоятельствам, освещение которых сопряжено с угрозой раскрытия личности допрашиваемого

Обратимся теперь к третьему вопросу, подлежащему освещению в рамках затронутой проблематики, а именно: об особенностях перекрестного допроса лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты.

Как известно из научно-учебной литературы [4, с. 9, 18–19], перекрестный допрос — это средство исследования, проверки показаний, которые были даны на прямом допросе. В предмет перекрестного допроса входит и исследование личности допрашиваемого, его способности давать достоверные показания.

Учитывая то, что персональные данные засекречены, перекрестный допрос носит ограниченный характер, как минимум в данной части. Ответственным за соблюдение данного ограничения, на наш взгляд, должен считаться государственный обвинитель. Хотя традиционно у нас это берет на себя председательствующий.

Возможно, у большинства теоретиков и практикующих юристов наша позиция вызовет возражение, но мы считаем, что председательствующий по своей инициативе не должен вмешиваться в допрос с целью сохранения в тайне сведения о личности допрашиваемого или сведения, ставящие под угрозу его безопасность. При обычном ведении перекрестного допроса сторона, чей свидетель допрашивается, вправе ходатайствовать о снятии вопросов и другим образом пытаться пресечь злоупотребления своими правами допрашивающим. Но здесь, в виду специфики предмета допроса, полномочия гособвинителя по контролю действий своего процессуального противника должны быть усилены.

Приведем правила проведения перекрестного допроса анализируемой категории свидетелей.

1. После изъявления стороной защиты желания провести перекрестный допрос государственный обвинитель полномочен заявить ходатайство о запрете любых вопросов, прямо или косвенно направленных на исследование данных личности допрашиваемого и наделении его правом контролировать соблюдение этого запрета. Данный запрет, на наш взгляд, включает в себя: а) запрет на постановку вопросов, направленных на установление личности допрашиваемого; б) запрет на постановку любых вопросов, создающих угрозу его личной безопасности, безопасности его близких, а также его и их имуществу.

2. По требованию прокурора ему могут быть предоставлены судом такие права: а) право переформулировать вопросы, задаваемые допрашиваемому стороной защиты или другими участниками процесса, которым он может воспользоваться в любой момент проведения перекрестного допроса; б) право прервать показания допрашиваемого или освободить допрашиваемого от обязанности отвечать на вопрос, если это сопряжено с угрозой получения информации, опасной для самого отвечающего, его родственников, близких ему людей, а также их имуществу.

3. Председательствующий по ходатайству или с согласия прокурора может наблюдать за ведущим перекрестный допрос — соблюдает ли тот запрет на выяснение тайны личности допрашиваемого а также тайну других сведений, составляющих охраняемую законом тайну, связанную с принятием мер государственной защиты.

4. Председательствующий вправе по ходатайству государственного обвинителя прекратить полностью перекрестный допрос свидетеля обвинения под госзащитой, если убедится в том, что его направленность противоречит интересам правосудия и не служит выяснению фактических обстоятельств дела.

Реализация наших предложений, надеемся, повысит уровень судебного доказывания и сделает наше уголовное судопроизводство более справедливым.

Библиографический список

1. *Машовец А.О.* Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты. М.: Юрлитинформ, 2016. 456 с.
2. *Конева С.И.* Допросы в уголовном суде: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 407 с.
3. *Александров А.С., Ковтун Н.Н.* и др. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментариев к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.

4. *Александров, А.С., Гришин, С.П., Конева, С.И.* Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). 3-е изд., доп. М.: Юрлитинформ, 2014. 584 с.

References

1. *Mashovets A.O.* Judicial Investigation in the Criminal Process in Russia: Theoretical and Doctrinal, Regulatory and Applied Aspects. М.: Yurlitinform, 2016. 456 p.
2. *Konev S.I.* Interrogations in Criminal Court. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 407 p.
3. *Aleksandrov A.S., Kovtun N.N.* and others. Doctrinal Model of Criminal Procedural Law of Evidence of the Russian Federation and a Comment on it. Moscow: Yurlitinform, 2015. 304 p.
4. *Aleksandrov A.S., Grishin S.P., Koneva S.I.* Cross-examination in Court (an explanation of its essence, principles and procedure, as well as practical instruction for use). 3rd ed., Ext. М.: Yurlitinform, 2014. 584 p.

УДК 347.730.6

В.В. Гриценко

ЦЕННОСТЬ НАЛОГОВО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ Н.И. ХИМИЧЕВОЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА

Введение: на основе анализа научных идей Н.И. Химичевой, разработанных в учебнике «Налоговое право», показана их роль, значение для развития современного налогового права. **Цель:** через призму основных положений работы Н.И. Химичевой, выработать алгоритм решения современных актуальных проблем в налоговой сфере, избежать ошибок в правовом регулировании налоговых правоотношений. **Методологическая основа:** исторический анализ категорий «налог», «сбор», «налоговая система»; сравнительно-правовой анализ указанных понятий с современными дефинициями; совокупность диалитического и системного подходов исследования. **Результаты:** аргументируется, что основные положения учебника Н.И. Химичевой «Налоговое право» являются «золотым фондом» для современных научных изысканий при написании бакалаврских работ, магистерских, кандидатских и докторских диссертаций по проблемам налогового права. **Выводы:** многие концепции этой работы не утратили актуальность и в настоящее время, ценны для науки налогового права, для развития теории налогового права, для практической реализации налогово-правовых норм, а также для построения цивилизованного российского налогового государства.

Ключевые слова: налоги, сбор, неналоговые платежи, налоговая система, налоговая реформа.

V. V. Gritsenko

THE VALUE OF TAX AND LEGAL CONCEPTS OF N.I. KHMICHEVA FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN TAX LAW

Background: based on the analysis of scientific ideas of N.I. Khimicheva, developed in the textbook “Tax law” author of the article shows their role, importance for the development of modern tax law. **Objective:** through the prism of the main provisions of N.I. Khimicheva author of the article develops an algorithm for solving modern topical problems in the tax sphere that avoids mistakes in the legal regulation of tax relations. **Methodology:** there are historical analysis of the categories “tax”, “collection”, “tax system”; comparative legal analysis of these concepts with modern definitions; a set of dialytical and systemic

© Гриценко Валентина Васильевна, 2019
Доктор юридических наук, профессор кафедры административного и административного процессуального права (Воронежский государственный университет); e-mail: vvgritsenko@mai.ru
© Gritsenko Valentina Vasilievna, 2019
Doctor of law, Professor of the Department of administrative and administrative procedural law (Voronezh state University)

approaches to research. Results: it is argued that the main provisions of the textbook of N.I. Khimicheva "Tax law" is a "gold Fund" for modern scientific research in the writing of bachelor's, master's, candidate and doctoral dissertations on tax law. Conclusions: many concepts of this work have not lost their relevance and are currently valuable for the science of tax law, for the development of the theory of tax law, for the practical implementation of tax law, as well as for the construction of a civilized Russian tax state.

Key-words: *taxes, collection, non-tax payments, tax system, tax reform.*

Дискуссионный характер отдельных положений современного российского налогового права на фоне предостережения экономистов о раскручивающемся по спирали экономическом кризисе заставляет по новому проанализировать научные труды Нины Ивановны Химичевой. Несмотря на то, что учебник Н.И. Химичевой «Налоговое право» был издан в 1997 г. [1, с. 336], до принятия Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ), он может считаться фундаментом для развития основ налогового государства, каковым является Россия, так как ст. 57 Конституции РФ закрепляет обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы.

Одним из спорных на сегодняшний день представляется вопрос о понятии налогов, сборов и других платежей. Н.И. Химичева определяла налоги (в правовом аспекте) как обязательные индивидуально безвозмездные платежи физических и юридических лиц, установленные представительными (законодательными) органами государственной власти и местного самоуправления для зачисления в государственную и муниципальную казну с определением их размеров и сроков уплаты [1, с. 5].

Н.И. Химичева неоднократно указывала на необходимость закрепления четкой дефиниции налогов и их места и роли среди других платежей, так как, по ее справедливому замечанию, налоги — это «важнейшая категория, затрагивающая интересы всех членов общества» [1, с. 6]. Практически ее научные идеи, в отношении понятий и признака налогов нашли отражение в ст. 8 НК РФ, определяющей налог как обязательный, индивидуально-безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

Н.И. Химичева всегда очень скрупулезно относилась к понятийно-категориальному аппарату, в частности, она выделила шесть особенностей налогов, отличающих их от других платежей: обязательный характер; индивидуальную безвозмездность; установленность представительными (законодательными) органами власти; распространенность на физических и юридических лиц; зачисление сумм, поступающих от налогов, в государственную и муниципальную казну; уплата налогов в сроки и в размерах, установленных законодательством [1, с. 5].

В настоящее время в юридической литературе выделяют два вида платежей: налоговые и неналоговые. И если в НК РФ закреплен перечень федеральных налогов и сборов, региональных налогов и местных налогов, сборов, то в отношении неналоговых платежей присутствует правовая неопределенность. С.Н. Каптырин (президент Торгово-промышленной палаты РФ) неоднократно указывал

на необходимость четкого правового регулирования неналоговых платежей. По его мнению, находясь за пределами НК РФ, «они носят постоянный характер, представляют собой, по сути, систему квазиналогов», однако, вместе с тем, администрирование таких платежей осуществляется отдельными ведомствами по различным правилам, что создает почву для негативных явлений [2, с. 4]. Т.А. Голикова характеризует неналоговые платежи, как плохо администрируемую и малопрозрачную систему [3, с. 2]. Вряд ли это можно назвать «системой», скорее всего для неналоговых платежей присущ бессистемный характер. М.М. Прошунин подчеркивает, что для систематизации неналоговых платежей следует решить ряд вопросов юридической техники. В связи с чем, заслуживает одобрения его предложение об установлении для организаций и предприятий понижающих ставок в целях реализации принципа экономного и эффективного использования водных биологических ресурсов в рамках своих производных циклов при сохранении выпускаемой продукции, оказываемых услуг в рамках трехлетнего и пятилетних циклов [4, с. 37].

По справедливому замечанию А.С. Буровой неналоговые платежи за юридически значимые действия пока разрознены и широко представлены в рамках законодательных и подзаконных нормативных актов. К ним она относит: пошлины, консульские сборы, нотариальные платежи, сборы за выдачу и продление лицензий в сфере оборота оружия, плата за приобретение федеральных специальных марок; таможенные сборы, плата за приобретение акцизных марок, сборы за участие в конкурсе, аукционе на право пользование недрами; сборы за проведение государственной экологической экспертизы; плата за предоставление сведений и документов государственных реестров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, справки о соответствии или несоответствии сведений о персональных данных физического лица сведениям, содержащимся в государственных реестрах и т.п. [5, с. 9].

Н.И. Химичева предупреждала, что постоянная и, как правило, растущая потребность государства в денежных средствах и стремление воздействовать с помощью налогов на социально-экономические процессы ведут к применению разнообразных видов этих платежей, влияют на количество [1, с. 27]. Что наблюдается и в настоящее время, более 70 видов других платежей, кроме налогов и сборов, установленных в НК РФ, находятся в «свободном плавании», т.е. практически не регулируются законодательством.

Однако прослеживается негативная тенденция к их увеличению. Например, в законопроекте о внесении изменений в НК РФ, разработанном Министерством финансов РФ, предлагается введение новой главы «Экологический налог», который должен заменить платежи за загрязняющие выбросы. В качестве объекта налогообложения выступают сбросы загрязняющих веществ в воду, их выбросы в атмосферу, захоронение отходов производства и потребления, другие виды вредного воздействия на окружающую среду. Ставка при замене экологического сбора на налог остается прежней, но меняется механизм администрирования, возлагаемый на федеральную налоговую службу, что повлечет обновление баз, программное обеспечение и дополнительные растраты, связанные с увеличением финансового обеспечения.

В.В. Кикавец ставит под сомнение правовую природу платежей за пользование недрами, так как правовая природа того или иного обязательного платежа обуславливает особенности его легального закрепления и функционирования в

правовой системе. Он подчеркивает, что сложилась ситуация, при которой одни природоресурсные платежи имеют правовую природу налогов, другие — правовые формы неналоговых платежей, к которым относятся платежи за пользование недрами. Поэтому он предлагает включить данные платежи в систему налогов и сборов РФ, легально закрепив все элементы, необходимые для расчета сумм платежей, а также надлежащего исполнения обязанности недропользователей по их уплате [6, с. 24].

По предложениям Минприроды в России может появиться новый сбор за пользование объектами животного мира, предполагается, что уплачивать сбор должны охотники за добычу волка, лисицы, шакала, песца, уток, гусей, куропаток и других животных и птиц [7, с. 4].

С 1 января 2020 г. в Санкт-Петербурге планируется ввести туристический сбор, который, по мнению главы комитета по финансам Санкт-Петербурга А. Корабельникова, не должен превышать 2% от стоимости проживания [8, с. 2]. В городах Золотого кольца (гг. Сергеев Пасад, Переславль-Залесский, Кострома, Иваново, Суздаль, Владимир) предлагают ввести туристический сбор, который считают аналогом курортного (действует в Ставропольском, Алтайском, Краснодарском краях). Предполагается 1–2% от стоимости проживания или примерно 600 руб. за многодневный тур [9, с. 2].

Кроме отмеченных платежей, также предлагаются введение утилизационного сбора на обувь [10, с. 4], курортного сбора [11, с. 3]. Мипромторг обосновывает необходимость утилизационного сбора для отечественных производителей машиностроительной продукции и ее импортеров [12, с. 3]; предлагается введение авторского сбора с «умных» часов; сбор за одежду, технику, газеты... [13, с. 12]. Неслучайно, в докладе Уполномоченного по защите прав бизнеса Б.Ю. Титова аргументируется целесообразность закрепления установления моратория на введение неналоговых платежей на всех уровнях бюджетной системы [14, с. 2].

Следует обратить внимание на субъектов, предлагающих введение сборов: различные министерства, депутаты, группы депутатов ..., а также их название от — распространенных, т.е. достаточно известных, до «экзотических».

В связи с вышеизложенным, в настоящее время предлагается несколько вариантов решений указанной проблемы: ввести перечень платежей в НК РФ, создать новый нормативно-правовой акт, в котором они перечислялись бы все.

На едином портале проектов нормативно-правовых актов размещен законопроект «О неналоговых платежах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», целью которого является — общественное обсуждение законопроекта. Законопроект разработан Минфином в целях совершенствования наведения порядка в правовом регулировании конкретных обязательных неналоговых платежей, которые увеличивают налоговую и неналоговую нагрузку на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также соответственно на граждан. Необходим единый документ, регулирующий неналоговые платежи. Это может быть федеральный закон, кодифицированный акт, но в любом случае, следует согласиться с мнением К.Т. Анисиной, что такой документ требует серьезной работы специалистов разных уровней, а также глубокой научной и профессиональной проработанности по данному вопросу [15, с. 8].

Необходимо также подчеркнуть, что рядовому налогоплательщику все равно как будет называться тот или иной платеж (налог, сбор, пошлина, взнос, страховой платеж и т.д.), для него важно то, что денежные средства уходят из

его кармана в государственный, тем самым ухудшая его материальное положение и вступают в противоречие со многими Указами Президента РФ (в т.ч., получившими название «майские»). При этом В.В. Путин к основным целям своей деятельности в должности Президента РФ относит «повышение доходов граждан» [16, с. 1].

Особое внимание в своих работах Н.И. Химичева уделяла проблеме реформы налогообложения [1, с. 9–27]. Характеризуя различные этапы российской налоговой реформы, Н.И. Химичева делает вывод о преобладании фискальной функции, «хотя это и не привело к достаточности средств в бюджетной системе», так как «регулирующая функция не дала, да и не могла дать должного эффекта в сложных условиях начавшегося перехода к рыночным отношениям, сопровождающимся кризисными явлениями в экономике» [1, с. 27].

К сожалению, и в настоящее время прослеживается негативная тенденция к превалированию фискальной функции налогов, о чем свидетельствует Федеральный закон от 20 ноября 2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020–2021 годов»¹, утвердивший основные характеристики федерального бюджета на указанный период. Несмотря на то, что бюджет закреплен в качестве профицитного, т.е. доходы бюджета превышают его расходы (профицит федерального бюджета в сумме 1 932 090 844,8 тыс. руб.), государственная политика в финансовой, в том числе налоговых сферах, свидетельствует о ее жестком характере: увеличение круга налогоплательщиков за счет легализации деятельности самозанятых; появление новых объектов налогообложения; повышение ставки налога на добавленную стоимость на 2 п.п. с 1 января 2019 г.; сокращение налоговых льгот; увеличение количества сборов, реформирование пенсионной системы и т.д. Думается, что профицит федерального бюджета основан не на экономических достижениях, а носит искусственный, политический характер, при этом подчеркивается социальная направленность федерального бюджета, с учетом применения принципа адресности.

Вызывает особый научный интерес классификация налогов и сборов по различным основаниям, разработанная Н.И. Химичевой, в частности:

в зависимости от субъектов (плательщиков) выделяются налоги с физических и юридических лиц, при этом подчеркивалось, что «они совпадают по своему основному содержанию, регулируются для разных субъектов нормативными актами»;

в зависимости от характера использования — общего значения и целевого;

в зависимости от формы возложения налогового бремени: прямые и косвенные (при этом отмечалось, что налоговая система России переходит к активному использованию косвенных налогов, т.к. «это наиболее удобная для мобилизации доходов в казну форма, позволяющая оперативно и регулярно получать крупные суммы» [1, с. 32], что характерно и для современного периода);

по объектам налогообложения: на платежи с доходов, имущества, с определенных видов деятельности, за использование природных ресурсов.

Следует отметить, что «традиционная» классификация используется в современной юридической литературе.

К основным положениям, разработанным Н.И. Химичевой можно отнести: необходимость единства налоговой системы; противоречия между «центром» и

¹ См.: Российская газета. 2018. 5 дек.

«местами» в сфере налогообложения; целесообразность использования мирового опыта, с учетом специфики нашей страны и т.д.

Перечитывая научные труды Н.И. Химичевой и преломляя их через действующее законодательство о налогах и сборах, понимаешь, что она предупреждала о недостатках налоговой системы, которые и сейчас присущи ей: высокий уровень суммы всех взимаемых налогов; сложность исчисления платежей; недостаточная четкость в вопросах налоговых льгот; неравенство в правах налогоплательщиков, нестабильный характер и т.д.

Н.И. Химичева указывала на непосредственную связь между кризисными явлениями в экономике и недостатками налоговой системы, что ценно на пороге нового мирового финансово-экономического кризиса.

В предисловии к своей работе Н.И. Химичева подчеркнула, что «при всех изменениях законодательства не теряют своего значения теоретические положения, касающиеся налогового права, классификации налогов и порядка их установления, особенности налоговых правоотношений, правового статуса налогоплательщика, порядок защиты его прав и другие...», что находит отражение в науке налогового права.

Однако, краткий анализ основных концепций лишь одной работы Нины Ивановны Химичевой, позволил сделать вывод, что многие ее положения и сейчас являются актуальными, своевременными и имеют огромный потенциал для дальнейших научных изысканий не только для теории налогового права, но и для практики.

Библиографический список

1. Химичева Н.И. Налоговое право: учебник. М.: Издательство БЕК, 1997. 336 с.
2. Березина Е. Плата за воздух // Российская газета. 2018. 15 авг. С. 4.
3. Гайва Е. Жизнь без работы // Российская газета. 2018. 26 февр. С. 2.
4. Прошунин М.М. Плата за пользование водными объектами, находящимися в федеральной собственности // Финансовое право. 2017. № 7. С. 33–37.
5. Бурова А.С. Консульские сборы, патентные пошлины и нотариальные платежи в системе публичных платежей за юридически значимые действия: поиск оптимума // Финансовое право. 2017. № 7. С. 9–14.
6. Кикавец В.В. К вопросу о системе платежей за пользование недрами // Финансовое право. 2017. № 7. С. 24–28.
7. Березина Е. Шкурный интерес // Российская газета. 2018. 21 февр. С. 4.
8. Корабельников А. Питер, два процента // Российская газета. 2018. 20 сент. С. 2.
9. Узбекова А. Гости дорогие. В городах Золотого кольца хотят ввести налог на туристов // Российская газета. 2018. 17 сент. С. 2.
10. Игнатова О. Налог на тапочки // Российская газета. 2017. 16 нояб. С. 4.
11. Игнатова О. «Дикий» процент. Эксперты назвали сумму курортного сбора для семей с детьми // Российская газета. 2017. 3 окт. С. 3.
12. Березина Е. Ставкой по отходам. В России хотят ввести новый утилизационный сбор // Российская газета. 2017. 27 сент.
13. Березина Е. Мусор становится тяжелее // Российская газета. 2017. 15 марта. С. 12.
14. Латухина К. Дали жалобную книгу // Российская газета. 2018. 25 мая. С. 2.
15. Анисина К.Т. Правовое регулирование федеральных «дорожных» взносов // Финансовое право. 2017. № 7. С. 3–8.
16. Путин В.В. Знак ответа. Материалы ежегодной пресс-конференции // Российская газета. 2017. 15 дек. С. 1.

References

1. *Khimicheva N.I.* Tax law: the textbook. M. : Bek publishing House, 1997. 336 p.
2. *Berezina E.* Fee for the air // Rossiyskaya Gazeta. 2018. Aug., 15. P. 4.
3. *Gayva E.* Living without a job // Rossiyskaya Gazeta. 2018. Feb., 26. P. 2.
4. *Proshunin M.M.* Fee for the use of water bodies in Federal ownership // Financial law. 2017. No. 7. P. 33–37.
5. *Burova A.S.* Consular fees, patent fees and the notary fees in the system of public payment for legally significant actions: search of optimum // Financial law. 2017. No. 7. P. 9–14.
6. *Kikavets V.V.* To the question about the system of payments for subsoil use // Financial law. 2017. No. 7. P. 24–28.
7. *Berezina E.* Selfish interest // Rossiyskaya Gazeta. 2018. Feb., 21. P. 4.
8. *Korabelnikov A.* Peterburg, two percent // Rossiyskaya Gazeta. 2018. Sept., 20. P. 2.
9. *Uzbekova A.* Dear guests. In the cities of the Golden ring want to introduce a tax on tourists // Rossiyskaya Gazeta. 2018. Sept., 17. P. 2.
10. *Ignatova O.* Tax on slippers // Rossiyskaya Gazeta. 2017. Nov., 16. P. 4.
11. *Ignatova O.* “Wild” percent. Experts called the amount of the resort fee for families with children // Rossiyskaya Gazeta. 2017. Oct., 3. P. 3.
12. *Berezina E.* Rate on waste. Russia is going to introduce a new recycling fee // Rossiyskaya Gazeta. 2017. Sept., 27.
13. *Berezina E.* The garbage is getting harder // Rossiyskaya Gazeta. 2017. March, 15. P. 12.
14. *Latukhina K.* The book of complaints was given // Rossiyskaya Gazeta. 2018. May, 25. P. 2.
15. *Anisina K.T.* The legal regulation of Federal «road» contributions // Financial law. 2017. No. 7. P. 3–8.
16. *Putin V.V.* The sign of the answer. Materials of the annual press conference // Rossiyskaya Gazeta. 2017. Dec., 15. P. 1.

УДК 347.73.01

Е.В. Покачалова, Д.И. Яковлев

ПОВЫШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Введение: статья посвящена обзору выступлений участников международной научно-практической-конференции «Повышение финансовой грамотности и финансовой культуры: современные правовые аспекты», проходившей 31 мая 2018 года в рамках II Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н.И.

© Покачалова Елена Вячеславовна, 2019

Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail.: pokinarod@mail.ru

© Яковлев Дмитрий Иванович, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail.: yd7878@yandex.ru

© Pokachalova Elena Vyacheslavovna, 2019

Doctor of legal Sciences, Professor, finance, bank and tax law (Saratov state Academy of law)

© Yakovlev Dmitry Ivanovich, 2019

Candidate of legal Sciences, associate Professor, finance, bank and tax law (Saratov state Academy of law)

Химичевой. Цель: осветить основные точки зрения и позиции авторов научных докладов по проблемам повышения финансовой грамотности и финансовой культуры среди населения. Методологическая основа: использованы историко-правовой и сравнительно-правовые методы. Результаты: выявлены основные позиции участников конференции по вопросам повышения финансовой грамотности и финансовой культуры в обществе. Выводы: в статье проанализированы и обобщены точки зрения и позиции различных ученых, а также аспирантов и магистранов, принявших участие в обсуждении темы конференции, а также предложены рекомендации по повышению финансовой грамотности в обществе.

Ключевые слова: право, финансовое право, повышение правовой грамотности, финансовая культура, противодействие коррупции, финансовая деятельность, банковская деятельность, информирование граждан.

E.V. Pokachalova, D.I. Yakovlev

IMPROVING FINANCIAL LITERACY AND FINANCIAL CULTURE: MODERN LEGAL ASPECTS

Background: the article is devoted to the review of speeches of participants of the international scientific-practical conference "Improving financial literacy and financial culture: modern legal aspects", held May 31, 2018 in the framework of the II Saratov financial and legal readings of the scientific school of N.I. Khimicheva. **Objective:** to highlight the main points of view and positions of the authors of scientific reports on the problems of improving financial literacy and financial culture among the population. **Methodology:** historical, legal and comparative legal methods are used. **Results:** the main positions of the conference participants on the issues of improving financial literacy and financial culture in society were revealed. **Conclusions:** the article analyzes and summarizes the points of view and positions of various scientists, as well as graduate students and undergraduates who participated in the discussion of the conference topic, and also proposed recommendations for improving financial literacy in society.

Key-words: law, finance law, legal literacy, finance culture, tackle corruption, banking activity, inform citizens.

31 мая 2018 г. в рамках II Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Химичевой Н.И., при содействии Центра экспертиз и научных исследований финансового права состоялась Международная научно-практическая конференция «Повышение финансовой грамотности и финансовой культуры: современные правовые аспекты».

Организатором указанной конференции выступила кафедра финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» при онлайн участии представителей Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Финансового университета при Правительстве РФ, Законодательного собрания Ростовской области, Северо-Кавказского федерального университета, Российского государственного университета правосудия, Института законодательства и сравнительного правоведения, Самарского филиала Московского городского педагогического университета и других высших учебных заведений.

С приветственным словом к участникам обратились **Вавилин Евгений Валерьевич**, проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор и **Покачалова Елена Вячеславовна**, заведующая кафедрой финансового, банковского и таможенного права, доктор юридических наук, профессор, директор Центра экспертиз и научных исследований по финансовому праву.

Доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» **Бакаева Ольга Юрьевна** в своем выступлении охарактеризовала дискуссионные вопросы ответственности таможенных органов и их должностных лиц за вред, возмещаемый за счет средств федерального бюджета. Проведенный ею анализ судебной практики по делам, в основе которых решения, действия (бездействие) таможенных органов и их должностных лиц подлежат правовой оценке, отражает два основных вопроса, требующих доказывания в судебных процессах:

установление причинно-следственной связи между неправомерными деяниями указанных субъектов и нанесением вреда частным субъектам;

установление структуры и размера убытков, включая реальный ущерб и упущенную выгоду.

Она также отметила, что, несмотря на весьма распространенную практику в части удовлетворения требований заинтересованных лиц по возмещению убытков в виде реального ущерба, остаются единичными случаи взыскания с таможенных органов упущенной выгоды. Но в ряде случаев такие требования истцов судами все же удовлетворялись.

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» **Беликов Евгений Геннадьевич** в своем выступлении посвященном взаимосвязи демократизма как принципа финансового права и финансовой культуры, пояснил, что, демократизм как общеправовой принцип, действующий в финансовом праве, и финансовая культура являются взаимосвязанными понятиями, оказывая взаимное влияние друг на друга. В частности, повышение уровня финансовой культуры населения расширяет круг участников публичной финансовой деятельности, а развитие демократических форм участия граждан в финансовой деятельности государства и муниципальных образований обуславливает рост финансовой грамотности и финансовой культуры в целом.

В выступлении **Пастушенко Елены Николаевны**, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» на тему: «Развитие финансовых технологий и повышение финансовой грамотности в аспекте правотворческой политики Центрального банка Российской Федерации» было обращено внимание на программные документы концептуального характера — «Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов» (размещенные на сайте Банка России в феврале 2018 г.) во взаимосвязи со Стратегией повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 гг. (одобренной Советом директоров Банка России 26 марта 2018 г.), а также отмечена необходимость выявления природы и упорядочения издаваемых Банком России актов технико-юридического характера, называющих порядки и правила, что не позволяет отнести их к нормативным актам Банка России, каковыми являются указания, положения, инструкции.

Внесено предложение об установлении Банком России официально опубликованных правил издания им актов технико-юридического характера, не являющихся нормативными актами Банка России, с регистрацией (нумерацией) документов и указанием даты издания.

В своем выступлении **Рыбакова Светлана Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» предположила, что в результате повышения финансовой грамотности населения должен сформироваться такой субъект финансового права, как коллективный инвестор. Далее автор подчеркнул, что необходимо повышать финансовую грамотность не только в сфере финансовых рынков, но и в сфере налогообложения, бюджетной системы, денежной системы. Финансово грамотный гражданин должен понимать механизм функционирования не только частных, но и публичных финансов. Это также касается повышения правовой грамотности в рамках таких цивилистических институтов, как договор, сделка и др. Совокупность правовых знаний в указанных областях экономики и права — необходимое условие формирования у населения соответствующих познаний, позволяющих грамотно формировать свои доходы и расходы, накапливать капитал, участвовать в функционировании финансов публично-правовых образований.

Смирнов Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», а также **Трофимов Максим Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» в своем докладе выявили проблемы финансового правосознания участников финансовых правоотношений. Выступающие обратили внимание на проблемы формирования финансовой грамотности населения России на примере Ставропольского края и предложили ряд мер по укреплению финансовой культуры.

Далее, **Пешкова Христина Вячеславовна**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процессуального права Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет» проанализировала сущность концепции «электронный бюджет», роль и значение электронного бюджета для повышения финансовой грамотности населения, информирования граждан о показателях бюджетного метода ведения государственного хозяйства на предстоящий финансовый период.

Продолжая обсуждение, **Рукавишникова Ирина Валерьевна**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового и административного права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» рассмотрела актуальные вопросы повышения финансовой грамотности потребителей финансовых услуг в контексте современного состояния финансового рынка. Ею были предложены средства и механизмы повышения финансовой грамотности. Рассмотрены новеллы правового регулирования в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» **Алимбекова Анастасия Сергеевна** в своем выступлении обозначила приоритетные вопросы, связанные с повышением уровня реализации финансово-

правовых норм и финансово-правовой грамотности среди населения Российского государства. Алимбекова А.С. отметила, что невозможно переоценить значимость получения и повышения знаний гражданами в финансово-правовой сфере, но при этом обратила внимание, что наличие таких знаний не дает гарантий их реализации в правовой действительности в полном объеме.

В своем выступлении кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» *Байкина Екатерина Сергеевна* отметила, что низкий уровень налоговой культуры, как налогоплательщиков, так и налоговых органов создает препятствие эффективной реализации социально-экономических и других задач государства. Автором замечено, что с целью повышения налоговой культуры общества, является проведение бесплатных семинаров и тренингов для налогоплательщиков при ИФНС, а также введение в штат налоговых органов должности территориальных инспекторов, в связи с чем появится возможность получения налоговыми органами наиболее полной и достоверной информации по контролируемой территории.

Жутаев Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» указал, что уровень финансовой грамотности важен не только для взрослых, людей пенсионного возраста, но и для молодежи. Ведь на протяжении своей жизни каждый человек вынужден решать финансовые вопросы, а также принимать решения, связанные с формированием личных доходов и осуществлением личных расходов. Для принятия наиболее правильных финансовых решений и совершения эффективных действий на финансовом рынке необходимы соответствующие знания. Их достаточный объем позволит защититься от финансовых рисков и повысить уровень жизни.

Земцовой Ларисой Николаевной, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Саратовского социально-экономического института (филиала) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», председателем суда общей юрисдикции (в отставке) был представлен доклад, в котором она указала на важную роль и значение нормативных и интерпретационных актов Центрального банка Российской Федерации в реализации принципа законности поведения на финансовом рынке, создании условий исключения недобросовестных практик в деятельности субъектов, оказывающих финансовые услуги, и повышения финансовой грамотности потребителей финансовых услуг.

Малыхиной Еленой Александровной, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» была высказана позиция, в соответствии с которой контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд базируется на принципе профессионализма заказчика, заключающегося в том, что заказчики, специализированные организации и контрольный орган должны обладать определенными знаниями в области государственных (муниципальных) закупок, для чего они обучаются, повышают квалификацию в организациях, осуществляющих образовательную деятельность. Однако в образовательных программах по данной направленности отсутствуют положения финансово-правовой науки, связанные с образованием, распределением и использованием публичных де-

нежных фондов, что видится неправильным, поскольку контрактная система в сфере закупок является институтом финансового права.

Покачалова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», в своем докладе сделала акцент на необходимость повышения доступности финансовой информации, предоставляемой финансовыми органами — Министерством финансов РФ, ФНС России, Казначейством России, Федеральной службой по финансовому мониторингу и др. — через электронные ресурсы. Так, следует регулярно, через СМИ информировать граждан о деятельности сайтов финансовых органов и о способах использования их в целях повышения финансовой грамотности; в свою очередь, финансовые органы должны обеспечить простой способ поиска информации на соответствующих ресурсах, а также максимально оперативно размещать информацию об изменениях в своей работе.

Назаров Владимир Николаевич, кандидат технических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова проанализировал имеющуюся нормативную базу, регулирующую деятельность государства, направленную на повышение финансовой грамотности. Предложил собственное определение финансовой грамотности и показал, что для достижения результата, рука об руку с распространением знаний, должна расширяться доступность финансовых инструментов на практике.

Далее *Науменко Анна Михайловна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и административного права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» в своем выступлении исследовала исторический аспект формирования института судебной защиты прав участников финансовых правоотношений. Также она пояснила, что богатый массив разнообразной судебной практики в сфере финансово-правового регулирования — феномен современного правового пространства России, отражающий те фундаментальные изменения, которые произошли в структуре предмета и метода финансового права в связи с переориентацией финансовой системы на ценности рыночной экономики. Несмотря на то, что в настоящий момент право на судебную защиту гарантируется государством комплексом эффективных правовых и организационных средств, нужно отметить, что использование судебного механизма в обществе не стало повсеместной практикой.

В выступлении кандидата юридических наук, доцента кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» *Миронова Владислава Юрьевича* были рассмотрены проблемы распространения финансовых знаний и умений граждан при совершении финансовых операций в повседневной жизни. В частности предложены меры, позволяющие вкладчикам принимать более обдуманные решения при размещении денежных средств в банках, предлагается ограничить рост числа забалансовых вкладов, а также защитить потребителей, использующих альтернативные инструменты инвестирования, которые не включены в систему страхования вкладов.

Казарян Кристина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры права и политологии Ширакского государственного университета им. М. Налбандяна (Республика Армения) и *Матевосян Сюзанна Самвеловна*, старший преподаватель кафедры финансового и административного права Ростовского

государственного экономического университета (РИНХ) в своем совместном докладе обозначили основные вопросы налогообложения физических лиц в Республике Армения и проблем правоприменительной практики в указанной сфере.

В продолжении темы конференции *Садчиков Михаил Николаевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» в своем докладе рассмотрел вопросы установления государством критериев налогового резидентства с учетом распространения практик «резидентство в обмен на инвестиции» и «гражданство в обмен на инвестиции». Отметил, что некоторые государства предоставляют в упрощенном порядке статус налогового резидентства и освобождение от налогообложения доходов, полученных такими налоговыми резидентами от внешних источников. На основе анализа национального налогового законодательства и международных налоговых практик им был сделан вывод о недопустимости использования упрощенного порядка получения статуса налогового резидентства с целью избежания применения правил автоматического обмена информацией.

Чернобровкина Екатерина Борисовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), указала, что, согласно Стратегии национальной безопасности РФ, обеспечение национальной безопасности — путем реализации органами государственной власти и местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов. К приоритетным задачам любого современного государства относится осуществление контроля за исполнением государственного бюджета и состоянием финансов.

Далее *Юдина Екатерина Владимировна*, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» в своем выступлении обосновала, что рассмотрение финансового контроля является важнейшей гарантией обеспечения законности, а также сферой, где соблюдение требований законности оказывают непосредственное влияние на состояние правовой и финансовой культуры в обществе.

Яковлевым Дмитрием Ивановичем, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» указывалось на повышение финансовой грамотности населения при осуществлении банковских операций путем периодических разъяснений в средствах массовой информации, а так же способов мошенничества и выявления указанных противоправных действий недобросовестными физическими и юридическими лицами. Им было обосновано участие представителей МВД РФ, а также Банка России в таких профилактических мероприятиях с целью недопущения мошеннических действий при осуществлении банковских операций.

Лебедев Артем Андреевич, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России» проанализировал положения законодательства о налогах и сборах РФ в части проведения камеральных налоговых проверок. В целях объективной оценки существующих

законодательных положений провел сравнение процедуры ознакомления налогоплательщика (его представителя) с материалами налоговой проверки и с процедурой ознакомления обвиняемого (его защитника) с материалами уголовного дела, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством. По итогам проведенного анализа были сформулированы предложения по внесению изменений в действующее законодательство.

В продолжении обсуждения дискуссионных вопросов *Проводина Олеся Александровна*, ассистент кафедры административного и финансового права юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» осветила преимущества особых экономических зон, как привлекательной платформы для построения бизнеса с учетом региональной заинтересованности государства. Обозначила финансовый потенциал индивидуальных предпринимателей в рамках осуществления деятельности на территориях с особым экономическим статусом.

Следует отметить научные доклады обучающихся Института магистратуры и аспирантуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», а также иных высших учебных заведений, которые приняли участие в конференции, и их работы также были посвящены теоретическим и прикладным аспектам исследования повышения финансовой грамотности и финансовой культуры.

Апанасенко Анна Евгеньевна, аспирант аспирантуры, ассистент кафедры административного и финансового права юридического института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» обосновала, что страхование является одним из немногих способов управления рисками, путем передачи их профессиональной организации — страховщику. Успешное развитие страхового рынка невозможно без его регламентирования и надзора.

В следующем выступлении, *Бурдонова Ольга Владимировна*, аспирант заочной формы обучения кафедры публичного процесса Саратовского социально-экономического университета ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» указала на обязательное общественное обсуждение законопроектов, как на форму предварительного финансового контроля. В подобном обсуждении могут принимать участие как физические, так и юридические лица; его цель — противодействие коррупции. Докладчицей подтверждается научная позиция необходимости общественного контроля как важнейшего принципа функционирования демократического государства.

Гузнова Елизавета Алексеевна, магистрант Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» в своем выступлении дала сравнительно-правовую характеристику подходов Российской Федерации и ОЭСР к определению постоянного представительства основного вида и проанализировала существенные признаки постоянных представительств основного вида.

Далее *Гудкова Марина Валентиновна*, аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» рассмотрела генезис и провела анализ понятия и сущности банковской деятельности, а также выделила основы ее финансово-правового регулирования и пути их совершенствования на территории РФ.

Дулесина Анастасия Валерьевна, магистрант кафедры финансового и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Волгоградский Институт Управления»

рассмотрела особенности правового регулирования предоставления субсидий транспортным организациям в период проведения чемпионата мира по футболу FIFA 2018.

Ермина Елизавета Анатольевна, аспирант кафедры публичного права Саратовского социально-экономического института (филиала) «РЭУ им. Г.В. Плеханова» разъяснила реализацию принципа эффективности управления финансами государственных учреждений культуры. Вопрос рассматривается в контексте правового обеспечения финансовой культуры общества. Автором отмечается соотношение правовой культуры и правовой грамотности, и утверждается, что правовая культура общества является необходимым элементом эффективности управления финансами учреждений.

Казаченков Станислав Дмитриевич, магистрант кафедры финансового и административного права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» рассмотрел принцип справедливости в качестве детерминанты развития современного имущественного налогообложения посредством рассмотрения сущности принципа справедливости и его функционирования в сфере имущественного налогообложения, в том числе на примере Ростовской области.

Койро Александр Сергеевич, магистрант ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» посвятил свою речь проблемам зачета и возврата излишне уплаченных или излишне взысканных сумм налогов. Охарактеризовал основные трудности в данной сфере правоотношений, а также предложил пути решения указанных проблем.

Клестова Юлия Юрьевна, магистрант кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС рассмотрела виды ответственности субъектов предпринимательской деятельности в сфере налоговых правоотношений, в т.ч. налоговую, административную и уголовную; обратила внимание на разделение института ответственности, в частности на применение субсидиарной ответственности к налоговым правоотношениям.

Магистрант кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» *Назейкина Валентина Владиславовна*, совместно с профессором *Пастушенко Еленой Николаевной*, указали на огромную роль финансового омбудсмана (финансового уполномоченного) в защите прав потребителей финансовых услуг. Также проанализировали исторические аспекты и проблемы правового регулирования рассматриваемых общественных отношений, исследовали новеллы Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг».

Небеснюк Светлана Александровна, аспирант кафедры финансового банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» в докладе проанализировала соотношение понятий финансовой грамотности и финансовой компетентности. Оба социальных явления рассматриваются докладчиком в качестве залога правильного исчисления таможенных платежей. На основе проведенного теоретического исследования автором предлагается дополнить компоненты и компетенции финансовой грамотности.

Магистрантом *Рогачёвым Александр Игоревичем*, совместно с *Пастушенко Еленой Николаевной*, были рассмотрены основные признаки нормативно-правового понимания финансовой грамотности, отдельные аспекты и интерпретации

тация понятия финансовой грамотности и финансово-правовой культуры в банковском секторе. Определены комплекс мер по повышению уровня финансовой грамотности и его влияние на банковский сектор и экономику России в целом.

Симашков Дмитрий Юрьевич, аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» в своем выступлении рассмотрел контрольно-информационную цель правил КИК, отметив два ее аспекта: получение информации от налогоплательщиков и понуждение других государств к обмену налоговой информацией.

Скобелева Екатерина Александровна, магистрант ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» свою речь посвятила такой категории налогоплательщиков, как участники региональных инвестиционных проектов. В докладе рассматривается процесс получения организациями статуса такого участника. Затрагивается проблематика толкования и применения налогово-правовых норм, которые посвящены вопросам приравнивания к участникам региональных инвестиционных проектов участников специальных инвестиционных контрактов.

Тишаков Антон Сергеевич, студент магистратуры Института современного прикладного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) рассмотрел вносимые изменения в налоговое законодательство в связи с вступлением в силу Федерального закона от 18 июля 2017 г. № 163-ФЗ, касающиеся процесса рассмотрения налоговых споров, связанных с доказыванием использования налогоплательщиками «агрессивных» схем налоговой оптимизации и необоснованной налоговой выгоды.

В работе конференции был поднят ряд других вопросов, касающихся синергии двух взаимосвязанных явлений — финансовой грамотности и финансовой культуры, которые были обсуждены участниками в рамках научной дискуссии.

УДК 347.734.5

С.А. Набиев

СУЩНОСТЬ И РОЛЬ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Введение: банковская деятельность, как и все другие социально-экономические категории, относится к числу межотраслевых понятий: строгая регламентированность этой деятельности сочетается ее независимостью. **Цель:** исследование проблемы банковской деятельности с позиции ее публично-правового регулирования. **Методологическая основа:** в работе были использованы диалектический метод познания, и система общенаучных и частнонаучных методов, в частности анализ и синтез, историко-правовой и сравнительно-правовой, формально-логический и

© Набиев Самир Адил оглы, 2019

Кандидат юридических наук, докторант кафедры административное право и процесс (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)); e-mail: samir-nabiev@yandex.ru

© Nabiyev Samir Adil ogly, 2019

Candidate of Law, doctoral candidate of the Administrative law and process department (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA))

формально-юридический и др. **Результаты:** показываются принципиальное отличие и преимущества публично-правового регулирования перед частно-правовым методом, обусловленные превосходством публично-правового способа регулирования банковской деятельности перед частно-правовым; освещаются общие закономерности развития банковской деятельности в системе финансовой деятельности. **Выводы:** банковская деятельность является составной частью финансовой деятельности государства, дополняет его и служит источником оказания финансовых и связанных с ними услуг.

Ключевые слова: банковская деятельность, банковская система, финансовая деятельность, финансовая система, кредитная организация, Банк России, финансовое право, публично-правовое регулирование.

S.A. Nabiyev

THE ESSENCE AND ROLE OF BANKING IN THE FINANCIAL ACTIVITIES OF THE STATE

Background: banking like all other socio-economic categories, is one of the intersectoral concepts: strict regulation of this activity is combined with its independence. **Objective:** to study the problem of banking from the standpoint of its public law regulation. **Methodology:** the dialectical method of cognition was used in the research, and the system of general scientific and private scientific methods, in particular, analysis and synthesis, historical-legal and comparative-legal, formal-logical and formal-legal and others. **Results:** the article shows the fundamental difference and advantages of public-legal regulation over the frequent-legal method due to the superiority of public-legal method of regulation of banking activities over private-legal; highlights the general patterns of development of banking activities in the financial system. **Conclusions:** banking is an integral part of the financial activities of the state, complements it and serves as a source of financial and related services.

Key-words: banking, banking system, financial activities, financial system, credit institution, Bank of Russia, financial law, public law regulation.

Банковская деятельность, т.е. осуществление банковских операций, является исходным пунктом и важным моментом финансовых правоотношений, оно составляет основу существования и социально-экономического развития общества, обеспечивает образование, распределение и использование централизованных и децентрализованных денежных фондов (доходов) государства и органов местного самоуправления соответственно их задачам. Конечным, завершающим моментом банковской деятельности является извлечение прибыли, без которого не может существовать экономический субъект. Банковская деятельность является опосредствующим моментом между экономически хозяйствующими субъектами: государством и обусловленным им распределением денежных средств, с одной стороны, и их использованием кредитными организациями — с другой.

Банковская деятельность является развитой формой экономических отношений, осуществляемая посредством денег. Там, где существует денежное обращение в общественном масштабе, — государственная банковская деятельность является, в принципе, решающей. Но как только банковская деятельность обособляется от государства, в полном смысле слова, она следует собственному движению, которым, в общем и целом управляют законы рыночной экономики, но которое, в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости, следует опять-таки своим собственным законам, присущим природе этого процесса.

Этот процесс имеет свои собственные интересы, и в свою очередь, оказывает обратное действие на денежно-кредитную политику государства. Поэтому в условиях рыночной экономики осуществление эффективной системы банковского регулирования и надзора, обеспечивает дальнейшее повышение уровня конкуренции, транспарентности и рыночной дисциплины в банковском секторе, базирующиеся на экономических интересах участников административных и финансовых правоотношений.

Банковская деятельность является системой, включающей в себя различные, взаимосвязанные между собой отрасли. Банковская деятельность как отрасль финансовой деятельности государства является частью общей государственной системы и вместе с тем относительно обособленной отраслевой системы. Это обуславливает наличие как общих, так и специфических закономерностей развития банковской деятельности. Банковская деятельность осуществляет денежное обращение. От государства до потребителя денежные средства доводятся и реализуются многочисленными кредитными организациями.

На сегодняшний день, банковская деятельность является объективной необходимостью. В эпоху рыночной экономики, на этапе становления и развития банковской системы, необходимо руководствоваться положениями и идеями законов рыночной экономики по вопросам организации денежного обращения и регулирования банковской деятельности.

Дальнейшим этапом продвижения банковской деятельности по пути рыночной экономики, для повышения эффективности и конкурентоспособности банковской системы, составляющих основу модернизации банковской деятельности, является формирование эффективной системы регулирования и надзора. Главная задача данной системы состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем качества банковской деятельности, включающее расширение состава банковских продуктов и услуг, и совершенствование способов их предоставления, обеспечение долгосрочной эффективности и устойчивости бизнеса кредитных организаций¹.

В решении указанной задачи большая роль отводится кредитным организациям, призванным удовлетворять растущие потребности населения в банковских услугах. Рост банковских продуктов и расширение ассортимента является одним из важнейших совокупных показателей роста.

Банк России в Отчете о развитии банковского сектора и банковского надзора за 2017 г., отметил большую работу по развитию банковской деятельности, проведенную за последние годы. «В 2017 году макроэкономические условия деятельности банков были в целом благоприятными. Несмотря на внешние ограничения, экономика демонстрировала умеренный рост деловой активности. Можно уверенно констатировать, что в 2017 году банковский сектор вышел на траекторию роста основных показателей. С учетом снижения стоимости заимствований заметно ускорилось кредитование экономики. Уверенно росли вклады населения. Продолжалось очищение банковского рынка от недобросовестных и финансово неустойчивых организаций» [1].

В целях дальнейшего развития банковской деятельности и повышения устойчивости банковского сектора, Банком России и Правительством РФ в 2017 г.

¹Заявление Правительства РФ и ЦБР от 5 апреля 2011 г. № 1472п-П13, 01-001/1280 «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года». §1. Введение // Вестник Банка России. 2011. 20 апр.

приняты ряд мер по совершенствованию законодательной базы деятельности кредитных организаций. К таковым относятся изменения федерального законодательства в сфере банковской деятельности, в части:

изменение классификации кредитных организаций в соответствии с соразмерностью собственных средств (капитала) на банки с универсальной лицензией и банки с базовой лицензией, в зависимости от которой определяется ее регулятивная нагрузка. Например, упрощенное регулирование применяется для кредитных организаций с базовой лицензией, что подразумевает, минимальное количество обязательных нормативов и не использование сложных международных стандартов регулирования².

предоставление личного кабинета кредитной организации на информационном ресурсе сайта Банка России, с целью эффективного взаимодействия, проявления большей оперативности и укрепления деловых связей³.

совершенствования регулирования деятельности банковских групп и банковских холдингов⁴ и др.

Для успешного выполнения поставленных задач необходимо привести в действие резервы повышения эффективности банковской деятельности, прежде всего за счет применения достижений современных информационных технологий, составляющих основу модернизации банковской деятельности. Развитие системы регистрации залогов, бюро кредитных историй, платежной и расчетной систем, института центрального контрагента и иных инфраструктурных институтов и условий, включая мероприятия по созданию международного финансового центра в РФ, совершенствование банковского регулирования и банковского надзора осуществляется путем развития в них содержательной составляющей и приведения правовых условий и практики в соответствие с международными стандартами — все это будет способствовать росту финансовых показателей и повышению эффективности банковской деятельности.

На современном этапе развития банковской деятельности, с его высокими темпами научно-технического прогресса, руководители и члены совета директоров кредитных организаций должны хорошо знать банковскую деятельность, владеть навыками стратегического мышления и экономического анализа, уметь экономически обосновывать принимаемые решения и оценивать результаты работы с позиции эффективности банковской деятельности.

Банк России и Правительство РФ, призваны принимать меры к повышению уровня и улучшению качества осуществления банковской деятельности, закрепляя требование об обеспечении добросовестного и квалифицированного выполнения членами исполнительных органов и совета директоров (наблюдательного совета) своих функций, в том числе в отношении организации систем управления рисками, а также об обеспечении объективности при принятии советом директоров решений по стратегически важным для кредитной организации вопросам.

Следовательно, изучение действия, форм проявления и наиболее эффективного использования в банковской деятельности экономических законов и

² См. ст. 5.1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 3 августа 2018 г.) // ВСНД РСФСР. 1990. № 27, ст. 357.

³ См. ст. 30 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 3 августа 2018 г. № 322-ФЗ) // Российская газета. 2002. 13 июля.

⁴ Там же. Ст. 26.

специфических законов, закономерностей развития банковской деятельности является приоритетной для изучения основе общих закономерностей развития рыночной экономики государства. Нам ясно, что в новых условиях, изучение административных и финансовых правоотношений осуществляются в процессе регулирования банковской деятельности и рассматриваются, явления во взаимодействии и развитии, исходя из конкретных особенностей того или иного нормативного регулирования.

Исходя из того, что банковская деятельность является важным показателем повышения уровня экономики государства, в финансовом праве важное место отводится изучению проблем привлечения и перераспределения денежных средств кредитными организациями. Значительное место в финансовом праве занимает изучение проблем организации платежно-расчетного механизма в государстве, банковского надзора, кредитования и других проблем.

Наряду с изучением роли банковской деятельности в повышении экономической эффективности экономики страны, в финансовом праве изучаются проблемы интенсивного ведения банковской деятельности и эффективности банковской деятельности как отрасли финансовой деятельности. Рассматриваются пути повышения эффективности работы кредитных организаций, как финансовых агентов государства в его интересах.

В условиях рыночной экономики уделяется больше внимание изучению проблем совершенствования финансово-правового регулирования банковской деятельности во всех звеньях банковской системы.

Финансово-правовое регулирование банковской деятельности, как и всей экономики, должно носить системный характер. В основу банковской деятельности положен системный анализ или системный подход, необходимость которого связана с возросшей сложностью решаемых задач. Банковская деятельность как отрасль финансовой деятельности государства характеризуется большей динамичностью, разветвленностью кредитных организаций, сложностью и многогранностью связей, а главное, огромными финансовыми ресурсами, находящимися в непрерывном движении.

Системный подход финансово-правового регулирования банковской деятельности необходим для формирования общих условий, обеспечивающих успешное управление отдельными аспектами функционирования банковской системы, исходя из интересов развития кредитных организаций и государства в целом.

Составным элементом системного подхода финансово-правового регулирования банковской деятельности является использование методов ее публично-правового регулирования, наряду с частно-правовым началом банковской деятельности.

Применение системного подхода финансово-правового регулирования банковской деятельности позволяет найти качественное выражение взаимосвязей между различными уровнями банковской системы, использовать возможности разработки оптимальных вариантов ее регулирования. Банковская система в свою очередь представляет сложную систему. Такая система изучается последовательно, по частям, т.е. ее заранее делят на подсистемы.

Раскрытие природы банковской деятельности служит основанием для выделения ее в качестве финансовой системы. Практическая значимость такого выделения заключается в том, что от содержания, вкладываемого в понятие банковской деятельности, зависят цели, которые стоят перед ней, функции,

выполняемые в соответствии с этими целями, и оценка результатов функционирования.

Функционирование банковской деятельности представляет собой непрерывно повторяющийся процесс привлечения, распределения и использования денежных средств, служащих основой для финансовых правоотношений. В свою очередь отдельные фазы банковской деятельности могут рассматриваться в качестве относительно обособленных систем, характеризующихся своими специфическими процессами.

Важной фазой банковской деятельности является распределение денежных средств. Экономическое содержание распределения денежных средств в банковской деятельности представляет собой кредитование.

Кредитование является банковской деятельностью в узком смысле этого слова. Процесс кредитования служит основанием выделения банковской деятельности как системы, представляющей собой совокупность специфических операций.

В процессе исторического развития, прогресса экономических отношений деятельность по кредитованию становится специальной функцией особого капитала — банковского. К его основной функции — кредитованию, присоединятся ряд дополнительных функций, но независимо от этого, в любых социально-исторических условиях, основанием для рассмотрения банковской деятельности как финансовой системы является специфическая деятельность по обслуживанию сферы обращения денежных средств.

Банковская деятельность помимо операций по кредитованию включает и операции по привлечению и использованию денежных средств. Достигнув определенной стадии, банковская деятельность превращается в финансовую отрасль деятельности государства, которая характеризуется совокупностью банковских операций, с помощью которых она выполняет экономические и социальные функции общества. Эти функции связаны с характером финансовой деятельности в целом, которая по отношению к банковской деятельности выступает в качестве суперсистемы. Тип банковской деятельности, механизм ее функционирования, цели и методы их достижения определяются социально-экономической природой того капитала, который она обслуживает. Вместе с тем, функции банковской деятельности определяют и специфические закономерности ее развития. Наряду с изучением роли банковской деятельности в финансовой системе, в целом, необходимо изучать ее специфические характеристики как отраслевой экономической системы.

Банковская деятельность осуществляется в определенных условиях, которые складываются на основе экономических законов. Отношения между государством, обществом, гражданами и кредитными организациями выражаются в форме оборота денежных средств, связь между которыми образует существо банковской деятельности и определяет основную его функцию в финансовой деятельности государства. В отношениях кредитования выражаются экономические связи кредитных организаций с гражданами.

Государство, в лице Банка России, выполняет функцию оценки банковских операций, в процессе распределения денежных средств и функцию надзора за кредитными организациями. Отсутствие кредитования свидетельствует о том, что общество отказывается в признании той или иной кредитной организации быть общественно необходимой. Банк России в этом случае выполняет функцию отбора тех кредитных организаций, которые обладают общественной значимостью.

Роль Банка России, особенности его функционирования определяется спецификой банковской деятельностью. Так, роль Банка России в условиях рыночной экономики определяется тем, что кредитные организации придают денежно-кредитным отношениям всеобщий характер. Поэтому связи между кредитными организациями не могут устанавливаться иначе как через Банк России. Отсюда финансово-правовое регулирование банковской деятельности на основе законов рыночной экономики выполняет Банк России, определяя порядок распределения денежных средств и осуществляя надзор за кредитными организациями.

Зарубежный опыт развития банковской системы показывает, что рыночный механизм финансово-правового регулирования банковской деятельности обеспечивает необходимые результаты для динамичного роста его показателей. Являясь средством взаимосвязи и взаимодействия основных элементов рынка, способствует повышению эффективности и конкурентоспособности банковской деятельности.

Финансовые правоотношения между кредитными организациями и Банком России, имеется в виду распределение денежных средств между членами общества осуществляется посредством банковской деятельности. В Российской Федерации существуют следующие формы банковской деятельности: банковская деятельность внутри государственного сектора экономики; банковская деятельность между государственными предприятиями и кредитными организациями; банковская деятельность внутри банковского сектора; банковская деятельность кредитными организациями и частным сектором.

Развитие банковской деятельности обуславливается существованием денежно-кредитных отношений. Для понимания особенностей банковской системы принципиальное значение имеет конституционное положение об определяющей роли Банка России в системе экономических отношений государства. Статья 75 Конституции РФ ясно подчеркивает исключительное право государственного регулирования денежно-кредитных отношений за Банком России, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти⁵. Данный принцип определяет развитие денежно-кредитных отношений, обосновывает применение рыночной концепции в осуществлении денежно-кредитной политики и приписывает регулятору банковской деятельностью рыночный механизм управления.

Банковское регулирование и надзор создает условия для рационального распределения и обращения денежных средств в масштабах всей страны. Банк России обеспечивает поступательное развитие банковской деятельности, определяя порядок его осуществления и надзор.

Все эти особенности регулирования банковской деятельности в условиях рыночной экономики обуславливают то, что Банк России, как по существу, так и по выполняемым функциям занимает совершенно особенное место в системе органов власти, осуществляющих финансовую деятельность государства. Банк России при этом характеризуется — политической и экономической независимостью, обуславливаемой природой денежно-кредитных отношений.

Банк России ограничен реализацией своих прав и обязанностей подотчетностью Государственной Думе Федерального Собрания РФ, которая назначает на

⁵ См. ст. 75 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31 ст. 4398.

должность и освобождает от должности Председателя Банка России (по представлению Президента Российской Федерации) и членов совета директоров Банка России (по представлению председателя Банка России, согласованному с Президентом РФ); направляет и отзывает представителей Государственной Думы в Национальном финансовом совете в рамках своей квоты, а также рассматривает основные направления единой государственной денежно-кредитной политики и годовой отчет Банка России и принимает по ним решения⁶.

В то же время Банк России приобретает относительную самостоятельность и воздействует на развитие банковской деятельности, определяя грани возможного поведения при взаимоотношении кредитных организаций и частного сектора. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики, определяются на основе действий экономических законов развития банковской деятельности на внутреннем и международном финансовом рынке. Благодаря этому, рыночный механизм, при осуществлении денежно-кредитной политики Банком России, коренным образом изменяется. Взаимодействие административного рычага и рыночного механизма приводит к совершенно другим последствиям, поскольку кредитные организации, работая для достижения своей основной цели — извлечение прибыли, способствуют наиболее полному удовлетворению потребностей членов общества.

Банковская деятельность представляет собой сферу финансовых отношений по кредитованию и других банковских операций между государственными, частными организациями, населением и кредитными организациями.

Взаимодействие между кредитными организациями и другими участниками банковской деятельности определяются федеральным законодательством о банковской деятельности, регулирующих управление государственными и частными финансами со стороны субъектов банковской системы.

Банковская деятельность характеризуется большей подвижностью и изменчивостью, поскольку его содержание зависит от многообразных факторов. Вследствие этого, при определении содержания банковской деятельности, наряду с характеристикой ее основных признаков, должны учитываться и закономерности развития финансового рынка. Это требует гибкого приспособления банковской деятельности к изменчивым финансовым условиям на мировой арене.

Таким образом, банковская деятельность является составной частью финансовой деятельности государства, дополняет его и служит источником оказания финансовых и связанных с ними услуг. Если в финансовой деятельности государства основные показатели устанавливаются через бюджет, то в банковской деятельности — соотношение финансовых показателей кредитных организаций определяется через механизм финансового рынка. При этом роль Банка России не ограничивается пассивной регистрацией кредитных организаций. Банк России предъявляет определенные требования к управлению денежными средствами, которые необходимо учитывать во избежание возникновения серьезных финансовых проблем.

В механизме финансово-правового регулирования банковской деятельности Банк России выступает в роли связующего звена между государством и кредит-

⁶ См. ст. 5. Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 3 августа 2018 г. № 322-ФЗ) // Российская газета. 2002. 13 июля.

ными организациями, осуществляя текущее регулирование и надзор банковской деятельности. Поэтому Банк России не может быть включен в банковскую сферу как специальный аппарат, поскольку наряду с эмиссионной функцией он выполняет функцию более высокого уровня — регулирование и надзор за деятельностью коммерческих банков.

Все разрастающаяся банковская деятельность охватывает разнообразные финансовые отношения между кредитными организациями и их клиентами, поэтому функционирование специального аппарата для обслуживания государственного интереса упорядочивает процесс обращения денежных средств. Вследствие этого деятельность кредитных организаций, занятых непосредственно в сфере обращения денежных средств, оказывается эффективной. Это объясняется тем, что каждая кредитная организация, специализирующаяся на осуществление банковских операций, может использовать привлеченные средства для обслуживания кругооборота денежных средств нескольких клиентов.

Таким образом, в финансовой деятельности государства имеется совокупность однородных предприятий, занимающихся на основании специального разрешения — лицензии Банка России, оказанием финансовых и связанных с ними услуг по осуществлению банковских операций. Эта совокупность предприятий образует специальную отрасль — банковскую деятельность.

Библиографический список

1. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2017 году. М.: Парадиз, 2018. 126 с.

References

1. Report on the development of the banking sector and banking supervision in 2017. M.: Paradise, 2018. 126 p.

УДК 347.73

А.С. Покачалова

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВОГО РЫНКА

Введение: развитие страхового рынка, а также повышение интереса государства к добровольному и обязательному страхованию обусловило усложнение страхового рынка. **Цель:** проанализировать структуру системы страхового рынка, выявить особенности структурных элементов данной системы. **Методологическая основа:** в статье используются общенаучные и специальные юридические методы. **Статистический метод** позволил выявить тенденцию к сокращению субъектов страхового

© Покачалова Анна Сергеевна, 2019

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: annapokachalova@mail.ru

© Pokachalova Anna Sergeevna, 2019

Candidate of Law, Associate professor, Financial, banking and customs law department (Saratov State Law Academy)

рынка за счет повышения требований к их финансовой устойчивости. С помощью формально-юридического метода установлена правовая сущность каждой подсистемы страхового рынка. **Результаты:** определена структура системы страхового рынка, обозначены ее специфические признаки. **Выводы:** в настоящее время значимость страхового рынка возрастает, в связи с чем можно говорить о формировании целостной системы страхового рынка, представляющей собой согласованную совокупность его подсистем, призванную обеспечить реализацию страховых продуктов, с учетом интересов потребителей страховых услуг и субъектов страхового дела, функционирующей на основе международных и внутригосударственных актов.

Ключевые слова: система финансового рынка, система страхового рынка, субъекты страхового дела, орган страхового надзора.

A.S. Pokachalova

FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE INSURANCE MARKET

Background: development of the insurance market, as well as the increased interest of the state in voluntary and compulsory insurance led to the complication of the insurance market. **Objective:** to analyze the structure of the insurance market system, to identify the features of the structural elements of this system. **Methodology:** general scientific and special legal methods are used in the research. Statistical method has allowed to reveal the tendency to reduce the subjects of the insurance market by increasing the requirements for their financial sustainability. Using the formal legal method, the legal essence of each subsystem of the insurance market is revealed. **Results:** the structure of the insurance market system has been determined and its specific features have been identified. **Conclusions:** at present, the importance of the insurance market is increasing, and therefore, we can speak about the formation of an integrated system of the insurance market, which is a coordinated set of its subsystems, designed to ensure the implementation of insurance products, taking into account the interests of insurance service consumers and subjects of insurance business, basis of international and domestic acts.

Key-words: financial market system, insurance market system, insurance agents, insurance supervisory authority.

В настоящее время под воздействием увеличения потребности отдельных субъектов в минимизации рисков посредством страхования — стремительно развивается страховой рынок. Этому процессу способствует также возникновение новых видов обязательного страхования в сферах особого значения и стимулирование государством добровольных видов страхования. Все это привело к усложнению структуры страхового рынка и необходимости его детального изучения как целостной системы.

А.Г. Гузнов, рассматривая вопрос о сущности финансового рынка, приходит к выводу о том, что в настоящее время сформировалась система финансового рынка, имеющая 4 подсистемы: 1) институциональную, включающую в себя все хозяйствующие субъекты, предоставляющие услуги на финансовом рынке или продающие финансовые продукты; 2) продуктовую, объединяющую в себе финансовые услуги и продукты в теоретическом смысле; 3) нормативно-

правовую, состоящую из публично-правового и частноправового компонентов; 4) *регуляторно-надзорную (контрольную)*, в которую входят субъекты, осуществляющие контроль и надзор в сфере финансового рынка [1, с. 23–25]. Кроме того, автор отмечает наличие внутри системы финансового рынка и подсистем, ориентированных на соответствующие институты или направления деятельности [1, с. 25]. К ним он относит банковскую и национальную платежную системы, которые имеют закрепленные в законе понятия. Вместе с тем страховой рынок А.Г. Гузнов не рассматривает как систему, хотя, начиная с 2000 гг. главной целью экономической политики в области развития страхования является формирование национальной системы страхования¹. На данный момент возможно говорить о формировании целостной системы страхового рынка, поскольку, как и система финансового рынка, она имеет соответствующие подсистемы.

Институциональная подсистема системы страхового рынка включает страховые организации, общества взаимного страхования, страховые брокеры (субъекты страхового дела), если рассматривать ее в узком смысле. Так, на основании анализа статистических данных (таблица), можно констатировать существенное сокращение субъектов страхового дела.

Институциональная подсистема страхового рынка с 2013–2018 года*

Структура страхового рынка	1 января 2013 г.	1 января 2014 г.	1 января 2015 г.	1 января 2016 г.	1 января 2017 г.	1 января 2018 г.
Субъекты страхового дела, в т.ч.:	641	597	567	478	361	308
страховые организации	458	420	404	334	255	225
общества взаимного страхования	11	12	12	10	12	12
страховые брокеры	172	165	151	134	96	71

* Таблица составлена на основе статистических данных, приведенных в годовых отчетах Банка России за 2014–2017 гг. См. Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/7796/ar_2017.pdf (дата обращения: 14.11. 2018).

Сокращение указанных субъектов в большей степени обусловлено повышением требований со стороны органа страхового надзора (Банка России) к финансовой устойчивости субъектов страхового дела, которые не все смогли выполнить, а также проведением мониторинга страховых организаций, способствовавшего выявлению организаций, имевших неустойчивое финансовое положение, и вследствие лишения лицензий.

Если же подходить к данному вопросу более широко, тогда в эту категорию необходимо отнести и страховых агентов, которые способствуют продаже страховых продуктов, однако, действуют от имени и за счет страховой организации.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 910-р «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 31, ст. 3295.

В качестве самостоятельной подсистемы страхового рынка *рассмотрим продуктовую подсистему*, куда следует отнести все виды страховых услуг, которые предоставляют субъекты страхового рынка.

Нормативно-правовая подсистема также относится к самостоятельной подсистеме системы страхового рынка, она обусловлена действием актов международного характера, а также актов внутригосударственного значения. Так, на международном уровне действует Международная ассоциация органов страхового надзора (International Association of Insurance Supervisors, IAIS), осуществляющая деятельность по обобщению опыта работы надзорных органов в области страхования, а также разрабатывающая принципы, стандарты и руководства². В основном ее акты носят рекомендательный характер и формируют основы т.н. «мягкого права». В январе 2018 г. Банк России присоединился к Многостороннему меморандуму о взаимопонимании по сотрудничеству и обмену информацией (IAIS MMoU), которым регулируются вопросы лицензирования, текущего надзора, ликвидации страховых компаний, а также надзора за страховыми посредниками, а также вопросы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма³. Данный Меморандум IAIS призван способствовать укреплению финансовой стабильности на национальном уровне и в глобальных масштабах.

Кроме того, Банк России в настоящее время осуществляет внедрение Solvency II⁴, являющейся национальным актом Европейского союза, устанавливающим требования к процессам регулирования и надзора за деятельностью страховщиков (включая перестраховочные организации) и страховых групп. Для ее внедрения Банком России сформирована Экспертная группа, состоящая из страховых организаций, консалтинговых компаний, рейтинговых агентств и Минфина России.

Внутригосударственное нормативно-правовое регулирование осуществляется посредством актов различной юридической силы, начиная от кодифицированных актов (ГК РФ, Бюджетный кодекс РФ) и заканчивая правилами, которые устанавливают профессиональные объединения (Всероссийский союз страховщиков (ВСС)⁵).

Следует отметить тот факт, что на страховом рынке осуществляется частно-правовое и публично-правовое регулирование, которые тесно взаимосвязаны. Так, отношения, возникающие в процессе продажи страховых продуктов, регулируются нормами частного права, в свою очередь, отношения, связанные с организационными основами страхования, особенно в отношении обязательного страхования, регулируются нормами публичного права [2, с. 19].

Особое место в регулировании страхового рынка занимают акты Банка России как органа страхового надзора, например, нормативные акты, посвященные порядку инвестирования средств страховых резервов и собственных средств

² См.: Официальный сайт Международной ассоциации органов страхового надзора. URL: <https://www.iaisweb.org/home> (дата обращения: 30.11.2018).

³ См.: Официальный сайт Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/today/ms/smo/iais/> (дата обращения: 30.11.2018).

⁴ См.: Директива 2009/138/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 25 ноября 2009 г. «Об организации и осуществлении деятельности страховых и перестраховочных организаций (Solvency II)» (Директива Solvency II).

⁵ См.: Внутренний стандарт по взаимодействию с получателями финансовых услуг, оказываемых страховыми организациями по договорам страхования жизни и договорам страхования от несчастных случаев и болезней, утв. постановлением Президиума Всероссийского союза страховщиков (протокол от 13 июля 2018 г. № 33) // Официальный сайт Всероссийского союза страховщиков (ВСС). URL: <http://www.ins-union.ru/rus/about> (дата обращения: 30.11.2018).

(капитала) страховщика⁶. В целях защиты потребителей страховых услуг Банк России издал Указание⁷, которым введен «период охлаждения», предоставляющий право отказаться от некоторых договоров добровольного страхования и получить назад уплаченную страховую премию. Данная мера повысила уровень защищенности прав потребителей страховых услуг, особенно заемщиков по договорам потребительского кредитования (в отношении навязывания страхования на невыгодных для заемщиков условиях) [3, с. 40].

Помимо названных, следует также выделить и регуляторно-надзорную подсистему, представленную деятельностью Банка России, который относительно недавно стал органом страхового надзора⁸, достигнув за короткий срок существенных успехов в деле стабилизации страхового рынка.

Особенностью регуляторно-надзорной подсистемы системы страхового рынка является наличие особых субъектов, которые способствуют осуществлению надзора. В частности, к ним можно отнести актуарии и специализированные депозитарии.

Актуарии призваны осуществлять деятельность по анализу и количественной финансовой оценке рисков и (или) обусловленных наличием рисков финансовых обязательств, а также деятельность по разработке и оценке эффективности методов управления финансовыми рисками⁹. В законе предусматривается обязательное актуарное оценивание, объектом которого является, во-первых, деятельность уполномоченного органа (Банка России) при разработке страховых тарифов по обязательному страхованию; во-вторых, негосударственных пенсионных фондов; в-третьих, страховых организаций, за исключением страховых медицинских организаций, осуществляющих исключительно обязательное медицинское страхование и в-четвертых, обществ взаимного страхования. Обязательное актуарное оценивание проводится ответственным актуарием не реже чем один раз в год, а обязанность по обеспечению его проведения возлагается на указанные организации.

Специализированные депозитарии появились в России в 2013 г. на основании Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в Закон РФ „Об организации страхового дела в Российской Федерации”»¹⁰, который дополнил Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» ст. 26.2 «Учет и хранение ценных бумаг, принимаемых для покрытия страховых резервов и собственных средств (капитала) страховщика. Контроль за активами страховщика». Согласно дан-

⁶ См.: Указание Банка России от 22 февраля 2017 г. № 4297-У «О порядке инвестирования средств страховых резервов и перечне разрешенных для инвестирования активов» // Вестник Банка России. 2017. № 46. 24 мая.

⁷ См.: Указание Центрального банка РФ от 20 ноября 2015 г. № 3854-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования» (с изм. от 21 августа 2017 г. № 4500-У) // Вестник Банка России. 2016. № 16. 20 февр.; 2017. № 82. 21 сент.

⁸ См.: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об организации страхового дела в Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. I, ст. 4067; Федеральный закон от 23 июля г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. I, ст. 4084.

⁹ См. ст. 2 Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 293-ФЗ «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» (с изм. от 23 июня 2016 г. № 194-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 44, ст. 5632; 2016. № 26, ч. I, ст. 3863.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30, ч. I, ст. 4067.

ным изменениям страховщики (страховые организации и общества взаимного страхования), осуществляющие пенсионное страхование, страхование жизни с условием периодических страховых выплат (ренты, аннуитетов) и (или) с участием страхователя в инвестиционном доходе страховщика, а также осуществляющие иные виды страхования, предусмотренные федеральными законами о конкретных видах обязательного страхования, обязаны учитывать и хранить ценные бумаги, принимаемые для покрытия страховых резервов и собственных средств (капитала) страховщика, в специализированном депозитарии. При этом на специализированного депозитария возлагается обязанность осуществлять ежедневный контроль за соблюдением страховщиками ограничений на размещение средств страховых резервов и собственных средств (капитала), требований к составу и структуре активов, принимаемых для покрытия страховых резервов и собственных средств (капитала) страховщика, правил размещения средств страховых резервов и собственных средств (капитала) страховщика. Таким образом, определенная часть надзорных полномочий передана иным субъектам, что отражает общие направления государственной финансовой политики [4, с. 15].

На основании изложенного можно предложить следующее определение системы страхового рынка: это согласованная совокупность его подсистем, призванная обеспечить реализацию страховых продуктов, с учетом интересов потребителей страховых услуг и субъектов страхового дела, функционирующая под контролем и надзором со стороны уполномоченных органов и субъектов на основе международных и внутригосударственных актов.

Библиографический список

1. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации / А.Г. Гузнов, Т.Э. Рождественская. М.: Юрайт, 2017. 438 с.
2. Покачалова А.С. Договор об обязательном пенсионном страховании как институт гражданского права // Социальное и пенсионное право. 2014. № 2. С. 18–22.
3. Покачалова А.С. Финансово-правовые аспекты работы банков при продаже страховых продуктов // Банковское право. 2018. № 6. С. 38–45.
4. Покачалова Е.В., Рыбкова А.Ю. Страховой надзор как универсальный финансово-правовой институт предупреждения правонарушений в сфере страхования и организации страхового дела // Финансовое право. 2018. № 10. С. 11–16.

References

1. Public Law Regulation of the Financial Market in the Russian Federation / A.G. Guznov, T.E. Rozhdestvenskaya. M.: Yurait Publishing House, 2017. 438 p.
2. Pokachalova A.S. Agreement on Compulsory Pension Insurance as an Institution of Civil Law // Social and Pension Law. 2014. № 2. P. 18–22.
3. Pokachalova A.S. Financial and Legal Aspects of the Work of Banks when Saling Insurance Products // Banking law. 2018. № 6. P. 38–45.
4. Pokachalova E.V., Rybkova A.Yu. Insurance Supervision as a Universal Financial and Legal Institution for Preventing Offenses in the Sphere of Insurance and Organization of Insurance Business // Financial Law. 2018. № 10. P. 11–16.

УДК 336.225.3

С.А. Ядрихинский

ОБЩЕРЕГУЛЯТИВНЫЕ ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Введение: категория «законные интересы налогоплательщика», несмотря на свой правовой потенциал, остается малоисследованной и нерешенной научной проблемой. Не уделяется должного внимания и ее разновидностям. В результате отсутствует не только единство научных взглядов к определению сущности законных интересов, но и практическое видение возможностей их реализации. **Цель:** обособить из всего многообразия законных интересов налогоплательщика, в отдельную группу, общерегулятивные законные интересы и подвергнуть их правовому анализу. **Методологическая основа:** различные общие и специальные методы познания явлений правовой действительности. Среди них особо значимым является юридико-догматический метод. **Результаты:** выделены особенности общерегулятивных законных интересов налогоплательщиков, к которым относят конституционно-правовой базис, высокую степень абстрагирования, общий характер и др.; дан правовой анализ отдельным видам законных интересов: по уплате только тех налогов, которые в конституционно-правовом смысле установлены закономерно; сделан упор на то, чтобы сделать понятным законодательство о налогах и сборах; создать предпосылки разумной стабильности и предсказуемости правового регулирования налоговых отношений и др. **Выводы:** реализация общерегулятивных законных интересов позволяет налогоплательщику контролировать пределы дискреционных полномочий законодателя и обеспечить сбалансированный подход в вопросе налогообложения.

Ключевые слова: налоговое правоотношение; конкретный законный интерес; общерегулятивный (общий) законный интерес; налогоплательщик; государство; установление налога; параллельная налоговая система; формальная определенность.

S.A. Yadrikhinskiy

GENERAL REGULATIVE LEGAL INTERESTS OF TAXPAYERS

Background: the category of legal interests of the taxpayer despite its legal potential remains unexplored and therefore unresolved scientific problem. There is also a lack of proper attention to its varieties. As a result, there is not only a lack of unity of scientific views on the definition of the essence of legal interests, but also a practical vision of the possibilities of their implementation. **Objective:** to separate from the variety of legal interests of taxpayers in a separate group of general regulative legal interests and subject them to legal analysis. **Methodology:** various general and special methods of cognition of the phenomena of legal reality. Among them, the legal dogmatic method is particularly significant. **Results:** the features of general regulative legal interests of taxpayers which include the constitutional and legal basis, a high degree of abstraction, general character, etc. are identified; the legal analysis of separate types of legal interests is given: in the payment of only those taxes that are legally established in the constitutional sense; in clear legislation on taxes and fees; in reasonable stability and predictability of legal regulation of tax relations, etc. **Conclusions:**

© Ядрихинский Сергей Александрович, 2019

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин (Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний); e-mail: Syadr@yandex.ru

© Yadrikhinskiy Sergey Alexandrovich, 2019

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia)

the implementation of general regulative legal interests allows the taxpayer to control the limits of discretionary powers of the legislator and thereby ensure a balanced approach to the issue of taxation.

Key-words: *tax legal relationship; concrete legal interest; general regulative legal interest; taxpayer; state; establishment of a tax; a parallel tax system; formal certainty.*

Системный подход в изучении понятия «законный интерес налогоплательщика» позволяет акцентировать внимание на малоизученных аспектах исследуемой категории, а также на проблемах единообразного понимания со стороны правоприменителя. Более полному и систематизированному представлению о правовой природе законных интересов способствует разделение их на определенные группы по общему признаку или основанию.

В теории права справедливо отмечается, что единственно возможной формой реализацией законного интереса является понятие «правоотношение».

По способу индивидуализации субъектов принято выделять общие и конкретные правоотношения. Соответственно в зависимости от *степени конкретизации* законные интересы налогоплательщика также можно разделить на конкретные (*конкретно-регулятивные*) и общие (*общерегулятивные*).

Конкретно-регулятивные законные интересы проистекают из относительных и (или) абсолютных налоговых правоотношений, для которых характерно четкое обозначенное притязание и носитель законного интереса. Примером конкретного законного интереса может выступать стремление налогоплательщика сохранить или приобрести статус налогового резидента, возможность применять специальный режим налогообложения в учете, исключающий вину в совершении налогового правонарушения, т.е. обстоятельств, исключающих привлечение налогоплательщика к ответственности, смягчающих (исключающих) ответственность и т.п.

Законные интересы вытекают из общерегулятивных налоговых правоотношений, они имеют более высокую степень абстрагирования. Это интересы общего порядка. Содержание этих интересов детерминировано общеправовыми принципами налогового права, конституционными требованиями. Здесь нет четко выраженного притязания, как например, в относительном налоговом правоотношении. Они отражают правовые взаимодействия общей системы «государство — налогоплательщик».

Общерегулятивные законные интересы налогоплательщика в большей мере представляют обратную правовую связь налогоплательщика на управомоченные действия публично-правового образования, к примеру — по установлению или введению налога. Особенностью этой группы законных интересов является их приоритетное значение, они не могут быть ограничены, поскольку опираются на конституционные нормы. Это в конституционные законные интересы налогоплательщика.

Содержащаяся в ст. 57 Конституции РФ норма «каждый обязан уплачивать законно установленные налоги и сборы» означает, что *условием* возникновения *обязанности* по уплате налогов и сборов является законность установления налогов и сборов.

Раскрывая конституционно-правовой смысл понятия «законно установленные налоги и сборы», Конституционный Суд РФ указывал, что налоги можно считать «законно установленными», если они установлены только законом (*а не иным*

нормативным актом), в предусмотренном законом порядке и введены в действие в соответствии с действующим законодательством; налоги, взимаемые не на основе закона, не могут считаться «законно установленными»; Конституция РФ исключает возможность установления налогов и сборов органами исполнительной власти; установить налог или сбор — значит не только дать ему название, но есть еще необходимость определения в законе существенных элементов налоговых обязательств, которые исчерпывающе перечислены в ст. 17 Налогового Кодекса РФ (далее — НК РФ). Причем элементы налогообложения должны быть определены четко и однозначно, чтобы обеспечить их единообразное толкование и применение¹. Определить элемент налога — значит описать *фактическую сторону* элемента, выделить его на основе каких-либо признаков или данных [1, с. 246]. По мнению Г.А. Гаджиева и С.Г. Пепеляева, если законодатель по какой-то причине не установил и (или) не определил хотя бы один из них, обязанность налогоплательщика не может считаться установленной [1, с. 246–247].

В связи с этим, в налогустанавливающих правоотношениях можно выделить следующие законные интересы налогоплательщика: уплату только тех налогов, которые в конституционно-правовом смысле установлены законом; законный интерес к понятному законодательству о налогах и сборах; интерес в разумной стабильности и предсказуемости правового регулирования налоговых отношений; недопустимость произвольного и (или) несанкционированного вмешательства исполнительной власти в налогустановочных отношениях; соблюдение законодателем процедуры принятия закона; экономическая нейтральность налогов; законный интерес в учете фактической налоговой способности и др.

¹ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2; от 18 февраля 1997 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности Постановления Правительства Российской Федерации от 28 февраля 1995 года „О введении платы за выдачу лицензий на производство, розлив, хранение и оптовую продажу алкогольной продукции”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 1; от 8 октября 1997 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности Закона Санкт-Петербурга от 14 июля 1995 года „О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5; от 11 ноября 1997 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11(1) Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года „О Государственной границе Российской Федерации” в редакции от 19 июля 1997 года» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6; от 28 марта 2000 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности подпункта „к” пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации „О налоге на добавленную стоимость” в связи с жалобой закрытого акционерного общества „Конфетти” и гражданки И.В.Савченко» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4; от 30 января 2001 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта „д” пункта 1 и пункта 3 статьи 20 закона Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации” в редакции Федерального закона от 31 июля 1998 года „О внесении изменений и дополнений в статью 20 закона Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации”, а также положений закона Чувашской республики „О налоге с продаж”, закона Кировской области „О налоге с продаж” и закона Челябинской области „О налоге с продаж” в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами общества с ограниченной ответственностью „Русская тройка” и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 3; Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2003 г. № 159-О «По запросу Арбитражного суда Владимирской области о проверке конституционности положения статьи 10 Федерального закона „О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5 и др.

В этой связи справедливой критике подверглась позиция Конституционного Суда РФ², допускающая установление налоговой базы по земельному налогу (кадастровой стоимости земельного участка), с учетом государственной кадастровой оценки земель, для определения кадастровой стоимости земельных участков на ведомственном уровне. «Использование бланкетной техники для передачи на подзаконный уровень вопросов установления основных параметров налоговой системы, включая элементы налогообложения, с точки зрения доктрины „законно установленного налога” нельзя признать допустимым», — отметил А.В. Демин в своем диссертационном исследовании [2, с. 262].

Следует признать в целом верным подход исключаящий любое воздействие органов исполнительной власти на величину налогов. Правотворческая компетенция исполнительных органов в сфере налогообложения крайне ограничена. В Постановлении от 11 ноября 1997 г. № 16-П Конституционный Суд РФ заключил, что если существенные элементы налога или сбора устанавливаются исполнительной властью, то принцип определенности налоговых обязательств подвергается угрозе, поскольку эти обязательства могут быть изменены в худшую для налогоплательщика сторону в упрощенном порядке³.

Понятно, что на практике речь идет не о прямом, а опосредованном, неявном воздействии. Внешне налоговое установление выглядит законотворческим исполнением; ведомственная рука обнаруживает себя в актах второго, третьего порядка, т.е. на более глубоких или вторичных этапах установления, при делегировании и даже субделегирувании части полномочий. Это не только вышеприведенный пример с государственной кадастровой оценкой земель для определения кадастровой стоимости земельных участков; это и использование коэффициентов-дефляторов, устанавливаемых подзаконными нормативными актами (п. 3 ст. 227.1 НК РФ), налог на добычу полезных ископаемых (п. 2 ст. 342 НК РФ), единый налог на вмененный доход (ст. 346.27, п. 4 ст. 346.29 НК РФ), установление пределов норм естественной убыли (пп. 2 п. 7 ст. 254 НК РФ) и др.

При таком делегированном подходе ценность правовых позиций Конституционного Суда РФ о недопустимости введения и регулирования налогов органами исполнительной власти, действительно, с течением времени, девальвируется [3, с. 19–27].

Законный интерес налогоплательщика состоит в уплате только таких налогов, которые в конституционно-правовом смысле установлены законно и в игнорировании тех налогов, которые атрибутивно не обладают законным качеством, т.к. незаконно установленные налоги никто платить не обязан.

Данный законный интерес является родовым, он носит общий характер и раскрывается через составляющие понятия «законно установленного налога». Любое отступление от принятой формулы, будь то нарушения связанные с порядком принятия, введения налога или иное отклонение, будет нарушать законный интерес налогоплательщика платить только законно установленные, а не произвольные налоги.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 1047-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб закрытого акционерного общества „Арсенал”, общества с ограниченной ответственностью „Горторгкомплекс” и гражданина Захарова Александра Николаевича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 390 и 391 Налогового кодекса Российской Федерации, статей 65 и 66 Земельного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 1997 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11(1) Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года „О Государственной границе Российской Федерации” в редакции от 19 июля 1997 года» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6.

При этом отметим, что в налогообстановочных отношениях участвуют не только федеральный законодатель, но и региональный, а именно в части установления отдельных элементов, соответственно региональных и местных налогов. За ними Налоговый кодекс РФ закрепил полномочия по определению налоговой ставки, порядка и срока уплаты (ст. 12 НК РФ); кроме этого, региональный и местный законодатель могут устанавливать особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения.

С.В. Третьяков и В.В. Стрельников анализируя своевременные установки, в числе прочих введение транспортного налога в субъектах РФ отметили *недисциплинированность* регионального законодателя. В частности, они указали что на 30 ноября 2002 г. (последний день, когда опубликованный закон мог действовать в 2003 г.) в 10 регионах транспортный налог установлен не был; для его уплаты в этих регионах в 2003 г. не было законных оснований [4, с. 24].

Подобные нарушения законодателя периодически становятся предметом рассмотрения судами. В частности, оценивая правомерность введения в действие с 1 февраля 1999 г. Закона Кировской области «О налоге с продаж», опубликованного 21 января 1999 г., Конституционный Суд РФ признал не соответствующим ст. 57 Конституции РФ Закон Кировской области «О налоге с продаж» по порядку введения в действие. Налог не мог быть введен в действие, по крайней мере, ранее чем по истечении одного месяца со дня его официального опубликования⁴.

Как видим, законный интерес налогоплательщиков в темпоральном действии налога был удовлетворен; порок в порядке введения налога привел к эффекту «плодов отравленного дерева». Нет законной процедуры введения налога, нет самого законно установленного налога, нет и оснований к уплате. Обратное нарушало законный интерес по уплате налогов только *правомерно установленных*.

Большую обеспокоенность делового и экспертного сообщества вызывает «параллельная налоговая система». Речь идет о нескольких десятках неcodифицированных публичных платежей, т.е. тех, которые при том, что остаются за рамками Налогового кодекса РФ, являются аналогичными в их существенных признаках тем налогам и сборам, закрепленным в Налоговом кодексе РФ.

По некоторым экспертным оценкам, такие «параллельные» публичные платежи составляют до 1% ВВП⁵. В рамках XI Всероссийского налогового форума «Налоговая политика: итоги года и перспективы», (декабрь 2015 г.) президент ТПП РФ С.Н. Катырин отметил, что налоговая нагрузка, определяемая Минфином России в 34,4% ВВП, на самом деле является более высокой. Помимо налогов и сборов, бизнесу необходимо уплачивать так называемые обязательные неналоговые платежи⁶.

⁴ Постановление Конституционного Суда от 30 января 2001 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта „д“ пункта 1 и пункта 3 статьи 20 закона Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации“ в редакции Федерального закона от 31 июля 1998 года „О внесении изменений и дополнений в статью 20 закона Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации“, а также положений закона Чувашской республики „О налоге с продаж“, закона Кировской области „О налоге с продаж“ и закона Челябинской области „О налоге с продаж“ в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами общества с ограниченной ответственностью „Русская тройка“ и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 3

⁵ «Неналоговые» налоги: системный подход. Участники дискуссии обсудили вопросы правового регулирования и взимания неналоговых платежей [электронный ресурс] // Налоговед. 2016. № 1. URL: <http://nalogoved.ru/art/5505.html> (дата обращения: 04.05.2018).

⁶ Мартыненко С.В. Стабильность не значит заморозка [электронный ресурс] // Бюджет. 2016. № 1. URL: <http://bujet.ru/article/289606.php> (дата обращения: 04.05.2018).

В.М. Зарипов в рамках круглого стола «„Неналоговые” налоги: системный подход», поделился результатами исследования, проведенного по заказу ТПП РФ с июня по сентябрь 2015 г. в отношении платежей, взимаемых в силу исключительных полномочий. Было выявлено порядка 50 платежей, из которых примерно 15 аналогичны налогам, а остальные — сборам. При этом задача «выловить» все существующие на федеральном уровне принудительные платежи не стояла. Их может быть гораздо больше, чем было выявлено, например за счет неучтенных платежей регионального и местного уровней⁷.

С.Г. Пепеляев с определенной долей сарказма отмечает, что платежи «которые формируют „параллельную налоговую систему”, выходят на первый план, так что параллельной можно уже называть классическую систему налогов и сборов. Классические налоги вытесняются подсаженными в фискальное гнездо кукушатами» [5, с. 4].

Становится очевидной пробуксовка абз. 3 п. 5 ст. 3 Налогового кодекса РФ: «...ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы, а также *иные взносы и платежи*, обладающие установленными Налоговым кодексом Российской Федерации признаками налогов или сборов, не предусмотренные им».

Одной из выгод для налогоплательщика является понятное законодательство о налогах и сборах. Данный законный интерес вытекает из требований *формальной определенности*, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования.

Неясность налогового законодательства по результатам исследования компании «Эрнст энд Янг» является основным внешним фактором возникновения налоговых рисков⁸.

При публичном обсуждении проекта Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (принят 30 июля 2013 г. за № 57) А.А. Иванов отметил, что налоговое законодательство настолько непонятно, что даже сами (судьи ВАС РФ — добавлено — Я.С.) не знают, какие расходы можно учитывать в налогообложении, какие нельзя, как правильно никто не знает. Налогоплательщик поставлен в ужасное положение: заплати то, не знаю что⁹.

Язык законодателя должен быть доступным и понятным адресату и соответствовать принципу правовой определенности (*principle of legal certainty*). Данное требование к законодателю было сформулировано еще дореволюционными учеными. В частности Н.И. Тургенев отмечал: «Количество налога, время и образ платежа должны быть определены, известны плательщику и независимы от власти собирателей. Выгоды наблюдения сего правила очевидны, как для народа, так и для самого Правительства. Напротив, неопределенность налога в отношении как к количеству оно, так и ко времени платежа отдает плательщика на произвол собирателей» [6, с. 32].

⁷ «Неналоговые» налоги: системный подход. Участники дискуссии обсудили вопросы правового регулирования и взимания неналоговых платежей [электронный ресурс] // Налоговед. 2016. № 1. URL: <http://nalogoved.ru/art/5505.html> (дата обращения: 04.05.2018).

⁸ Исследование вопросов налогообложения в России за 2010 год / «Эрнст энд Янг (СНГ) Б.В.» С. 32. URL: <http://taxpravo.ru/file/70d426fe7c78b35fcf677f116ad8b958.pdf> (дата обращения: 04.05.2018).

⁹ URL: https://www.youtube.com/watch?v=c1Zqp_cFNDY время (20:40) (дата обращения: 03.05.2018).

Налог как «единственно законная (устанавливаемая законом) форма отчуждения собственности физических и юридических лиц» [7, с. 24] безусловно затрагивает интересы плательщиков. Он вторгается в материальное пространство налогоплательщика, ограничивает его право собственности и иные свободы. Однако признание за налогами данного ограничения является допустимым, т.е. «единственно законным» что с одной стороны, порождает дополнительные требования к налоговым нормам, с другой — нет четкости и ясности. Дополнительно хотим отметить недопустимость дискриминации, и необходимость учитывать принцип справедливости. На это указывают как ученые [8, с. 3], так и правоприменительные органы.

Законоположения, по своему содержанию и (или) по форме не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, также создают возможность их неоднозначного толкования и произвольного применения и тем самым, подталкивают к нарушению закрепленных ст. 45 и 46 (ч. 1 и 2) Конституции РФ гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан¹⁰.

Неопределенность или расплывчатость норм в законах о налогах допускает возможность неограниченного пересмотра дел в процессе правоприменения, что неизбежно ведет к произволу государственных органов и должностных лиц в отношении к налогоплательщикам, это не согласуется с принципами правового государства (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), что ведет к нарушению верховенства закона и юридического равенства граждан перед законом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ), а также дискриминационному правоприменению¹¹.

¹⁰ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2009 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 38 Федерального закона „О воинской обязанности и военной службе” в связи с жалобой гражданина И.Н. Куашева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 3; от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 1; от 29 июня 2012 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения части десятой статьи 13 Федерального закона „Об оружии” в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5; от 14 мая 2013 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ „О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Н.М. Моренко» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 5 и др.

¹¹ См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 8 октября 1997 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности Закона Санкт-Петербурга от 14 июля 1995 года „О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 5; от 20 февраля 2001 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 7 Федерального закона „О налоге на добавленную стоимость” в связи с жалобой закрытого акционерного общества „Востокнефтеинвест”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 3; от 28 марта 2000 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности подпункта „к” пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации „О налоге на добавленную стоимость” в связи с жалобой закрытого акционерного общества „Конфетти” и гражданки И.В.Савченко» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4; от 11 ноября 1997 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11(1) Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года „О Государственной границе Российской Федерации” в редакции от 19 июля 1997 года» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6; от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР „О Государственной налоговой службе РСФСР” и Законов Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации” и „О федеральных органах налоговой полиции”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 5.

Налог не может считаться законно установленным, если он существует в дефектных, с точки зрения требований юридической техники, нормах¹².

Интересен в связи с этим взгляд литературного редактора Л.А. Алексеевой на лексику и стилистику текстов статей Налогового кодекса РФ. С сожалением Л.А. Алексеева отмечает: «Не удалось создателям Кодекса избежать захлестнувшей страну волны пренебрежения к чистоте русского языка. То в одной статье Кодекса, то в другой выпрыгивают лексические, стилистические, синтаксические погрешности, загромождают текст, затрудняя его восприятие, а следовательно, толкование и правоприменение. И возникают многочисленные налоговые споры» [9, с. 75].

Гарантией, обеспечивающей интересы налогоплательщика на понятное ему законодательство, является положение п. 7 ст. 3 НК РФ: все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента).

Однако на практике это положение воспринимается не так однозначно. В ряде случаев налоговые органы (да и суды), под добросовестными налогоплательщиками понимали только тех, кто не использует пробелы налогового законодательства в целях уклонения от уплаты налогов¹³.

Налогоплательщик имеет право на *стабильное и предсказуемое* правовое регулирование налоговых отношений. Стабильность условий налогообложения рассматривается как один из факторов нормальных условий хозяйствования в целом. Поэтому неудивительно, что Конституционный суд РФ уделяет пристальное внимание данному принципу¹⁴.

¹² См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности подпункта „к” пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации „О налоге на добавленную стоимость” в связи с жалобой закрытого акционерного общества „Конфетти” и гражданки И.В.Савченко» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4; от 20 февраля 2001 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 7 Федерального закона „О налоге на добавленную стоимость” в связи с жалобой закрытого акционерного общества „Востокнефтепродукт”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 3; Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 287-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 30 марта 2005 г. № А49-8549/04-596А/19. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2003 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации, регулирующего налогообложение субъектов малого предпринимательства — индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения, учета и отчетности, в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда. 2003. № 4; Определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 342-О «По жалобе гражданки Шуклиной Людмилы Викторовны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 1 статьи 3 закона Магаданской области «О введении в действие на территории Магаданской области единого налога на вмененный доход для определенных видов деятельности» // Вестник Конституционного Суда. 2003. № 6; Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 163-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью „Агата-ЛТД” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10 Федерального закона „О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 6; Определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2002 г. № 37-О «По жалобе гражданина Кривихина Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца третьего статьи 143 и пункта 2 статьи 145 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 4.

В частности Конституционный Суд РФ выдвигает законодателю требование установления *разумного переходного периода* при изменении налогового законодательства, ухудшающего положения налогоплательщика. Данные *темпоральные ограничения* должны, по мысли Конституционного суда РФ, исключить противоречивое истолкование нового налогового регулирования правоприменительными органами¹⁵.

В.В. Воинов справедливо предлагает установить такой же разумный срок и в отношении правовых позиций правоприменительных органов, которые путем толкования закона, ухудшают положение налогоплательщиков, как бы придавая закону, таким способом, обратную силу. В частности В.В. Воинов считает, что «правовые позиции ВС РФ, неблагоприятно для налогоплательщика изменяющие налоговые правила по сравнению с правовыми позициями ВАС РФ, не могут применяться ранее истечения разумного срока с момента появления нового толкования законодательства. Иной подход очевидным образом ухудшит положение налогоплательщика, полагавшегося в планировании своей хозяйственной деятельности на толкование норм налогового законодательства, которое было дано в ранее принятом постановлении Президиума ВАС РФ» [10, с. 44–45].

Конституционное требование режима стабильности предполагает особый порядок введения в действие закона о налогах (ст. 5 НК РФ). По мысли законодателя налогоплательщику должны быть предоставлены *темпоральные гарантии*, т.е. достаточное время для подготовки к новым условиям.

Однако ст. 5 НК РФ, устанавливающая правовые гарантии стабильности режима налогообложения, по справедливому выражению Д.М. Щекина «в практике КС РФ была подвергнута серьезному ограничительному толкованию» [11, с. 27]. Д.М. Щекин привел ряд примеров, демонстрирующих отступление от смысла ст. 5 НК РФ по крайней мере не бесспорных позиций КС РФ¹⁶.

¹⁵ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 163-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью „Агата-ЛТД” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10 Федерального закона „О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 6; от 10 июля 2003 г. № 342-О «По жалобе гражданки Шуклиной Людмилы Викторовны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 1 статьи 3 закона Магаданской области «О введении в действие на территории Магаданской области единого налога на вмененный доход для определенных видов деятельности» // Вестник Конституционного Суда. 2003. № 6.

¹⁶ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2003 г. № 159-О «По запросу Арбитражного суда Владимирской области о проверке конституционности положения статьи 10 Федерального закона „О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5; от 5 февраля 2004 г. № 28-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации Тверской областной общественной организации Всероссийского общества инвалидов Заволжского района города Твери на нарушение конституционных прав и свобод статьями 3 и 34 Федерального закона „Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации” и статьей 10 Федерального закона „О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах”» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2004. 5; «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Самарской городской общественной организации инвалидов „Волжанин” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 34 Федерального закона „Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации”» // Сборник решений Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ по вопросам деятельности ПФ РФ, ч. 1, 2004; от 6 февраля 2004 г. № 48-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества „Уралцемент” на нарушение конституционных прав и свобод положениями статьи 17 закона Российской Федерации „О плате за землю”, статьи 15 Федерального закона „О федеральном

К вышеуказанному присовокупляется еще и законный интерес налогоплательщика в недопустимости установления произвольных налогов, а также налогов, препятствующих реализации гражданами своих конституционных прав.

Государство, устанавливая правила с сфере налогообложения, реализует свои суверенные права. Вместе с тем, носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ст. 3 Конституции РФ).

Власть представительных органов не является абсолютной, несмотря на ее суверенный характер. Она сбалансирована и (или) ограничена правами человека, признание, соблюдение и защита которых является обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). На волю публично-правового образования постоянно «давит» чужой законный интерес (налогоплательщика), составляющий смысл законотворческого действия.

Представляемая законодательному органу дискреция в нормативно-правовом регулировании отношений по установлению, введению, взиманию налогов достаточно широка, но ограничена определенными рамками. Законодатель, реализуя властные полномочия, сам связан конституционными и общеправовыми требованиями, предъявляемыми как к качеству нормотворчества, так и ее процедуре. Соблюдении законодателем *процедуры* принятия закона также составляет законный интерес налогоплательщика.

Текущую ситуацию с соблюдением законодателем процедуры принятия закона С.Г. Пепеляев называет «правотворческой вакханалией» [12, с. 4]. Ученый разочарован выводами Конституционного Суда РФ в Определении от 11 октября 2016 г. № 2152-О¹⁷ с которыми связывались последние надежды. Конституционный суд РФ не нашел предосудительным дополнение проекта закона новыми положениями на этапе второго чтения, сделавшими иной первоначальную концепцию этого документа, и не посчитал его неконституционным по основанию нарушения процедуры принятия. В первом чтении проекта поправок в Налоговый кодекс РФ, одобренных парламентом, торговый сбор не обсуждался. «Поправку о введении сбора просто „подложили“, как кукушка подкладывает яйца в чужое гнездо» [13 с. 12]. В таком случае рассмотрение законопроекта нужно было начать заново. Кроме того, норму не согласовывали с регионами, поправки не подвергались оценке регулирующего воздействия (ОРВ), в том числе, на предмет возникновения необоснованных расходов предпринимателей.

Ключевой фигурой в данных отношениях являлся налогоплательщик. Именно ему предстоит нести налоговое бремя. Он заинтересован в принятии *сбалансированных*, т.е. выверенных законов, процедура принятия которых выступает гарантией взвешенных решений. Это его законный интерес.

С.Г. Пепеляев справедливо отмечает, что «помимо законодателя <...> есть еще налогоплательщики, принуждаемые к исполнению налогового законодательства, слепленного на скорую руку, кривобокого и неказистого, в том числе

бюджете на 1999 год», статьи 18 Федерального закона „О федеральном бюджете на 2000 год”, статьи 14 Федерального закона „О федеральном бюджете на 2002 год” и Федерального закона „Об индексации ставок земельного налога”. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 11 октября 2016 № 2152-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона „О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации” и Закона города Москвы „О торговом сборе”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

из-за поправок, не соответствующих тематике первоначальных законопроектов, обсужденных наспех, не прошедших оценку регулирующего воздействия, не согласованных с субъектами РФ. Но налогоплательщикам с их заботами места в Определении КС РФ вообще не нашлось» [12, с. 4–5].

По выражению С.Г. Пепеляева «нарушение конституционных принципов налогового законодательства стало обыденностью, упорно властью не замечаемой» [14, с. 5].

Законные интересы налогоплательщиков состоят в *экономической нейтральности* налогов. Данный принцип КС РФ указывает на его несовместимость с частями общего правового режима налогообложения (например, есть вопросы к объектам налогообложения), есть определенная зависимость от категории налогоплательщика без учета юридически значимых, объективных причин¹⁸.

В основе начал законодательства о налогах и сборах (п. 1 ст. 3 НК РФ) лежит требование налогоустановочных отношений, при этом учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога (налогоспособность).

В первоначальной редакции Налогового Кодекса РФ фактическая налогоспособность учитывалась «исходя из принципа справедливости». Однако Федеральным законом от 9 июля 1999 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации»¹⁹, слова «исходя из принципа справедливости» были исключены.

Подытоживая вышеизложенное сделаем следующие выводы. Обеспечением и защитой законных интересов налогоплательщика занимаются все ветви власти самостоятельно, в пределах своей компетенции, включая законодательную власть. При этом именно законодательной власти отводится исключительная компетенция в налогоустановочных правоотношениях, которые по своей природе относятся к общерегулятивным. В рамках данных правоотношений реализуются общие законные интересы налогоплательщиков. Общерегулятивный законный интерес основывается на законной форме налогов и соответственно вытекающих из конституционных требований к законодателю и исполнительной власти.

Именно правовые принципы и права человека (налогоплательщика) детерминируют правотворческую деятельность, оказывая соответствующее воздействие на правосознание законодателя, а также определяют дискреционные границы полномочий и критерии усмотрения законодателя.

Библиографический список

1. Гаджиев Г.А., Пепеляев С.Г. Предприниматель — налогоплательщик — государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: учебное пособие. М.: ФБК-Пресс, 1998. 592 с.
2. Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 452 с.
3. Лютова О.И. Коэффициенты-дефляторы — способ повышения налогов? // Налоговед. 2014. № 4. С. 19–27.
4. Третьяков С., Стрельников В. Применение норм Налогового кодекса РФ об установлении региональных и местных налогов. // Адвокат. 2005. № 3 С. 22–24.

¹⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 384-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Дизайн-группа «Интерьер Флора» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

¹⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 28, ст. 3487.

5. *Пепеляев С.Г.* Двери настежь // *Налоговед.* 2016. № 7. С. 4–6.
6. *Тургенев Н.И.* Опыт теории налогов. СПб.: Типография Н. Греча, 1818. 371 с.
7. *Основы налогового права: учебно-методическое пособие / под ред. С. Пепеляева.* М.: Инвест-Фонд, 1995. 496 с.
8. *Попова С.С.* Конституционно-правовые принципы налоговой системы в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
9. *Алексеева Л.А.* Стоит оглянуться на Закон // *Налоговед.* 2013. № 12. С. 75–80.
10. *Воинов В.В.* Судьба правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ по налоговым спорам // *Налоговед.* 2016. № 1. С. 44–45.
11. *Щекин Д.М.* Налоговые риски и тенденции развития налогового права / под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Статут, 2007. 236 с.
12. *Пепеляев С.Г.* Не до мух // *Налоговед.* 2016. № 12. С. 4–5.
13. *Штогрин С.* КС не решился отменить торговый сбор // *Практическая бухгалтерия.* 2016. № 11. С. 12.
14. *Пепеляев С.Г.* Не до закона // *Налоговед.* 2014. № 12. С. 4–6.

References

1. *Gadzhiev G.A., Pepeliaev S.G.* Entrepreneur-taxpayer-state. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: textbook. Moscow: FBK-Press. Publ. 1998. 592 p.
2. *Demin A.V.* The uncertainty in the tax law and legal means of its overcoming: dis. ... doctor. jurid. sci. Ekaterinburg. 2014. 452 p.
3. *Lyutova O.I.* Are the indexes-deflators - method of raising taxes? // *Nalogoved.* 2014. No. 4. P. 19–27.
4. *Tretyakov S., Strelnikov V.* Application of the Tax code of the Russian Federation on the establishment of regional and local taxes. // *Lawyer.* 2005. No. 3 P. 22–24.
5. *Pepeliaev S.G.* Doors wide open // *Nalogoved.* 2016. No. 7. P. 4–6.
6. *Turgenev N.I.* Experience of the theory of taxes. SPb.: Typography N. Buckwheat. Publ. 1818. 371 p.
7. *Pepeliaev S.G.* The basics of tax law: the textbook. Moscow: Investment Fund. Publ. 1995. 496 p.
8. *Popova S.S.* Constitutional and legal principles of the tax system in the decisions of the constitutional Court of the Russian Federation: author. dis. ... kand. jurid. sci. Moscow, 2005. 24 p.
9. *Alekseeva L.A.* It is worth looking back at the law // *Nalogoved.* 2013. No. 12. P. 75–80.
10. *Voinov V.V.* Fate of legal positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on tax disputes. 2016. No. 1. P. 44–45.
11. *Shchekin D.M.* Tax risks and trends in the development of tax law. Moscow: Statute. Publ. 2007. 236 p.
12. *Pepelyaev S.G.* Not to the flies // *Nalogoved.* 2016. No. 12. P. 4–5.
13. *Shtogrin S.* The CC did not decide to cancel the sales fee. // *Practical accounting.* 2016. No. 11. P. 12.
14. *Pepelyaev S.G.* Not until the law // *Nalogoved.* 2014. No. 12. P. 4–6.

УДК 347.73:336.74

М.В. Гудкова

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: эффективное использование механизма денежно-кредитного регулирования — залог успеха финансово-экономической устойчивости государства. В статье акцентируется внимание на инструментах и методах регулирования денежно-кредитной политики Российской Федерации, которые применяет Центральный Банк Российской Федерации (далее — Банк России), для поддержания стабильной и конкурентоспособной финансовой системы страны. **Цель:** проанализировать инструменты и методы Банка России в сфере регулирования денежно-кредитной политики РФ и выделить оптимальный комплексный механизм регулирования монетарной политики государства, направленный на создание эффективного и работоспособного финансового сектора и платежной системы страны. **Методологическая основа:** диалектический, системный, метод анализа и обобщения, сравнительно-правовой, формально-логический, нормативно-логический. **Результаты:** в статье выделен комплекс мер из девяти методов и инструментов регулирования денежно-кредитной политики Российской Федерации, направленный на создание эффективного и работоспособного финансового сектора государства. **Выводы:** выделенный комплексный механизм по созданию эффективного денежно-кредитного регулирования в Российской Федерации окажет благоприятное влияние на повышение конкурентоспособности страны, принятие эффективных решений в области макроэкономики, стабилизацию курса рубля и поддержание стабильно низкой инфляции.

Ключевые слова: финансовая система, денежная система, денежно-кредитная политика, денежное обращение, денежная эмиссия, правовое регулирование.

M. V. Gudkova

ON THE ISSUE OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE MONETARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: the effective application of the financial-legal regulation mechanism is the guarantee of success of the financial and economic stability of the government. This article deals with the instruments and methods of regulation of the monetary and credit policy of the Russian Federation used by the Russian Federation Central bank (hereinafter The Bank of Russia), for supporting stable and competitive financial system of the country. **Objective:** to analyze the instruments and methods of monetary and credit policy regulation and define the optimal complex control mechanism of the monetary and credit policy of the government directed at creation of the effective and efficient financial sector and payment system of the country. **Methodology:** dialectical, systemic method, the method of analysis and generalization, comparative - legal method, formal-logical method, normative-logical method. **Results:** the article highlights a set of measures consisted of nine methods and tools

© Гудкова Марина Валентиновна, 2019

Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mvgudkova@mail.ru

© Gudkova Marina Valentinovna, 2019

Postgraduate student of the Financial, banking and customs law department (Saratov State Law Academy)

of regulation of monetary policy of the Russian Federation, aimed at creating an effective and efficient financial sector of the state. Conclusions: the allocated complex mechanism on creation of effective monetary regulation in the Russian Federation will have a favorable impact on increase of competitiveness of the country, adoption of effective decisions in the field of macroeconomics, stabilization of the ruble exchange rate and maintenance of steadily low inflation.

Key-words: *financial system, monetary system, monetary policy, monetary circulation, money issue, legal regulation.*

Финансовая и экономическая стабильность государства чаще всего зависит от отлаженного механизма функционирования финансовой системы страны. В науке финансового права особенно подчеркивается, что финансовая система государства состоит из ряда взаимосвязанных элементов — финансово-правовых институтов [1, с. 27–28]. Одним из таких институтов является исторически сложившаяся в государстве денежная система [2, с. 336; 3, с. 99; 4, с. 14]. Под денежной системой принято понимать законодательно закрепленную форму организации денежного обращения, включающую в себя непрерывный процесс движения денег, являющихся средством обращения и платежа в государстве [5, с. 735].

В настоящий момент Российская Федерация в очередной раз стоит на пороге перемен, поэтому одной из основных задач современной государственной политики является повышение конкурентоспособности страны в экономической и финансовой сфере. Модернизация финансовой системы государства путем выработки новых моделей правового регулирования финансово-правовых институтов окажет благоприятное воздействие на развитие рыночной конкуренции внутри страны и выход на мировой рынок. Именно поэтому анализ и выделение направлений совершенствования денежно-кредитной системы РФ на современном этапе развития является весьма актуальным в науке финансового права.

Денежная система состоит из ряда тесно взаимосвязанных элементов, единство которых позволяет четко и своевременно реализовывать денежно-кредитную политику государства. В теории финансового права все элементы денежной системы можно разделить на несколько блоков: фундаментальный, функциональный и обслуживающий [6, с. 95–101; 7, с. 38–41]. Следует выделить несколько основных элементов денежной системы, составляющих единый многофункциональный механизм: принципы организации денежной системы, денежная единица, масштаб цен, виды денег и денежных знаков, эмиссионный механизм (эмиссия наличных и безналичных денежных средств), механизм денежно-кредитного регулирования (единство денежного обращения и кредитной политики).

Стабильная денежная система способствует финансово-экономическому росту и развитию хозяйственной инфраструктуры в государстве. Денежная система выполняет три важные функции: эмиссионную, контролируемую и регулируемую [6, с. 94]. Реализуя эмиссионную функцию, денежная система определяет способы обеспечения законных платежных средств, порядок наличной и безналичной эмиссии денежных средств, а также разделение данной деятельности между центральным банкиром и коммерческими банками страны. Регулирующая функция денежной системы осуществляет регулирование денежной массы в хозяйственном обороте государства и упорядочивает ее структуру. Контроли-

рующая функция денежной системы направлена на соблюдение нормативно-правовой базы в области организации денежно-кредитного обращения. Единство реализации и обеспечения в практической деятельности всех трех функций денежной системы создает фундамент для ее эластичности и стабильности, что является гарантией удовлетворения всех потребностей экономики государства.

Исторически сложилось так, что стабильность и функциональность денежно-кредитной системы страны обеспечивает центральный банкир. В соответствии со ст. 3 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон о Банке России), основными целями деятельности Центрального банка Российской Федерации (далее — Банк России) являются: защита и обеспечение устойчивости рубля, развитие и укрепление банковской системы, обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы, развитие финансового рынка, а также обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации¹. Таким образом, основной обязанностью Банка России является обеспечение надежного, стабильного и своевременного правового регулирования всех взаимообусловленных элементов денежно-кредитной системы государства. Рост национальной экономики, осуществление инвестирования в производство и повышение конкурентоспособности напрямую зависят от динамики развития финансовой системы страны, а также денежной системы, как ее составной части.

По мнению Е.Ю. Грачевой и Н.М. Артемова, государство заинтересовано в таком финансово-правовом регулировании денежной системы, при котором происходит поддержание правильного соотношения между доходами населения и организаций в денежной форме с одной стороны, и стоимостью товара и платных услуг с другой стороны [8, с. 468].

По мнению Е.В. Покачаловой, Е.Н. Пастушенко финансово-правовое регулирование денежной системы Российской Федерации заключается в закреплении на законодательном уровне выработки системных мер в области экономического роста, занятости граждан, сдерживании процесса инфляции, выравнивании платежного баланса [5, с. 739].

Отметим, что вышеуказанные позиции авторов подчеркивают необходимость эффективного использования денежно-кредитного механизма. В случае поддержания баланса и проработанной нормативно-правовой базы, денежная система государства находится в стабильном и работоспособном состоянии, а также способна своевременно реагировать на шоковые ситуации.

Закон о Банке России закрепляет восемь основных инструментов и методов регулирования денежно-кредитной политики Российской Федерации центральным банкиром, к ним относятся: обязательные резервные требования, рефинансирование кредитных организаций, установление ориентиров роста денежной массы, эмиссия облигаций от имени Банка России, процентные ставки по операциям Банка России, операции на открытом рынке, валютные интервенции и установление прямых количественных ограничений². Данный перечень является открытым, поэтому в зависимости от обстоятельств Банк России имеет

¹ См.: Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. от 7 марта 2018 г. № 53-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790; 2018. № 11, ст. 1588.

² См. ст. 35 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. от 7 марта 2018 г. № 53-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790; 2018. № 11, ст. 1588.

право определить и иные инструменты денежно-кредитной политики, в целях поддержания ее стабильного функционирования.

Рассмотрим более подробно данные инструменты и методы денежно-кредитной политики Банка России, с целью выделения оптимального комплексного механизма регулирования денежно-кредитной политики Российской Федерации.

В соответствии со ст. 38 Закона о Банке России и Положением Банка России «Об обязательных резервах кредитных организаций»³ Банк России осуществляет регулирование общей ликвидности банковской системы государства и контроль денежных агрегатов путем снижения денежного мультипликатора. Снижение норм резервных требований побуждает банки расширять кредитование, в то время как их увеличение ограничивает кредитную деятельность [9, с. 34]. В первом случае, предложение денег в экономике страны расширяется, а во втором случае сокращается. Следовательно, данный инструмент оказывает влияние на изменение объемов ресурсов в банковском секторе государства.

Банк России осуществляет рефинансирование кредитных организаций в соответствии со ст. 40 Закона о Банке России и Положением Банка России «О порядке предоставления Банком России кредитным организациям кредитов, обеспеченных залогом (блокировкой) ценных бумаг»⁴. Под рефинансированием в данном случае понимается кредитование кредитных организаций, т.е. предоставление им ресурсов, инструментом регулирования которого выступает установление ставки, отражающей стоимость таких ресурсов в процентах годовых [10, с. 113]. В данной ситуации Банк России выступает в роли кредитора последней инстанции, учитывая при этом частноправовые и публично-правовые интересы [11, с. 17–21]. Следует заметить, что с помощью рефинансирования Банк России поддерживает ликвидность банковской системы, помогает банковским организациям справиться с возникшими финансовыми трудностями, предупреждает отрицательные кризисные последствия в денежно-кредитной сфере.

Другим методом денежно-кредитной политики является установление ориентиров роста денежной массы, поэтому в соответствии со ст. 42 Закона о Банке России, исходя из основных направлений денежно-кредитной политики государства, центральный банкир может устанавливать ориентиры роста одного или нескольких показателей денежной массы. Из всего вышеизложенного следует, что Банк России может регулировать ликвидность общего объема денег в стране путем превращения безналичных денежных средств в наличные денежные средства, однако, использование данного метода ограничено законодательным требованием о соответствии ориентирам государственной политики.

Банк России в соответствии со ст. 44 Закона о Банке России от своего имени осуществляет эмиссию облигаций. Особенностью данной эмиссии является то, что она происходит только среди кредитных организаций и не является операцией коммерческого характера для Банка России. Данная операция направлена на реализацию единой государственной денежно-кредитной политики и на перераспределение ликвидности в банковском секторе страны.

³ См.: Положение Банка России от 1 декабря 2015 г. № 507-П «Об обязательных резервах кредитных организаций» (с изм. от 13 ноября 2017 г. № 4605-У) // Вестник Банка России. 2015. № 121; 2018. № 8.

⁴ См.: Положение Банка России от 4 августа 2003 г. № 236-П «О порядке предоставления Банком России кредитным организациям кредитов, обеспеченных залогом (блокировкой) ценных бумаг» (с изм. от 9 сентября 2015 г. № 3779-У) // Вестник Банка России. 2003. № 62; 2015. № 91.

Одним из основных инструментов монетарного регулирования в Российской Федерации является изменение процентных ставок по операциям Банка России. В соответствии со ст. 37 Закона о Банке России и Указанием Банка России «О ставке рефинансирования Банка России и ключевой ставке Банка России»⁵ Банком России могут быть установлены процентные ставки по различным видам операций (к примеру, привлечение депозитов, сделки РЕПО, предоставление кредитов) как фиксированные, так и не фиксированные. Данная политика проводится с целью воздействия на рыночные процентные ставки. С 2013 г. Банк России проводит режим таргетирования инфляции с целью достижения ценовой стабильности в стране. Достижение данной цели требует сохранения стабильно низкой инфляции и формирования предсказуемой динамики процентных ставок⁶. Отметим, что с 1 января 2016 г. значение ставки рефинансирования приравнено к ключевой ставке Банка России, и определяется на соответствующую дату. При повышении процентных ставок Банком России, происходит повышение ставок по кредитам в банках. Следствием этого является сокращение объема наличной денежной массы, что приводит к снижению потребительского спроса [12, с. 60]. В случае понижения процентных ставок Банком России, происходит увеличение наличных денежных средств в хозяйственном обращении и увеличение потребительского спроса. Отметим, что в настоящее время вмешательство Банка России в процесс курсообразования в стране сокращается. В связи с этим уменьшается степень влияния на ликвидность банковской системы страны операций купли-продажи, которые осуществляет Банк России с иностранной валютой. Именно поэтому, управление процентными ставками является основным инструментом при осуществлении монетарного регулирования в государстве.

Эффективным инструментом монетарного регулирования в Российской Федерации являются операции на открытом рынке, проводимые Банком России. Под данными операциями понимается купля-продажа казначейских векселей, государственных облигаций, прочих государственных ценных бумаг, облигаций Банка России, а также заключение договоров РЕПО с указанными ценными бумагами; купля-продажа иных ценных бумаг, определенных решением Совета директоров, при условии их допуска к обращению на организованных торгах, а также заключение договоров РЕПО с указанными ценными бумагами⁷. Отметим, что операции на открытом рынке оказывают влияние на объем денежных средств, находящихся в хозяйственном обороте у кредитных организаций, а также на условия предложения кредита. Данным инструментом Банк России создает выгодные условия для кредитных организаций по покупке и продаже ценных бумаг, повышая их ликвидность.

Международный опыт показывает, что такой инструмент, как валютные интервенции, эффективно применяются на практике в моменты экономических кризисов [13, с. 31–36; 14, с. 21–26]. Согласно ст. 41 Закона о Банке России, Банк России осуществляет куплю-продажу иностранной валюты на валютном рын-

⁵ См.: Указание Банка России от 11 декабря 2015 г. № 3894-У «О ставке рефинансирования Банка России и ключевой ставке Банка России» // Вестник Банка России. 2015. № 115.

⁶ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020 годов. Официальный сайт Банка России. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkr/on_2018\(2019-2020\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkr/on_2018(2019-2020).pdf) (дата обращения: 11.04.2018).

⁷ См.: ст. 39 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. от 7 марта 2018 г. № 53-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790; 2018. № 11, ст. 1588.

ке для воздействия на курс рубля и на суммарный спрос и предложение денег. Данная политика монетарного регулирования применялась в России в период глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. и была направлена на поддержание курса рубля. Следует отметить, что в настоящее время Банк России осуществляет куплю-продажу иностранной валюты с целью сглаживания колебаний валютного курса рубля.

В соответствии со ст. 43 Закона о Банке России, он имеет право устанавливать прямые количественные ограничения, под которыми понимаются лимиты на рефинансирование кредитных организаций и проведение кредитными организациями отдельных банковских операций. Данный инструмент регулирования используется редко и лишь в кризисных ситуациях, а в случае использования должен касаться всех кредитных организаций и применяться только после консультации с Правительством Российской Федерации. Следует иметь в виду, что данный инструмент монетарного регулирования направлен на ограничение объемов кредитования, и является инструментом антиинфляционной политики.

Проведя анализ элементов денежно-кредитной системы, функций денежной системы, а также инструментов и методов денежно-кредитной политики Российской Федерации, представляется возможным выделить оптимального комплексного механизма регулирования денежно-кредитной политики Российской Федерации, направленного на создание эффективного и работоспособного финансового сектора страны.

Во-первых, необходимо создание баланса спроса и предложения путем поддержания процентных ставок Банка России на оптимальном уровне для граждан и промышленного комплекса страны с целью сохранения и накопления сбережений в отечественной валюте.

Во-вторых, при выработке основного курса политики государства необходимо проводить анализ международных процентных ставок на курсы валют, тем самым снижая зависимость отечественной валюты от иностранной.

В-третьих, создание ценовой стабильности на товары общего потребления, инвестирование денежных средств в сельское хозяйство и отечественные промышленные предприятия с целью импортозамещения и повышения конкурентоспособности экономического сектора страны.

В-четвертых, приобретение иностранной валюты для увеличения международных резервов, способных в шоковой ситуации сохранить стабильность в экономике государства.

В-пятых, снижение валютных рисков, снижение уровня уменьшения потерь и упущенной прибыли с помощью государственных резервов.

В-шестых, своевременный банковский надзор за ликвидностью кредитных организаций с целью поддержания их стабильной работы.

В-седьмых, активное использование операций рефинансирования кредитных организаций для регулирования спроса и предложения на денежные средства, повышая роль процентной политики и снижая уровень инфляции.

В-восьмых, совершенствование комплекса мер денежно-кредитной политики Банка России и их сбалансированное применение с целью повышения эффективности в области регулирования экономической ситуации в стране.

В-девятых, повышение прозрачности деятельности Банка России, информирование населения страны о состоянии экономики и финансового сектора государства, ознакомление с предпринимаемыми мерами стабилизации.

В заключение необходимо отметить, что вышеуказанный комплекс мер по созданию эффективного денежно-кредитного регулирования в Российской Федерации окажет благоприятное влияние на повышение конкурентоспособности страны, принятие эффективных решений в области макроэкономики, стабилизацию курса рубля и поддержание стабильно низкой инфляции.

Библиографический список

1. *Бельский К.С.* Финансовая деятельность государства и муниципальных образований // *Финансовое право: учебник для бакалавров / под ред. И.А. Цинделиани.* 3-е изд. М.: Проспект, 2016. 656 с.
2. *Винницкий Д.В.* Основные проблемы теории российского налогового права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 436 с.
3. *Худяков А.И.* Финансовое право Республики Казахстан: общая часть. Алматы: Баспа, 2001. 272 с.
4. *Фрейдина Ю.И.* Обоснование выделения эмиссионного права как подотрасли в системе финансового права // *Правовая инициатива.* 2013. № 7. С. 14.
5. *Пастушенко Е.Н., Покачалова Е.В.* Правовые основы денежного обращения и расчетов // *Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова.* 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2017. 800 с.
6. *Деньги, кредит, банки: учебник / под ред. О.И. Лаврушина.* 6-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2007. 560 с.
7. *Шитов В.Н.* Деньги. Кредит. Банки: учебное пособие: в 2 ч. Ульяновск: УлГТУ, 2011. Ч. I. 167 с.
8. *Грачева Е.Ю., Артемов Н.М.* Правовые основы денежной системы // *Финансовое право: учебник / под ред. Е.Ю. Грачевой.* М.: Проспект, 2012. 576 с.
9. *Маневич В.Е.* Инструменты денежной и финансовой политики (вступительная статья к русскому изданию) // *Тобин Джеймс. Денежная политика и экономический рост / пер. с англ. М.: Литроком, 2010. 272 с.*
10. *Гузнов А.Г.* Правовое регулирование денежно-кредитной политики // *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Финансово-правовое регулирование банковской деятельности. М.: Проспект, 2016. 336 с.
11. *Сытников М.Ю.* Правовое понятие «кредитная деятельность Банка России» // *Банковское право.* 2006. № 4. С. 17–21.
12. *Кучеров И.И.* Право денежного обращения: курс лекций. М.: Магистр: Инфра-М, 2013. 256 с.
13. *Звонова Е.А., Журавлева Ю.А.* Международные валютные войны в конце 2010 года: позиции отдельных стран // *Международная экономика.* 2011. № 3. С. 31–36.
14. *Слепов В.А., Ларцев М.И.* Динамика денежно-кредитной политики развитых стран // *Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет.* 2010. № 1. С. 21–26.

References

1. *Belsky K.S.* Financial Activities of the State and Municipalities // *Financial Law: a textbook for bachelors / ed. I.A. Tsindeliани.* 3rd prod. Moscow: Prospekt, 2016. 656 p.
2. *Vinnitsky D.V.* Main Problems of the Theory of Russian Tax Law: diss. ... doct. of law., Ekaterinburg, 2003. 436 p.
3. *Khudyakov A.I.* Financial Law of the Republic of Kazakhstan. General part. Almaty: Baspa, 2001. 272 p.
4. *Freydina Yu.I.* Rationale for the Allocation of Issuing Rights as a Sub-sector in the System of Financial Law // *The Legal Initiative.* 2013. №. 7. P. 14.

5. *Pastushenko E.N., Pokachalova E.V.* The Legal Basis of Monetary Circulation and Payments // Financial law: a textbook / ex. ed. N.I. Khimicheva, E.V. Pochachalova. 6th prod., revised and supplemented. M.: Norma, 2017. 800 p.
6. Money, Credit, Banks: a textbook / ed. O.I. Lavrushin. 6th prod., sr. Moscow: Knorus, 2007. 560 p.
7. *Shitov V.N.* Money. Credit. Banks: a study guide. In 2 parts. Part I. Ulyanovsk: UIGTU, 2011. 167 p.
8. *Gracheva E.Yu., Artemov N.M.* Legal Basis of the Monetary System // Financial law: a textbook / ed. E.Yu. Gracheva. Moscow: Prospekt, 2012. 576 p.
9. *Manevich V.E.* Instruments of Monetary and Financial Policy (introductory article to the Russian edition) // Tobin James. Monetary Policy and Economic Growth/ translated from English. M., 2010. 272 p.
10. *Guznov A.G.* Legal Regulation of Monetary Policy // *Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G.* Financial and Legal Regulation of Banking. Moscow: Prospekt, 2016. 336 p.
11. *Sytников M.Yu.* Legal Concept «Credit Activity of the Bank of Russia» // Banking law. 2006. № 4. P. 17–21.
12. *Kucherov I.I.* The Right of Currency Circulation: a course of lectures. M.: Master: Infra-M, 2013. 256 p.
13. *Zvonova E.A., Zhuravleva Yu.A.* International currency war in late 2010: the position of individual countries in the international economy. 2011. No. 3. P. 31–36.
14. *Slepov V.A., Lartsev M.I.* Dynamics of monetary policy of developed countries. Financial Bulletin: Finance, taxes, insurance, accounting. 2010. No. 1. P. 21–26.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

УДК 349.2

Д.В. Марон

К ВОПРОСУ ОБ ИСЧИСЛЕНИИ СРОКОВ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Введение: в Трудовом кодексе РФ в гл. 1 «Основные начала трудового законодательства» содержится ст. 14 «Исчисление сроков». Ее содержание представляет собой «камертон» действующего трудового законодательства о сроках. Изучение норм ТК РФ позволяет сделать вывод о том, что в 126 статьях ТК РФ из 424 содержится упоминание о сроках в различных аспектах, т.е. они включены в различные институты трудового права как Общей, так и Особенной части. **Цель:** исследовать вопрос об исчислении сроков в трудовом праве. **Методологическая основа:** анализ, обобщение, описание, классификация. **Результаты:** определены правила временных рамок действия нормативных правовых актов различной юридической силы, внесены предложения по совершенствованию законодательства. **Выводы:** определять временные рамки действия законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права возможно с помощью следующих правил: установление в законе или ином нормативном правовом акте дня его вступления в силу; возможность прекращения (истечение срока, вступление в силу другого акта равной или высшей юридической силы; отмена (признание утратившими силу) данного акта либо отдельных его положений актом равной или высшей юридической силы) действия закона или иного нормативного правового акта; возможность прекращения (истечение срока, вступление в силу другого акта равной или высшей юридической силы; отмена (признание утратившими силу) действия отдельных положений закона или иного нормативного акта; после введения в действие закона или иного нормативного правового акта он применяется только к вновь возникшим трудовым и иным непосредственно связанным с ними отношениям; применение закона или иного нормативного правового акта к отношениям, возникшим до введения его в действие и допускается только в случае прямого указания закона.

Ключевые слова: срок, работник, работодатель, трудовое право, норма права, отмена акта, истечение срока, прекращение срока действия.

D. V. Maron

TO THE QUESTION OF THE CALCULATION OF THE TIME PERIODS OF LABOR RIGHT

Background: article 14 “Calculation of the time periods” is contained in Chapter 1 “Basic principles of labor legislation” of the Labor code of the Russian Federation. Its content is a “tuning fork” of the current labor legislation on terms. The study of the norms of the

© Марон Дмитрий Владимирович, 2019

Аспирант кафедры трудового права (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

© Maron Dmitry Vladimirovich, 2019

Postgraduate degree seeker of the Labor law department (Moscow State University named after M.V. Lomonosov)

labor code leads to the conclusion that 126 articles of the labor code from 424 contain a reference to the terms in various aspects, i.e. they are included in various institutions of labor law as a General and Special part. Objective: to research the issue of calculation of time periods in labor law. Methodology: methods of analysis, generalization, description, classification. Results: the rules of the time periods frame of the normative legal acts of different legal force have been defined, the proposals for the improvement of the legislation have been made. Conclusions: determine the time frame of the laws and other regulatory legal acts containing the rules of labor law is possible with the help of the following rules: the establishment in the law or other regulatory legal act of the day of its entry into force; the possibility of termination (expiration, entry into force of another act of equal or higher legal force; cancellation (invalidation) of this act or its individual provisions by an act of equal or higher legal force) of the law or other regulatory legal act; the possibility of termination (expiration, entry into force of another act of equal or higher legal force; cancellation (invalidation) of certain provisions of the law or other normative act; after the enactment of the law or other normative legal act, it applies only to newly emerged labor and other directly related relations; application of the law or other normative legal act to relations that arose before its entry into force and is allowed only in the case of direct indication of the law.

Key-words: *time period, employee, employer, labor law, rule of law, cancellation of the act, expiration of the term, termination of validity.*

Рассмотрение вопроса о правилах исчисления сроков требует обращения к истории этой проблемы. Изучение структуры и содержания КЗоТ 1918 г. показало, что он не имел отдельной статьи о сроках и порядке их исчисления. Однако в нем содержались многочисленные нормы о сроках. Они могут быть сгруппированы в зависимости от института: 1) о трудовой повинности, например, ст. 1–3 (возраст лиц, не подлежащих трудовой повинности); 2) право на применение труда, например, ст. 14 (ограничение работы в ночное время для несовершеннолетних); 3) порядок предоставления труда, например, ст. 25 (минимальная продолжительность работы); 4) о предварительном испытании, например, при длительном характере работ окончательному принятию на работу предшествует испытание не более 6 дней для рабочих, а в советских учреждениях двухнедельное для неквалифицированных и менее ответственных видов труда и месячное для квалифицированных и ответственных (ст. 32) и др.; 5) о переводе и увольнении трудящихся, например, ст. 45–48; 6) о вознаграждении за труд, например, ст. 71 о том, что если работа носит постоянный характер, то выдача вознаграждения должна производиться периодически, но не реже, чем каждые 2 недели; 7) о рабочем времени, например, ст. 84–86, 88, 89, 93, 98, 101, 103, 105–108, 109; 8) нормы о вступлении Кодекса в действие (ст. 1).

В следующем кодифицированном акте — Кодексе законов о труде 1922 г. также отсутствовала отдельная статья о сроках. Кодекс включал похожие нормы о сроках, которые содержались практически во всех его разделах. Однако следует отметить, что в нем появился разд. 16, который закреплял права на индивидуальные и коллективные трудовые споры и устанавливал систему органов по рассмотрению трудовых споров, т.е. появилось официальное закрепление процедурно-процессуальных сроков. Важная особенность этого акта была отмечена К.М. Варшавским, который обратил внимание на то, что действие Кодекса «распространяется не только на территорию РСФСР, но, на основании

существовавших между республиками Союза договорных отношений, и на все союзные и автономные республики и области» [1, с. 22].

Позже Основы законодательства Союза ССР и Союзных Республик о труде (1970 г.)¹, хотя и не содержали статьи, посвященные исчислению сроков, однако, в целом ряде статей термин «срок» непосредственно употреблялся, например, в ст. 10 «Срок трудового договора», ст. 45 «Сроки выплаты заработной платы», ст. 90 «О сроках обращения за разрешением трудовых споров». Кроме того, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1970 г. «О порядке введения в действие Основ законодательства Союза ССР и Союзных Республик о труде»², в котором содержались нормы о сроках вступления в действие Основ (ст. 2–4).

Далее в КЗоТе РСФСР 1971 г. содержалась ст. 222 «Исчисление сроков, предусмотренных настоящим Кодексом». Анализируя КЗоТ РСФСР 1971 г. и иные нормативные правовые акты о труде, В.Д. Мордачев, сделал вывод о том, что они устанавливаются различными способами: 1) календарной датой; 2) периодом времени; 3) указанием на событие; 4) продолжительностью совершения отдельных юридических действий; 5) через указание на сроки иных отраслей права, что, в свою очередь, обеспечивает необходимую степень детализации правовых предписаний (возможностей) и отражает конкретность определенного содержания юридических норм. Наличие названных способов В.Д. Мордачев связывает, прежде всего, со сложным характером трудовых правоотношений, а также с созданием необходимых условий для правильного их исчисления и применения, что способствует укреплению трудовых правоотношений [2, с. 6–7]. Подобная позиция позже была высказана А.З. Доловой [3, с. 15].

По мнению исследователя этого же периода П.И. Жигалкина, сроки исчисляются календарными датами или путем указания на событие, которое должно наступить [4, с. 8].

Проведя анализ нормативных актов, содержащих нормы о сроках в трудовом праве до принятия ныне действующего ТК РФ, С.В. Передерин справедливо отмечает, что сроки исчисляются по-разному (эта особенность устанавливается в отношении материальных и процессуальных сроков). Для определения их временных рамок законодатель использует: календарные даты; периоды времени; указания на события; продолжительность совершения конкретных юридических действий; указания на сроки иных отраслей права. Говоря о процессуальных сроках в трудовом праве, С.В. Передерин обращает внимание на то, что они регламентируются либо точной календарной датой, либо периодом в календарных днях, либо указанием на событие, которое должно наступить [5, с. 256–266].

Правила исчисления сроков определяются в ст. 14 ТК РФ:

1. Течение сроков, с которыми ТК РФ связывает возникновение трудовых прав и обязанностей, начинается с календарной даты, которой определено начало возникновения указанных прав и обязанностей. Так, Н. обратилась в суд с иском к ФАУ «РосКапСтрой» о взыскании заработной платы, компенсации за задержку выплаты заработной платы. Свои требования истец обосновывает тем, что работала у ответчика с 14.01.2015 г. по 05.04.2016 г. в должности главного бухгалтера. Заработная плата согласно разделу 4 трудового договора № 2 от 14.01.2015 г.

¹ См.: Закон СССР от 15 июля 1970 г. «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» // Ведомости ВС СССР. 1970. № 29, ст. 265.

² См.: Ведомости ВС СССР. 1970. № 48, ст. 514.

включала в себя: основную заработную плату (оклад, тарифную ставку), а также надбавки, доплаты, премии и другие вознаграждения в соответствии с системой оплаты труда, действующей у ответчика. Суд отметил, что согласно ч. 1 ст. 14 ТК РФ течение сроков, с которыми связывается возникновение трудовых прав и обязанностей, начинается с календарной даты, которой определено начало возникновения указанных прав и обязанностей. С учетом вышеприведенных норм права следует, что началом течения срока для обращения в суд по спору, связанному с взысканием заработной платы, является день, когда работнику стало известно о невыплаченной заработной плате³.

2. Течение сроков, с которыми ТК РФ связывает прекращение трудовых прав и обязанностей, начинается на следующий день после календарной даты, которой определено окончание трудовых отношений⁴.

3. Сроки, исчисляемые годами, месяцами, неделями, истекают в соответствующее число последнего года, месяца или недели срока. В срок, исчисляемый в календарных неделях или днях, включаются и нерабочие дни⁵.

4. Если последний день срока приходится на нерабочий день, то днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день. Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что суды общей юрисдикции по-разному трактуют данную норму, что, по нашему мнению, обусловлено возможностью заключения трудового договора как на неопределенный, так и на определенный срок. Например, при рассмотрении иска «О признании приказа о прекращении трудового договора по ч. 1 ст. 71 ТК РФ в связи с неудовлетворительным результатом испытания» Ставропольский краевой суд в своем Апелляционном определении от 18 января 2017 г. указал, что приказом об увольнении истец уволен 31 декабря 2015 г., однако т.к. 31 декабря 2015 г. был нерабочим днем, работодателем тем самым нарушена ч. 4 ст. 14 ТК РФ⁶.

Представляется, что особенность ныне действующего ТК РФ состоит в том, что он, по сравнению с кодексами законов о труде 1918, 1922 и 1971 гг., содержит еще

³ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 10 марта 2017 г. № 33-8565/2017.

Требование: О взыскании заработной платы, компенсации за задержку выплаты заработной платы. Обстоятельства: Истица работала у ответчика, считает, что при расчете заработной платы ответчиком допускались нарушения законодательства о труде, ей не в полном объеме выплачивались заработная плата и суммы при увольнении. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2014 г. № 5-КГ14-10. Требование: О восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, признании недействительной записи в трудовой книжке, компенсации морального вреда.

Обстоятельства: Лицо, непосредственно обслуживающее денежные или товарные ценности, может быть уволено в связи с совершением виновных действий, если эти действия дают основание для утраты доверия к нему со стороны работодателя.

Решение: Дело направлено на новое рассмотрение, т.к. не учтены все обстоятельства, послужившие причиной пропуска истцом срока на обращение в суд с иском о восстановлении на работе. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1200-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Владислава Павловича на нарушение его конституционных прав положением части третьей статьи 14 Трудового кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 18 января 2017 г. по делу № 33-403/2017. Обстоятельства: Определением производство по делу о признании приказа о прекращении (расторжении) трудового договора (увольнении) не законным, восстановлении на работе в должности главного механика прекращено в связи с имеющимся вступившим в законную силу решением суда, принятым по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям. Решение: Определение оставлено без изменения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и ст. 12 «Действие законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, во времени». Включение данной статьи в ТК РФ имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку представляет собой вторую составляющую часть механизма правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, которая с помощью правовых средств (норм права) определяет временные рамки действия законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. В законодательстве это закреплено в следующих правилах:

установление в законе или ином нормативном правовом акте дня его вступления в силу. Например, в соответствии со ст. 420 ТК РФ Кодекс был введен в действие с 1 февраля 2002 г. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ ТК РФ был дополнен гл. 53.1. «Особенности регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)». Однако, ст. 7 названного Федерального закона было предусмотрено, что он вступает в силу только с 1 января 2016 г.;

возможность прекращения (истечение срока, вступление в силу другого акта равной или высшей юридической силы; отмена (признание утратившими силу) данного акта либо отдельных его положений актом равной или высшей юридической силы) действия закона или иного нормативного правового акта. Например, в соответствии с Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ в ст. 2 этого Закона, прежде всего, признаны недействующими на территории Российской Федерации 39 нормативных правовых актов Советского Союза и 16 нормативных правовых актов Российской Федерации. Настоящий Федеральный закон вступил в силу по истечении 90 дней после дня его официального опубликования;

возможность прекращения (истечение срока, вступление в силу другого акта равной или высшей юридической силы; отмена (признание утратившими силу) действия отдельных положений закона или иного нормативного акта. Например, в соответствии с Федеральным законом от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу Латинскими ФИФА, Кубка конфедераций ФИФА 2017 г. и внесении изменений в отдельные законодательные акты»⁸ предусмотрены ограничения действия норм ст. 112, 150, 152, 153, 351.1, 351.2 которые не применяются в отношении работников ФИФА, дочерних организаций ФИФА, контрагентов ФИФА, конфедераций, национальных футбольных ассоциаций, Российского футбольного союза, Оргкомитета «Россия – 2018», его дочерних организаций, трудовая деятельность которых связана с осуществлением мероприятий по подготовке и проведению в Российской Федерации спортивных соревнований — Чемпионата мира по футболу ФИФА 2018 г. и Кубка Конфедерации ФИФА 2017 г.;

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 19, ст. 2321.

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 23, ст. 2866.

после введения в действие закона или иного нормативного правового акта он применяется только к вновь возникшим трудовым и иным непосредственно связанным с ними отношениям⁹.

применение закона или иного нормативного правового акта на отношения, возникшие до введения его в действие, допускается только в случае прямого указания закона. Так, ст. 421 ТК РФ закрепляет правило о том, что сроки поэтапного повышения минимального размера оплаты труда до размера, предусмотренного ч. 1 ст. 133 ТК РФ, устанавливаются Федеральным законом. С 1 июня 2017 г. Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 460-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона „О минимальном размере оплаты труда”»¹⁰ установлен минимальный размер оплаты труда в РФ 7 800 руб. в мес., а с 1 мая 2018 г. 11 163 руб., т.е. в размере прожиточного минимума¹¹.

Таким образом, нормы, определяющие время действия, применяются в отношении: трудового законодательства (включая законодательство об охране труда), включающим ТК РФ, иные федеральные законы и законы субъектов РФ, содержащие нормы трудового права; иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; указов Президента РФ; Постановлений Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти; нормативных правовых актов органов исполнительной власти субъектов РФ; нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Что касается коллективных договоров и соглашений по социально-трудовым вопросам, то их действие во времени определяется сторонами (ст. 12, 43, 48 ТК РФ). Например, в коллективном договоре между Работодателем и Работниками Федерального государственного бюджетного учреждения науки Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского Российской академии наук на период «24» октября 2016 — «24» октября 2019 гг.¹² Установлено, что коллективный договор заключен сроком на 3 года, вступает в силу со дня подписания и действует в течение всего срока. Стороны имеют право продлевать действие Коллективного договора на срок не более 3 лет (п. 13.1). Важным является и то, что Стороны договорились, что текст Коллективного договора должен быть доведен Работодателем до сведения Работников в течение 10 дней после его подписания (п. 13.5).

В отношении локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права, установлены следующие временные правила:

1) действуют со дня принятия работодателем, например, Правила внутреннего трудового распорядка ГБУК ЛО «Староладожский историко-архитектурный и

⁹ См.: Апелляционное определение Псковского областного суда от 24 июля 2012 г. по делу № 33-1150. Иск о взыскании денежных средств, затраченных на обучение, удовлетворен в части суммы, т.к. невыполнение истцом обязанности принять ответчика на работу, соответствующую уровню и профилю его профессионального образования, не является обстоятельством, освобождающим ответчика от компенсации истцу расходов по его обучению, поскольку требование о переводе на работу по имеющейся специальности ответчиком не заявлено. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 52, ч. 5, ст. 7509.

¹¹ См.: Федеральный закон от 7 марта 2018 г. № 41-ФЗ «О внесении изменения в ст. 1 Федерального закона о минимальном размере оплаты труда» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 11, ст. 1576.

¹² URL: http://www.sgm.ru/DOWNLOAD/ABOUT/kollektivnyj_dogovor.pdf (дата обращения: 29.04.2018).

археологический музей-заповедник»¹² утверждены приказом директора музея-заповедника от 5 октября 2012 г. № 123;

2) действуют со дня, указанного в локальном нормативном акте, например, Правила внутреннего трудового распорядка Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный русский музей (Русский музей)»¹³ утверждены приказом директора от 30 ноября 2015 г. № 399 и введены им в действие с 1 февраля 2016 г.;

3) применяются к отношениям, возникшим после их введения;

4) прекращают свое действие в связи с истечением срока действия; отменой (признанием утратившими силу) данного локального нормативного акта либо отдельных его положений другим локальным нормативным актом; вступлением в силу закона или иного нормативного правового акта, содержащего нормы трудового права, коллективного договора, соглашения (в случае, когда указанные акты устанавливают более высокий уровень гарантий работникам, по сравнению с установленным локальным нормативным актом).

На основании проведенного нами исследования правил об исчислении сроков, законодательства о труде, судебной практики считаем, что системный институт трудового права «Временные нормы и сроки в трудовом праве» включает в себя нормы, содержащиеся в ст. 10, 12, 14, 420–424 ТК РФ.

Анализ становления и развития норм, включенных в эти статьи, свидетельствует о том, что массив данных норм остается стабильным с момента вступления ТК РФ в силу. Единственным исключением из этого положения являются нормы, содержащиеся в ст. 10 и 12 ТК РФ, которые в соответствии с Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений) законодательных актов Российской Федерации»¹⁴, а также наименование и норма ст. 421 ТК РФ, которые были изменены на основании Федерального закона от 20 апреля 2007 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда и другие законодательные акты Российской Федерации»¹⁵. Эти изменения свидетельствуют об относительной стабильности норм, включаемых в рассматриваемый системный институт о временных нормах и сроках в трудовом праве.

Рассмотренные законы Российской империи, трудовое законодательство советского периода и действующее законодательство РФ, материалы правоприменительной практики и теоретические исследования о возникновении, становлении и развитии норм о сроках в трудовом праве позволяют прийти к выводу о необходимости дополнения ТК РФ главой 1.1. «Временные нормы и сроки в трудовом праве».

Библиографический список

1. *Варшавский К.М.* Трудовое право СССР. Л.: «ACADEMIA», 1924. 177 с.

¹² См.: Правила внутреннего трудового распорядка ГБУК ЛО «Староладожский историко – архитектурный и археологический музей – заповедник». URL: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/of/pub304/> (дата обращения: 29.07.2017).

¹³ См.: Русский музей. URL: <http://www.rusmuseum.ru/upload/vnutr-raspor.pdf> (дата обращения: 29.07.2017).

¹⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 27, ст. 2878.

¹⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 17, ст. 1930.

2. *Мордачев В.Д.* Сроки в советском трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. 18 с.
3. *Долова А.З.* Сроки в договорах трудового права России и защите трудовых прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 26 с.
4. *Жигалкин П.И.* Правовое регулирование сроков в трудовых отношениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1974. 23 с.
5. *Передерин С.В.* Процедурно-процессуальный правовой механизм обеспечения трудовых прав наемных работников. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. 288 с.

References

1. *Varshavsky K.M.* Labor Law of the USSR. Leningrad: ACADEMIA, 1924. 177 p.
2. *Mordachev V.D.* Terms in the Soviet Labor Law. Extended abstract. dis ... cand. of law. Sverdlovsk, 1972. 18 p.
3. *Dolova A.Z.* Terms in the Contracts of Labor Law of Russia and Protection of Labor Rights. Extended abstract. dis ... cand. of law. M., 1998. 26 p.
4. *Zhigalkin P.I.* Legal Regulation of Terms in Labor Relations. Extended abstract. dis ... cand. of law. Kharkov. 1974. 23 p.
5. *Perederin S.V.* Procedural and Procedural Legal Mechanism for Ensuring the Labor Rights of Employees. Voronezh: Publishing house Voronezh. Univ., 2000. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте: журнал-вестник.рф.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://журнал-вестник.рф>